

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 (13)

2015

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)

Х.А. Амирханов — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)

И. Бальдауф — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)

П. Георгиев — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)

Е.П. Казаков — доктор исторических наук (Казань, Россия)

Н.Н. Крадин — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)

А. Тюрк — PhD (Будапешт, Венгрия)

И. Фодор — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)

В.Л. Янин — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых — кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев — доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Б.Л. Хамидуллин — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бултерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2015

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2015

© Журнал «Поволжская археология», 2015

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2015

© Mari State University, 2015

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

<i>Глушкова Т.Н.</i> Особенности археологических текстильных материалов и способы их атрибуции.....	6
<i>Орфинская О.В.</i> Проблемы реконструкции одежды на основе результатов исследования археологического текстиля	17
<i>Алтынбекова Д.К.</i> Консервация и реставрация археологического текстиля из потревоженных алтайских курганов раннего железного века.....	31
<i>Царева Е.Г.</i> Парадное платье ахеменидской знати VI–V вв. до н.э. (по материалам находок из 5-го Пазырыкского кургана и синхронных ахеменидскому времени изобразительных памятников)	54
<i>Федотова Ю.В., Сеницына Н.П., Орфинская О.В., Визгалова М.Ю.</i> Реставрация и исследования археологического текстиля периода Золотой Орды из захоронения болгарской женщины (конец XIV в.)	74
<i>Орфинская О.В., Шапиро Б.Л.</i> Золотные ткани и золотосеребряное кружево в женских головных уборах XVIII века: результаты исследования археологического текстиля из Нижнего Новгорода	92
<i>Газимзянов И.Р.</i> Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг.	112
<i>Губайдуллин А.М.</i> Методика реконструкции оборонительных сооружений городищ X–XVI веков Среднего Поволжья	125
<i>Бредников К.И., Хасанов Д.И., Утемов Э.В., Насыртдинов Б.М.</i> Геофизические исследования на территории Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника в 2014 г.	144
<i>Руденко К.А., Бугарчёв А.И.</i> Археологические и нумизматические находки из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ).....	156
<i>Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Беговатов Е.А., Ситдинов А.Г.</i> Археометрические исследования серебряных монет Волжской Булгарии X века (предварительные результаты).....	176
<i>Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.</i> По страницам доклада В.А. Гордцова «Скрытая энергия археологических памятников»	189
<i>Недашковский Л.Ф.</i> Классификация погребальной обрядности грунтовых могильников округа Царевского городища.....	205

<i>Юдин Н.И.</i> Поливная керамика производства Юго-Восточного Крыма из раскопок Царевского городища	214
<i>Шайдуллин Р.В., Салахиев Р.Р., Галимуллина Г.Х., Ситдииков А.Г., Абдуллин Х.М., Валиев Р.Р.</i> Татарская энциклопедистика: тенденции и перспективы	227
<i>Абдуллин Х.М., Измайлов И.Л., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.</i> Энциклопедический словарь по археологии Татарстана: концептуальные проблемы.....	236

Критика и библиография

<i>Хузин Ф.Ш.</i> Рецензия на книгу: А.Н. Сарапулов. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. Науч. ред. проф. А.М. Белавин. Пермь, 2015. 170 с.	249
---	-----

Хроника

<i>Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Дроздова Г.И., Мухаметшина А.С., Ситдииков А.Г.</i> 10 лет Музею археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ	256
<i>Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М.</i> О работе II Международной полевой Археологической школы	264
<i>Хузин Ф.Ш., Измайлов И.Л.</i> Слово о юбиляре (к 65-летию Р.Ф. Шарифуллина).....	268
Список сокращений	274
Правила для авторов	279

CONTENTS

Research and publication

<i>Glushkova T.N.</i> Peculiarities of Archaeological Textile Materials and Methods of Attribution	6
<i>Orfinskaya O.V.</i> Problems of Clothes Reconstruction Based on Archaeological Textile Fabrics Research Results.....	17
<i>Altynbekova D.K.</i> Conservation and Restoration of Archaeological Textiles from the Disturbed Altai Burial Mounds of the Early Iron Age	31
<i>Tsareva E.G.</i> Ceremonial Dress of Achaemenid Nobility in the 5–4 th Centuries BC (Based on Findings from the 5 th Pazyryk Burial Mound and Iconic Monuments Synchronous to the Achaemenid Time).....	54
<i>Fedotova Yu.V., Sinitsyna N.P., Orfinskaya O.V., Vizgalova M.Yu.</i> Restoration and Research of the Archaeological Fabric from Burial of the Bulgarian Woman of the Golden Horde Period (the End of the 14 th Century)	74
<i>Orfinskaya O.V., Shapiro B.L.</i> Gold-Metallic Textiles and Gold-Silver Lace in the 18 th Century Women’s Headwear: Research Results of the Archaeological Textiles from Nizhny Novgorod.....	92
<i>Gazimzyanov I.R.</i> The Population of Medieval Bolgar in the Light of Craniology Data. Preliminary Results Based on Materials of 2010–2013 Excavations.....	112
<i>Gubaidullin A.M.</i> Reconstruction Technique for Defensive Works of 10 th –16 th -Century Hillforts in the Middle Volga Region	125
<i>Brednikov K.I., Khasanov D.I., Utemov E.V., Nasyrtidinov B.M.</i> Geophysical Investigations in the Territory of the Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve in 2014	144
<i>Rudenko K.A., Bugarchyov A.I.</i> Archaeological and Numismatic Findings from the Vicinity of Bolshiye Atrjasi Village (Tetjushy District of Tatarstan Republic).....	156
<i>Khramchenkova R.Kh., Begovatov E.A., Shaykhutdinova, E.F., Sitdikov A.G.</i> Archaeometrical Studies of 10 th -Century Silver Coins From Volga Bulgaria (Preliminary Results)	176
<i>Kuzminykh S.V., Belozeroval I.V.</i> Selected Pages from V.A. Gorodtsov’s Report on “Hidden Energy of Archaeological Monuments”	189
<i>Nedashkovsky L.F.</i> Classification of Burial Rituals at Cemeteries Without Mounds in the Vicinity of the Tsarev Hillfort Site.....	205
<i>Iudin N.I.</i> Glazed Pottery Produced in the Southeastern Crimea from the Excavations of the Tsarev Hillfort Site.....	214

<i>Shaydullin R.V., Salakhiyev R.R., Galimullina G.H., Sitdikov A.G., Abdullin H.M., Valiev R.R.</i> Tatar Encyclopaedic Study: tendencies and prospects.....	227
<i>Abdullin Kh.M., Izmaylov I.L., Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh.</i> Encyclopaedic Dictionary on the Archaeology of Tatarstan: conceptual problems	236

Criticism and bibliography

<i>Khuzin F.Sh.</i> Book Review: A.N. Sarapulov. Medieval Land Cultivation in the Perm Urals Region According to Archaeological Data. Ed. by Prof. A.M. Belavin, Perm, 2015, 170 p.	249
--	-----

Chronicle

<i>Abdullin Kh.M., Baranov V.S., Drozdova G.I., Mukhametshina A.S., Sitdikov A.G.</i> 10 th Anniversary of Tatarstan Archaeology Museum with the Institute of Archaeology Named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences	256
<i>Sitdikov A.G., Vyazov L.A., Makarova E.M.</i> On the Work of the 2 nd International Archaeological Field School	264
<i>Khuzin F.Sh., Izmaylov I.L.</i> Words of Congratulation on the Jubilee (R.f. Sharifullin's 65 th Birth Anniversary)	268

List of abbreviations	274
Submissions	279

Статьи

УДК 903.2

ОСОБЕННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТИЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И СПОСОБЫ ИХ АТРИБУЦИИ

© 2015 г. Т.Н. Глушкова

Рассматриваются характерные особенности текстильных материалов, обнаруженных в разных археологических памятниках при разных условиях археологизации. На ряде примеров показано, каким образом определенные условия пребывания текстиля в почве видоизменяют сами ткани. Всё это следует учитывать при их атрибуции, реставрации и дальнейшем хранении. Древние ткани, как правило, незнакомы современным исследователям, за исключением узких специалистов, и это также требует особой тщательности при определении типа и технологических характеристик артефактов. Анализируются методы атрибуции древних текстильных материалов, которые основаны на тщательном описании технологических характеристик текстиля и сопоставлении этих признаков с имеющимися описаниями тканей в специальных каталогах или музейных коллекциях, а также с данными этнографии и сведениями письменных источников.

Ключевые слова: археология, археологический текстиль, археологизация, технологические признаки, методы атрибуции, кодирование образцов.

Археологический текстиль – это все находки текстильных материалов, обнаруженные в процессе раскопок археологических памятников. Как правило, это фрагментарные материалы, часто их можно описать как случайные или уникальные из-за специфичных условий, в которых они сохранились.

Многие особенности археологического текстиля связаны с его сохранностью. Если разрушение исторического текстиля связано, как правило, с некомфортными условиями хранения в фондах музеев (разрушение под действием света, воздействие моли для шерстяных вещей и т.д.), то археологический текстиль испытывает сильное воздействие природной среды в процессе археологизации в зави-

симости от условий хранения.

Мерзлота создает наиболее благоприятные условия для консервации и сохранения всех органических материалов, к которым также относится текстиль. В таком состоянии артефакты не разрушаются или разрушаются незначительно. Если после захоронения и нахождения в почве какое-то время проходили процессы гниения и разрушения органики, то в момент замерзания они прекращаются, и текстиль доходит до археологов в том виде, который получил на этапе замерзания. Как правило, это хорошо сохранившиеся образцы тканей, плетения, вязания, витых и вязаных изделий и т.д. У них хорошо прослеживается структура полотна, практически не измененные характеристики

нитей, структуры и фактуры поверхности. Возможны изменения сырья в той степени, которые происходили в процессе гниения, а также после извлечения из погребений или культурного слоя поселений и жилищ (пересушенные волокна, потерявшие свою первоначальную эластичность, частично деструктурированные и т.д.). В качестве примера можно привести такие археологические памятники, как Пазырык (Руденко, 1953; 1960; Лубо-Лесниченко, 1958; 1961 и др.), курганы плоскогорья Укок на Алтае (Полосьмак, Баркова, 2005; Царева, 2006), курган Аржан (Пламеневская, 1973), Мангазея (Визгалов, Пархимович, 2006) и Старотуруханск на севере Сибири (Глушкова, Шулаева, 2013) и др.

Сухой жаркий климат способствует сохранению текстильных изделий, но приводит к значительному пересушиванию. Сохранность образцов хорошая, так как в этих условиях создаются неблагоприятные условия для жизнедеятельности микроорганизмов (отсутствие воды, необходимой для жизни), разрушающих органику. Это хорошо известный памятник Мошевая балка, находки текстиля в Египте и др. (Иерусалимская, 1961; 1992; Доде, 2001 и др.) и др.

Условия сохранения в грунтовом могильнике, в курганах, если отсутствует мерзлота, в целом неблагоприятны для состояния текстильных изделий, так как органика уничтожается различными микроорганизмами в процессе брожения, гниения, под действием почвенных кислот и т.д. В этих случаях, как правило, сохраняются текстильные образцы, пропитанные окислами меди, серебра и других металлов. Это фрагменты тканей,

вязаний или плетений, в довольно хорошем состоянии, но их цвет может быть видоизменен, а размеры определяются той площадью, на которую распространилось действие окислов металлов. Лучше сохраняются шерстяные и шелковые нити и изделия из них, хуже – нити и изделия из растительного сырья. Возможно, это связано с их более быстрым разрушением под влиянием почвенных кислот и микроорганизмов из-за структуры и состава текстильных волокон. Примеры подобных памятников: погребальные комплексы средневековья и нового времени финно-угров в Приуралье (Ефимова, 1956; Елкина А., Елкина И., 2005; Орфинская, 2005 и др.), обских угров и селькупов на севере Западной Сибири (Боброва, Яковлев, 1994; Глушкова, 2002), где текстиль сохранился благодаря соседству с бронзовыми украшениями на поясе, груди или головном уборе.

Текстильные материалы, оказавшиеся в непосредственной близости к железным предметам, «ожелезняются», т.е. покрываются окислами железа, как бы нарастающими на нитях или полотне в целом. Это сильно затрудняет дальнейшую работу с подобными текстильными образцами: сложно, а иногда и невозможно, бывает определить характеристики нитей, структуры полотна и фактуры поверхности (Глушкова, 2002).

В качестве особого случая, видимо, следует рассматривать примеры, когда текстильные материалы сохраняются в благоприятных условиях замкнутых пространств (гробницы с плотно притертыми краями камней, колоды из кедра, лиственницы, сосны, завернутыми в бересту и т.д.). Все это способствует созданию микросреды

с устоявшимися характеристиками температуры, влажности, определенного набора микроорганизмов. В этих условиях органические материалы могут храниться в первоначальном состоянии длительное время, пока сложившееся равновесие всех этих факторов не будет нарушено каким-либо образом. Примеры подобных случаев: захоронения в Софийском соборе г. Новгорода (Якунина, 1949), мавзолеях Средней Азии (Кононов, 1958), подмосковных монастырях (Елкина И., 2008; Синицына, 2009; Орфинская, 2009; и др.), погребальный комплекс XVII–XIX вв. в Горноправдинске под г. Ханты-Мансийском (Глушкова, Зайцева, 2010), находки «заместителей погибших» в могильниках Томско-Нарымского Приобья (Боброва, 2001 и др.) и т.д.

Особенность сохранения текстильных образцов на поселенческих комплексах или городищах заключается в их особом характере – это, как правило, уже пришедшие в негодность изделия, выброшенные в межжилищное пространство или случайно потерянные. Здесь очень велик элемент случайности, который необходимо учитывать при исследовании подобных материалов. Кроме того, часто мы получаем текстиль с разрушенной или видоизмененной структурой, неточными характеристиками нитей и т.д. Примеры подобных находок археологического текстиля: Старая Рязань (Якунина, 1947; 1949), г. Тара (Богомоллов, 1996), Мангазея (Визгалов, Пархимович, 2006), Старотуруханск (Глушкова, Шулаева, 2013), Тобольский кремль (Матвеев, Глушкова, 2011) и др.

Видоизмененный таким образом практически во всех описанных слу-

чаях текстиль должен исследоваться с учетом условий хранения на протяжении длительного периода (Методика исследования, 2011). Он имеет свои особенности, которые должны быть учтены в случае его находок и извлечения из почвы, описания и создания обобщенной характеристики. Все это очень важные и сложные вопросы, связанные с организацией работы реставраторов по сохранению и консервации древних текстильных образцов, исследователей древних артефактов.

Однако не менее важный вопрос, связанный с его изучением, – это вопрос атрибуции текстильных изделий: текстиль такого вида, особенно древний и средневековый, как правило, неизвестен современным исследователям или известен кругу только очень узких специалистов. Кроме того, играют свою роль и условия сохранности текстильных фрагментов. Например, отсутствие кромок в полотне ткани и фрагментарность образцов в целом делает гипотетическим определение направления нитей основы и утка. Многие характеристики структуры и внешнего вида волокон могут быть видоизменены, сами изделия, нити и текстильные волокна пропитаны «культурной грязью» культурного слоя, деструктурированы и изломаны, что затрудняет определение сырья и т.д.

Все это создает сложности для идентификации сырья, характеристик нитей, структуры текстильных полотен и определения его названия, т.е. атрибуции. Под *атрибуцией* в данном случае будет пониматься определение названия текстильного образца по существенным признакам, его постоянным свойствам. Особенно важно атрибутировать ткани или плете-

ные и вязаные образцы, относящиеся к позднему средневековью и новому времени, так как для этого времени известны исторические источники, содержащие названия тканей или других текстильных материалов. Атрибуция текстиля в этом случае делает возможной сопоставление информации из археологических памятников и исторических источников, а также данных этнографии, что может привести к значительному увеличению информативности источников разного вида и получению более полного знания о текстильных центрах, текстильной традиции, передвижении тканей по торговым путям и т.д.

В свою очередь, свойства текстильных артефактов во многом определяются такими признаками, как характеристики сырья, нитей, структуры и фактуры полотна. Все эти существенные признаки, как видно из их перечня, являются технологическими и традиционно определяются в процессе специального изучения текстильных материалов специалистами.

Как видно из предыдущего текста, атрибуция текстильных образцов из археологических памятников затруднена несколькими объективными и рядом субъективных факторов, связанных с квалификацией исследователя, состоянием и мощностью его инструментария и т.д. Однако, как правило, если получена информация технологического свойства, становится возможным хотя бы частичное определение и отнесение текстильных образцов к соответствующему виду тканей, плетений, вязания. Даже неполная характеристика или примерное (приблизительное) название текстильного образца – важный результат в процессе его изучения. Все это

может быть уточнено и развито при дальнейшем исследовании, привлечении разнообразных данных исторических, этнографических и других источников информации.

Существует определенная процедура, целью которой является атрибуция неизвестного или неузнаваемого с первого взгляда текстиля. Важную роль в этой процедуре играют технологические характеристики, которые могут быть получены в процессе материаловедческого и структурного исследования текстиля. Полная технологическая характеристика позволяет сопоставить эти артефакты с информацией, имеющейся в специальных указателях, путеводителях по выставкам или каталогах (напр., Клейн, 1925; 1926; Каталог тканей, 2013 и др.), словарях, описаниях технологии изготовления текстиля традиционным способом по этнографическим материалам (Лебедева Н.И., 1956 и др.) или специальных исследованиях, проведенных на основе изучения исторических источников (Вилков, 1967; Щитова, 2007 и др.). В каталогах и указателях, как правило, также представлена технологическая информация о признаках, по которым один вид ткани отличается от другого. При использовании метода технологической аналогии становится возможным сопоставление признаков археологического текстиля и данных путеводителей и каталогов. Поэтапное сопоставление имеющейся информации по разным признакам с учетом уже описанных особенностей археологического текстиля делает возможной атрибуцию древних текстильных материалов.

Представляет некоторые трудности в этом случае использование

разных способов и систем описания текстиля в указателях, каталогах и по результатам исследования археологических материалов, т.е. «трудности перевода» имеющейся информации в единую информационную систему. Так, этнографы, как правило, описывают внешний вид текстильных изделий, название тканей (часто местное), способы их использования и достаточно мало уделяют внимания технологическим характеристикам. В этом случае потребуются дополнительные исследования по «кодированию» тканей из этнографических коллекций фондов музеев с помощью технологических признаков. Часто то же самое происходит и с информацией из исторических источников.

К счастью, в отечественной этнографии имеются специальные ра-

боты, которые облегчают систему «кодирования» информации о текстиле в технологических характеристиках. Это работы В. Клейна, Е.В. Арсеньевой, О.Г. Гордеевой, Л.В. Ефимовой, М.А. Кузнецовой, А.А. Иерусалимской и др. (Клейн, 1925; 1926; Арсеньева, 1997; Гордеева, Ефимова, 2004; Иерусалимская, 2005 и др.). Они составляют «золотой фонд» для современного исследования археологического текстиля.

По сути, для атрибуции археологического текстиля практически все указанные в статье исследователи используют метод аналогии через соотнесение технологических признаков изучаемого материала с подобной информацией из справочной литературы, не всегда рефлексируя на эту тему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсеньева Е.В.* Старинные узорные ткани России XVI – начала XX века (из фондов Государственного исторического музея). – М.: Редакционно-издательский центр ГИМ, 1997. – 160 с.
2. *Боброва А.И.* Берестяные свертки с куклами из Тискинского могильника // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы 12 Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф.* – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. – С. 9–10.
3. *Боброва А.И., Яковлев Я.А.* К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс // *Кузнецкая старина.* – Новокузнецк: Изд-во “Кузнецкая крепость”, 1994. – С. 61–90.
4. *Богомолов В.Б.* Ткани XVII в. тюркского населения бассейна р. Тары // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* – Т. 1. – Новосибирск, 1996. – С. 112–116.
5. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Глушкова Т.Н., Киреева Е.В., Сутула А.В.* Текстиль Мангазеи (начало XVII в.) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Евразии.* – 2006. – № 1 (25). – С. 117–131.
6. *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – М.: Наука, 1967. – 324 с.
7. *Глушкова Т.Н.* Археологические ткани Западной Сибири. – Сургут: РИО Сургут. гос. пед. ин-та, 2002. – 206 с.
8. *Глушкова Т.Н., Зайцева Е.А.* Текстильные материалы XVIII–XIX вв. из могильника Горноправдинский // *II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов.* – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Изд. дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 238–239.
9. *Глушкова Т.Н., Шулаева А.Н.* Сравнительная характеристика текстильных материалов из Мангазеи и Старотуруханского городища

(XVII в.) // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Материалы Всероссийской научной археологической конференции. – Екатеринбург; Сургут: Изд-во Магеллан, 2013. – С. 238–242.

10. Гордеева О., Ефимова Л., Кузнецова М. Русские узорные ткани XVII – начало XX века. – М.: АЛЬФА-ДИЗАЙН, 2004. – 224 с.

11. Доде З.В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – С. 117–127.

12. Ефимова Л.В. Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н.э. // КСИА. – М.: Наука, 1966, – Вып. 107. – С. 127–134.

13. Елкина А.К., Елкина И.И. Исследование текстиля из Никитинского могильника (из раскопок 1977 г) // Никитинский могильник. Труды Отдела охранных раскопок. – М., 2005. – С. 141–146.

14. Елкина И.И. Волосники XVI–XVII вв. из погребений Зачатьевского монастыря в Москве // РА. – 2008. – № 2. – С. 142–149.

15. Елкина И.И. Текстильные находки и плетеные изделия // Археология Романова двора. – М., 2009. – С. 151–161.

16. Иерусалимская А.А. Шелковая ткань с Бахрамом Гуром из мог. Мошечая Балка // Тр. Гос. Эрмитажа. – Л., 1961. – Т. V. – С. 40–50.

17. Иерусалимская А.А. Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. – СПб., 1992. – 70 с.

18. Иерусалимская А.А. Словарь текстильных терминов. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. – 96 с.

19. Каталог тканей, бытовавших в России и Сибири в XVII–XIX вв. (историко-технологическое описание) / Сост. Т.Н. Глушкова, А.Н. Шулаева. – Тюмень: Аксиома, 2013. – 67 с.

20. Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в. и их терминология // Сорник Оружейной палаты. – М., 1925. – С. 5–64.

21. Клейн В. Путеводитель по выставке тканей VII–XIX вв. в собрании ГИМ. – М., 1926. – 16 с.

22. Кононов В.Н. Анализ ткани савана из детского погребения в склепе Ширатхана // Мавзолей Ширатхана. – Ташкент, 1958. – С. 139–141.

23. Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян // Тр. ИЭ АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. XXI. – С. 459–540.

24. Лубо-Лесниченко Е.И. Камчатая ткань МР 1068 из раскопок в Ноин-Ула // СГЭ. Л., 1958. – Вып. 13. – С. 64–65.

25. Лубо-Лесниченко Е.И. Древние китайские шелка и вышивки V в. до н.э. – III в. н.э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. – 67 с.

26. Матвеев А.В., Глушкова Т.Н., Аношко О.М. Остатки текстильных изделий в материалах раскопок на Верхнем посаде Тобольска // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Методика исследования археологического текстиля. – Тюмень: Изд-во ИПОС, 2011. – С. 218–220.

27. Методика исследования археологического текстиля (опыт обобщения): научно-методическое пособие / Глушкова Т.Н., Елкина А.К., Елкина И.И. – Сургут: РИО Сургут. гос. пед. ун-та, 2011. – 149 с.

28. Орфинская О.В. Исследования одежды и тканей из женского погребения золотоордынского времени // VI Грабаревские чтения: Доклады, сообщения. – М.: Сканрус, 2005. – С. 162–176.

29. Орфинская О.В. Методы исследования тканей и реконструкция одежды // Некрополь русских цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1.

История усыпальницы и методика исследования захоронений. – М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. – С. 195–212.

30. *Орфинская О.В., Голиков В.П., Шишлина Н.И.* Комплексное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей / Труды ГИМ. – Вып. 109. – М., 1999. – С. 58–185.

31. *Пламеневская О.Л.* Некоторые данные о тканях из кургана Аржан // Ученые записки Тувинского ИЯЛИ. – Вып. 17. – Кызыл, 1973. – С. 199–206.

32. *Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.

33. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М., Л.: АН СССР, 1953. – 401 с.

34. *Синицына Н.П.* Реставрация и консервация археологического текстиля и кожи: разработка методики // Некрополь русских цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. – М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. – С. 195–212.

35. *Царева Е.Г.* Каталог тканей из пазырыкских курганов из собрания Государственного Эрмитажа // Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н.э.. Опыт междисциплинарного исследования. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – С. 232–257.

36. *Щитова О.Г.* Лексико-семантические группы названия тканей в томских деловых документах XVII века // Вестник Томск. гос. ун-та. – Томск, 2007. – № 295. – С. 55–62.

37. *Якунина, Л.И.* Фрагменты тканей из Старой Рязани // КСИИМК. – М., 1947. – Вып. 21. – С. 26–28.

38. *Якунина Л.И.* Ткани из раскопок в Софийском Новгородском соборе // КСИИМК. – М., 1949. – Вып. 24. – С. 105–107.

Информация об авторе:

Глушкова Тамара Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет (г. Сургут, Российская Федерация); tam.g@mail.ru

PECULIARITIES OF ARCHAEOLOGICAL TEXTILE MATERIALS AND METHODS OF ATTRIBUTION

T.N. Glushkova

The main peculiarities of textile materials, discovered in different archaeological sites under differing conditions of archaeological transformation are considered in the article. A number of examples serve to demonstrate the way the specific subsurface keeping conditions modify the characteristics of textile fabrics. All this should be taken into account in the process of fabric attribution, restoration and further keeping. As a rule, modern researchers, with the exception of experts, are not quite familiar with ancient textile fabrics; hence special care is needed while determining artefact types and technological characteristics. The article analyzes ancient textile fabrics attribution methods based upon detailed description of technological characteristics and comparison of fabric specific features with available descriptions from specialized catalogues or museum collections, as well as with data from ethnographical studies and written sources.

Keywords: archaeology, archaeological textile fabrics, archaeological transformation, technological characteristics, attribution methods, sample codification.

REFERENCES

1. Arsen'eva, E. V. 1997. *Starinnye uzornye tkani Rossii XVI – nachala XX veka (iz fondov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia) (The Old Figured Textile in Russia in the 16th – Beginning of the 20th Centuries (From the State Historical Museum Fund))*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
2. Bobrova, A. I. 2001. In *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii (The Space of Culture in Archaeological and Ethnographical Dimension of Western Siberia and Neighbour Territories)*. Tomsk: Tomsk State University, 9–10 (in Russian).
3. Bobrova, A. I., Iakovlev, Ya. A. 1994. In *Kuznetskaia starina (Kuznetsk Antiquities)*. Novokuznetsk: "Kuznetskaia krepost'" Publ., 61–90 (in Russian).
4. Bogomolov, V. B. 1996. In *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma (Ethnographical and Archaeological Complexes: the Issues of Culture and Society)* 1. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 112–116 (in Russian).
5. Vizgalov, G. P. Parkhimovich, S. G., Glushkova, T. N., Kireeva, E. V., Sutula, A. V. 2006. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Evrazii (Issues of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Eurasia)* 25 (1), 117–131 (in Russian).
6. Vilkov, O. N. 1967. *Remeslo i torgovlia Zapadnoi Sibiri v XVII veke (The Craft and Trade of Western Siberia in the 17th Century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Glushkova, T. N. 2002. *Arkheologicheskie tkani Zapadnoi Sibiri (Archaeological Textiles of Western Siberia)*. Surgut: Surgut State Pedagogical Institute (in Russian).
8. Glushkova, T. N., Zaitseva, E. A. 2010. In *II Severnyi arkheologicheskii kongress. Tezisy докладov (2nd North Archaeological Convention. Abstracts)*. Khanty-Mansiysk; Yekaterinburg: "IzdatNaukaServis" Publ., 238–239 (in Russian).
9. Glushkova, T. N., Shulaeva, A. N. 2013. In *Arkheologiya Severa Rossii: ot epokhi zheleza do Rossiiskoi imperii (Archaeology of the North of Russia: from the Iron Age to the Russian Empire)*. Yekaterinburg; Surgut: "Magellan" Publ., 238–242 (in Russian).
10. Gordeeva, O., Efimova, L., Kuznetsova, M. 2004. *Russkie uzornye tkani XVII – nachala XX veka (Russian Figured Textile of the 17th – Beginning of the 20th Centuries)*. Moscow: "Al'fa-Dizain" Publ. (in Russian).
11. Dode, Z. V. 2001. In *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of Northern Caucasus)* II. *Arkheologiya, antropologiya, paleoklimatologiya (Archaeology, Anthropology, Paleoclimatology)*. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ., 117–127 (in Russian).
12. Efimova, L. V. 1966. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Archaeology Institute)* 107, 127–134 (in Russian).

13. Elkina, A. K., Elkina, I. I. 2005. In *Nikitinskii mogil'nik: Publikatsiia materialov raskopok 1977–1978 gg. (Nikitinskiy Cemetery. Materials of the 1977–1978 Excavations)*. Proceedings of the Department of Rescue Excavations 3. Moscow: Russian Academy of Sciences, Archaeology Institute, 141–146 (in Russian).
14. Elkina, I. I. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 142–149 (in Russian).
15. Elkina, I. I. 2009. In *Arkheologiia Romanova dvora: predystoriia i istoriia tsentra Moskvy v XII–XIX vekakh (Archaeology of the Romanov's Courtyard: Prehistory and History of the Center of Moscow in 12th – 19th Centuries)*. Materials of Rescue Archaeological Investigations 12. Moscow: Russian Academy of Sciences, Archaeology Institute, 151–161 (in Russian).
16. Ierusalimskaia, A. A. 1961. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum)* V, 40–50 (in Russian).
17. Ierusalimskaia, A. A. 1992. *Kavkaz na shelkovom puti. Katalog vremennoi vystavki (Caucasus on the Silk Road: Catalogue of the Temporary Exhibition)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
18. Ierusalimskaia, A. A. 2005. *Slovar' tekstil'nykh terminov (Dictionary of the Textile Terms)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
19. Glushkova, T. N., Shulaeva, A. N. (comp.). 2013. *Katalog tkanei, bytovavshikh v Rossii i Sibiri v XVII–XIX vv. (istoriko-tehnologicheskoe opisanie) (Catalogue of Textiles Existed in Russia and Siberia in the 17th – 19th Century (Historical and Technological Description))*. Tyumen: “Aksioma” Publ. (in Russian).
20. Klein, V. 1925. In *Sbornik Oruzheinoi palaty (The Kremlin Armory)*. Moscow, 5–64 (in Russian).
21. Klein, V. 1926. *Putevoditel' po vystavke tkanei VII–XIX vv. v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (The Guidebook on Exhibition of Fabrics of the 7th – 19th Centuries in Collection of State Historical Museum)*. Moscow (in Russian).
22. Kononov, V. N. 1958. In *Mavzolei Ishratkhana (Ishratkhana Mausoleum)*. Tashkent: “Khudozhestvennaya Literatura” Publ., 139–141 (in Russian).
23. Lebedeva, N. I. 1956. In *Trudy Instituta etnografii AN SSSR (Proceedings of the Ethnography Institute, Academy of Sciences of the USSR)* XXI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 459–540 (in Russian).
24. Lubo-Lesnichenko, E. I. 1958. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* 13, 64–65 (in Russian).
25. Lubo-Lesnichenko, E. I. 1961. *Drevnie kitaiskie shelka i vyshivki V v. do n.e. – III v. n.e. v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog (The Ancient Chinese Silk and Embroidery of the 5th Century BC – 3rd Century AD in Collection of State Hermitage Catalogue)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).

26. Matveev, A. V., Glushkova, T. N., Anoshko, O. M. 2011. In *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv (Ecology of Ancient and Modern Societies)* 4. *Metodika issledovaniia arkheologicheskogo tekstilia (Methods of Archaeological Textile Research)*. Tyumen: Institute for the Problems of the North Development, 218–220 (in Russian).
27. Glushkova, T. N., Elkina, A. K., Elkina, I. I. 2011. *Metodika issledovaniia arkheologicheskogo tekstilia (opyt obobshcheniia): nauchno-metodicheskoe posobie (The Methods of Archaeological Textile Researches (Generalization Experience): Scientific-Methodological Textbook)*. Surgut: Surgut State Pedagogical University (in Russian).
28. Orfinskaia, O. V. 2005. In *VI Grabarevskie chteniia (The 6th Grabar' Readings)*. Moscow: "Skanrus" Publ., 162–176 (in Russian).
29. Orfinskaia, O. V. 2009. In *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlia (The Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens at Ascension Convent of Moscow Kremlin)* 1. *Istoriia usypal'nitsy i metodika issledovaniia zakhoroneniia (The History of Shrine and Method of Grave Research)*. Moscow: State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin", 195–212 (in Russian).
30. Orfinskaia, O. V., Golikov, V. P., Shishlina, N. I. 1999. In *Tekstil' epokhi bronzy Evraziiskikh stepei (Textile of the Bronze Age of Eurasian Steppes)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 109. Moscow: State Historical Museum, 58–185 (in Russian).
31. Plamenevskaia, O. L. 1973. In *Uchenye zapiski Tuvinskogo IIAI (Scientific Notes of Tyva History, Language, and Literature Institute)* 17. Kyzyl, 199–206 (in Russian).
32. Polos'mak, N. V., Barkova, L. L. 2005. *Kostium i tekstil' pazyryktsev Altaia (IV–III vv. do n.e.) (The Costume and Textile of the Pazyryk People of Altai Mountains (4th — 3rd Centuries BC))*. Novosibirsk: "Infolio" Publ. (in Russian).
33. Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v Skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
34. Sinitsyna, N. P. 2009. In *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlia (The Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens at Ascension Convent of Moscow Kremlin)* 1. *Istoriia usypal'nitsy i metodika issledovaniia zakhoroneniia (The History of Shrine and Method of Grave Research)*. Moscow: State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin", 195–212 (in Russian).
35. Tsareva, E. G. 2006. In *Tekstil' iz «zamerzshikh» mogil Gornogo Altaia IV–III vv. do n.e. Opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia (Textile from "Frozen" Graves of Mountain Altai of the 6th — 3rd Centuries BC: the Experience of Interdisciplinary Research)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 232–257 (in Russian).
36. Shchitova, O. G. 2007. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Tomsk State University)* 295, 55–62 (in Russian).

37. Iakunina, L. I. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* 21, 26–28 (in Russian).

38. Iakunina, L. I. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* 24, 105–107 (in Russian).

About the Author:

Glushkova Tamara N. Doctor of Historical Sciences, Professor. Surgut State Pedagogical University. 50 Let VLKSM St., 10/2, Surgut, 628400, Russian Federation; tam.g@mail.ru

УДК 903.24

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ОДЕЖДЫ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТИЛЯ

© 2015 г. О. В. Орфинская

Рассматриваются некоторые методические вопросы реконструкции средневековой одежды на основе исследования текстиля из археологических памятников Золотой Орды и Руси. Это связано с тем, что в настоящее время активно развивается направление исторических реконструкций как прямое продолжение экспериментальной археологии. В статье дается анализ нескольких опубликованных реконструкций одежды и выявляются основные ошибки, которые были допущены при этом. Причиной ошибок часто является не только фрагментарное состояние находок текстиля, но и субъективный фактор: склонность опираться на аналогии и собственные представления в большей мере, чем на фактический материал.

Ключевые слова: археология, история, Золотая Орда, археологический текстиль, средневековая одежда, историческая реконструкция, могильники, Гнездово, Вербовый Лог, Тормосин.

Экспериментальная археология родилась в недрах большой науки. Началом этого направления можно считать день, когда немецкий ученый Андреас Альберт Роде (1682–1724) создал каменный топор, тем самым доказав, что это возможно (Малинова, Малина, 1988, с. 13). Таким образом, научный спор был разрешен с помощью эксперимента. С конца XIX в. число различных экспериментов в археологии растет. В 1922 г. рождается новая форма археологического эксперимента – создание поселений, соответствующих определенной эпохе. Так, на берегу Боденского озера в Швейцарии появилось поселение каменного и бронзового века (Малинова, Малина, 1988, с. 14). В 1976 г. был созван I Международный конгресс по проблемам экспериментальной археологии, а спустя два года – второй, затем третий (Малинова, Малина, 1988, с. 14). Сейчас фестивали, посвящен-

ные определенному времени и культуре, проходят по всему миру и собирают тысячи увлеченных людей.

В основе любой реконструкции лежат данные, полученные в ходе исследований конкретных археологических объектов. Информация приходит из публикаций, научных конференций и из личного общения с учеными.

Книг по реконструкции одежды на основе фактического археологического материала крайне мало, поэтому появление такого издания, как «Погребение знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала» с большим разделом З.В. Доде «Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог» явилось значимым событием. Яркие и красивые иллюстрации, схемы, микрофотографии – все привлекает читателя, но самое главное, это конечно, уникальные археологические артефакты. Бесспорным достоинством книги является детальное

описание процесса исследования, и именно это позволяет посмотреть на материал с другой стороны, т.е. предоставляет фактический материал для размышлений.

Обидно, что совершенно правильная схема, когда на первом месте стоят исследования сохранившихся фрагментов, а на втором – аналоги и этнографические параллели, представленная в разделе «Методика реконструкции предметов одежды» (Доде, 2006, с. 77), на деле заменяется обратной схемой: к аналогу подтягивается фактический материал. Так, на странице 78: «Однако реконструировать аутентичную выкройку этого изделия не представляется возможным из-за характера сохранности деталей. Между тем, опираясь на известные археологические и этнографические параллели, можно попытаться воссоздать достоверную форму этих штанов». То есть по фактическому материалу сказать ничего нельзя, а цепочка рассуждений, опирающихся на аналоги, позволяет воссоздать **достоверную** форму (рис. 1). При этом отсутствует аргументация, почему «к верхним штанам относятся две фигурные детали... и большой фрагмент ткани с мержкой» (Доде, 2006,

с. 82). Аналогичные фигурные детали известны по материалам из женского погребения могильника Маячный бугор (Лантратова и др., 2002, с. 48), где они были укреплены непосредственно на голенищах сапог (рис. 2). Детали, на которые ссылается автор, могли являться не нижним краем штанов, а верхним краем сапог.

Анализ выкройки нательной рубахи позволил выявить целый ряд неточностей (рис. 3). Но наибольшее удивление вызывает реконструкция халата. Чтобы разобраться с этим изделием, необходимо вернуться в начальную точку исследования. Автор детальнейшим образом проанализировал все фрагменты (направление нитей и рисунка, выявил все швы) и на следующем этапе встал перед проблемой объединения отдельных фрагментов в единое изделие. Эта проблема легко решается, если изделие имеет хорошую сохранность (Орфинская, 2009, с. 195–213), но в данном случае фрагменты не позволяют так просто восстановить достоверную выкройку. Здесь, как мне кажется, и допущена ошибка. Автор выбирает некую схему кроя, на которую раскладывает фрагменты, и, меняя предположения с выводами, делает заключение.

Выбор предполагаемого кроя (Доде, 2006, с. 85–86)	Аргументы автора	Комментарий
«Крой халата был выполнен на основе прямого стана»	отсутствуют	Утверждение не имеет оснований.
«... можно утверждать, что стан по горизонтали превышал ширину ткани на 20 см и соответствовал 1 метру»	На основании сохранившихся фрагментов	Сохранившиеся фрагменты не позволяют сделать этот вывод.
«... в этой одежде был глухой запах...»	Ширина подола	По фактическому материалу ширина подола не определяется.

<p>Прямоугольник из ткани с ромбами на спине</p>	<p>«Можно предположить, что из этого сочетания (основная ткань и ткань с ромбами) могла быть выполнена внутренняя пола халата... Но характер ткани «с ромбами», сотканной с использованием золотой пряженной нити и по стоимости превышающей основную ткань, в которой орнамент нанесен набойкой, скорее допускает возможность размещения этой ткани на видном месте халата. В реконструкции кроя фрагменты шелка «с ромбами» на чертеже находят место на спинке изделия».</p>	<p>Утверждение, что основная ткань дешевая, а «с ромбами» – дорогая не совсем правомерно. Основная ткань, судя по фотографии (с. 146 рис. 29б) относится к тканям лансе (а не к ткани с набойкой), где золотный уток почти полностью утрачен (остались следы золота, проходящие параллельными рядами, и отверстия от входа/выхода золотных нитей). Ткань «с ромбами», вероятно, вторичного использования, так как состоит из большого числа мелких, сшитых между собой фрагментов. Что ценилось выше, новая парча с крупным рисунком или полотно, сшитое из мелких, хотя и дорогих кусочков? Это тема отдельного рассуждения.</p>
<p>Ширина халата 1 м; длина переда 150 см, спинка длиннее переда на 18 см</p>	<p>Результат реконструкции выкройки</p>	<p>Фактический материал не позволяет определить длину и ширину изделия.</p>

Археологическая параллель, предложенная автором, это одеяние монголки из мавзолея Увек по описанию А. Кроткова и его «реконструкции с иранской миниатюры». Почему автор не использует реально существующие и хорошо ему известные женские халаты монгольских аристократок (рис. 4), остается загадкой. Не утверждаю, что предложенный вариант реконструкции следует полностью исключить (вероятно, необходимо просто дать дополнительные объяснения), но ведь возможно рассмотреть и другой вариант. Для этого берем

как базовую модель один из халатов, представленных на рис. 4, делаем условную схему и накладываем сохранившиеся фрагменты. Получаем второй вариант женской одежды из тех же фрагментов (рис. 5). Из ткани с ромбами могла быть сшита внутренняя пола или отдельные вставки (рис. 4: 2), из этих фрагментов можно сложить много разных геометрических фигур, а рассуждение о том, что такое вообще было, следовательно могло быть, и в данном случае, следовательно было, представляется очень не профессиональным.

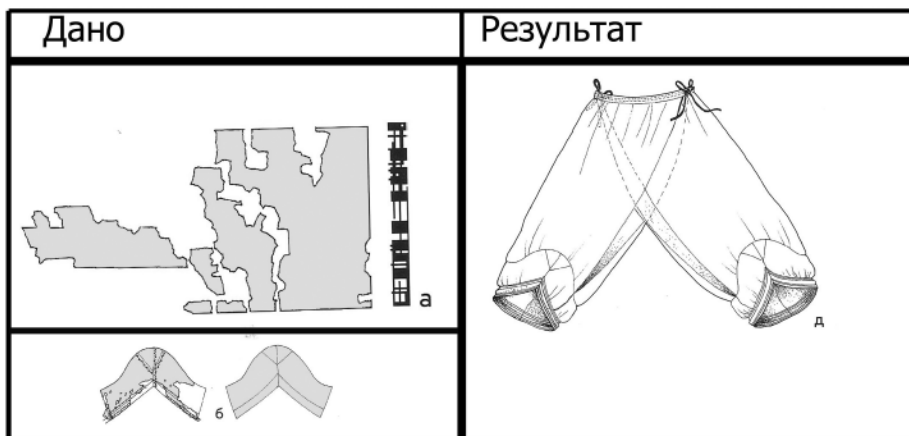

Рис. 1. Прорисовка сохранившихся деталей и реконструкция пространственной формы штанов-шалваров (по Доде, 2006, с. 94, рис. 2).

Fig. 1. Sketch of retained fragments and reconstruction of shalwar pants silhouette (after Доде, 2006, p. 94, Fig. 2).

Существенно понижает научную ценность книги и некоторая несогласованность текста со схемой и рисунком. Если сложить по плечевому шву предложенную автором схему, то она не будет соответствовать рисунку данной реконструкции. Отличия заключаются в форме рукавов, ворота и подола, при этом описание более всего соответствует рисунку (например, ворот на схеме пришит странным образом к спинке, а на рисунке и в описании – стойка).

Шуба – очень интересный и сложный объект. На предложенной выкройке видно, что ни длина, ни ширина данного изделия не определяются, а также вызывает недоумение большое количество не связанных между собой швов. Однако, если чуть развернуть фрагмент б, отрегулировать линию плеч, то получим более стройную картину, при которой широкий рукав делается узким, а глубокий запах почти полностью исчезает. При этом вертикальный разрез занимает положенное ему место на плече, а не на спине (рис. 7). Бесспорно, в этом

варианте можно выявить массу мелких нестыковок, но для качественного анализа необходимо работать непосредственно с «живым» материалом. На мой взгляд, неверным является следующий посыл: «Наблюдающееся смещение этих швов относительно центральной оси изделия, – видимо, закономерное явление для золотоордынских швейных изделий, в которых не отмечается строгое следование симметрии. В целом их наличие или отсутствие не меняет формы конструкции» (Доде, 2006, с. 111). Наличие швов не меняет формы? Каких швов? Что лежит в основе формы? Вообще данная фраза больше запутывает, чем помогает разобраться.

Юбка: «...полосы (ткани) представляли собой полосы сохранившегося подола одежды. Фрагментов ткани, которых можно было бы соотнести с другими конструктивными деталями, не установлено, что позволило предположить в этом изделии юбку» (Доде, 2006, с. 119). Однако далее «на основании фрагментов парчи (аналогичной, что и на юбке), обнару-

А

Б

Рис. 2. Сапоги из могильника Маячный бугор.

А – до реставрации; Б – после реставрации (реставратор Синицына Н.П.).

Fig. 2. High boots from the Mayachnyi Bugor burial ground:

A – before restoration; B – after restoration (restored by N.P. Sinitsyna).

женных в районе шеи и у левого локтя погребенного, гипотетически можно предположить, что умерший был одет в кафтан». Почему не оставить два варианта: юбка и кафтан. И в том и в другом случае есть аргументы «за» и «против».

Именно однозначность интерпретации очень сложного материала и вызывает чувство несогласия. Если обобщить причины, повлиявшие на достоверность реконструкций, то получится следующий список.

– Материал до начала исследования был промыт, расправлен на планшетах и пропитан клеем ПВА.

Ткань хрупкая, что не позволяет расправлять заломы, сгибы и т.д. (Доде, 2006, с.77). Работы с археологическим материалом может вести только реставратор высшей категории (или под его руководством) именно потому, что это сложно. Ведь можно так расправить прямоугольный фрагмент ткани, что никто никогда не признает в нем прямоугольник. Именно это и произошло, на мой взгляд, с фрагментами юбки, где тонкая ткань является расправленной подкладкой, а не полосами по лицевой стороне изделия. Пропитка клеем ткани существенно усложняет исследование, то есть рас-

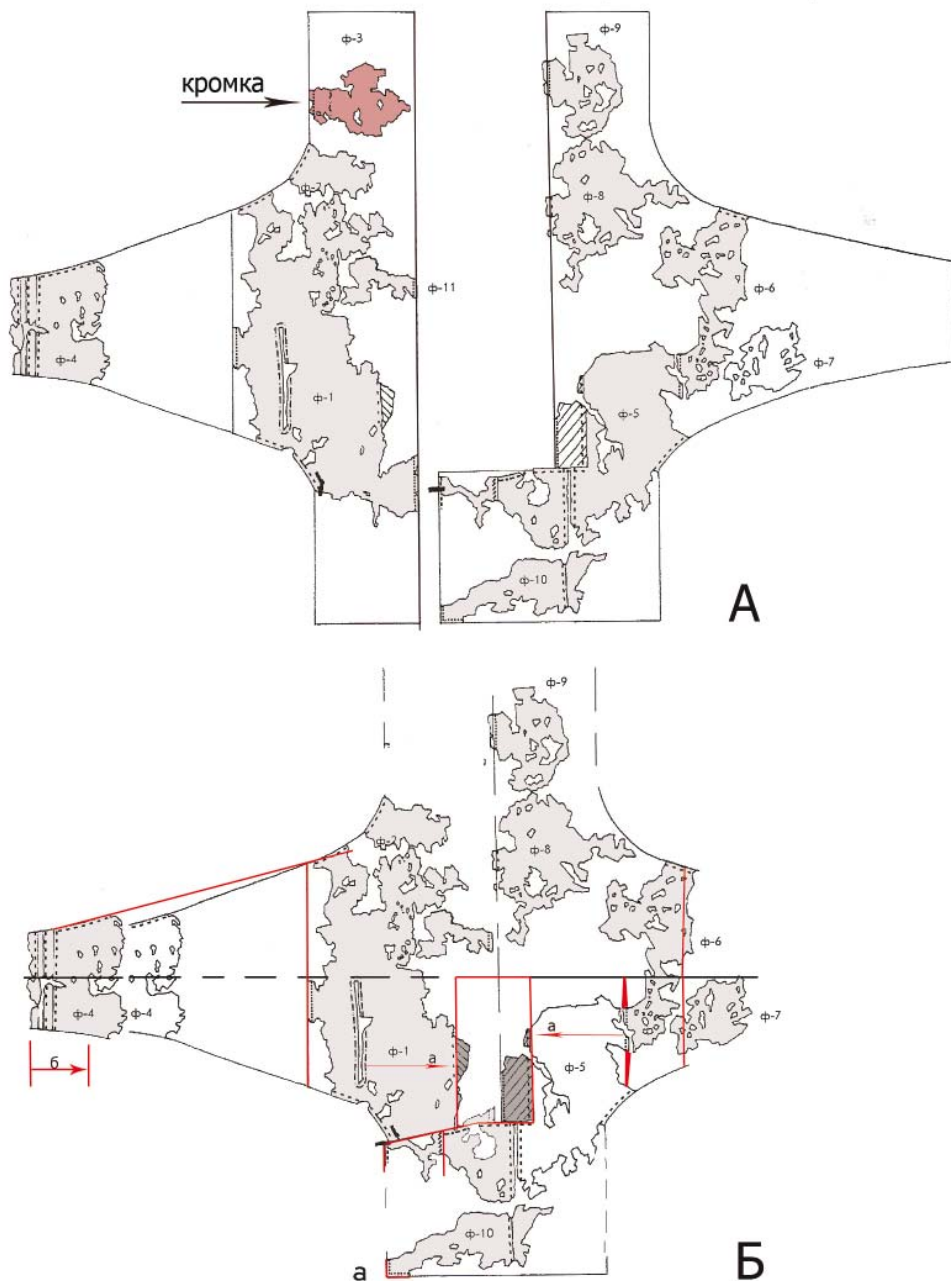

Рис. 3. Реконструкция рубахи.

А – реконструкция выкройки (по Додде, 2006, с. 95, рис. 3); на схеме отсутствует вырез горловины; фрагмент 3 имеет кромку, которая далее не продолжается; фрагмент 10 не имеет шва, который показан на пространственной реконструкции; нет оснований для определения длины рубахи.

Б – уточнение выкройки; выявлен прямоугольный вырез горловины, второй разрез на правом плече (рис. Орфинской).

Fig. 3. Shirt reconstructed.

Рис. 4. Женские халаты XIII века.

1 – по Шелковый путь, 2007. С. 118; 2 – по Gold, Silk, Blue..., 2005. P. 58;
3 – по Gold, Silk, Blue..., 2005. P. 60.

Fig. 4. 13th-century women's robes.

правленный материал уже диктует решения, которые в него заложил человек, расправивший его (бесспорно, хотели как лучше). Именно это, вероятно, и усложнило работу над шубой и, возможно, сформировало пояс у юбки. Фактор вмешательства человека в материал до начала исследования нельзя не учитывать.

– Состояние и количество фрагментов для каждого изделия различные. Ни для одного изделия не хватает информации для однозначно достоверной выкройки. Даже штаны-чулки, с которыми я согласна, могут иметь несколько другую форму.

– На выбор базы, на которую раскладывали фрагменты, вероятно, повлияло некое внутреннее предпочтение автора, без достаточно четкой аргументации.

– Однозначность предложенных реконструкций влияет на выводы, которые не следуют из фактического материала.

В результате: из шести реконструкций две (штаны и халат) относятся к миру полных фантазий, две (рубаша, юбка и шуба) требуют исправлений или уточнений, и только одна (штаны-чулки) близка, вероятно, к реальности.

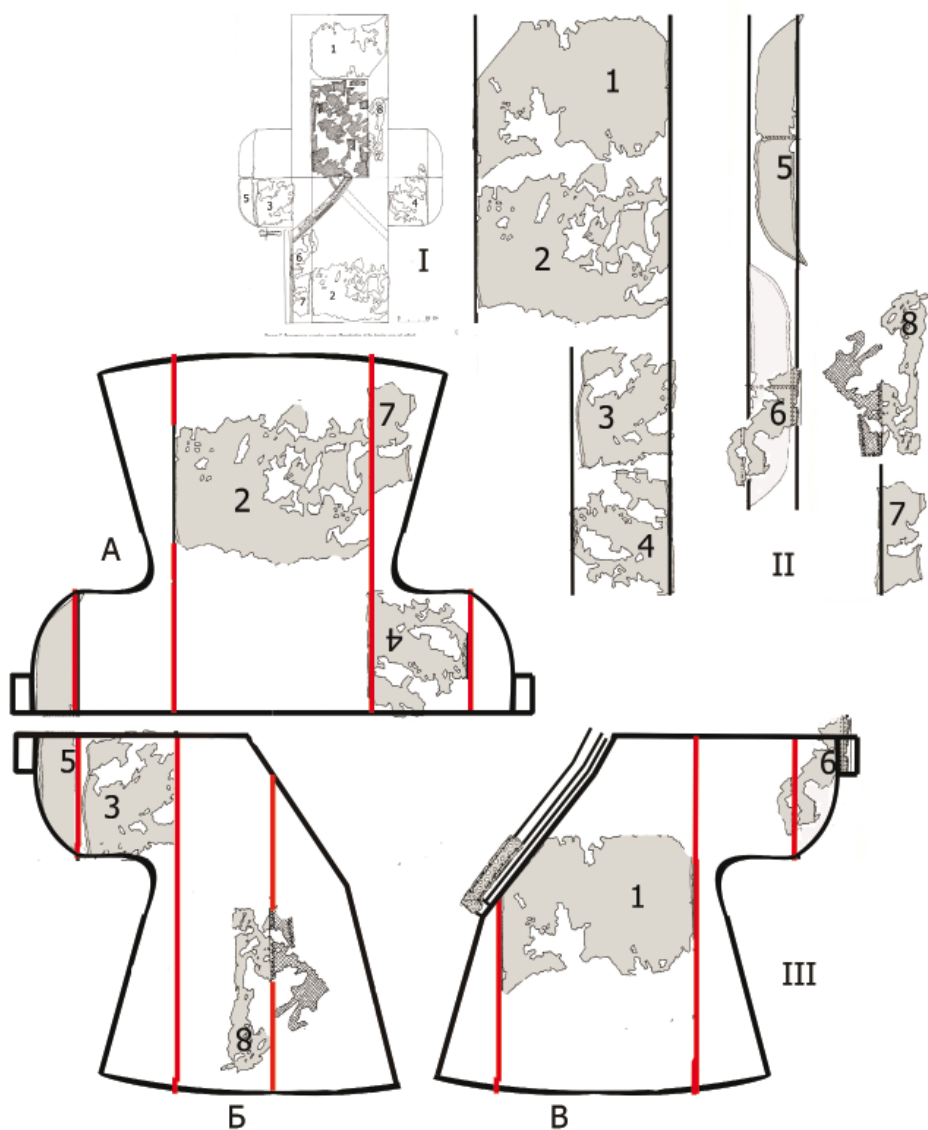

Рис. 5. Реконструкция халата.

I – реконструкция кроя (по Доде, 2006, с. 99);

II – фрагменты тканей, вынесенные за пределы выкройки и разложенные в зависимости от их ширины: фрагменты 1 и 2 имеют полную ширину, равную 80 см (рис. Орфинской);

III – один из вариантов реконструкции кроя женского халата при ширине ткацкого куска 80 см. А – спинка; Б – правая пола; В – левая пола. Красной линией выделены конструктивные швы (рис. Орфинской).

Fig. 5. Oriental robe reconstructed.

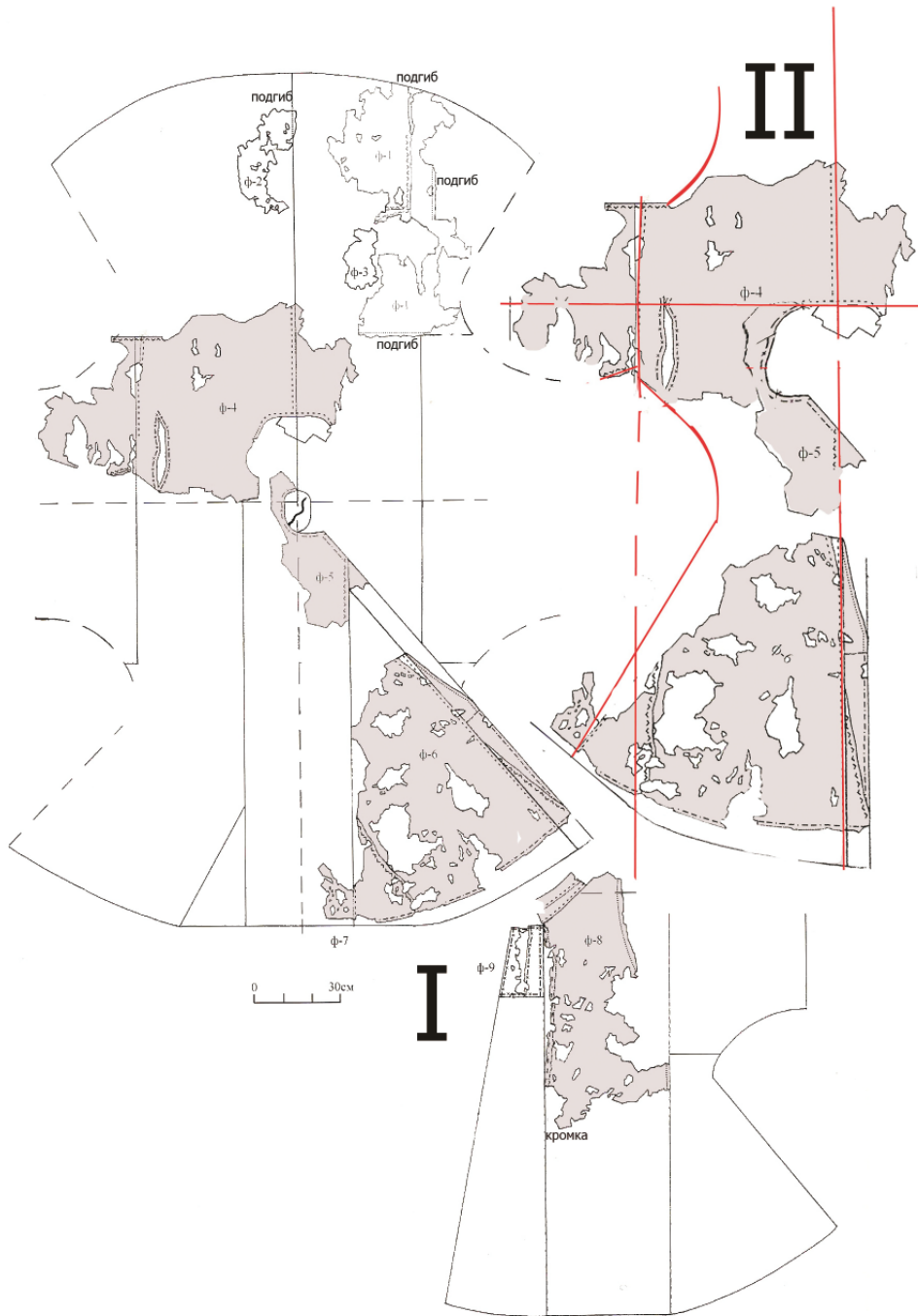

Рис. 6. Реконструкция выкройки шубы.

I – реконструкция шубы (по Доде, 2006, с.102).

II – новый вариант частичной реконструкции шубы (рис. Орфинской).

Fig. 6. Fur coat pattern reconstructed.

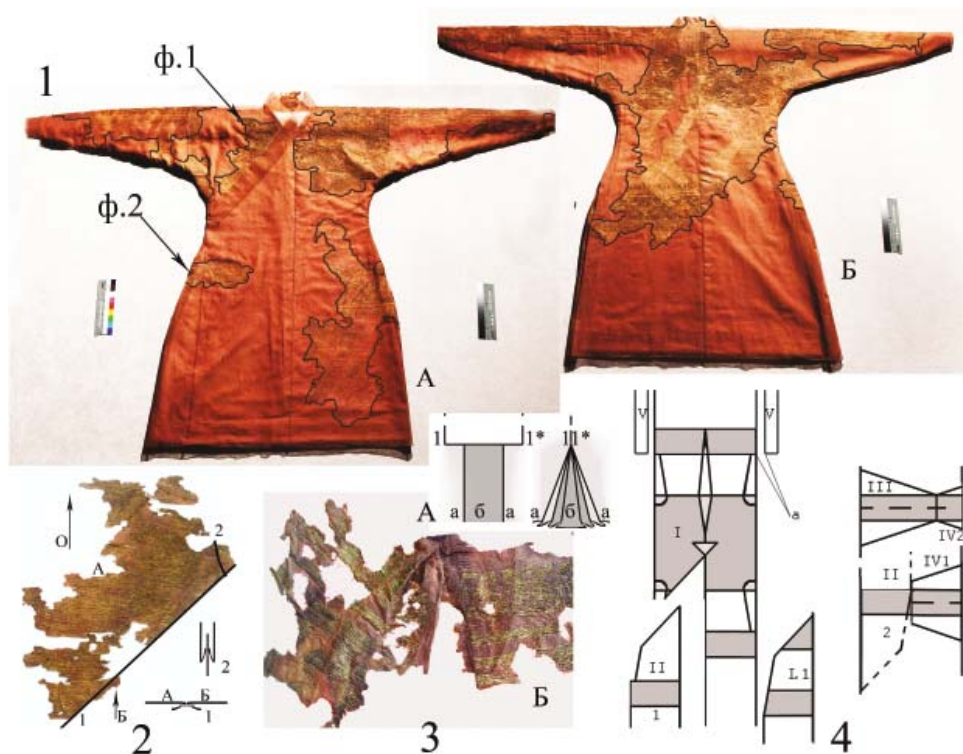

Рис. 7. Платья из парчи с драконами и грифонами из Ц-301 (обр. IX.1).

1. Общий вид платья после реставрации (фото Орфинской). А – передняя часть; Б – спина. Темной линией на фотографиях обведены сохранившиеся фрагменты для большей наглядности.
2. Фрагмент 1 – правая пола. А – ткань с рисунком, которая соединялась со спиной; Б – ткань без рисунка, которая была пришита (швы 1) по диагонали к ткани А; швы 2 – шов, соединяющий полочку с воротником.
3. Фрагмент 2 – участок платья с боковым швом и заложенными складками. А – схема формирования складок: а – основная ткань платья с рисунком (полоса); б – полоса ткани без рисунка (деталь V). Точки 1 и 1* соединяются и закладываются небольшие внутренние складки.
4. Реконструкция выкройки платья (рис. Орфинской). I – основная деталь стана; I.1 – пола, отрезанная от основной детали и пришитая к правой полочке (в результате – из внутренней полы она становится внешней); II.1 – деталь внутренней полы без узора в верхней ее части; III – правый рукав, состоящий из одной детали; IV – левый рукав, состоящий из двух деталей; V – полосы ткани без рисунка, которые вшиты в боковые швы для создания складок.

Fig. 7. Brocade gowns with dragons and griffins from the Gnezdovo C-301 (sample IX.1):

- 1 – the gown after restoration (photo by Orfinskaya); 2, 3 – fragments;
- 4 – gown pattern reconstructed (drawing by Orfinskaya).

Бесспорным достоинством книги является каталог тканей. Не могу согласиться только с описанием двух из них: ткани с мережкой и ткани с набивным рисунком. На фотографиях достаточно четко видно, что мережка,

это не авторское решение, а результат утраты нитей утка, которые, вероятно, имели другую природу волокон. На тканях с набивным рисунком золото не ложится полосами по нитям утка параллельными рядами, а проколы

не могла оставить печатная доска или другое печатное приспособление.

Интерпретация результатов исследования тканей крайне интересна, рассуждения позволяют соглашаться или спорить, но в данном случае это не меняет фактической сути объектов.

Ярким примером торжества идеи над фактическим материалом является публикация статьи М.В. Горелика в рубрике научной реконструкции журнала «Батыр» (Горелик, 2011, с. 59–92), где рассмотрен костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин. В этом же журнале присутствует статья Т.В. Сидоровой, посвященная тоже комплексу из Тормосин. Таким образом, в одном журнале двумя авторами рассмотрен один текстильный материал, но сделаны различные выводы. М.В. Горелик подходит к материалу с позиции чистой теории, отправной точкой которой явилась реконструкция, предложенная автором раскопок (Клепиков, 1983). Т.В. Сидорова же пыталась проанализировать сохранившиеся фрагменты и на их основе восстановить крой (Сидорова, 2011, с. 48–56). Парадокс ситуации заключается в том, что сам объект находится в музее, и может быть исследован досконально. Хотелось бы заметить, что опыт работы с археологическими отчетами, где дается описание текстиля, показал, что надо учитывать эмоциональность археолога и его готовность к работе с текстилем. Основная задача археолога – это четкая фиксация текстиля в погребении. Именно профессиональная работа археолога дает материал исследователю текстиля для корректной реконструкции объекта.

Конечно, и у меня были ошибки и неточности при реконструкциях.

Например, красное парчовое платье с драконами из кургана Ц-301 Гнездовского могильника. История работы над этим материалом началась в 2009 г. Материал находился в Государственном историческом музее в двух частях: в хранении и в экспозиции. На первом этапе, когда была сделана первая реконструкция (Пушкина, Орфинская, 2011, с. 92–99; Orfinskaya, Pushkina, 2011, p. 35–51), экспозиционная часть находилась в витрине и была недоступна. Публикация материала привлекла внимание к данному объекту, о нем заговорили. На этой волне удалось найти спонсора¹ для проведения реставрации². Именно на этом этапе для реставрации был передан весь текстильный материал из погребения Ц-301. Таким образом, на втором этапе исследования удалось собрать все фрагменты вместе, и это сильно обогатило картину и слегка поменяло облик платья (рис. 8). Сохранившиеся фрагменты позволили выявить: расстояние от центрального шва на спине до кромки ткани; длину рукава; наличие манжета; линию выреза горловины; высоту воротника на спине; выточку по центральному шву на спине; линию верхней части боковых швов; край правой нижней полы; боковые складки на юбке.

Все эти данные позволили рассчитать ширину ткацкого куска и предложить реконструкцию выкройки. Таким образом, к варианту, максимально приближенному авторскому,

¹ Реставрационные работы проводились при поддержке FONDAZIONE ANGELO GALASSO, Италия.

² Реставрационно-исследовательская группа «Феномен»; руководитель Н.П. Сеницына.

была пройдена дорога постепенного уточнения и осознания этого платья.

Дорога познания – это дорога ошибок. Конечно, ошибки – это печально, но самое страшное, когда личные ка-

чества исследователя не позволяют ему отойти от своих выводов, даже если объективная реальность показывает их не состоятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горелик М.В.* Костюм золотоордынца из погребения у хутора Тормосин (проблемы монгольской нераспашной одежды и других элементов костюма // Батыр (Традиционная военная культура народов Евразии). – 2011. – № 2(3). – С. 59–92.

2. *Доде З.В.* Одежда и шелка из могильника Вербовый Лог // Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребение знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. VI. – М.: «Памятники исторической мысли», 2006. – С. 77–183.

3. *Клепиков В.М.* Отчет об археологических раскопках и разведках Чернышковского района Волгоградской области в 1983 году. Волгоград, 1983 / Архив археологической лаборатории ВолГУ.

4. *Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л.* Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного Исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. – М.: ГИМ, 2002. – 237 с.

5. *Малинова Р., Малина Я.* Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. – М.: Мысль, 1988. – 271 с.

6. *Орфинская О.В.* Методы исследования тканей и реконструкция одежды // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1: История усыпальницы и методика исследования захоронений. – М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. – С. 195–213.

7. *Сидорова Т.В.* Мужской костюм золотоордынского времени из курганной группы Тормосин 83 (Волгоградской области) // Батыр (Традиционная военная культура народов Евразии). – 2011. – № 2 (3). – С. 48–56.

8. *Пушкина Т.А., Орфинская О.В.* Текстиль из женского камерного погребения Ц-301 в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В.В. Седова. Материалы 57 заседания. – М.; Псков, 2011. – С. 92–99.

9. Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка. Каталог выставки. – СПб.: АО «СЛАВИЯ», 2007. – 200 с.

10. Gold, Silk, Blue and White Porcelain. Fascinating Arts of Marco Polo Era. Edited by Zhao Feng and Jin Lin. Haygzhou, 2005.

11. Orfinskaya O., Pushkina T. 10th century AD textiles from female burial W-301 at Gnëzdovo, Russia. In: *Archaeological Textiles Newsletter*. Copenhagen, 2011, vol. 53, Fall 2011, pp. 35–51.

Информация об авторе:

Орфинская Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачёва (г. Москва, Российская Федерация); orfio@yandex.ru

PROBLEMS OF CLOTHES RECONSTRUCTION BASED ARCHAEOLOGICAL TEXTILE FABRICS RESEARCH RESULTS

O.V. Orfinskaya

Certain methodical issues of medieval clothes reconstruction based upon the study of textile fabrics from of the Golden Horde and Rus' archaeological sites are analyzed in the article. The necessity of the research arises from the fact that at present the trend of historical reconstructions is being actively developed as a direct extension of experimental archaeology. The article analyzes published results of several clothes reconstructions and reveals typical misinterpretations committed in the process. The misinterpretations are due to both the fragmentary condition of textile fabrics excavated and the subjective factor manifested by the tendency to be guided by analogies and one's own conceptions rather than the actual facts.

Keywords: archaeology, history, archaeological textile fabrics, medieval clothes, historical reconstruction, Golden Horde, burial grounds, the Gnezdovo C-301, the Verbovyi Log, the Tormosin.

REFERENCES

1. Gorelik, M. V. 2011. In *Batyr: Traditsionnaia voennaia kul'tura narodov Evrazii (Batyr: Traditional Military Culture of the Eurasian People)* 2(3), 59–92 (in Russian).
2. Dode, Z. V. 2006. In *Pogrebenie znati zolotoordynskogo vremeni v mezhdurech'e Dona i Sala (Noble Burial of the Golden Horde Time in the Don and Sal Interfluves Area)*. Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Research Materials on the Historical and Cultural Heritage of Northern Caucasus) VI. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ., 77–183 (in Russian).
3. Klepikov, V. M. 1983. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh i razvedkakh Chernyshkovskogo raiona Volgogradskoi oblasti v 1983 godu (Report on the Archaeological Excavations and Explorations of Chernyshkovskiy District of Volgograd Area. Volgograd, 1983)*. Volgograd: Volgograd State University, Archaeological Laboratory (in Russian).
4. Lantratova, O. B., Golikov, V. P., Orfinskaia, O. V., Vladimirova, O. F., Egorov, V. L. 2002. *Issledovanie unikal'nykh arkhelogicheskikh pamiatnikov iz sobraniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia – kompleksov odezhd XIII–XIV vv. (Investigation of Unique Archaeological Monuments of State Historical Museum's Collection — Clothing Sets of the 13th — 14th Centuries)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
5. Malinová R., Malina J. 1988. *Pryzhok v proshloe. Eksperiment raskryvaet tainy drevnikh epokh (The Leap Into the Past. An Experiment Reveals Mysteries of Ancient Eras)*. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
6. Orfinskaia, O. V. 2009. In *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremliia (The Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens at Ascension Convent of Moscow Kremlin)* 1. *Istoriia usypal'nitsy i metoda issledovaniia zakhoroneniia (History of the Shrine and Burials Research Methods)*. Moscow: State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin", 195–213 (in Russian).
7. Sidorova, T. V. 2011. In *Batyr: Traditsionnaia voennaia kul'tura narodov Evrazii (Batyr: Traditional Military Culture of the Eurasian People)* 2 (3), 48–56 (in Russian).

8. Pushkina, T. A., Orfinskaia, O. V. 2011. In *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land)*. Materialy 57 zasedaniia. Moscow; Pskov, 92–99 (in Russian).

9. *Shelkovyi put'. 5000 let iskusstva shelka. Katalog vystavki (The Silk Road. 5000 Years of Silk Art. Exhibition Catalogue)*. 2007. Saint Petersburg: "Slavia" Publ. (in Russian).

10. Zhao Feng, Jin Lin (eds.). 2005. *Gold, Silk, Blue and White Porcelain. Fascinating Arts of Marco Polo Era*. Hangzhou.

11. Orfinskaya O., Pushkina T. 2011. 10 century AD textiles from female burial W-301 at Gnezdovo, Russia. In: *Archaeological Textiles Newsletter*. Copenhagen, vol. 53, Fall 2011, 35–51.

About the Author:

Orfinskaya Olga V. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev. Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129366, Russian Federation; orfio@yandex.ru

УДК 902.34

КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТИЛЯ ИЗ ПОТРЕВОЖЕННЫХ АЛТАЙСКИХ КУРГАНОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

© 2015 г. Д.К. Алтынбекова

В статье представлен опыт работы научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» по консервации и реставрации археологического текстиля из потревоженных курганов IV–III вв. до н.э., расположенных в Казахском Алтае. Специалисты лаборатории принимают участие в полевых работах, осуществляя извлечение находок крупными блоками-монолитами, с использованием выработанных на практике методов формирования блоков. Рассмотрены два методических приема сохранения текстиля, извлеченного из раскопа блоками, в зависимости от их содержимого. Первый метод – последовательное разделение блока на составляющие его компоненты – применяется при беспорядочном наборе фрагментов органических материалов. Описан процесс расслоения конгломерата, стабилизации разделенных фрагментов и их идентификации. При реконструкции текстильных изделий используются хорошо сохранившиеся аналоги из синхронных алтайских курганов, находящихся на территории России и Монголии. Приведены примеры реконструкции изделий из войлока. Второй метод – сохранение блоков без их разбора – применяется, если их содержимое является определенным самостоятельным комплексом. Процесс консервации показан на примере седельного набора, извлеченного из раскопа вместе с останками лошади во влажном состоянии.

Ключевые слова: археология, Алтай, ранний железный век, пазырыкская культура, археологический текстиль, потревоженные курганы, консервация, реставрация, реконструкция, блоки-конгломераты.

Археологический текстиль в памятниках раннего железного века на территории Казахстана встречается крайне редко, находки тканей представлены в основном эпохой средневековья. В более ранних, даже непо потревоженных погребениях органические материалы, как правило, разрушаются почти полностью. Так, в известном кургане Иссык найдено лишь несколько кусочков кожи от кафтана (Акишев, 1978, с. 47).

Более благоприятные условия для материалов органического происхождения созданы благодаря образованию подкурганной мерзлоты в алтай-

ских курганах на востоке Казахстана, относящихся к пазырыкской культуре (Самашев, 2011, с. 9, с. 199). К сожалению, погребения по той или иной причине были потревожены еще в древности, поэтому при археологических исследованиях обнаружены лишь локальные замерзшие участки. Вода, воздух, тепло, свет, поступающие через ямы и ходы, – источники всех процессов разрушения и деградации органических материалов. Степень их сохранности напрямую зависит от близости к грабительскому лазу. Среди археологов существует мнение, что ограбления могли носить ритуальный

характер (Килуновская, 2014; Очир-Горяева, 2014).

Реставраторам, скорее, важен факт разрушения артефактов, а не сама причина, из-за которой одеяние погребенных оказалось фрагментированным, беспорядочно перемешанным, разбросанным по погребальной камере. В синхронных пазырыкских курганах с сохранившейся линзой мерзлоты изделия из текстиля, войлока, меха обнаружены замороженными почти в первозданном виде и на первоначальном месте (Руденко, 1953; Полосьмак, Баркова, 2005; Молодин, Парцингер, Цэвэндорж, 2012).

Наиболее надежным способом сохранения артефактов в полевых условиях (для последующей транспортировки и хранения до консервации) является извлечение их монолитным блоком вместе с окружающим грунтом. При таком извлечении максимально сохраняется сложившееся под землей термодинамическое равновесие. Вырезка почвенно-текстильного конгломерата также рекомендуется специалистами и для полноценного исследования археологического текстиля (Орфинская, 2010, с. 369). В непотревоженных погребениях выполняется извлечение их содержимого единым монолитом, что дает возможность тщательного исследования всех материалов в лабораторных условиях (Алтынбеков, 2014, с. 28).

Из алтайских курганов раннего железного века мы получаем обычно грязевые блоки-конгломераты, в которых едва просматриваются какие-то органические остатки (рис. 1: 1). В отличие от укокских войлоков, тканей, мехов извлеченных из замерзших, но непотревоженных погребальных комплексов, «состояние которых улучша-

ется по мере высыхания» (Молодин, 2000, с. 54), наши материалы разрушаются даже при незначительном понижении влажности, что обусловлено высокой степенью их деградации.

До начала консервационных работ блоки с артефактами хранятся в холодильнике во влажном состоянии. Влага в смеси с грунтом связывает деструктурированные волокна, а пониженная температура препятствует дальнейшему биоразрушению. В процессе хранения, которое иногда продолжается более 10 лет, регулярно проводится обработка антисептиком. Однако полное элиминирование биодеструкторов невозможно в плотном монолите большой толщины, где поры заполнены влагой.

В результате многолетних работ нашей лаборатории выработано два методических приема консервации и реставрации – с разбором блока и без его разбора. Далее рассмотрим эти приемы подробнее, используя описания археологического текстиля из наших памятников, выполненные д.и.н. Т.Н. Глушковой (г. Сургут).

Конгломерат, подлежащий разбору, подвергается легкому замедленному подсушиванию, чтобы можно было провести первичную механическую расчистку поверхностей. После их зачистки обнажаются отдельные компоненты этого конгломерата: мех, кость, войлок, текстиль, дерево, береста, растительные остатки, лежащие совершенно беспорядочно (рис. 1: 2).

Все материалы блока обычно деструктурированы, а после подсушивания становятся хрупкими и ломкими. Для их безопасного разделения необходима послойная первичная консервационная обработка. Метод отдаленного увлажнения, рекомендуемый при ра-

Рис. 1. Разбор блока при беспорядочном наборе фрагментов органических материалов: 1 – вид блока до начала разбора; 2 – первичная расчистка поверхностей блока; 3, 4 – процесс разбора блока.

Fig. 1. Block dissection with a random set of organic material fragments.

Рис. 2. Элементы декора текстильных изделий из курганов Казахстанского Алтая:
1 – нашивки одежды из фигурной золотой фольги; 2 – кожаная аппликация.

Fig. 2. Decorative elements of textile items from the Kazakh Altai burial mounds.

боте с хрупким текстилем (Синицына, 2009, с. 75), не дает эффекта, поскольку в данном случае сцементированными оказываются совершенно различные компоненты и части разных предметов, плотно прилегающие друг к другу. Выполняется пластификация, укрепление поверхностных слоев до состояния, достаточного для их отслоения от массива. Антисептирование проводится постоянно по мере расслоения составляющих конгломерата. Так постепенно, слой за слоем, происходит разъединение всех материалов блока. Иногда мы извлекаем тонкий фрагмент шерстяной ткани, в другом случае – комок войлока, который предстоит развернуть (рис. 1: 3, 4).

После полной разборки блоков получаем отдельные фрагменты разных предметов как декорированные, так и с утраченным декором, что достойно сожаления, т.к. известно, что в памятниках пазырыкской культуры и одеяние людей, и конское снаряжение были настоящими произведениями искусства. Текстильные изделия из курганов Казахского Алтая украшались аппликациями из войлока и кожи, вышивкой нитками, бисером, бусинами из кристаллов пирита, фигурной золотой фольгой, деревянными резными бляшками, лакированными золотом и оловом (рис. 2–4).

Тканые шерстяные материалы обнаружены в гораздо меньшем количестве, чем валяные, либо потому, что первые хуже сохраняются в этих условиях, либо изначально их было меньше. “В пазырыкской культуре войлок занимал огромное место. Он обладал не только реальной защитной функцией (известно, что свойства войлока таковы, что он может предохранять от повреждений тупыми орудиями и

смягчать удары острых – в costume пазырыкских воинов использовались именно эти качества), но и свойствами оберега. Его прочность усиливалась также благодаря использованию характерных для пазырыкцев аппликаций и многослойности” (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 107). Войлоки отличаются выделкой и структурой: одни из них тонкие, другие – толстые в зависимости от качества применяемой шерсти. Тонкие, плотно скатанные войлоки шли на изготовление одежды, седельных покрывал и подвесок.

По достижении стабильного состояния разделенных фрагментов приступаем к выявлению их функционального назначения или отождествления с определенным предметом. Иногда это становится понятно сразу после полного развертывания комка войлока, чаще всего – нет. Например, подвеска к покрытию седла в виде рыбы была определена сразу (рис. 5). Это изделие (максимальная длина – 82 см, ширина – 7–9,4 см, с плавниками – 23,4 см) выполнено из нескольких кусочков тонкого войлока, соединенных между собой аккуратными швами. Войлок плотный, тонкий, однородный, толщина его в современном состоянии составляет около 2 мм. Голова и частично хвост рыбы оборваны, на теле имеется множество швов. Среди них выделяются первоначальные, более ровные и тонкие, которые сформировали полотно изделия, и починочный, более грубый, на месте разрыва. У первоначальных швов плотность стежков составляет 6–8 стежков на 1 см, у починочного – 4–5. Нити, которыми соединялись фрагменты войлоков, двойные SWZ, где одинарные нити Z-кручения, двойные – S-крутки. Края обшиты шерстяной

ниткой. Возможно, что первоначально изделие было украшено аппликациями, как аналогичные подвески из могильников плоскогорья Укок (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 119).

Иная ситуация при реставрации изделий, дошедших до нас в виде разрозненных фрагментов. Здесь приходится обращаться к аналогиям. Идентичность большого количества артефактов из алтайских курганов, находящихся на территориях России, Монголии, Казахстана, позволила нам предположить, что и предметы одежды имеют форму, характерную для носителей пазырыкской культуры. При сборке фрагментированных изделий в качестве аналогов используются полностью сохранившиеся вещи из других синхронных комплексов (Руденко, 1953; Полосьмак, Баркова, 2005; Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012). Реконструкция производится путем тщательного изучения и подбора фрагментов с учетом вида и качества материала, края, швов, декора.

Таким образом, нам удалось частично собрать некоторые текстильные изделия. В их числе конский головной убор – ритуальный предмет, сшитый полностью из войлока, декорированный золотой и оловянной фольгой, размерами 30 x 43 см. Головная часть убора прикрывает лоб коня полукруглым козырьком, по бокам спускаются две лопасти с закругленными концами. Между ушами находится войлочная втулка, на нее надето навершие в виде животного с круто изогнутыми рогами, разделение которых затруднительно. В кургане этот конский головной убор приобрел почти плоский вид, одна из его лопастей оказалась повернутой. Тем не менее выделяются детали, ра-

нее объемные, – уши, козырек, навершие (рис. 6–8).

Место многих фрагментов, в том числе высокохудожественных произведений древнего искусства, выделенных из блоков, пока не определено. Один из примеров – вышивка в виде изображения крылатого коня, с максимальными размерами 9,6 x 7,5 см, утратившая основу (рис. 9). Она представляет собой рельефную вышивку цветными нитями мелкими плотными стежками тамбурным швом. Тонкая работа, разноцветные нити хорошего качества позволяют создать сложную и нарядную композицию вышивки. Фигура крылатого коня показана в профиль, с одним рогом, одним ухом, одним глазом, двумя крыльями, четырьмя ногами с копытами, хвостом. На туловище коня цветными нитями вышиты «запятые» и «точки», характерные для изображений, выполненных в «зверином стиле». Используются нити хорошего качества светло-коричневого, красно-коричневого и синего цветов. Вышивка выполнена двойными нитями SWZ, где одинарные нити имеют Z-кручение, а двойные – S-крутку. Тонина одинарных нитей составляет 0,2–0,3 (до 0,4) мм, двойных – 0,8–1 мм.

Швы выполнены мелкими однородными и ровными стежками длиной до 1,5 мм. Плотность стежков составляет 8–9 на 1 см. Это создает впечатление полного застила вышитой поверхности с небольшими просветами в местах поворота в направлении нитей вышивки.

На изнанке вышивки нити сохранились лучше, что свидетельствует о наличии утраченной основы. Узелки, фиксирующие концы ниток, вместе с

Рис. 3. Элементы декора текстильных изделий из курганов Казахского Алтая: 1 – вышивка шерстяными нитками; 2 – вышивка бисером и бусинами из пирита.

Fig. 3. Decorative elements of textile items from the Kazakh Altai burial mounds.

Рис. 4. Элементы декора текстильных изделий из курганов Казахского Алтая: 1 – деревянное украшение головного убора; 2 – деревянное украшение войлочной конской маски; 3 – орнамент из бересты.

Fig. 4. Decorative elements of textile items from the Kazakh Altai burial mounds.

хорошо видимыми, протянутыми на изнанке нитями, позволяют проследить последовательность вышивания фрагментов фигуры лошади. Сначала вкруговую был вышит глаз лошади, затем ее морда (маска?). Следующий этап: вышивание контура лошади от крыла – морда с ухом и рогом – шея – ноги – хвост. Затем вышивание производилось внутри намеченного контура стежками, имитирующими рельеф туловища, завитки гривы, перья крыла и т.д. Все швы, кроме контурного, в том числе и круговые – двойные.

Разнообразное направление швов вышивки позволяет создать рельеф и впечатление объема. По всей видимости, вышивка является имитацией характерных признаков резных деревянных изделий: объем, наличие «точек» и «запятах» на туловище и морде животного, поза лошади, вставшей «на дыбы».

Консервация и реставрация блоков-конгломератов, содержимое которых представляет собой определенный комплекс, осуществляется без их разбора. Покажем процесс консервации на примере конского седла, извлеченного из раскопа вместе с останками лошади, на которой оно находилось (рис. 10: 1).

В комплексе определяются следующие части седельного набора (далее – седло): покрышка с нашитыми аппликациями, подушка, дужки, украшения. Соответственно, конгломерат образован материалами вышеперечисленных предметов (ткань, войлок, растительная набивка подушки, дерево, иногда с остатками металла), останками лошади (конские шкура и кости), всевозможными продуктами разложения и грунтом. В отдельных местах сформировалось новообразо-

вание из продуктов распада/разложения биологического объекта – тлен в виде корки черного цвета. Деструктурированные органические материалы утратили все свои первоначальные качества. Прежде всего выполнено рентгенологическое исследование, которое показало наличие костных останков лошади и деревянных украшений на обратной стороне седла (рис. 10: 2, 3).

Идентификация материалов проводилась уже после первичной расчистки. Анализ войлока, выполненный старшим научным сотрудником Государственного Эрмитажа Е.А. Миколайчук, показал, что исходным материалом для его изготовления послужила шерсть овцы, содержащая остевые и пуховые волосы. Отмечена очень высокая степень деградации волокон: потеря механической прочности, повреждение в виде трещин, разломов, обломов, выщерблин, утрата естественной формы и частично морфологических признаков. Текстиль седельной подушки атрибутирован д.и.н. Т.Н. Глушковой как шерстяная равносторонняя саржа. Белый металл, находящийся на ткани, исследованный в лаборатории Ратгена (г. Берлин), является оловом и, видимо, представляет собой следы плакировки деревянных украшений.

Целью консервационных мероприятий было предотвращение дальнейшей деструкции органических материалов седла, их стабилизация для хранения в обычных музейных условиях без создания искусственного микроклимата. Консервация комплекса-конгломерата исключает возможность индивидуальной работы с каждым материалом. Определен следующий подход, аналогичный консервации «мокрого» археологического дере-

ва (Ахметкалиев, Алтынбеков, 2010, 2012) – стабилизировать блоки во влажном состоянии, сочетая пропитку с постепенной сушкой, а потом уже решать, что оставить и что удалить, какие слои разделить и какие оставить «спекшимися». Первоначально были отделены только деревянные дужки. Проведена механическая расчистка от поверхностных загрязнений. Промывка моющим раствором выявила невидные ранее аппликации (рис. 11: 1). Седельное покрытие содержит зооморфный декор, зеркально повторяющийся на каждой стороне. Центральную часть композиции занимает сцена терзания тигрогрифом копытного животного, возможно, оленя. По краю седла, с обеих сторон, показаны по пять синкретических персонажей, крылатых, рогатых, хвостатых, шествующих навстречу друг другу. Край покрывки отделан двухцветным шнуром, скрученным из ниток красного и белого цветов.

После антисептирования в течение двух месяцев продолжалась пропитка раствором полиэтиленгликоля ПЭГ-400 в этаноле по методу нарастающих концентраций. Систематически наносилась жирующая эмульсия (Карпеева, 2000), так как войлок и шерстяная ткань, подобно коже и меху, приобрели в процессе археологизации обезжиренное состояние. Все применяемые составы содержали тимол в качестве антисептика. Результаты обработки контролировались микробиологическими анализами, выполняемыми методом посева на питательную среду. После пропитки получена стерильно чистая поверхность, где ранее моментально появлялась плесень в случае нарушения режима хранения (напри-

мер, при отключении электроэнергии или поломке холодильника).

По достижении стабильного состояния лицевой стороны она была покрыта пищевой пленкой, установлены ограничивающие бортики, образовавшийся объем заполнен гипсовым раствором. Таким образом получился кожух, надежно предохраняющий поверхность от механических повреждений, что дало возможность перевернуть седло на тыльную сторону для проведения ее обработки (рис. 11: 2). Значительная толщина комплекса, разнородность составляющих его слоев препятствовали полной пропитке (а значит, и дезинфекции), поэтому здесь даже визуально определялось наличие биодеградаторов, подтвержденное микробиологическим и микробиологическим исследованиями (рис. 12).

На обратной стороне седла находились конские ребра и шкура, в которых остались деревянные украшения, хорошо различаемые на рентгеновском снимке (рис. 10: 2, 3). Проведено частичное разделение конгломерата с удалением останков лошади, так как перед нами не ставилась задача сохранения биологического объекта. Консервационная обработка обратной стороны аналогична обработке лицевой стороны.

С обратной стороны седло смонтировано на жесткую основу из заливочного пенопласта, повторяющую его форму и сохраняющую возможность выполнить размонтировку. Седло снова перевернуто декором вверх, удален защитный гипсовый кожух, продолжены работы по лицевой стороне. На этом этапе основным процессом стала очистка войлока от загрязнений, вынесенных на поверхность в процессе

Рис. 5. Подвеска к покрытию седла – войлочная рыба: 1 – ком войлока, извлеченный из блока; 2 – подвеска после разворачивания и реставрации; 3 –деталь подвески.

Fig. 5. Felt “fish” suspended to saddle cover.

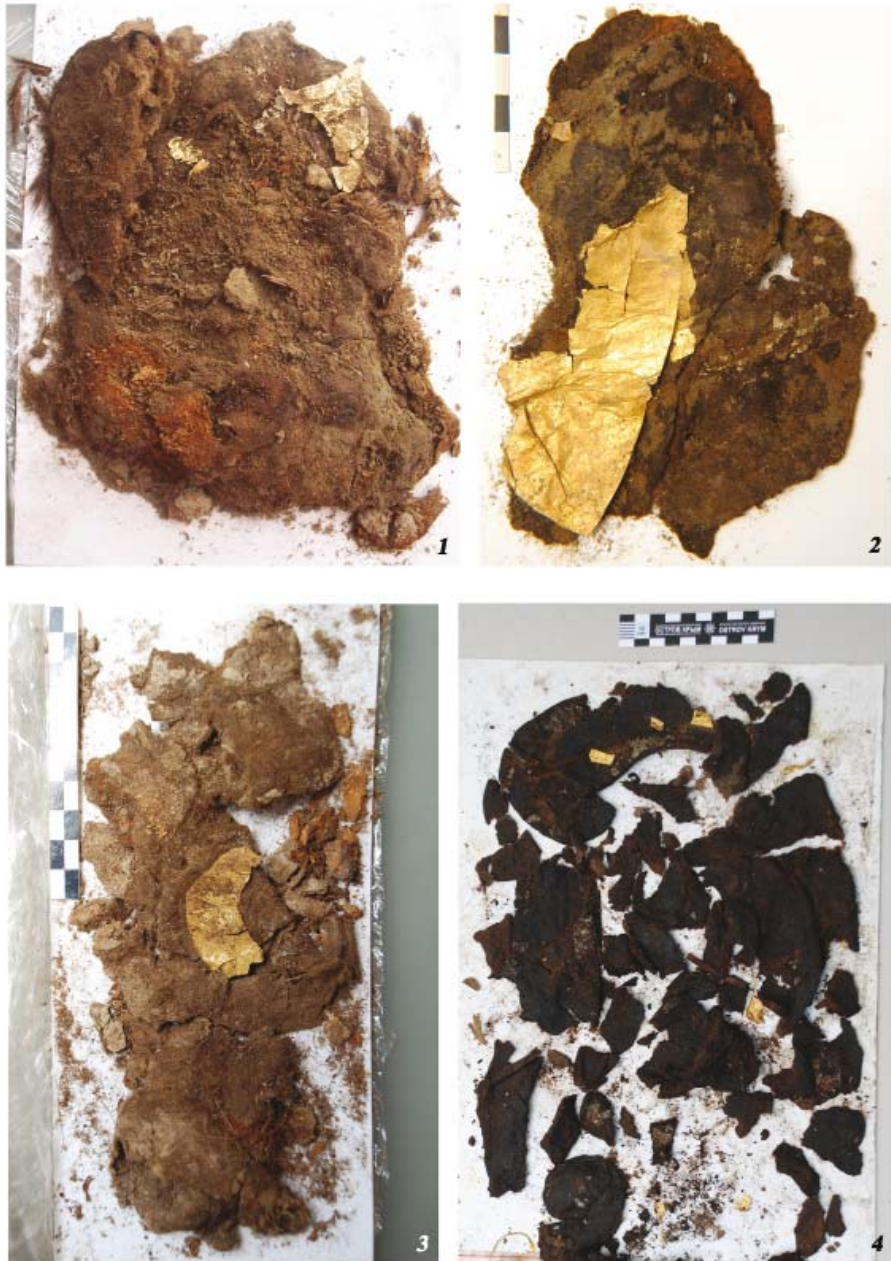

Рис. 6. Реконструкция текстильного изделия по аналогу из Второго Пазырыкского кургана: 1–4 – фрагменты войлока.

Fig. 6. Textile item reconstruction by analogy from the 2nd Pazyryk burial mound: 1–4 – felt fragments.

Рис. 7. Реконструкция текстильного изделия по аналогу из Второго Пазырыкского кургана: 1–3 – фрагменты войлока.

Fig. 7. Textile item reconstruction by analogy from the 2nd Pazyryk burial mound: 1–3 – felt fragments.

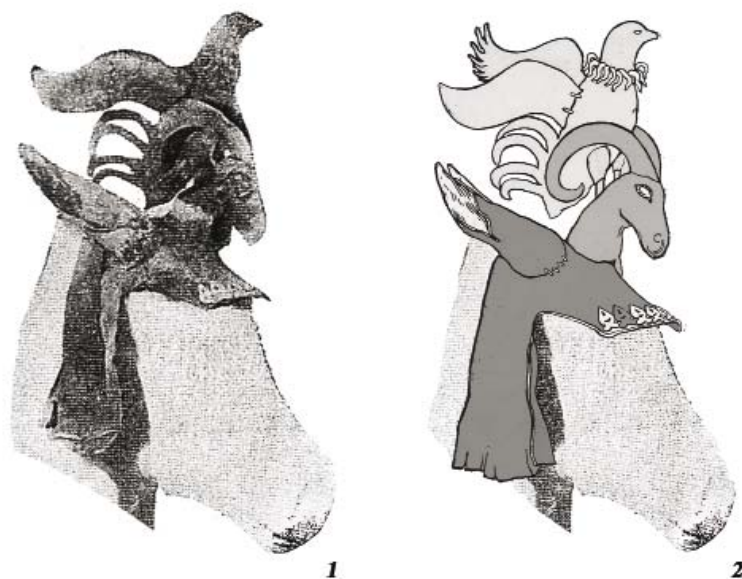

Рис. 8. Реконструкция текстильного изделия по аналогу из Второго Пазырыкского кургана: 1 – конский головной убор из Второго Пазырыкского кургана (Руденко, 1953, табл. LXXII, 5; с. 223, рис. 137); 2 – реконструкция конского головной убора.

Fig. 8. Textile item reconstruction by analogy from the 2nd Pazyryk burial mound.

Рис. 9. Вышивка в виде крылатого коня.

Fig. 9. Embroidery: a winged horse.

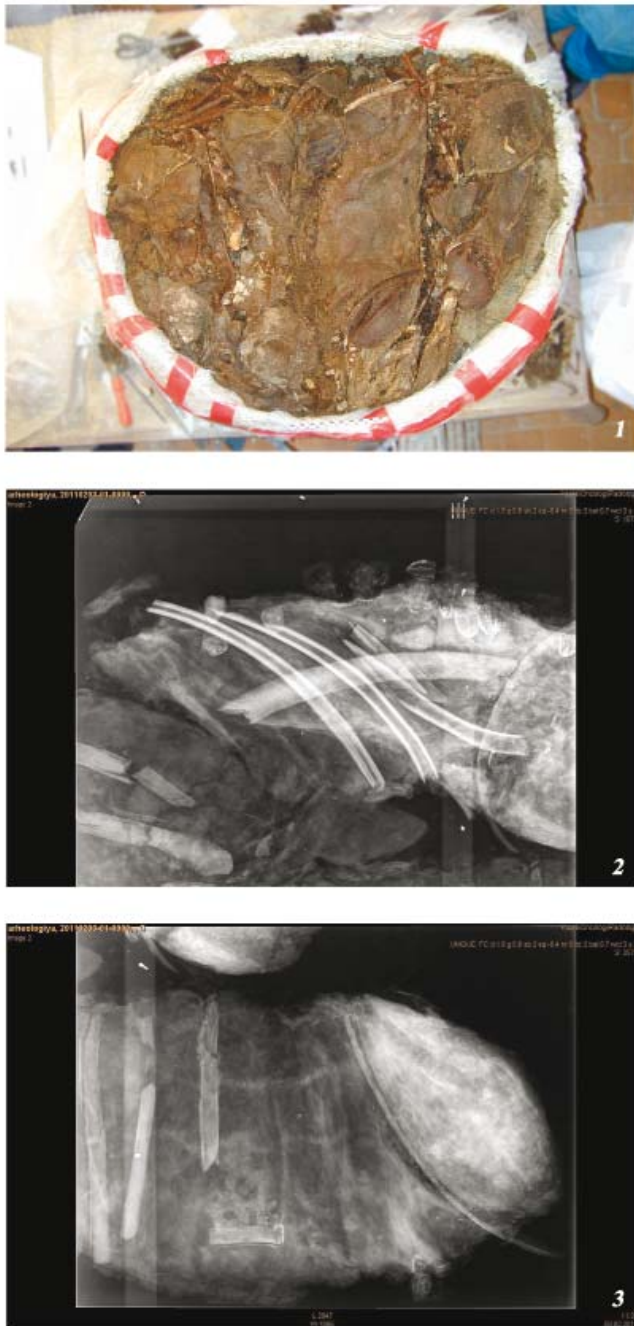

Рис. 10. Консервация и реставрация седла: 1 – вид блока с седлом до реставрации; 2 – рентгеновские снимки седла.

Fig. 10. Saddle conservation and restoration.

Рис. 11. Консервация и реставрация седла: 1 – консервация лицевой стороны седла; 2 – обратная сторона седла.

Fig. 11. Saddle conservation and restoration.

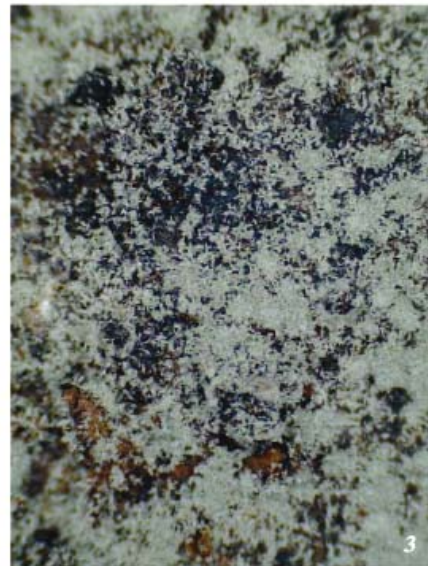
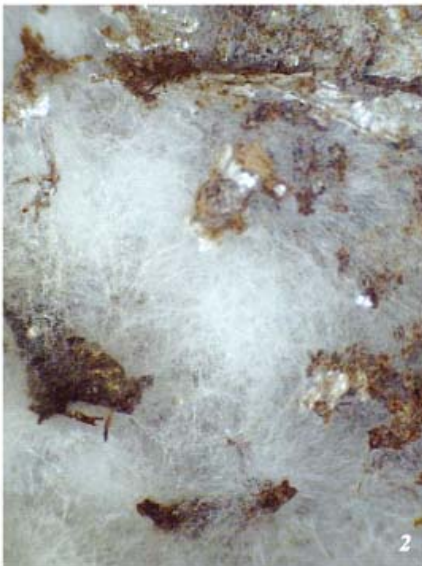

Рис. 12. Обследование обратной стороны седла: 1 – микроскопическое исследование; 2, 3 – результаты микроскопического исследования на экране компьютера.

Fig. 12. Examination of saddle reverse.

Рис. 13. Реставрация седла: 1 – вид лицевой стороны седла после консервации и полного высыхания; 2, 3 – процесс очистки войлока; 4, 5 – фрагмент седла до и после очистки; 6 – седло после реставрации.

Fig. 13. Saddle restoration.

Рис. 14. Упаковка седельного набора для транспортировки: 1 – седло;
2 – деревянные детали.

Fig. 14. Saddle set packaged for transportation.

пропитки. Использован метод сухой механической очистки под лупой (рис. 13: 1–5).

Решено не разделять покрытие и седельную подушку, хотя понятно, что это разные предметы и разные материалы. От первоначальной толщины войлочной покрывки, которая могла составлять 1,5–3 мм (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 109–119), сохранился слой толщиной в доли миллиметра, а местами войлок совсем утрачен. Поскольку художественную ценность представляет декорированное покрытие, лучше сохранить его лежащим на основании – седельной подушке, фрагмент которой имеется в открытом виде.

Расчищенное седло дополнено деревянными деталями, обработанными

в других условиях. Извлеченные из биомассы тыльной стороны украшения конского снаряжения размещены на лицевой стороне. Это растительный орнамент, плакированный золотой фольгой, и 9 рифленых подвесок. Возвращены на место деревянные седельные дужки (рис. 13: 6).

Для сохранности седла при транспортировке изготовлена специальная упаковка, предохраняющая его от механических воздействий и биопоражений. Под крышкой ящика находится прокладка из заливочного пенопласта, точно повторяющая форму поверхности экспоната и плотно прилегающая к ней (рис. 14: 1). Деревянные детали, не прикрепленные к седлу, упакованы отдельно и устанавливаются согласно прилагаемой схеме (рис. 14: 2).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. – Алматы: Остров Крым, 2014. – 360 с.
2. Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Диагностика процесса пропитки деградированной древесины // Поиск. – 2010. – № 4. – С. 20–24.
3. Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К. Инновационный патент РК №25464 «Способ пропитки древесины» // Бюллетень изобретений РК. – 2012. – № 1.
4. Карпеева Е.В. Реставрация и консервация меховой и кожаной одежды // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд. ИАЭ СО РАН, 2000. – С. 278–282.
5. Килуновская М.Е. Закономерности “разграблений” курганов скифского времени в Туве // Тр. IV ВАС в Казани. Т.2 – Казань: Отечество, 2014. – С. 110–112.
6. Молодин В.И. Методика археологических исследований памятников с мерзлотой // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд. ИАЭ СО РАН, 2000. – С. 50–56.
7. Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: ИД Триумф принт, 2012. – 565 с.
8. Мороз М.В., Шумакова Е.В. Реставрация тканей и войлоков // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд. ИАЭ СО РАН, 2000. – С. 270–277.
9. Орфинская О.В. Опыт исследования и реконструкций изделий из археологического текстиля // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Ч. 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 369–372.
10. Очир-Горяева М.А. Постпогребальные обряды кочевников степей Евразии в скифскую эпоху // Тр IV ВАС в Казани. Т. 2 – Казань: Отечество, 2014. – С. 141–143.
11. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.
12. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М., Л.: АН СССР, 1953. – 401 с.

13. Самашев З. Берел. – Алматы: ИД “Таймас”, 2011. – 236 с.
14. Синицына Н.П. Методика первичной обработки и консервации археологического текстиля и кожи в лабораторных условиях // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. – Т. 1. – М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. – С. 72–79.

Информация об авторе:

Алтынбекова Дана Кырымовна, художник-реставратор, научно-реставрационная лаборатория “Остров Крым” (г. Алматы, Республика Казахстан); danatengri@gmail.com

CONSERVATION AND RESTORATION OF ARCHAEOLOGICAL TEXTILES FROM THE DISTURBED ALTAI BURIAL MOUNDS OF THE EARLY IRON AGE

D.K. Altynbekova

The article deals with the experience of scientific restoration “Ostrov Krym” laboratory in the conservation and restoration of archaeological textiles from disturbed mounds of the IV–III centuries BC, located in the Kazakh Altai. The specialists of the laboratory participate in field works, carrying out the extraction of large monolith blocks with findings, using the methods of forming blocks that were developed in practice.

Two methods are considered aimed at conservation of textile fabrics recovered from excavation blocks, depending on their content. The first method – sequential splitting of the block into its components – is used in the presence of a random set of organic material fragments. The process of stratification of the conglomerate, stabilization of the separated fragments and their identification is described. In the process of textile items reconstruction, well-preserved analogs of synchronous Altai burial mounds located on the territory of Russia and Mongolia are used. Examples of reconstruction of felt items are cited. The second method consists in block preservation without dissection. It is applied if block content is regarded as a kind of independent indivisible complex. The process of conservation is shown by the case-study of the saddle set, extracted from the excavation pit with the remains of the horse in damp state.

Keywords: archaeology, the Altai, early Iron Age, conservation, restoration, reconstruction, archaeological textiles, disturbed burial mounds, the Pazyryk culture, conglomerate blocks.

REFERENCES

1. Altynbekov K. 2014. *Vozrozhdennye sokrovishcha Kazakhstana: opyt nauchnoi restavratsii (Resurrected Treasures of Kazakhstan: an Experience of Scientific Restoration)*. Almaty: “Ostrov Krym” Publ. (in Russian).
2. Akhmetkaliev, R. B., Altynbekov K. 2010. In *Poisk (Search)* 4, 20–24 (in Russian).
3. Akhmetkaliev, R. B., Altynbekov K. 2012. In *Biulleten' izobretenii RK (Bulletin of Inventions RK)* (1) (in Russian).
4. Karpeeva, E. V. 2000. In *Fenomen altaiskikh mumii (The Phenomenon of Altai Mummies)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Archaeology and Ethnography Institute, 278–282 (in Russian).
5. Kilunovskaia, M. E. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Convention at Kazan)* 2. Kazan: “Otechestvo” Publ., 110–112 (in Russian).

6. Molodin, V. I. 2000. In *Fenomen altaiskikh mumii (The Phenomenon of Altai Mummies)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Archaeology and Ethnography Institute, 50–56 (in Russian).
7. Molodin, V. I., Partzinger, H., Tseveendorzh, D. 2012. *Zamerzshie pogrebal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury na iuzhnykh sklonakh Sailiugema (Mongol'skii Altai) (Frozen Funerary Complexes of the Pazyryk Culture on the Southern Slopes of Sailyugem (Mongolian Altai))*. Moscow: "ID Triumf print" Publ. (in Russian).
8. Moroz, M. V., Shumakova, E. V. 2000. In *Fenomen altaiskikh mumii (The Phenomenon of Altai Mummies)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Archaeology and Ethnography Institute, 270–277 (in Russian).
9. Orfinskaia, O. V. 2010. In *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 369–372 (in Russian).
10. Ochir-Goriaeva, M. A. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Convention at Kazan)* 2 Kazan: "Otechestvo" Publ., 141–143 (in Russian).
11. Polos'mak, N. V., Barkova, L. L. 2005. *Kostium i tekstil' pazyryktsev Altaia (IV–III vv. do n.e.) (The Costume and Textile of the Pazyryk People of Altai Mountains (4th — 3rd Centuries BC))*. Novosibirsk: "Infolio" Publ. (in Russian).
12. Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v Skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
13. Samashev, Z. 2011. *Berel (The Berel)*. Almaty: "Taimas" Publ. (in Russian).
14. Sinitsyna, N. P. 2009. In *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremliã (The Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens at Ascension Convent of Moscow Kremlin)* 1. *Istoriia usypal'nitsy i metodika issledovaniia zakhoroneniï (The History of Shrine and Method of Grave Research)*. Moscow: State Historical and Cultural Museum-Reserve "Moscow Kremlin", 72–79 (in Russian).

About the Author:

Alтынбекова Дана К. Scientific-restoration laboratory the "Ostrov Krym". Almaty, Kazakhstan; danatengri@gmail.com

УДК 745.52(470.6)

**ПАРАДНОЕ ПЛАТЬЕ АХЕМЕНИДСКОЙ ЗНАТИ VI–V ВВ. ДО Н.Э.
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАХОДОК ИЗ 5-ГО ПАЗЫРЫКСКОГО
КУРГАНА И СИНХРОННЫХ АХЕМЕНИДСКОМУ ВРЕМЕНИ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)**

©2015 г. Е.Г. Царева

Статья представляет результаты изучения уникального композитного конского чепрака и нагрудного ремня, обнаруженных в захоронении вождя в 5-ом Пазырыкском кургане (Горный Алтай, середина III в. до н.э.), изначально атрибутированных как иранские. Декор чепрака и ремня составляли фрагментированные узорные ткани трех видов. Задачей исследования было определение территорий и времени их создания, первичного использования и путей попадания в сакскую среду Алтая. С этой целью были изучены и системно описаны структуры названных тканей. Одна из них (покрытие торцов войлочной основы попоны), с пурпурным фоном и рисунком «башенки», выполненная шерстяными и льняными нитями Z-прядения в технике килима с зацепом по основе (вариант *dove tail*), была идентифицирована как сирийская, предположительно, времени правления Дария I. Две других, с рисунком «шествие львов» (нагрудник) и сценой «жрица и служанка перед курильницей» (окантовка торцевых панелей) были выполнены также шерстью и льном, но другого качества, и S-прядения, в технике килима с зазором. Обе были атрибутированы как египетские (предположительно времени XXVII (персидской) династии). Результаты поисков изображений аналогично декорированных тканей на памятниках синхронного времени и исторической информации о текстильных производствах ахеменидской империи позволили предположить, что пурпурная ткань и лента «шествие львов» составляли части парадной накидки ахеменидской знати. На Алтай их могли привезти служившие в армии Александра Македонского и одаренные драгоценным пурпуром «скифы».

Ключевые слова: археология, история, 5-й Пазырыкский курган, археологический текстиль, саки, Ахемениды, структурный анализ, идентификация, церемониальный костюм, Александр Македонский.

Темой данного сообщения является уточнение временной и локальной атрибуции тканых компонентов уникальной композитной конской попоны из Пятого Пазырыкского кургана (далее ПК-5) в Горном Алтае, выявление изначального назначения составляющих ее узорных тканей в технике килима и возможных путей ее появления у ранних кочевников Южной Сибири.

Сразу оговорюсь, что широко рас-

пространенному сегодня термину «шпалерная» техника я предпочитаю определение «килим», поскольку среди историков текстиля «шпалера», как правило, обозначает не только особо сложный вариант килимной техники, но и определенный вид изготовленных с ее применением предметов.

Пазырыкские курганы и многие обнаруженные в них тканые и войлочные предметы хорошо известны, тем не менее приведу краткую информа-

цию о ПК-5 и найденных в нем текстильных артефактах. Один из пяти «царских» тумулусов «долины мертвых» Алтая был открыт и изучен экспедицией С.И. Руденко в 1946 г. (Руденко, 1953). Сегодня пазырыкскую культуру относят к огромному миру сакских культур Средней и Центральной Азии и датируют IV–III вв. до н.э. (непосредственно ПК-5 – серединой III в. до н.э.). Аналогично другим большим курганам ПК-5 был почти полностью ограблен еще в древности. Однако внешнее по отношению к центральной камере конское захоронение не было потревожено, и именно в нем были обнаружены наиболее значительные находки, в том числе обсуждаемый в статье конский чепрак с нагрудным ремнем.

В соответствии с высочайшим статусом захороненного в ПК-5 вождя, найденный в тумулусе сопроводительный инвентарь носит элитный характер и включает в себя знаменитый ворсовый ковер середины IV в. до н.э. и не менее знаменитый войлочный занавес; бытовой текстиль в кургане практически не представлен. Для историков текстиля особенно важно, что из почти 5000 находок из пяти «царских» и трех малых курганов Пазырыкской долины более 250 артефактов составляют текстильные изделия. Это петлевые, узелковые, войлочные ковры и коврики, предметы одежды, убранства коней, головные уборы и множество других артефактов, в число которых я включаю идеально сделанные корды и нити. Все вместе они представляют блистательную картину поистине роскошной текстильной культуры населения Пазырыкских курганов и говорят о множественных сторонах жизни ранних кочевников

Алтая и не только их широких торговых, но и иных, часто немирных, связях с крайне удаленными от Алтая территориями древнего мира. К таким находкам-маркерам, например, относятся ткани хлопковой рубашки из ПК-2 и ряда шелковых артефактов из ПК-2 и ПК-5 южно-китайского происхождения.¹

Элитный текстиль из Пазырыкских курганов хорошо известен благодаря работе М.П. Грязнова (1950), блестящей публикации С.И. Руденко «Древнейшие в мире художественные ковры и ткани» (1968), переводу на английский язык его монографии «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (Rudenko, 1970), а также множественным специальным статьям отечественных и зарубежных авторов. Отметим, что большая их часть посвящена проблеме атрибуции ворсового ковра из ПК-5. Иные ткани из ПК, к сожалению, публиковались крайне мало и, как правило, без соответствующего современным стандартам описания их структурных составляющих, включая красители.² Такое положение делает невозможным правильную атрибуцию текстильных памятников, поскольку, как показали исследования последних десятилетий, для их верной идентификации требу-

¹ Мнение проф. Нуншмэ Дзюнро. Цитируется по: (Лубо-Лесниченко 1994, с. 22). Отметим важность для данной темы материалов монографии Э.В. Ртвеладзе «Великий индийский путь» (Ртвеладзе, 2012).

² Исключение составили статьи Т.Н. Глушковой (2005) и Е.Г. Царевой (2006). Содержащие высокоинформативный материал монографии Н.В. Полосьмак (для нашей темы особо отметим (Полосьмак, Баркова, 2005), точных системных описаний не приводят.

ется не только искусствоведческий анализ и фиксация основных эксплицитных параметров, но и точное описание всех структурных компонентов рассматриваемых артефактов.

Атрибуция алтайских находок усложняется тем, что, аналогично текстильным практикам родственных текстильных культур Евразии в рассматриваемое время, т.е. во второй половине I тыс. до н. э., основным текстильным материалом изготовления узорных тканей у пазырыкцев была шерсть. В первую очередь, сказанное относится к территории собственно Центральной Азии, Циркумпонтийской зоны и Восточного Средиземноморья. Следует подчеркнуть, что родственность эта распространялась не только на материалы, но и на используемые населением этих огромных пространств техники, виды тканей и в значительной степени украшающие их сюжеты и орнаменты. Именно данным обстоятельством обусловлены трудности с ответом на вопрос: была сделана та или иная рассматриваемая ткань на Алтае, в бассейне реки Тарим, Северном Причерноморье или в Иране, Сирии, Египте?

Приведенный перечень не случаен, поскольку именно на названных территориях археологами были обнаружены ткани, близкие или даже идентичные пазырыкским по рисунку, технике изготовления, либо по обеим группам параметров.³ Процесс их

³ Существует некоторое, хотя и небольшое число публикаций шерстяных тканей из археологических памятников Египта, Восточного Средиземноморья, Пальмиры и Дура-Европоса, Причерноморья и Северной Монголии. В последние годы появилось также множество фундаментальных работ, посвященных текстильным находкам бассейна реки Тарим

идентификации, впрочем, как и другого археологического текстиля, был необычайно интересен и сопоставим с чтением древней рукописи: если язык и алфавит знакомы – текст прост для понимания, если же нет – расшифровка может занять годы и даже десятилетия. Такой увлекательной «рукописью» оказался и обсуждаемый в статье композитный чепрак и составляющий с ним комплект нагрудник из ПК-5 (колл. № 1687-100/1а,б; 2). Перейдем к их рассмотрению.

Попона имеет удлиненную прямоугольную форму, размерами 235 x 60 см. Ее основу составляет тонкое войлочное полотно белого цвета. Оба конца основы покрыты сшитой из фрагментов узорной килимной тканью с пурпурным фоном и узким П-образным окаймлением, также составленным из сшитых друг с другом фрагментов килима с доминирующими голубыми и серыми тонами (рис. 1). Размеры килимных покрытий – 91 x 43 см и 85 x 42 см; сшиты они приблизительно из 40 фрагментов⁴ клиновидной и подпрямоугольной формы, но также в виде полуovalов. Ширина обрамляющей каймы 4–5 см; в общей сложности в ней использовано 48 фрагментов длиной 4–9 см. Нагрудник также сшивной, состоит из двух частей общей длиной 70 и шириной 5 см.

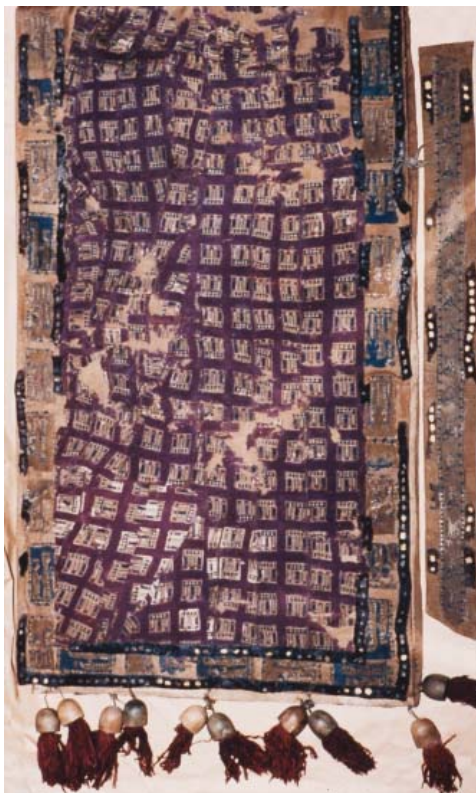
Декор пурпурного килима представляет собой регулярные (иногда

из археологических сайтов (главным образом на английском, немецком и китайском языках). Привести огромный список этой литературы в рамках данной короткой статьи не представляется возможным.

⁴ Точное число фрагментов определить не удалось из-за утрат, фрагментарного состояния ткани и невозможности проведения подетальной съемки экспоната.

Рис. 1. Часть чепрака, с нагрудным ремнем. Съемка автора. Публикуется с любезного разрешения Л.Л. Барковой, хранителя коллекции на момент съемки.

Fig. 1. Fragment of trapping, with breast belt.
Photo by the author.

слегка смещенные) ряды близких к квадрату прямоугольников (рис. 2). Рисунок окантовки – две женские фигуры перед курильницей (рис. 1, 2). Нагрудник в виде длинной полосы, в близких к окантовке тонах, изображает шествие львов (рис. 1, 3).

С.И. Руденко назвал ткани «иранскими» на основе стилистического анализа и отнес их к ахеменидскому времени, что не вызывает ни малейших сомнений, поскольку три изображенные на чепраке и ремне рисунка представлены на классических памятниках Ирана времени Ахеменидов. Приведем наиболее известные сравнения и начнем с композиции «жрица со служанкой перед курильницей» (определение С.И. Руденко), представленной на ткани окантовки (рис. 4 а). Композиция хорошо идентифицируется – ее характер и «заказ-

чик» ткани не вызывают сомнений. Наиболее близкий аналог рисунку был найден на цилиндрической печати ахеменидского времени (рис. 4 б) и подтверждается другими, хотя и редкими, женскими образами и множественными ближневосточными изображениями курильниц представленного типа, в ахеменидский период вошедших в зороастрийский ритуал.

Сюжет декора ремня, а именно, шествие львов (рис. 5 а) широко представлен в искусстве Древнего Востока и Эллады. Пожалуй, наиболее известным и выразительным аналогом данному варианту являются образы шествующих львов на Воротах Иштар, Вавилон (рис. 5 б). В иранской художественной традиции рассматриваемого времени в близкой к ткани ремня иконографии сюжет представлен на рельефах дворца Дария I в Персеполе.

Рис. 2. Деталь «Килима с башенками». Съемка автора.

Fig. 2. Fragment of the item with "tower" pattern. Photo by the author.

Назовем лишь некоторые: балдахин с «шестивем львов» в сцене с приемом Дария, высеченной в восточной части ападаны (Stronach 1993, fig. 6); декор покрытия трона на косяке западной двери северной стены «Зала 100 колонн» (ibid., fig. 7); оторочку платья Ксеркса на рельефе западного косяка северного входа главного зала гарема (ibid., fig. 10). Для нашего исследования особое значение имеет последнее изображение, далее будет объяснено, почему (рис. 6).

Вполне очевидны также и результаты сопоставления декора пурпурного килима с группой изобразительных памятников ахеменидского периода. Как было сказано выше, рисунок ткани представляет собой ряды близких к квадрату прямоугольников, представляющих собой, по общему мнению всех исследователей, изображение какого-то архитектурного сооружения. Наиболее близким известным мне аналогом данного варианта мотива является изо-

бражение модели здания на рельефе из Хорсабада со сценой подношений Саргону II (Hrouda, 2003, p. 350). Что касается рисунка в целом, его практически точной копией, при некоторой условности изображения, является декор ткани плечевой глухой накидки *kapuris*⁵ «белых» лучников гвардии «бессмертных», «охраняющих» вход дворца Дария Великого в Сузах (построен в 519 г. до н.э.) (рис. 7).⁶

Рассматривая пурпурную ткань и ленту со львами и сравнивая их с приведенными изображениями (рис. 6, 7), мы приходим к логичному выводу, что ткань и лента могли представлять части роскошного парадного костюма Ахеменидов времени Дария I и Ксеркса. А именно, пурпурный килим составлял основу плечевой накидки, а килим со львами – ее окантовку и

⁵ Термин приводится по: (Яценко, 2006, с. 34).

⁶ Иные аналоги не рассматриваем в силу монохромности их изображений.

Рис. 3. Деталь обшивки чепрака, с композицией «Жрица и служанка, перед курильницей». Съемка автора.

Fig. 3. Fragment of the trapping end face with the “priestess and maid servant in front of an incense burner” composition. Photo by the author.

Рис. 4. Деталь нагрудного ремня, с композицией «Шествие львов». Съемка автора.

Fig. 4. Fragment of the breast belt with the “lion procession” composition. Photo by the author. id period stamp with the “priestess and maid servant in front of an incense burner” composition (after Hicks, 1975, p. 81).

Рис. 5. Деталь печати ахеменидского времени, с композицией «Дама и служанка, перед курильницей». Воспроизводится по (Hicks, 1975, p. 81).

Fig. 5. Fragment of Achaemenid period stamp with the “priestess and maid servant in front of an incense burner” composition (after Hicks, 1975, p. 81).

вставки на месте плечевых и нагрудных швов (имеющиеся изображения не позволяют определить, был ли шов на спине *kapuris*).

Такая глухая, сшитая в круг накидка, выкроенная из нескольких деталей (поперечная полоса и пришитые к ней полукружья часто разного цвета и рисунка), с треугольной горловиной, носилась с «длинной, до пят, юбкой, присобранной в середине или вдоль ног вертикальными складками и затыкнутой в этих местах за пояс. Спереди и сзади она затыкалась под пояс юбки, так что образовывались крыловидные «рукава» (Горелик, 1985, с. 37). Михаил Викторович относил такой комплект к сузианско-аншанскому комплексу и говорил о его заимствованном характере, что подтверждается ограниченностью круга его пользователей (парадный, для знатных лиц ахеменидского двора) и недолгим периодом бытования (судя по известным памятникам, в пределах VI–V вв. до н.э.). В целом вопрос о крое *kapuris* сегодня не вызывает сомнения, тем не менее приведем подтверждающее предлагаемый вариант наблюдение, а именно: на ряде рельефов Персеполя, например, в сцене с Дарием, убивающим грифона (Персеполь, Зал 100 колонн), отчетливо видно, что для обеспечения свободы движения царь закинул «крылья» накидки на плечи (рис. 8). Аналогичные картины мы видим и на других памятниках, например, на печатях (Nick 1975, p. 81, top). Доказательством использования в качестве обшивки килима, который является двусторонней тканью (т.е. рисунок одинаков с лица и изнанки), служат «рукава» накидки лучников из Суз, которые изображены таким образом, что мы видим как

внешнюю, так и внутреннюю поверхности края накидки.

Продолжим тему кроя *kapuris*. Одна из прослеживаемых с глубокой древности особенностей декорированных предметов костюма населения Восточного Средиземноморья – их сшивной характер. Так, в эллинистический период каймы и другие орнаментированные детали одежды изготавливались отдельно от гладких безузорных полотнищ и затем либо нашивались на последние, либо сшивались с ними. В рассматриваемой накидке сказанное относится не только к основному полотнищу, но и к обрамляющей кромке, полосам вдоль линий сшивания всех ее частей, обрамления ворота и поперечной линии на груди. Сопоставляя рисунок ткани костюма «бессмертных» (рис. 7), оторочку платья Ксеркса, с шестивельвов (рис. 6), декор пурпурной ткани и нагрудника из ПК-5, мы получаем удивительное по красоте одеяние.

При этом открытым остается вопрос: была ли изначально использована в рассматриваемом композите «ткань со жрицами»? Судя по ее воитивному сюжету и размерам «таблеток» (высота от 7 до 8,5 см), это представляется мало вероятным. Скорее, имеющиеся фрагменты составляли настенный занавес с клетчатой композицией (см., например, предложенную С.И. Руденко реконструкцию, рис. 9).

Но вернемся к килимам. Очевидным видимым отличием между пурпурной тканью из ПК-5 и декором платья «бессмертных» является расцветка: так, если одежды лучников имеют белый фон, то пазырыкский килим – пурпурный, причем крашеный природным пурпуром.⁷ При

⁷ О красителях чепрака см. ниже.

этом, если окраску деталей квадратов мы определяем точно (фон выполнен в очень светлых тонах серого, рисунок – в оттенках пурпурного, синего, коричневого и светло-серого), то цветовая гамма *kapyris* лучников просматривается плохо из-за утрат на поливных кирпичах рельефа (выявлены серый, зеленый, пурпурный). В целом приведенные сопоставления позволяют предположить, что ткани рассматриваемого типа были каноничны для Ахеменидского Ирана V в. до н.э., причем изготавливались они в разных расцветках, поскольку предназначались для лиц разного ранга. При этом в соответствии с ближневосточной традицией варианты с крашенным природным пурпуром фоном должны были использоваться персонами высочайшего статуса. Это предположение абсолютно обоснованно, поскольку с древности и вплоть до синтеза искусственного пигмента пурпур был поистине драгоценным красителем, часто назывался «царским», и очень дорого ценились даже его имитации. Исходя из сказанного, можно предположить, что ткани чепрака из ПК-5 могли составлять части костюма, предназначенного (или принадлежавшего) для кого-то из членов ахеменидской династии V–VI вв. до н.э.

Итак, мы рассмотрели адекватный реалиям ахеменидского времени вариант использования тканей пазырыкского чепрака и нагрудника.⁸ Однако это была лишь часть исследования, оставались другие, более сложные, вопросы. Один из них относился к проблеме определения территорий

⁸ Впервые тема была представлена к рассмотрению автором в 2005 г. на VI Конгрессе антропологов и этнографов России (Царева, 2005, с. 164–165).

изготовления трех килимов, поскольку видимые невооруженным глазом различия в структурах изначально вызвали сомнения в идентичности места их производства. И действительно, близкое «знакомство» с чепраком показало, что, несмотря на, так сказать, «фамильное родство», структурно названные ткани значительно, можно сказать, принципиально отличаются и представляют варианты двух подвидов килима. А именно: «килима с зацепом по основе» и «килима с зазорами» (рис. 10). В первой из названных техник сделана пурпурная ткань, во второй – ее обрамление и нагрудник. Отличия касаются также манеры протягивания утка, плотности, толщины, а также использованных ткачами материалов и способов нитеобразования. Все это вызвало интересные вопросы и впоследствии дало не менее интересные ответы, причем более простой задачей оказалась атрибуция страны производства тканей окантовки и нагрудного ремня.

Рассмотрим подробнее **структурные особенности ткани с женскими фигурами** (рис. 11). Нити основы: шерсть цвета темной слоновой кости и бежевого, S1; сученые S2Z, тугая крутка. Уток: шерсть и лен; S1. В орнаментированных деталях лен использован в изображениях лиц, рук, деталей одежды, полос фона между квадратами и обрамляющих композицию треугольников.

Выявленные цвета: светло-пурпурный, светло-коричневый, цвет верблюжьей шерсти, синий, бирюзовый, светло-серый, белый (лен) (7) (возможно, оттенков больше; вероятно, использовалось несколько ванн).

Переплетение: килим с репсовым эффектом, с зазорами, редкими за-

Рис. 6. Фигура льва. Ворота Иштар, Вавилон; Музей Пергамон, Берлин. Съемка автора.

Fig. 6. The image of lion. Ishtar Gate, Babel. Pergamon Museum, Berlin. Photo by the author.

цепами по основе (через 2,5–3 мм) и сшивками через 2 мм. Выявлены приемы эксцентричности и диагонального оконтуривания дополнительными уточными нитями, S2 (гобеленный тип). Плотность по основе: 18–22 концов/см; по утку: 80 (фон) x 80–90 (орнаментированные детали) прогонов/см.

Сшивная нить, соединяющая фрагменты друг с другом и с пурпурной панелью – шерсть оттенков коричневого цвета и лен, Z2S.

Структурные параметры ткани ремня. Основа: шерсть, S2Z, светло-серого цвета с золотистым оттенком; ссучена с коричневой, очень тонкой, с круткой 18–20 витков/см. Уток: шерсть и лен; S-пряденые; крутка слабая.

Выявленные цвета: пурпурно-коричневый, синий, два оттенка темного серого, светло-серый, белый (лен) (6).

Переплетение: килим с репсовым

эффектом, с зазорами, редкими зацепами по основе (через 2,5–3 мм) и сшивками через 2 мм. Выявлены приемы эксцентричности и диагонального оконтуривания дополнительными уточными нитями (гобеленный тип), S2. Плотность по основе: 16–22 концов/см; по утку: 88–90 прогонов/см (фон); в рисунке – до 124 прогонов/см.

По определению Людмилы Гавриленко,⁹ узоробразующие нити свиты из одноцветных волокон и окрашены однородно, что предполагает их окрашивание до прядения. Красители

⁹ Л.С. Гавриленко – зав. лабораторией физико-химического исследования материалов Государственного Эрмитажа. Вопросу крашения нитей чепрака посвящен ее совместный с И.А. Григорьевой доклад на VI Конгрессе этнографов и антропологов России (Гавриленко, Григорьева, 2005, с. 151–152).

Рис. 7. Фигура Ксеркса на рельефе западного косяка северного входа главного зала гарема. Цитируется по (Tilia, 1972, fig. 3, Tilia, 1978, fig. 10).

Fig. 7. The image of Xerxes on the relief of western post. Northern entrance to harem main chamber (after Tilia, 1972, fig. 3, Tilia, 1978, fig. 10).

тканей окантовки и нагрудника красноватого и синего тонов представляют собой имитацию пурпура. Выполнена она с помощью растительных красителей корней марены, индиго и дубильных веществ, а также животных красителей из карминоносных червецов рода *Porphyrophora*.

Сравнивая приведенные показатели, мы видим, что как структурные характеристики, так и красители ука-

зывают на единый центр производства обоих килимов, возможно даже на единую мастерскую. При этом структура нитей обеих тканей, S2Z, безошибочно указывает на египетское происхождение килимов, поскольку на протяжении последних 6 тысяч лет Египет являлся единственным **последовательным** пользователем S-пряжения. Одновременно вид сшивной нити – Z2S – и ее сравнение с другими использовавшими-

Рис. 8. Деталь композиции «Стражи гвардии «бессмертных». Дворец Дария Великого, Сузы. Музей Пергамон, Берлин. Съемка автора.

Fig. 8. Fragment of “The Immortal Guards” composition. The palace of Darius the Great, Susa. Pergamon Museum, Berlin. Photo by the author.

мися пазырыкцами соединительными нитями показывает, что соединение фрагментов в полотнище проводилось на Алтае.

Описанная манера ткачества также является данью времени и месту производства. Она не является редкостью и зафиксирована уже на самых ранних из известных нам образцах гобеленных тканей, обнаруженных в гробнице Тутмоса IV (носит имя его отца Тутмоса III¹⁰ и датируется XV в. до н.э.). Традиция уходит по меньшей мере в XIV век до н.э., во время переселения в Египет большого числа сирийских ткачей, произведенного Тут-

мосом IV (1419–1386 гг. до н.э.) после разгрома его армией стран Восточного Средиземноморья. Собственно, с этого времени начинается период активного использования египетскими мастерами окрашенной шерсти, главным образом в узорном килимном ткачестве, поскольку неорнаментированные ткани, включая ворсовые, изготавливались исключительно из льна.

Появление в Иране египетского текстиля с иранскими сюжетами вполне объяснимо. В ахеменидский период истории Древнего Египта (XXVII, XXXI династии; первое завоевание Камбисом – 525 год до н.э.) Та-Кемет, по общераспространенной системе, мог выплачивать часть дани узорными тканями, в том числе с заказными сюжетами. Отметим, что в отношении

¹⁰ См.: Cairo; Carter H. and Newberry P. E. Catalogue general des antiquites egyptiennes: The Tomb of Thoutmosis IV, Westminster, 1904, pl. 28.

Рис. 9. Рельеф «Дарий, убивающий грифона». Персеполь, «Зал 100 колонн». Съемка Е. Малоземовой, 2014 год, любезно предоставлена автором.

Fig. 9. Relief “Darius killing a griffin”. Persepolis, 100-columned hall. Photo by Ye. Malozemova, 2014.

Египта такая практика могла существовать в достаточно ограниченные промежутки времени: 525–404 либо 343–332 гг. до н.э., причем, исходя из изменения «моды» на сузиано-аншанский костюм, предположительно в первый из названных периодов.

Сложнее оказалась ситуация с пурпурной тканью. Ее структура в целом соответствовала техническим характеристикам килимов многих евразийских центров. Нити ткани свиты из предварительно окрашенных одноцветных волокон, либо из смеси разноцветных. Как уже говорилось выше, данный килим окрашен древним пурпуром и относится к драгоценным **царским** тканям. Ткань уникальна и является самой древней среди подобных находок, сохранивших свою окраску.¹¹

¹¹ Исходя из результатов исследования, можно предположить, что для крашения нитей лиловых тонов могли использовать как один из видов моллюсков – *Murex brandaris* или *Thais haemastoma*, – так и

Приведем **структурные показатели пурпурной ткани** (рис. 12). Материал основы: шерсть цвета темной слоновой кости, смешанная с коричневыми волокнами, Z2S, приблизительно 10 мкм толщиной, с круткой 20 витков/см. Темные нити более тонкие, чередуются со светлыми, хотя светлые преобладают. Плотность: 20–23 конца/см. Уток: шерсть и лен, Z1; крутка слабая. Плотность: от 80–90 (фон и узорная часть) до 100–130 (узорная часть) прогонов/см.

Цвета (8): пурпурно-красный, фиолетовый, зеленовато-синий, сиреневый, 2 оттенка светлого оливкового, цвет светлой верблюжьей шерсти, белый (лен).

Переплетение: килим гобеленного типа, с репсовым эффектом; в фоне

их сочетание. Нити узора фиолетовых и сине-фиолетовых оттенков могли быть окрашены другим видом моллюсков, например, *Murex trunculus*, содержащих синий компонент индиго. Желаемый синий оттенок мог быть получен и при использовании специальных приемов крашения.

Рис. 10. Цветовое решение платья сузианско-аншанского комплекса (авторская реконструкция на основе рис. 7).

Fig. 10. Color palette of clothing from the Susa-Anshan complex (author's reconstruction on the basis of Fig. 7).

многочисленные сцепы по диагонали (типа *lazy lines*); в рисунке зацепы по основе группами по 3–6 нитей (*dove tails*); обводы; слабо выраженный прием эксцентричности. Параллельно основе введены дополнительные узорообразующие уточные нити по типу *сумаха*, с зацепом через 3–3,5 мм (выполнены слабо сучеными нитями Z2S).

Определенные структурные показатели, особенности рисунка и временные рамки (VI–V вв. до н.э.) позволили предположить местом создания пурпурной ткани прибрежную часть Восточного Средиземноморья,

поскольку природный пурпур не выдерживает долгого хранения и перевозок. Манера ткачества указывает на высокоразвитый древний центр, предположительно на славившуюся с шумерского периода своими тканями Сирию, где вплоть до конца XIX в. из шелковых и серебряных нитей создавались потрясающие по технике ткачества костюмные килимы в серебряно-пурпурной гамме.

Итак, мы определили территории происхождения тканей чепрака и нагрудного ремня из ПК-5 и их использование для изготовления одежды

Рис. 11. Реконструкция С.И. Руденко рисунка композиции «Жрица и служанка перед курильницей». Публикуется по (Руденко, 1953, рис. 190).

Fig. 11. The composition “priestess and maid servant in front of an incense burner”. Drawing reconstructed by S.I. Rudenko (after Руденко, 1953, рис. 190).

типа *kapuris*. Без ответа пока остается вопрос: каким путем этот роскошный предмет гардероба ахеменидских шаханшахов мог попасть на далекий Алтай и в не менее далекую от персидского царского двора среду ранних кочевников? Напомним, что: 1) курган датируется серединой III в. до н.э.; 2) ношение окрашенной в натуральный пурпур одежды было прерогативой ахеменидского двора; 3) костюм сузиано-аншанского типа, судя по изобразительным источникам, уже к IV в. до н.э. вышел в Иране из употребления; 4) а поставки египетских килимов должны были прекратиться с завоеванием Та-Кемет армией Александра Македонского и падением Ахеменидской империи.

Поиски соответствующих всем названным условиям событий привели нас к определенным обстоятельствам

азиатских походов Александра, главными среди которых для рассматриваемой темы были два описанные источниками обстоятельства. Одним из них стало сообщение Плутарха (подтвержденное, хотя без особых подробностей, другими авторами). В соответствии с этим сообщением, Александр захватил в царской казне в Сузах 5000 талантов пурпура, «который все еще сохранял свой цвет, несмотря на то, что хранился на протяжении 190 лет», и Александр раздарил эти ткани своим сторонникам. Талант весил 16,8 кг (по подсчетам современных метрологов), т.е. мы говорим о 84 тоннах бесценных тканей).¹² Кроме того, все источ-

¹² В большинстве источников говорится о «пурпуре», без пояснения, что речь идет не о красителе, а об окрашенных пурпуром тканях. Сам пигмент быстро терял свои красящие свойства под воз-

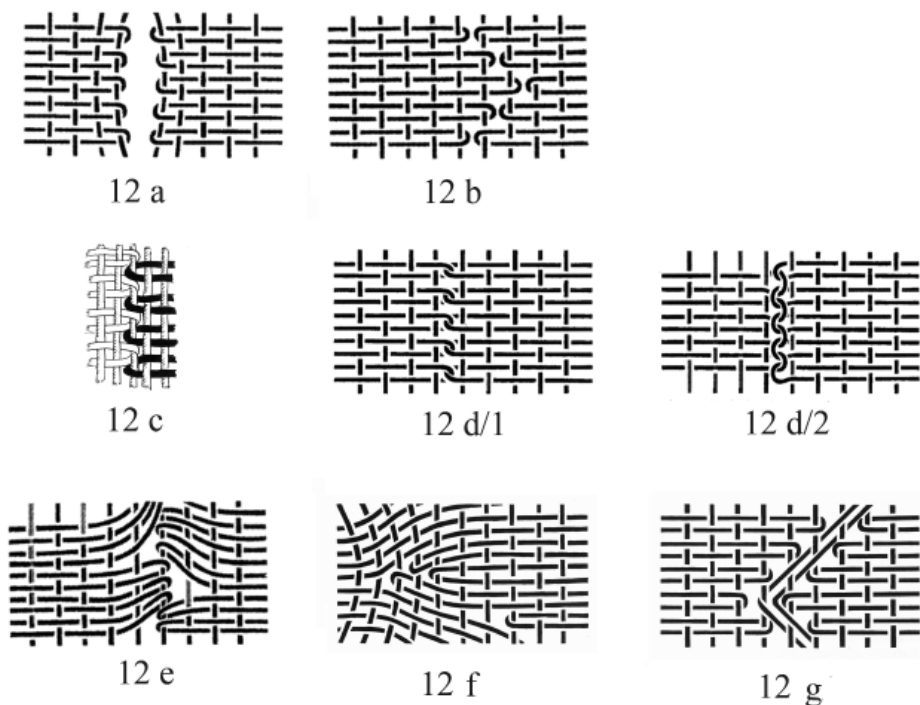

Рис. 12. Схема вариантов килимных переплетений: а, б) килим с зазором; с) килим с зацепом по основе; d/1,2) килим с зацепом по утку; е) вариант зацепа по основе dove tail; ф) прием эксцентricности; г) обводы. Рисунок автора.

Fig. 12. Diagram of kilim slit weave technique variants. Drawing by the author.

ники единодушно говорят о том, что Александр раздал своим сторонникам все тканые сокровища и продолжил эту практику, намереваясь одеть всю свою армию в пурпурные одежды.

Вызывает интерес называемый источниками период хранения тканей – 190 лет. С учетом того, что греки захватили Сузы в 324 году до н.э., мы говорим о времени строительства дворца Дарием I (начато в 518 году до н.э.). Судя по тысячелетиями не менявшей-

действием света, что обусловило его использование на территориях, близких к местам ловли моллюсков иглянок (*Murex brandaris L. (Bolinus brandaria)*, *Hexaplex trunculus* и *Thais haemastoma*), и ни в каком варианте не мог сохраняться в течение 190 лет.

ся системе хранения в государственных сокровищницах Древнего Востока не только и не столько даже предназначенных для дарения драгоценных тканей, сколько одежды из них, можно предположить, что в Сузах хранилось огромное количество юбок и накидок сузиано-аншанского типа. В IV в. этот комплекс был резко вытеснен костюмом мидийского типа, видимо, вследствие изменения политических ориентиров правящей династии. Данное обстоятельство может до определенной степени объяснить столь большое число «не востребуемых» одежд – их просто перестали носить.

Готовы ли были македонские ветераны носить абсолютно неприемлемую для них варварскую одежду по-

добного типа? (Мы говорим об армии, а не об Александре и его близком круге). Думаю, что нет. Зато ее могли высоко оценить скифские и бактрийские наемники, число которых в греческой армии с началом азиатского похода возрастало год от года. И вполне вероятно, что кто-то из этих наемников мог быть одарен пурпурным одеяни-

ем. Мы не знаем, служили ли в греческой армии саки, – судя по Арриану, нет, более того, саки были наиболее последовательными противниками Александра. Но кто-то из бактрийцев или скифов мог вернуться за Яксарт с *kapuris* и вотивным занавесом, и уже оттуда эти дивные предметы нашли свой путь на Алтай.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гавриленко Л.С., Григорьева И.А.* Красители шерстяного чепрака из 5-го Пазырыкского кургана // Исторический текстиль Евразии. VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тез. док. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 151–152.
2. *Глушкова Т.Н.* Технологическая характеристика пазырыкского текстиля с плато Укок // Н.В. Полосьмак, Л.Л. Баркова. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – С. 170–193.
3. *Горелик М.В.* К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. – Л.: Гос. Эрмитаж, Искусство, 1985. – С. 36–46.
4. *Грязнов М.П.* Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 91 с.
5. *Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с.
6. *Ртвеладзе Э.В.* Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 296 с., с илл.
7. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., 120 табл.
8. *Руденко С.И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. – М.: Искусство, 1968.
9. *Царева Е.Г.* Килимный чепрак ахеменидского времени из 5-го Пазырыкского кургана // Исторический текстиль Евразии. VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тез. док. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 164–165.
10. *Царева Е.Г.* Каталог тканей из пазырыкских курганов из собрания Государственного Эрмитажа // Полосьмак Н.В., Кундо Л.П. и др. Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н.э. (опыт междисциплинарного исследования) / Интеграционные проекты СО РАН. – Вып. 5. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – С. 232–262.
11. *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. – М.: Восточная литература РАН, 2006. – 664 с.
12. *Caubet A., Pouyssegur P.* The Ancient Near East. Paris: TERRAIL, 1988, pp. 14–15.
13. *Hicks J. and the Editors of the Time-Life Books.* (Nederland) B.V.: Time-Life International, 1975, 160 p.
14. *Hrouda B. (Hrsg.).* Der Alte Orient. Geschichte und Kultur des alten Vorderasien. Munchen: C. Bertelsmann, 2003, 464 p.
15. *Rudenko S.Iv.* Frozen Tombs of Siberia: the Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen (trans. M.W. Thompson). Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1970.

16. Stronach D. Patterns of Prestige in the Pazyryk Carpet: Notes on the Representational Role of Textiles in the First Millennium BC. In: *Oriental Carpet and Textile Studies*, vol. IV. In Honor of Charles Grant Ellis / Ed. by Murray L. Eiland, Jr., Robert Pinner and Walter D. Denny. Berkley: San Francisco Bay Area Rug Society and OCTS Ltd, 1993, pp. 19–34.

17. Tilia A.B. *Studies and Restorations at at Persepolis and Other Sites of Fars I*. Rome: IsMEO, 1972, pp. 54–55, 262. .

18. Tilia A.B. *Studies and Restorations at Persepolis and Other Sites of Fars, II, Reports and Memoirs 18*. Rome: Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente (IsMEO): Centro studi e scavi archeologici in Asia, 1978, 107 p.

Информация об авторе:

Царева Елена Георгиевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); celenatsar@gmail.com; tsar@kunstkamera.ru

CEREMONIAL DRESS OF ACHAEMENID NOBILITY IN THE 5–4TH CENTURIES BC (BASED FINDINGS FROM THE 5TH PAZYRYK BURIAL MOUND AND ICONIC MONUMENTS SYNCHRONOUS TO THE ACHAEMENID TIME)

E.G. Tsareva

The article represents the results of study of a unique composite horse trapping and breast belt, discovered in a chief's burial from the 5th Pazyryk burial mound (Mountain Altai, mid-3rd c. BC), and initially attributed as objects of Iranian origin. The trapping and the belt were decorated with 3 types of fragmented fancy cloth. The aim of the study consisted in defining the place and time of their creation, original usage, and mode of penetration to the Altai Saka medium. To achieve the goal, the author carefully studied the structures of items under research. The one with purple ground and “tower” pattern, which covers the end faces of the trapping felt foundation, is woven with woolen and linen Z-spun threads, in warp-sharing technique known as kilim (a “dove-tail” variant). The cloth is identified as Syrian, supposedly referring to the time of Darius I reign. The two other ones, with “lion procession” pattern (breast belt) and “priestess and maid servant in front of an incense burner” (framing the face panels) were also made from wool and linen, although of different quality and S-spinning, in slit-kilim technique. Both are identified as Egyptian, and dated (most probably) by the 27th (Persian) dynasty period. Comparison with representations of textiles similar in decor from time synchronous monuments, and study of historical data on textile industry of the Achaemenid Empire made it possible to suggest, that “purple kilim” and “lion procession” belt served as parts of ceremonial dress of Achaemenid nobility. The precious purple cloths could be brought to the Altai by the Scythians rewarded for their service in the army of Alexander the Great during his Asian campaign.

Keywords: archaeology, history, 5th Pazyryk burial mound, the Saka, Achaemenids, structural analysis, identification, ceremonial costume, Alexander the Great

REFERENCES

1. Gavrilenko, L. S., Grigor'eva, I. A. 2005. In *Istoricheskii tekstil' Evrazii (Historic Textiles of Eurasia)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology

and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 151–152 (in Russian).

2. Glushkova, T. N. 2005. In *Kostium i tekstil' pazyryktsev Altaia (IV–III vv. do n.e.) (The Costume and Textile of the Pazyryk People of Altai Mountains (4th — 3rd Centuries BC))*. Novosibirsk: "Infolio" Publ., 170–193 (in Russian).

3. Gorelik, M. V. 1985. In *Khudozhestvennye pamiatniki i problemy kul'tury Vostoka (Art Monuments and Issues of Oriental Culture)*. Leningrad: State Hermitage Museum; "Iskusstvo" Publ., 36–46 (in Russian).

4. Griaznov, M. P. 1950. *Pervyi Pazyrykskii kurgan (First Pazyryk Barrow)*. Leningrad: State Hermitage Museum; "Nauka" Publ. (in Russian).

5. Polos'mak, N. V., Barkova, L. L. 2005. *Kostium i tekstil' pazyryktsev Altaia (IV–III vv. do n.e.) (The Costume and Textile of the Pazyryk People of Altai Mountains (4th — 3rd Centuries BC))*. Novosibirsk: "Infolio" Publ. (in Russian).

6. Rtveladze, E. V. 2012. *Velikii indiiskii put': iz istorii vazhneishikh torgovykh dorog Evrazii (The Great Indian Route: from the History of the Most Important Trade Roads of Eurasia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

7. Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v Skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 120 tabl (in Russian).

8. Rudenko, S. I. 1968. *Drevneishie v mire khudozhestvennye kovry i tkani iz oledenelykh kurganov Gornogo Altaia (The World's Oldest Artistic Carpets and Fabrics from the Frozen Barrows of Gorny Altai)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

9. Tsareva, E. G. 2005. In *Istoricheskii tekstil' Evrazii (Historic Textiles of Eurasia)*. Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo «Kunstkamera» RAN (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences), 164–165 (in Russian).

10. Tsareva, E. G. 2006. In *Tekstil' iz «zamerzshikh» mogil Gornogo Altaia IV–III vv. do n.e. (opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia) (Textile from "Frozen" Graves of Mountain Altai of the 6th — 3rd Centuries BC: the Experience of Interdisciplinary Research)*. Integrational Projects of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences 5. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 232–262 (in Russian).

11. Iatsenko, S. A. 2006. *Kostium Drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody) (Costume in Early Eurasia (Iranian-Speaking Peoples))*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., Russian Academy of Sciences (in Russian).

12. Caubet, A., Pouyssegur, P. 1988. *The Ancient Near East*. Paris: TERRAIL, 14–15.

13. Hicks, J. and the Editors of the Time-Life Books. 1975. *Time-Life International (Nederland) bv. 1978*. 160 p.

14. Hrouda, B. (Hrsg.). 2003. *Der Alte Orient. Geschichte und Kultur des alten Vorderasien*. München: C. Bertelsmann.

15. Rudenko, S. I. 1970. *Frozen Tombs of Siberia: the Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen* (trans. M. W. Thompson). Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

16. Stronach, D. 1993. Patterns of Prestige in the Pazyryk Carpet: Notes on the Representational Role of Textiles in the First Millennium BC. In: Murray L. Eiland, Jr., Robert Pinner and Walter D. Denny (eds.). *Oriental Carpet and Textile Studies IV. In Honor of Charles Grant Ellis*. Berkeley: San Francisco Bay Area Rug Society and OCTS Ltd, pp. 19–34.

17. Tilia, A. B. 1972. *Studies and Restorations at Persepolis and Other Sites of Fars* I. Rome: IsMEO, pp. 54–55, 262.

18. Tilia, A. B. 1978. *Studies and Restorations at Persepolis and Other Sites of Fars* II. Reports and Memoirs 18. Rome: Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente (IsMEO); Centro studi e scavi archeologici in Asia, 107 p.

About the Author:

Tsareva Elena G. Candidate of Historic Sciences. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences. University Emb., 3, Saint-Petersburg, Russian Federation; celenatsar@gmail.com; tsar@kunstkamera.ru

УДК 903.24

РЕСТАВРАЦИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТИЛЯ ПЕРИОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ БУЛГАРСКОЙ ЖЕНЩИНЫ (КОНЕЦ XIV В.)

© 2015 г. Ю.В. Федотова, Н.П. Сеницына, О.В. Орфинская,
М.Ю. Визгалова

Представлены результаты технологического исследования шёлковых тканей из захоронения знатной молодой женщины из г.Болгар периода Золотой Орды. Погребение было совершено в мавзолее, датированном концом XIV века. Особенностью данного захоронения является отклонение от исламских традиций. Здесь обнаружена одежда из шелка, декорированная золотными нитями, и украшения в виде височных колец. В лабораторных условиях был исследован хорошо сохранившийся сложный головной убор, включающий несколько текстильных слоёв, представляющих шёлковые изделия различного вида: шали, платки, покрывало. Такой головной убор имеет аналогии в этнографических материалах Средней Азии. Для определения видового состава тканей применялась микроскопия: была рассмотрена структура текстильных переплетений, технология изготовления нитей, в полихромных тканях – цветовой подбор нитей. Определены образцы таких средневековых тканей, как лансе, тафта, самит и др. Приводится подробное описание их технологических характеристик. При реставрации внешнего платка-покрывала была применена методика стабилизации объекта, комбинирующая укрепление золотных нитей и пластификацию археологической ткани, восстановлен рисунок золотной вышивки. Богатое разнообразие тканей разного происхождения говорит о развитой системе торговли с различными источниками импорта – Китаем, Центральной Азией, Египтом.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Болгар, мавзолей, археологический текстиль, микроскопия, головной убор, шелк, золотная вышивка.

В реставрационную лабораторию Института археологии им. А.Х. Халикова был передан археологический текстиль из погребения, полученный в ходе раскопок мавзолея Болгарского городища под руководством И.И. Елкиной и А.В. Лазукина в 2012 г.

На момент раскопок руины мавзолея были скрыты под невысоким холмом. Вокруг него располагалось мусульманское кладбище конца XIV – первой половины XV в., при исследовании которого было обнаружено, что некоторые захоронения имеют отклонения от исламских традиций (Ел-

кина, 2014, с. 138). В самом мавзолее находились могилы представителей местной аристократии. В юго-восточной части мавзолея, в самом крайнем восточном ряду находилось погребение богатой болгарской женщины 16–18 лет (Лазукин, 2014, с. 161). Под остатками деревянной «крышки» с западной стороны погребения были видны многочисленные текстильные фрагменты. При дальнейшей очистке захоронения оказалось, что эти фрагменты представляют собой спрессованный комок, состоящий из различных видов тканей (рис.1).

Внутри комка находился практически полностью истлевший череп (Елкина, 2013, с. 87). После изъятия его из погребения был произведен разбор в камеральных условиях.

Фрагменты тканей оказались остатками женского головного убора, которые находились в удовлетворительном состоянии. Археологический текстиль был смят, имел множество утрат, отличался тонкостью и хрупкостью.

В состав убора также входили 9 височных полуторооборотных колец диаметром 25 мм из желтого металла.

Реставрация данного археологического текстиля представляла собой значительную сложность, так как включала в себя совокупность работ и объединенных усилий реставраторов, химиков-исследователей и историков.¹

Технологические исследования

При исследовании текстильного комплекса² ставились следующие задачи:

1. Анализ набора материалов в различных видах текстиля.

2. Изучение технологических характеристик разных видов текстильных изделий.

Для решения данных задач были использованы следующие методы исследования:

1. Для определения структуры текстильных переплетений применялась микроскопия в отраженном неполяри-

зованном свете при увеличении от 10 до 40х (МБС-10).

2. Технология изготовления нитей выявлена с помощью микроскопических исследований в отраженном свете.

3. Природа волокон определялась микроскопическим методом в проходящем поляризованном свете при увеличении до 400х по морфологическим признакам. Для исследований были приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме. Работа проводилась на поляризационном микроскопе ПОЛАМ Р-211. Для сравнения использованы эталонные образцы текстильных волокон.

В результате были описаны следующие фрагменты текстиля:

– фрагмент полосатой ткани (цвет: коричневый, светло-коричневый, зеленый);

– фрагмент светлой тонкой ткани типа марля (светло-коричневый);

– фрагмент сетки (светло-коричневый);

– фрагмент красной ткани – лансе (красный);

– фрагмент светлой ткани – тафта (светло-коричневый);

– элемент декора из золотных и шелковых нитей (золото+красный);

– фрагмент ткани самит (светло-коричневый).

Технологические характеристики тканей

1. Фрагмент полосатой ткани

Фрагменты шелка имеют вертикальные нерегулярные полосы темно-зеленого и коричневого цвета на светло-коричневом (бежевом) фоне (рис. 2). Цветные полосы сформированы за счет цветных нитей основы. Раппорт рисунка вертикальных полос превышает по

¹ Реставрационные работы проводились под руководством художника-реставратора высшей категории по текстилю и коже Н.П. Сеницыной (ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря).

² Технологические исследования образцов текстиля из женского погребения были проведены в Институте наследия им. Д.С. Лихачева (г. Москва) старшим научным сотрудником О.В. Орфинской.

Рис. 1. Разбор текстильного конгломерата
(фотография из отчета И.И. Елкиной, 2013, с. 87).

Fig. 1. Textile conglomerate sorted out (after Елкина 2013, стр. 87).

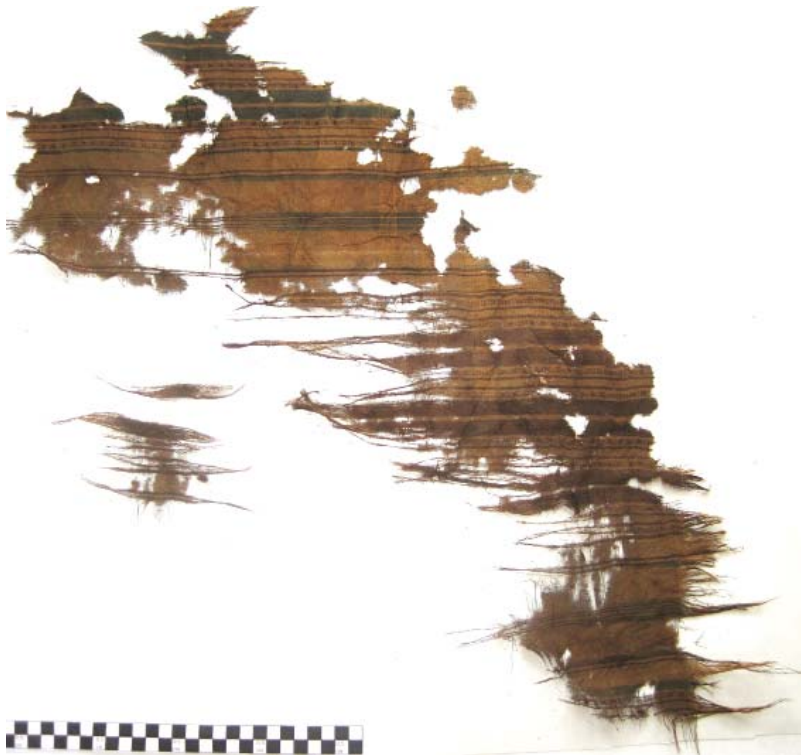

Рис. 2. Фрагмент полосатой ткани в процессе реставрации.

Fig. 2. A fragment of striped fabric under restoration.

своим размерам выделенный для исследования образец ткани.

Для восстановления рисунка ткани были привлечены аналогичные фрагменты из захоронения. Оказалось, что узор ткани повторяется более чем через 350 нитей (рис. 3). По узким полосам проходят мелкие прямоугольники, созданные за счет перекрытия цветной нитью основы 5 нитей утка. Между прямоугольниками проходит три ряда нитей утка в обычном, полотняном переплетении. Ткань двухсторонняя, т.е. не имеет явно выраженной лицевой и изнаночной стороны.

Нить основы – шелк (коричневый, светло-коричневый, зеленый; с Z-круткой; нити парные), толщина 1 нити 0,1–0,2 мм. Нить утка – шелк (коричневый; с Z-круткой), толщина 0,1–0,2 мм. Плотность – 48/24 н/см.

Отдельные нити основы объединены в группы по 2 или 3 парных нити вместе. Такая картина может наблюдаться при ошибках в заправке ткацкого станка или при обрыве отдельных нитей основы (рис. 4.1). Могут работать три нити основы (рис. 4.2).

Орнамент в виде полос плавно переходит в однотонную зеленую ткань.

Фрагменты полосатой ткани и ткани типа марля были сшиты между собой шелковой нитью. Следовательно, это части одного изделия.

2. Фрагмент светлой тонкой ткани типа марля

Части полупрозрачного шелка были обнаружены в составе головного убора. Ткань полотняного переплетения, где толщина нитей много меньше, чем промежутки между ними. Один из фрагментов имеет кромку (рис. 5.1).

Нити основы и утка имеют близкие характеристики – шелк (светло-

коричневый, с Z-круткой), толщина 0,05 – 0,1 мм (рис. 5.2).

Плотность – 54–58/ 34–40 н/см. Кромка состоит из 22 нитей основы, частично усиленных дополнительными основными нитями. Нити утка наращивались путем завязывания узелка. Свободные концы связанной нити вводились в ткань.

Данный вид шелка «разреженного» плетения близок основной ткани золототканой шали, найденный археологом Н.Д. Аксеновой в мавзолее № 5 Болгарского городища (Орфинская, 2014, с. 146–154), но имеет совершенно другую кромку.

3. Фрагмент сетки

Очень интересна плетеная сетка с золотой каймой в виде треугольников (рис. 6.1). Ячейки сетки имеют размер 0,8 x 0,6 см. Узлы в двух последующих рядах направлены в противоположные стороны, следовательно, изделие разворачивали то «лицом», то «изнанкой» к ее создателю при плетении. В этом случае узлы тоже разворачивались. Тип вязки сетки подобен плетению рыболовных сетей (Жилин, 2006, с. 14, рис. 3в, с. 23, рис. 17), только из очень тонких шелковых нитей (рис. 6.2).

Рабочая нить представляет собой шелк (светло-коричневый, с S₂Z-круткой, нити парные).

4. Фрагменты красной ткани – лансе

Ткань имела узор, выполненный плоскими золотными нитями, в процессе ткачества (рис. 7.1).

Ткань полутораслойная: работает одна система нитей основы и две системы нитей утка – шелковая и золотая. Наличие остатков золотных нитей и отсутствие дополнительных нитей основы свидетельствуют, что данная

ткань является тканью, выработанной в технике лансе, когда рисунок создается золотной нитью без дополнительного укрепления. Рисунок не восстанавливается. Базовое переплетение ткани – полотняное (рис. 7.2). Дополнительное переплетение не определяется. Основа – нити красного (по визуальной оценке) шелка, без крутки или с очень слабой, толщина нити – 0,2–0,3 мм. Уток – шелк (красный, без крутки) толщиной 0,2–0,3 мм представляет плоскую золотную нить на органической подложке шириной 0,25 мм. Плотность ткани – 36/22 н/см.

Ткани, выполненные в этой технике известны по находкам из могильника Маячный Бугор (Сидорова, 2011, с. 263).

5. *Фрагмент светлой ткани тафта*

Шелковая ткань полотняного переплетения (1/1) называется тафтой (рис. 8.1). Из нее производились в основном нижнее белье, подкладки для халатов, головных уборов и других изделий (Лантратова и др., 2002, с. 145). Однако полихромная тафта использовалась и как основная ткань отдельных изделий (Орфинская, 2001, с. 280, кат. 1.21). Основа – шелк (светло-коричневый, со слабой Z-круткой), толщина 0,25 мм. Уток – шелк (светло-коричневый, без крутки), толщина 0,25 мм. Плотность – 40/36 н/см (рис. 8.2).

Тафта присутствует в качестве подкладки халата из могильника Маячный Бугор (Сидорова, 2011, с. 264).

Ткань тафта выработана из шелковых нитей с очень слабой круткой или совсем без нее, что является показателем китайских традиций в шелкоткачестве. Следовательно, она могла быть выработана в Дальневосточном регионе и в том числе в Китае. Однако

нельзя исключить и среднеазиатский регион (Орфинская, 2011, с. 240).

6. *Фрагмент декора из золотных нитей*

Фрагменты плетеного изделия из золотных и шелковых нитей (рис. 9.1). Техника изготовления этого изделия подобна плетению кружева или вышивки по сетке (рис. 9.2).

В работе, возможно, использовались иглы, подобные египетским иглам для плетения кружев (Maximilien Durand, Florence Saraqoza, 1996, p. 116).

Золотная нить является прядежной, когда на шелковый сердечник в S-направлении навита полоска металла желтого цвета (рис. 9.3). Ширина полоски 0,4 мм, диаметр нити 0,3 мм. Золотные парные нити в элементы декора объединялись с помощью шелковой нити красного цвета (с S,2z-круткой), толщиной 0,4–0,5 мм. Отдельные элементы соединялись в изделие с помощью более тонких шелковых нитей (с S,2z-круткой) красного цвета толщиной 0,2 мм.

Технология создания данного изделия пока не совсем ясна. Можно предположить, что на неопределенном носителе был нанесен узор, отдельные элементы которого выкладывали золотными нитями, а затем их соединяли между собой. Однако на рис. 21 видно, что нить, которая соединяла золотные нити между собой проходит сквозь нить (рис. 9.4), окружающую элемент декора, следовательно, система соединения отдельных элементов формировалась раньше, чем сами детали, или одновременно с ними.

Кружева, плетенные на одной игле, известны по находкам в Египте (Maximilien Durand, Florence Saraqoza,

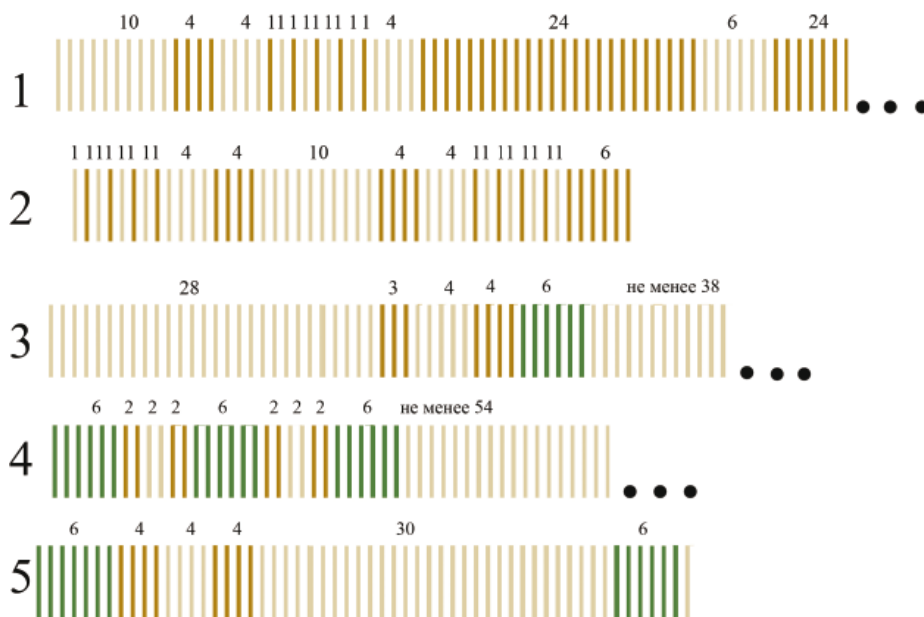

Рис. 3. Схема заправки ткацкого станка цветными нитями основы.

Fig. 3. Scheme of the way colored threads of the warp are loomed up for weaving.

1

2

Рис. 4. Микрофотографии полосатой ткани.

1 – ошибка заправки; 2 – три парных нити основы работают вместе.

Fig. 4. Microscopy photos of striped fabric.

1

2

Рис. 5. Тонкая ткань типа марли.

1 – фрагмент ткани с кромкой; 2 – микрофотография шелка.

Fig. 5. Delicate cloth resembling gauze.

1996, p. 116), но они выполнены по другой технологии.

7. Фрагмент ткани самит

Двухслойная ткань, в которой используются две системы нитей основы (основа внутренняя и основа связующая) и как минимум две системы нитей утка, относится к сложным тканям.

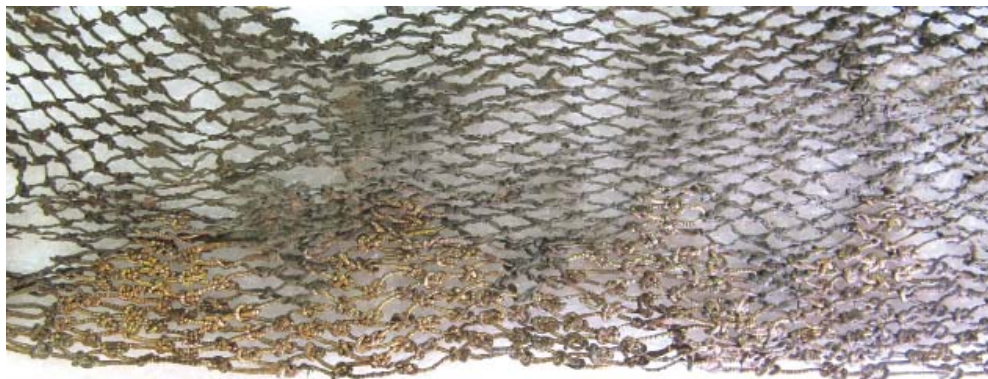
Самит (1:2 саржа с Z-направлением рисунка саржи) (рис. 10: 1). Основа связующая и основа внутренняя имеют одинаковые характеристики – шелк (светло-коричневый, с Z-круткой), толщиной 0,2–0,4 мм (рис. 10: 2). Отношение основы внутренней к основе связующей = 1:1. Число и цвет уточных нитей точно не определяется, нити без крутки, толщина одной нити примерно 0,4–0,5 мм. Плотность ткани: 22 нити связующей основы и 22 нити внутренней основы на 1 см и 24 нити рабочего утка. Техника выполнения тканей самит имеет западное, средиземноморское происхождение (Орфинская, 2001, с. 82). Шелк с такими технологическими характеристиками можно отнести к тканям Византийского, а также

Центрально-Азиатского круга (Иерусалимская, 2012, с. 99–109).

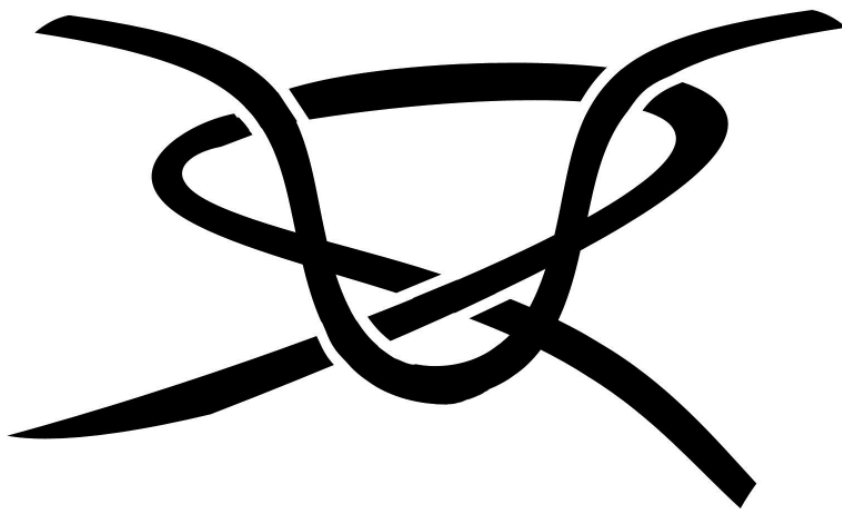
В целом можно сказать, что ткани, входящие в головной убор, являются предметом восточного и/или западного импорта. Известно, что в XIII–XIV вв. ханы Золотой Орды покровительствовали купцам, так как получали большие доходы от торговых оборотов (Полубояринова, 2008, с. 96).

География возможных центров производства данных тканей – от Китая до Египта. Полосатая ткань могла быть выработана в ткацких мастерских Северного Египта (Певзнер, 1962, с. 10), самит – на побережье Средиземного моря или в Центральной Азии, лансе и тафта – в Китае или Центральной Азии.

«Шелк был главным стержнем экономики и политики стран, причастных к шелководелию, шелкоткачеству и торговле шелком, на протяжении почти тысячелетия. Эпоха раннего средневековья, когда Ближний и Средний Восток, а затем Средиземноморье познакомились с шелком в

1

2

Рис. 6. Фрагмент сетки.

1 – кайма сетки с золотыми треугольниками; 2 – узел сетки.

Fig. 6. Fragment of a net.

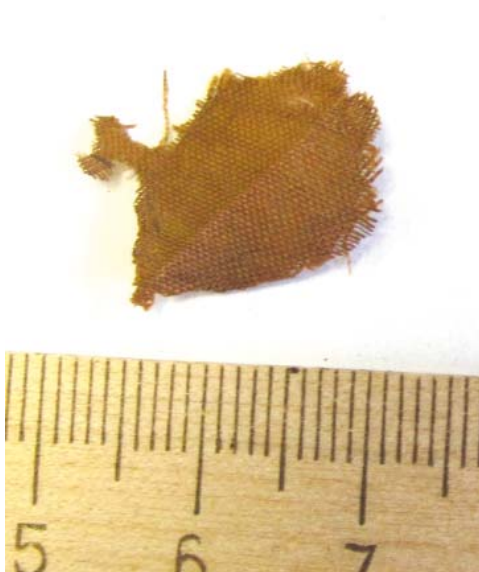

1

2

Рис. 7. Лансе. 1 – фрагмент ткани; 2 – микрофотография ткани с золотными нитями.
Fig. 7. Lance. .

1

2

Рис. 8. Тафта. 1 – фрагмент светлой ткани тафта; 2 – микрофотография ткани.
Fig. 8. Taffeta.

1

2

3

Рис. 9. Декор из золотных нитей.

1 – элементы «кружева»; 2 – деталь из золотных нитей; 3 – участок, где одна нить проходит сквозь другую; 4 – микрофотография нити, соединяющая золотные нити в пределах одного элемента.

Fig. 9. Gold-thread ornamentation.

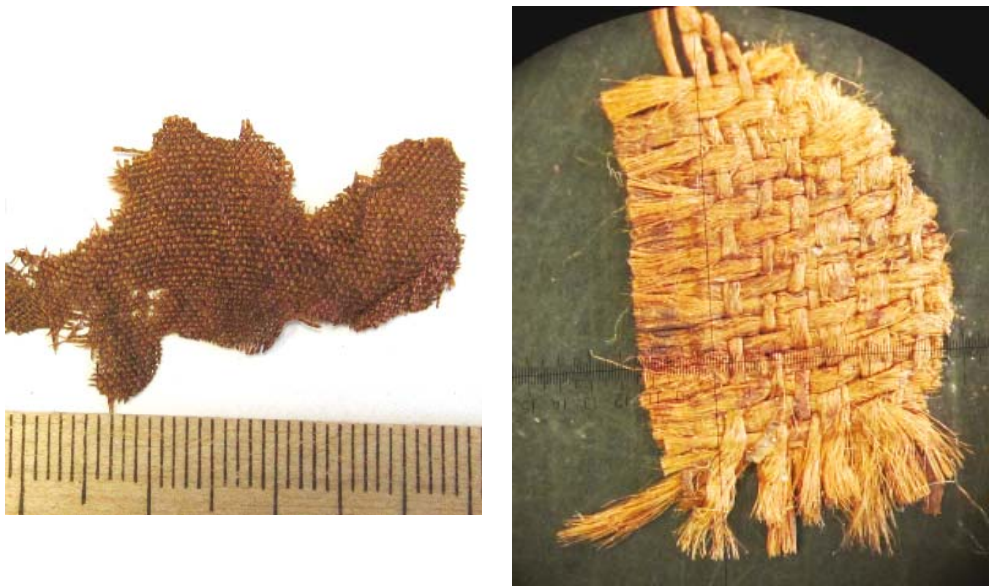

4

Рис. 9.(продолжение) Декор из золотых нитей.

4 – микрофотография нити, соединяющая золотные нити в пределах одного элемента.

Fig. 9. Gold-thread ornamentation.

1

2

Рис. 10. Самит.

1 – фрагмент ткани самит; 2 – микрофотография.

Fig. 10. Summit.

широких масштабах и сами освоили шелкоткачество, демонстрирует поразительную ситуацию, никогда более в истории не повторившуюся» (Иерусалимская, 1992, с. 2).

Реставрация изделий

Описание объекта. Лучшее всего сохранилась внешняя шаль (покрывало прямоугольной формы), сшитая из двух шелковых квадратов. Размеры шали 68 x 115 см.

Вышеописанная тафта является основой данного изделия. Оно представлено фрагментами двух крайних полос и центральной части, расшитых золотными нитями. Техника вышивки – «вприкреп» (рис. 11.1). Кайма платка оформлена бахромой, представляющей собой нити основы ткани платка, собранные группами и скрученные попарно (рис. 11.2). По двум длинным сторонам шали проходят полосы с растительным орнаментом шириной 7 см. Каждая полоса состоит из мелких элементов, где чередуются: древо жизни с цветами, листья на ветвистых изогнутых стеблях, и ветки граната (рис. 12.1). Вышивка одной полосы расположена на лицевой стороне шали, а с противоположной стороны – на изнанке. Узор каймы выполнен в традициях коптских орнаментов X–XV вв. (Gerspach, 1993, с. 34–42). Орнамент центральной части состоит из 7 рядов кружков диаметром 1,2 см, возможно, имитирующих монеты.

Реставрация. Сохранность объекта – удовлетворительная, археологический текстиль был смят, имел множество утрат, был тонким и хрупким (рис. 12.2).

Очень важно было подобрать метод очистки и консервации рассыпающихся золотных нитей и самой ткани,

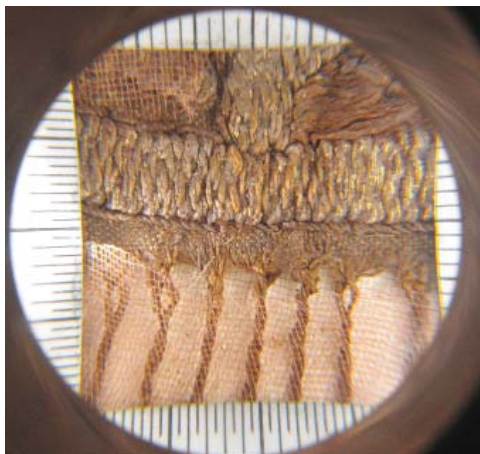
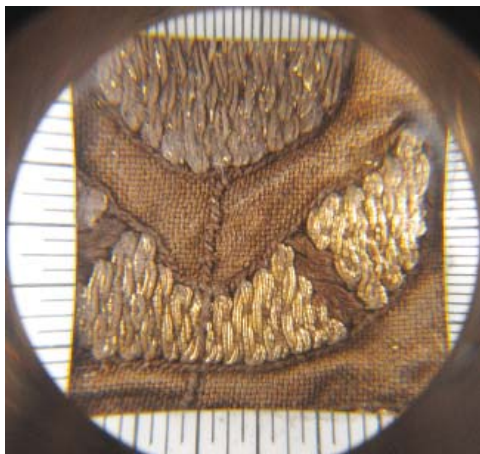
являющейся основой вышивки (Н.П. Сеницына, 2009, с. 216).

На первом этапе осуществлялось закрепление золотных нитей. Они представляют собой пряденые золотные нити, на шелковый сердечник которых навиты тончайшие металлические полоски. Данные фрагменты вышивки очищались флейцами с ферментами и укреплялись 3%-ным раствором фторлона.

Большую сложность представляли собой гуминовые загрязнения на шелковой основе с вышивкой. Эти загрязнения не поддавались механической очистке. Водная очистка могла растворить их, но в результате этого на ткани могли появиться темные разводы. Поэтому было решено проводить очистку тонкой иглой под лупой.

Пластификация проводилась 5%-ным водным раствором ПЭГ-400. В результате ткань удалось выпрямить, она стала пластичнее. Укрепление археологической ткани проводилось путем дублирования на шелковую основу с помощью клея А-45К. Целесообразность использования данного клея научно обосновано нижегородскими исследователями (Волкова и др., 2012, с. 71–75).

Натуральный дублировочный шелк покрывался клеем с помощью распылителя. Клей в виде мелких вкраплений оседал на ткани, не диффундируя в нее. Напыленный шелк растягивался на дублировочном столе. Археологический текстиль раскладывался на этом шелке с соблюдением направления нитей основы и утка в ткани. Второй слой дублировочного материала накладывался сверху археологической ткани. В местах утрат для склеивания двух напы-

1

2

Рис. 11. Микрофотографии элементов внешнего платка.

1 – фрагмент вышивки вприкреп; 2 – фрагмент бахрамы.

Fig. 11. Microscopy photos of the external shawl elements.

ленных слоев проводилась обработка термонагревательным шпателем при температуре 60–70°C. После чего два слоя дублировочного шелка прошивались по периметру всех утрат тонкой газовой нитью, окрашенной в тон основной ткани. Для того чтобы были видны элементы вышивки, делались прорези-оконца на дублировочной ткани. Все проведенные реставрационные мероприятия позволили придать изделию экспозиционный вид (рис. 12.3).

Остальные фрагменты шелковых тканей подвергались аналогичной консервации, с использованием 5%-ного водного раствора ПЭГ-400. Элементы кружев обрабатывались 3%-ным раствором фторлона, разведенным на ацетоне. Таким образом была проведена пластификация и устранение деформаций тканей различного вида.

Следующим этапом явилась реконструкция многослойного головного убора. Анализируя фотографии из отчета по разбору археологического

текстиля (рис. 1), можно заметить, что верхняя шаль складывалась на голове таким образом, что вся золотная вышивка оказывалась сверху и покрывала головной убор полностью. Сама ткань укладывалась по кругу, вокруг головы. Наиболее близким этнографическим аналогом является головной убор – среднеазиатский тюрбан, сформированный из платка. Остальные ткани представляли собой внутренние слои тюрбана. Известно, что в некоторых районах современной Средней Азии невесту украшают сложным головным убором, состоящим из нескольких платков, повязанных подобным образом. Возможно, мы имеем дело с древневосточной традицией захоронения молодой девушки в костюме невесты.

Шелковые изделия были доступны зажиточному населению. Они использовались татарами (Набиев, 2014, с. 284). Об этом упоминал Никифор Григора в «Римской истории» в XIV в.: «...эти же самые люди (татары) со

Рис. 12. Внешний платок-покрывало.

1 – орнамент вышивки ткани с раппортом; 2 – фотография изделия до реставрации;
3 – фотография изделия после реставрации.

Fig. 12. External shawl (veil).

временем стали носить цельные шелковые и протканые золотом одежды» (Гатин, Абзалов, 2011, с. 237).

Обнаруженные шелковые ткани на золотоордынском городище свидетельствуют о развитых торговых связях, включивших Болгар в единую систему средневекового мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Н.В., Емельянов Д.Н., Молодова А.А., Томилина А.В., Киреева Н.К. Физико-химические свойства акрилового сополимера А-45К-консерванта тканей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 2 (1). – С. 71–75.
2. Елкина И.И. Отчет об археологических раскопках на территории Болгарского городища Спасского района Республики Татарстан» в 2012 году. Т 1. – Москва, 2013 / Архив ИА РАН.
3. Елкина И.И. Мавзолей XIV века в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // Поволжская археология. – 2014. – № 2. – С. 131–144.
4. Жилин П.О. Рыбачьи сети. Вязка. Посадка. Установка. Методы лова. Справочник. – М.: «Изд. дом Рученькиных», 2006. – 64 с.
5. Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. – СПб., 1992. – 72 с.
6. Иерусалимская А.А. Мошевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. – 383 с.
7. Лазукин А.В. Предварительные итоги исследования некрополя в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // Поволжская археология. – 2014. – № 2. – С. 145–164.
8. Набиев Р.Ф. Государство Джучидов в XIV веке: проблемы экономического развития. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2014. – 415 с.
9. Орфинская О.В. Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 471 с.
10. Орфинская О.В. Текстильные находки с Селитренного и Водянского городищ // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V международной конференции. – Казань; Астрахань, 2011. – С. 235–240.
11. Орфинская О.В., Лантратова О.Б. Золототканая шаль Золотой Орды // Поволжская археология. – 2014. – № 4. – С. 146–153.
12. Певзнер С.Б. Средневековые египетские ткани как источник для истории и истории культуры Египта X–XV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1962. – 14 с.
13. Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. – М., 2008. – С. 27–107.
14. Сидорова Т.В. Мужской золотоордынский костюм по материалам текстильного комплекса из могильника Маячный Бугор // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Материалы V Междунар. конф. – Казань; Астрахань, 2011. – С. 260–265.
15. Синицына Н.П. Реставрация и консервация археологического текстиля и кожи, разработка методики // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. – Т. I. История усыпальницы и методика исследования захоронений. – М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. – С. 213–221.

16. Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2011. – 439 с.

17. Egypte, la trame de L'Histoire. In: *Textiles pharaoniques, coptes et islamiques*, p. 116, cat. 73, 74.

18. Coptic Textile Designs: 144 Egyptian Designs from the Early Christian Era (Dover Pictorial Archive Series) (M. Gerspach), June 1, 1975. 48 p.

Информация об авторах:

Визгалова Мария Юрьевна, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); mutqueen@mail.ru

Орфинская Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачёва (г. Москва, Российская Федерация); orfio@yandex.ru

Синицына Наталия Павловна, заведующая сектором реставрации текстиля и кожи, Государственный музейно-выставочный центр РОСИЗО (г. Москва, Российская Федерация); sinitsyna_np@mail.ru

Федотова Юлия Валерьевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); yulia.fedotova86@yandex.ru

RESTORATION AND RESEARCH OF THE ARCHAEOLOGICAL FABRIC FROM BURIAL OF THE BULGARIAN WOMAN OF THE GOLDEN HORDE PERIOD (THE END OF THE 14TH CENTURY)

Yu.V. Fedotova, N.P. Sinitsyna, O.V. Orfinskaya, M.Yu. Vizgalova

The results of technological research of silk fabrics from a noble-born woman's grave from Bolgar city, referring to the Golden Horde period are represented in the article. The burial was performed in a mausoleum dated by the late 14th century. A peculiarity of the burial consists in the deviation from the Islamic traditions.

Silk clothes decorated with golden threads and jewellery in the form of temple rings were found here. Laboratory study was conducted on a well-preserved complex headdress, which includes several textile layers consisting of silk products, such as shawls, scarves, and a veil. Headdress of the kind has analogues in Central Asian ethnographic materials. Microscopy has been used to determine composition types of the fabrics: the structure of textile weaves, technology for thread manufacturing, and thread colour selection in polychrome fabrics were considered. The samples of medieval fabrics, such as lance, taffeta, summit, etc. have been identified. Their technological characteristics are cited in detail. In restoring the veil (external shawl), the method of object stabilization was used, which combines the strengthening of the gold threads and plasticization of the archaeological fabrics. Gold-thread embroidery pattern has also been recovered. The rich diversity of textile fabrics of mixed origin attests to a developed trade structure with varied sources of imports from China, Central Asia, and Egypt.

Key words: archaeology, history, Golden Horde, Bolgar city, archaeological textile fabrics, mausoleum, microscopy, headdress, silk, gold-thread embroidery.

REFERENCES

1. Volkova, N. V., Emel'yanov, D. N., Molodova, A. A., Tomilina, A. V., Kireeva, N. K. 2012. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo (Bulletin of Nizhni Novgorod N. I. Lobachevsky University)* 1 (2), 71–75 (in Russian).

2. Elkina, I. I. 2013. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Bolgarskogo gorodishcha Spasskogo raiona Respubliki Tatarstan» v 2012 godu (Report on Archaeological Excavations in the Territory of Bolgar Settlement in the Spassky District of the Tatarstan Republic in 2012)* 1. Moscow. Archive of the Archaeology Institute of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Elkina, I. I. 2014. In *Povolzhskaya Arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 131–144 (in Russian).
4. Zhilin, P. O. 2006. *Rybatskie seti. Viazka. Posadka. Ustanovka. Metody lova. Spravochnik (Fishing Nets. Tying. Planting. Installation. Methods of Fishing. Handbook)*. Moscow: “Izdatel’skii dom Ruchen’kinykh” Publ. (in Russian).
5. Ierusalimskaia, A. A. 1992. *Kavkaz na Shelkovom puti. Katalog vremennoi vystavki (Caucasus on the Silk Road: Catalogue of the Temporary Exhibition)*. Saint Petersburg (in Russian).
6. Ierusalimskaia, A. A. 2012. *Moshchevaia Balka. Neobychnyi arkheologicheskii pamiatnik na Severokavkazskom shelkovom puti (The Moshchevaya Balka. Unusual Archaeological Site on the Northern Caucasus Silk Road)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
7. Lazukin, A. V. 2014. In *Povolzhskaya Arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 145–164 (in Russian).
8. Nabiev, R. F. 2014. *Gosudarstvo Dzhuchidov v XIV veke: problemy ekonomicheskogo razvitiia (Juchids State in the XIV Century: Problems of Economic Development)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).
9. Orfinskaia, O. V. 2001. *Tekstil’ VIII–IX vv. iz kolleksii Karachaevo-Cherkesskogo muzeia: tekhnologicheskie osobennosti v kontekste kul’tury rannesrednevekovoi Evrazii (Textiles of 8th – 9th Centuries from the Collection of the Museum of Karachay-Cherkessia: Technological Features in the Context of Early Medieval Culture of Eurasia)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
10. Orfinskaia, O. V. 2011. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul’tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, The Tatarstan Academy of Sciences, 235–240. (in Russian).
11. Orfinskaia, O. V., Lantratova, O. B. 2014. In *Povolzhskaya Arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 146–153 (in Russian).
12. Pevzner, S. B. 1962. *Srednevekovye egipetskie tkani kak istochnik dlia istorii i istorii kul’tury Egipta X–XV vv. (Medieval Egyptian Fabrics as a Source for the History and Culture of 10th – 15th Centuries Egypt)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
13. Poluboiarinova, M. D. 2008. In *Gorod Bolgar: Kul’tura, iskusstvo, trgovlia (The Town of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: “Nauka” Publ., 27–107 (in Russian).
14. Sidorova, T. V. 2011. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul’tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, The Tatarstan Academy of Sciences, 260–265 (in Russian).
15. Sinitsyna, N. P. 2009. In *Nekropol’ russkikh velikikh kniagin’ i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremliia (The Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens at Ascension Convent of Moscow Kremlin)* I. *Istoriia usypal’nitsy i metoda issledovaniia zakhoroneniia (The History of Shrine and Method of Grave Research)*. Moscow: State Historical and Cultural Museum-Reserve “Moscow Kremlin”, 213–221 (in Russian).
16. Gatin, M. S., Abzalov, L. F. 2011. *Stanovlenie i rastsvet Zolotoi Ordy. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.) (The Formation and Flourishing of the*

Golden Horde. Sources on the History of Ulus Jochi (1266–1359)). Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

17. Egypte, la trame de l’Histoire. In: *Textiles pharaoniques, coptes et islamiques*, p. 116, cat. 73, 74).

18. *Coptic Textile Designs: 144 Egyptian Designs from the Early Christian Era* (Dover Pictorial Archive Series) (M. Gerspach), June 1, 1975. 48 p (in Russian).

About the Authors:

Vizgalova Mariya Yu. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; mutqueen@mail.ru

Orfinskaya Olga V. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev. Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129301, Russian Federation; orfio@yandex.ru

Sinitsyna Nataliya P. State Museum and Exhibition Center ROSIZO. Lyublinskaia St. 48, Moscow 109387, Russian Federation; sinitsyna_np@mail.ru

Fedotova Yulia V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; yulia.fedotova86@yandex.ru

УДК 903.24

ЗОЛОТНЫЕ ТКАНИ И ЗОЛОТОСЕРЕБРЯНОЕ КРУЖЕВО В ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРАХ XVIII ВЕКА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТИЛЯ ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

© 2015 г. О.В. Орфинская, Б.Л. Шапиро

Приводятся результаты исследования женского головного убора, обнаруженного в ходе охранных археологических раскопок городского некрополя при Верхнепосадской Никольской церкви в г. Нижний Новгород. Были определены структуры и состав текстиля и кружева этого головного убора, его крой, характер расположения декора. Особое внимание уделено золотым нитям; в связи с этим подробно рассматриваются технологические классификации золотых археологических нитей различных исторических периодов. Установлено, что убор изготовлен из парчовой ткани с мишурными золотыми нитями, которую можно отнести к средней или низкой ценовой категории. В то же время в кружеве использованы качественные серебряные нити. По результату анализа типов и видов женских головных уборов в западноевропейской моде определяется время создания найденного головного убора – середина или вторая половина XVIII века. Датировка дополнительно подтверждается результатом изучения кружева этой находки, которое представляет собой типичный для XVIII века веерообразный аграмант «вилюшкой». Итогом работы стала реконструкция головного убора. Он представляет собой шапочку небольшого объема, декорированную металлическим кружевом по нижнему краю и по оси симметрии от лба до затылка.

Ключевые слова: археология, история, Нижний Новгород, XVIII век, археологический текстиль, головные уборы, реконструкция одежды, золотные нити, кружево.

В 2011 году в Нижнем Новгороде в ходе охранных археологических раскопок городского некрополя при Верхнепосадской Никольской церкви было вскрыто несколько погребений, принадлежащих, по данным археологов, светским лицам и датирующиеся в пределах XVII–XVIII вв.

Раскопки проводились по заказу ООО «Весенние инвестиции» на площадке под строительство гостиничного комплекса между Театральной площадью и ул. Пожарского в исторической части города. Раскопки вела научно-исследовательская организация «Археологическая служба» (держатель открытого листа – Батюков В.А.).

В одном из женских погребений (№ 116) в районе головы были обнаружены фрагменты текстиля и кружева (рис. 1), которые были переданы для исследования в Институт наследия им. Д.С. Лихачева.

Комплексное изучение этой находки ставило следующие задачи:

- определение структуры и состава текстиля и кружева;
- определение кроя головного убора и характера расположения декора;
- определение времени и места создания головного убора и его декора.

В ходе исследования было определено, что в ткани и кружеве использовались золотные нити. Чтобы наи-

более эффективно оценить структуру и состав золотных нитей нижегородского археологического текстиля, рассмотрим их технологические классификации. Основными вариантами изготовления золотных нитей в текстиле были:

1) чисто металлические нити:

– нить металла круглого сечения (волоченка, или волочан);

– нить металла квадратного или треугольного сечения (грань, граненое золото);

– нить металла плоского сечения (бить, или площенка);

– скрученная трубочкой бить (трунцал или канитель). Отметим, что на сегодняшний день среди исследователей не сложилось единого мнения относительно структуры и состава канители и трунцала. Оба они определяются либо как цельнометаллическая бить, скрученная трубочкой (Вишневская, 2007, с. 176), либо как бить, предварительно перед скручиванием навитая на проволоку (Юрова, 2010, с. 175, 177), либо понятия канитель и трунцал разделяются – канитель относится к цельнометаллическим (Моисеенко, 1978, с. 22; Фалеева, 1983, с. 303), а трунцал – к пряженным нитям (Сабурова, 2011, с. 152; Савваитов, 1896, с. 50, 150; Шабельская, 1926, с. 121–122). Основа, на которую навивалась канитель, могла быть как круглой, так и граненой (граненая или грановитая канитель (Забелин, 1992, с. 223);

2) состоящие из двух и более материалов:

– пряженные золотные нити (пряженое золото) состоят из полоски металла, навитой на нить текстильной основы. В XVII–XVIII вв. серебряная металлическая полоска навивалась на основу белого шелка, а золотая – на

основу желтого или оранжевого шелка, чтобы визуально скрыть основу при менее крутом прядении. При этом применение чистого золота становится все более редким, шелковая основа с середины XVIII в. заменяется на хлопчатобумажную, а ручное прядение – механическим (Шабельская, 1926, с. 118);

– сканые золотные нити – плоская нить металла, неплотно спряденная с шелковой нитью (Полякова, 2007, с. 409–410; Маясова, 2004, с. 254);

– тонкие полоски органической «подложки» из кожи, серозной оболочки кишечника или бумаги, покрытые слоем металла. Такие золотные нити могут быть плоскими или пряженными.

Для изготовления пряженных золотных нитей нужна была полоска сравнительно мягкого и пластичного металла. Наиболее высококачественные золотные нити готовились из полосок высокопробного, почти чистого золота. Однако в текстиле XVIII в. практически не использовались нити из чистого золота. Основная масса текстильных изделий этого времени изготавливалась из материалов, только его имитировавших. Для изготовления «золотоподобных» имитаций известны следующие способы:

1. Сплавы из золота, серебра и меди, имитирующие по своим цветовым характеристикам высокопробное золото. Наиболее ценным из этой группы было «нюрнбергское золото» (Левинсон-Нечаева, 1941, с. 170), представлявшее собой золото и серебро в пропорции 1: 1.

2. Мишурные нити. К этой группе относятся нити с содержанием серебра менее 2% (Полякова, 2007, с. 414). В них использовался «металл, схожий по наружному виду на золо-

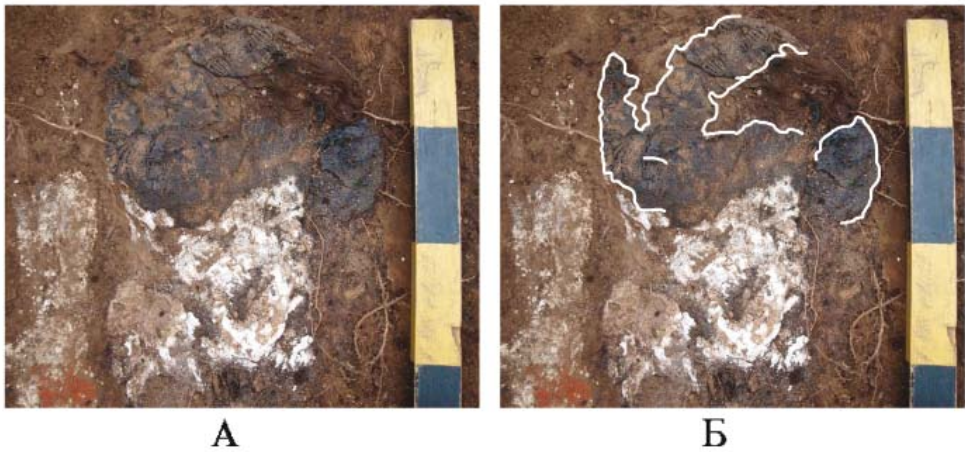

Рис. 1. Вид остатков головного убора в погребении. А – общий вид участка погребения в районе головы; Б – прорисовка контура кружева головного убора.

Fig. 1. View of the headwear remains in the burial.

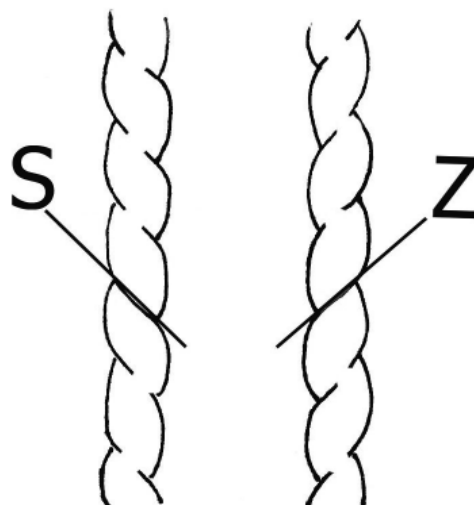

Рис. 2. Плоские металлические нити кружева.

Fig. 2. Flat metallic threads of the lace.

Рис. 3. Обозначение направления крутки нитей.

Fig. 3. Direction of thread twisting marked.

то и серебро, иногда готовится из сплавов, в которых даже следа нет двух упомянутых благородных металлов... Торговля низкопробными изделиями... имеет обширную клиентуру, особенно среди небогатых потребителей» (Гулишамбаров, 1904, с. 59).

3. Нить-«двойник»: сравнительно толстые золотая и серебряные полоски совместно расковывались так, что между ними возникала довольно прочная связь. Нити, изготовленные из «двойника», использовались таким образом, что золотая полоска оказывалась на наружной части нити.

4. Позолоченное серебро, изготовленное в старинной технике «огневого золочения»: на поверхность серебра с одной или двух сторон наносилась амальгама золота (раствор золота в ртути). При нагревании до высоких температур амальгамированного серебра ртуть испарялась, и на поверхности серебра оставалась очень тонкая пленка золота (Энговатова, 2005, с. 183). Огневое золочение серебряной полоски могло быть односторонним или двусторонним. Эта технология была одной из самых рас-

пространенных вариантов имитации золотных нитей.

Кроме того, имитировались и серебряные нити. Были известны десятки рецептов сплавов для изготовления проволоки. В XVIII в. в Европе особенно популярны были «белая медь» – мельхиор (Грумм-Гржимайло, 1926, с. 40) и более дешевый нейзильбер, оба состоящие из меди, цинка и никеля, взятых в разных соотношениях. По технологии «двойника» изготавливалось «накладное серебро», где наружное золото заменялось серебром, а внутреннее серебро – медью (Гулишамбаров, 1904, с. 60). Для получения «нового серебра» «серебряный кус выверливается для вставки в него медного прута... такой кус, иногда даже позолоченный, протягивается через отверстия разных размеров в волоочильной доске для получения медной проволоки в серебряной оболочке» (Гулишамбаров, 1904, с. 59–60).

Состав и структуру золотных нитей в нижегородском кружеве и ткани изучали с помощью электронной сканирующей микроскопии и микрозондового анализа (табл. 1).

В результате исследования были выявлены следующие технологические варианты золотных нитей.

1. Плоские золотные нити. Эти нити использовались в кружеве и в ткани, как дополнительный уток. Они представляют собой полосу чистого се-

ребра (в кружеве) шириной 0,5–0,6 мм (рис. 2) и полоски меди, вероятно посеребренные, так как при микроскопических исследованиях на небольших участках все же удалось зафиксировать остатки серебряного покрытия. Ширина этих нитей – 0,3–0,5 мм.

Табл. 1. Результаты исследований золотных нитей кружева и ткани головного убора.

Table 1. Research results of the lace gold-metallic threads and headwear textile fabric.

№ п/п	Вид золотных нитей	Состав внутренней стороны золотной нити			Состав сердцевинной золотной нити *			Состав внешней стороны золотной нити			Интерпретация типа золоченого декора золотной нити
		Ag	Au	Cu	Ag	Au	Cu	Ag	Au	Cu	
1	Плоская золотная нить кружева	+	-	-	+	-	-	+	-	-	Серебряная полоска без золочения
2	Пряденая золотная нить кружева	+	-	-				+	-	-	Серебряная полоска без золочения
3	Плоская золотная нить утка*			+				+		+	В почвенных условиях, в основном, сохранились продукты коррозии меди

*В этой нити методом инфракрасной спектроскопии обнаружен в качестве продукта коррозии зеленый фосфат меди.

2. Пряденые золотные нити в кружеве. Эти нити представляют собой сравнительно узкую серебряную полосу (0,3–0,5 м) без золочения. Как по составу металла, так и по составу продуктов коррозии эти пряденые нити практически не отличаются от соответствующих плоских серебряных нитей. Пряденые нити нижегородского текстиля навиты на шелковый сердечник. Направление крутки нитей обозначается латинскими буквами S и Z (рис. 3).

Кроме того, в исследованных кружевах присутствуют пряденые золот-

ные нити, которые условно можно назвать «тонкие» и «толстые»:

– в «тонких» пряденых золотных нитях сердечник состоит из двух слабо спряденных или вообще не спряденных между собой нитей с очень слабой Z-круткой каждой (рис. 4). Полоска металла навивается в S-направлении. Нить ровная, промежутки между витками в нитях хорошей сохранности небольшие или вообще отсутствуют;

– в «толстых» нитях сердечник состоит из четырех нитей, спряденных попарно и затем свитых между собой

(рис. 6). Из-за неравномерной крутки (от слабой до сильной) как в каждой отдельной нити, так и для их пары, общая нить становится неровной и бугристой. Металлическая полоска, навиваясь на такую нить, ложится неровно, что придает ей особый блеск и игру светотени (рис. 5). Такая нить называется фризе (*frisé*) (Полякова, 2007, с. 409).

В состав головного убора входила узорная парчовая ткань и металлическое кружево. Сзади к шапочке булавками была прикреплена красная шелковая лента. Шапочка имела шелковую подкладку.

Ткань, из которой изготовлен головной убор – парчовая, состоящая из шелковых и плоских металлических нитей. На нескольких небольших по размеру фрагментах (рис. 6) был выявлен чешуйчатый орнамент. Светлокоричневый, возможно, красный узор на серебряном фоне мог заполнять все поле ткани или располагаться только между более крупными элементами декора, например, букетами или медальонами.

Характеристика ткани: полутораслояная. Размер раппорта переплетения – 4 проброса нитей утка. Нити основы – шелковые со слабой Z-круткой толщиной 0,4–0,5 мм. Нити базового утка – шелковые, без крутки, толщиной 0,5–0,7 мм. Нити фонового утка – металлические, плоские, вероятно, медные с серебрением, шириной 0,3–0,5 мм. Нити узора – шелковые, без крутки, толщиной 0,5–0,7 мм.

Ткань предположительно импортная. Наличие мишурной нити свидетельствует о ее принадлежности к средней или низкой ценовой категории. Место изготовления данной ткани пока определить не удалось.

Металлическое кружево нижегородской шапочки – коклюшечное, аграмантного типа (рис. 7–8). В плетении участвуют металлические нити трех видов:

1. Пряженная золотная нить тонкая: серебряная полоска навита в S-направлении на шелковый сердечник (с Z-круткой). Диаметр нити 0,4–0,5 мм, ширина полоски 0,3–0,6 мм.

2. Пряженная золотная нить фризе: серебряная полоска навита в S-направлении на шелковый сердечник, состоящий из двух нитей, каждая из которых имеет сильную Z-крутку. Диаметр нити 0,8–1,0 мм, ширина полоски 0,3–0,6 мм.

3. Плоская золотная нить: серебряная полоска шириной 0,5–0,6 мм.

На основе фотографии погребения (рис. 1) можно предположить, что головной убор представляет собой шапочку небольшого объема, декорированную металлическим кружевом по нижнему краю и по оси симметрии от лба до затылка. Дополнительным основанием для реконструкции этого головного убора послужила находка шапочки в г. Дорогобуж (археолог С.Т. Сергина), которая сохранилась существенно лучше и была полностью отреставрирована (реставратор высшей категории по текстилю и коже Н.П. Синецына). Головной убор был представлен на конференции в г. Пскове 18 апреля 2011 г. в докладе Н. П. Синецыной «Опыт реставрации головных уборов из раскопок некрополя XVI–XVIII вв. в Дорогобуже» (рис. 9). Положение кружева в погребении и небольшой фрагмент ткани позволяют высказать предположение, что эти две шапочки имеют одинаковый крой (рис. 10).

Женские головные уборы середины XVIII в., согласно европейской моде,

А

Б

Рис. 4. Тонкая золотная нить.

А. Сердечник состоит из двух нитей, спряденных в Z-направлении, каждая из которых имеет очень слабую крутку; Б. Металлическая полоска навита плотно в S-направлении с небольшими промежутками между витками.

Fig. 4. Thin gold-metallic thread.

britannica, 1911, с. 40). В течение XVIII в. к перечисленным центрам кружевоплетения добавились города Калязин и Торжок в Тверской, Галич в Костромской, Рязань и Михайлов в Рязанской, Белозерск в Новгородской, Ростов в Ярославской, Елец в Орловской губерниях (Фалеева, 1983, с. 50).

Нити для производства золотосеребряного кружева в раннее время привозились преимущественно с востока. Отечественное производство нитей впервые было заведено в начале XVII в. в дворцовых мастерских немецкими мастерами. В 1623–1630 гг. уже упоминается русский мастер волоочильник Юрий Яковлев, а в 1680-х годах рус-

А

Б

Рис. 5. Толстая золотная нить.

А. Сердечник состоит из двух нитей, каждая из которых двойная (нить II порядка).

Нить II порядка состоит из двух нитей I порядка. Крутка нитей всех уровней неравномерная: от слабой до сильной. Общая крутка сердечника «толстой» нити имеет Z-направление. Б. Нити неровные; металлическая полоска навита в S-направлении под разными углами с неравномерным шагом крутки.

Fig. 5. Thick gold-metallic thread.

ский мастер Иван Андреев, который изготавливал канитель и трунцал (Шабельская, 1926, с. 116–117, 121). Объем производства золотных нитей в это время был уже довольно велик. Об этом свидетельствует указ Петра I от 1708 г. «О представлении канительного дела мастерам людям площеного серебра и канители старостам серебряного

ряда для записки платежа с клеймения пошлин» (Фалеева, 1983, с. 33). Выбатывалось несколько видов нитей: волооченые, пряденые, сканные и граненые. Во второй половине XVIII в. небольшие предприятия, выпускающие золотые и серебряные нити, объединяются в крупные фабрики. Наибольшую известность приобрела московская фирма

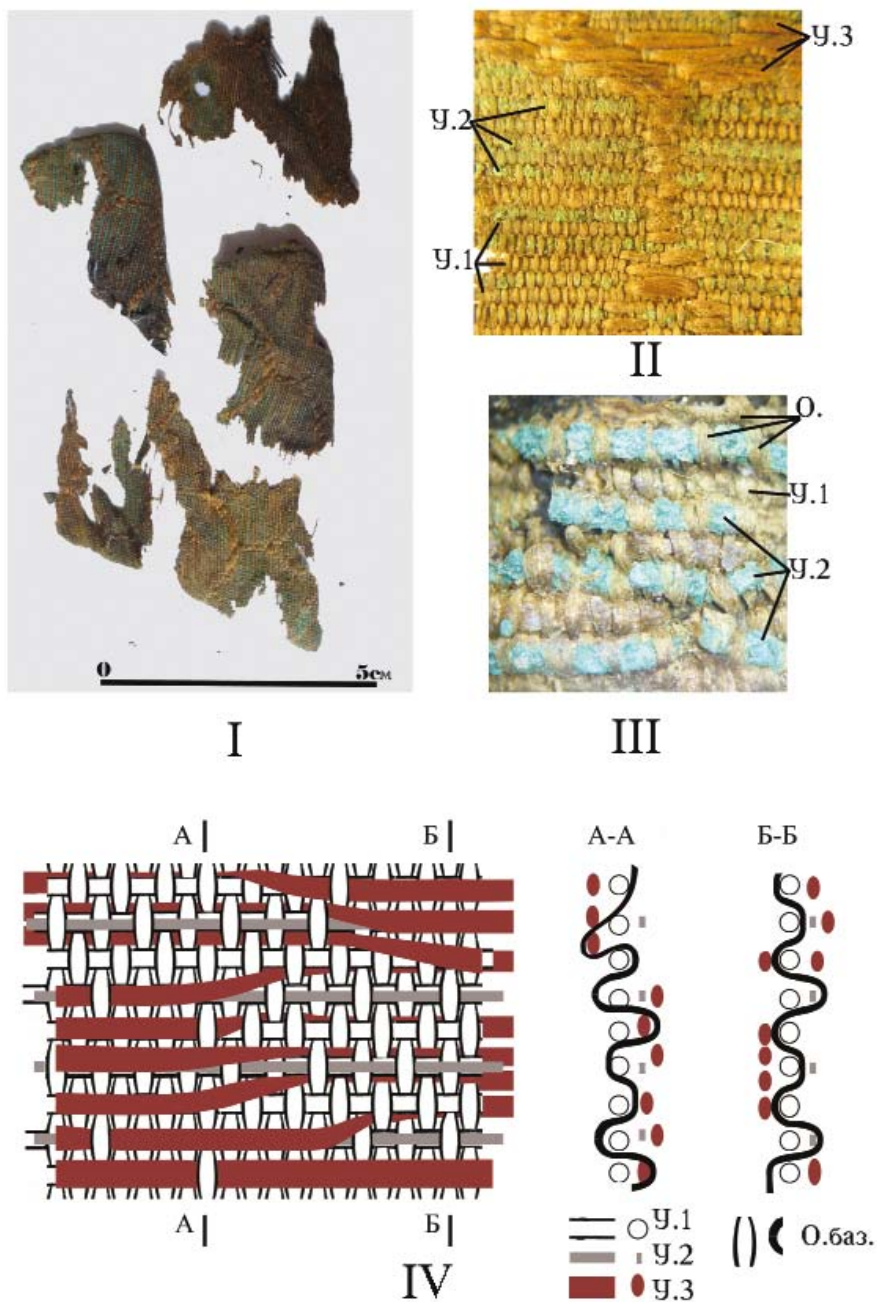

Рис. 6. Фрагменты основной ткани головного убора.

I. Общий вид фрагментов ткани головного убора. II. Лицевая сторона ткани (сторона квадрата 1 см). III. Микрофотография участка ткани с плоскими золотными нитями. IV. Схема текстильных переплетений шелковой ткани головного убора. О.баз. – основа базовая; Y.1 – базовый уток; Y.2 – металлическая плоская нить; Y.3 – узорный уток; А-А и Б-Б – разрезы вдоль нитей основы.

Fig. 6. Fragments of the headwear basic textile fabric.

А

0 10см

Б

0 1см

Рис. 7. Металлическое кружево.

А. Общий вид фрагментов кружева. Б. Участок металлического кружева.

Fig. 7. Metallic-thread lace.

разделялись на две большие группы: не закрывающие и закрывающие уши. Все они были небольшими по объему и конструктивно несложными.

К первой группе принадлежали различные наколки и шляпки: довольно большие соломенные «бержер», малых размеров круглые или треугольные и «баттерфляй» или «флай» (Cumming, 2010, с. 35) из кружев и багиста на проволочном каркасе в форме бабочки (Нанн, 2005, с. 116).

Ко второй группе относились головные уборы-шапочки, представляющие собой комбинации элементов закрытой шапочки «боннет» или шапо-«бонне» (Кибалова, 1986, с. 366) и различных чепцов (чепца «корнет» с длинными ушками (Мерцалова, 2001, с. 48), чепца «пиннер» – окаймленного оборкой, круглого и плоского на макушке (Нанн, 2005, с. 116) и домашнего чепца. Такие шапочки закрывали лоб полностью от самых бровей или оставляли его открытым чуть ниже или выше линии роста волос.

Эти шапочки в некоторых случаях имели удлиненные боковые паты, или ушки, так называемые «поводки для поцелуев» или «поводья» (Нанн, 2005, с. 116), они позволяли завязывать шапочки под подбородком. Задняя часть шапочек стягивалась лентой или тесемкой; поверх мог быть повязан шарф. Шапочки отделялись двойной или одинарной оборкой из тонкой белой ткани, нитяным или металлическим кружевом.

В Западной Европе плетение кружева выделилось в ремесло и стало предметом торговли во второй половине XVI в. К царскому двору кружево поставлялось на протяжении всего XVII и первой половины XVIII столетий. Существует предание, что

и происхождение названия «кружево» связано с тем, что в старину оно служило для окружения, окаймления царской или великокняжеской одежды (Никольский, 1929, с. 4). В XVII в. оно массово ввозилось из-за рубежа, а в XVIII в. уже производилось в России, причем в значительном объеме (Фалеева, 1983, с. 20–22, 35).

Искусство плетения кружева на «западный манер» появилось в России в 1724 г., когда Петр I выписал несколько «брабантских сирот, выученных в монастырях» для обучения насельниц Хотьковского девичьего монастыря прядильному делу, золотному шитью и плетению кружев (Смирнов, 1885, с. 40). Эксперимент оказался успешным, и в 1725 г. было привезено уже 250 мастериц для обучения бесприютных детей, принятых на воспитание в Новодевичий монастырь (Давыдова, 1913, с. 5). Сохранились данные и о кружевной школе, открытой Петром I в Новгороде (Jackson, 1900, с. 195).

С этого времени искусство плетения кружев по западноевропейскому образцу распространяется в прочих воспитательных учреждениях для «сирот без призрения после родителей оставших» (Смирнов, 1885, с. 41). Известно это занятие было также и в царских мастерских, в помещичьих усадьбах и в купеческих семьях (Золото-серебряное, 1993, с. 7). Быстро распространению этого ремесла в значительной степени способствовал тот факт, что к началу XVIII в. в нескольких регионах России (в Вологде, Балахне Нижегородской, в Белёве Тульской, в Мценске Орловской губерний) уже было налажено производство крестьянского плетеного кружева несложных форм (The Encyclopaedia

«Владимир Алексеев», образованная в 1785 г. (Игнатьева, 1999, с. 45).

Металлическое кружево до второй половины XVIII в. было распространено в основном среди знати (Фалеева, 1983, с. 20–22). Если для кружева, используемого в дворянском и купеческом быту, применялся металл лучшего качества (белое и позолоченное серебро), то крестьянам была доступна только мишура – посеребренная или позолоченная медь. Но по своим декоративным качествам крестьянское «мишурное» и «трусальное» кружево было таким же эффективным, только менее прочным (Фалеева, 1983, с. 35). Обычно кружевом обшивались края одежд – полы, рукава, ворот, подол (Левинсон-Нечаева, 1941, с. 183).

При этом формы кружева различались в зависимости от вида отделки, для которой они применялись. В декоре шапочек в XVIII в. обыкновенно использовали два вида мерного кружева: край и аграмант. Кружевная оборка, окаймляющая шапочку полностью или только ее ушки, имела вид так называемого «края» – кружева с прямым внутренним краем, и внешним краем в виде фестонов. Аграмант – кружево, у которого оба края внешние с фестонами – также служил окаймлением, но располагался на самой шапочке и дополнительно декорировал ее по центру. Вероятно, использование одного типа кружева для края и центра изделия можно объяснить сознательным минимализмом в декорировании одежды, а не отсутствием выбора, так как ассортимент узоров золотного кружева был достаточно разнообразным.

В XVIII в. для отделки как одежды, так и головных уборов металлическое кружево применялось наравне с нитя-

ным. Именно на это время приходится расцвет металлического кружева. Самая употребительная его форма в этот период – аграмант, так как он наиболее соответствует роли нашивки, остающейся главным приемом его использования (Фалеева, 1983, с. 29).

В начале XVIII в. возникают и развиваются несколько базовых композиций аграманта:

1. Из растительно-геометрического орнамента в виде очень мелких квадратиков насновки или овалов полотнянки, цепочки ромбов или овалов. Разнообразные решетки заполняют не только фон, но и внутреннее пространство мотивов. Внешние края имеют мелкие зубчики, расположенные на одном уровне. Это самый простой тип аграманта.

2. Из зубцов одинакового рисунка, повернутых то в одну, то в другую сторону. Известны три варианта композиции: в виде крупных гребешков; с зубцами, соединенными волнистой сканью; с веточками и листьями из насновок овальной формы.

3. «Вилюшка», или «речка»: полоса в виде волны, в изгибах которой помещались одиночные или сгруппированные веерообразные мотивы (зубцы или фестоны). Этот тип аграманта был особенно популярен в середине и в второй половине XVIII в. К этому типу относится металлическое кружево с головного убора из нижегородского погребения.

4. «Зубцы», расположенные симметрично и разделенные решеткой или сканью. Этот тип аграманта просуществовал без особенных изменений вплоть до начала XX в. (Фалеева, 1983, с. 29; Золото-серебряное, 1993, с. 7–8).

Особую роль в металлическом кружеве выполняла «бить» – нить плоско-

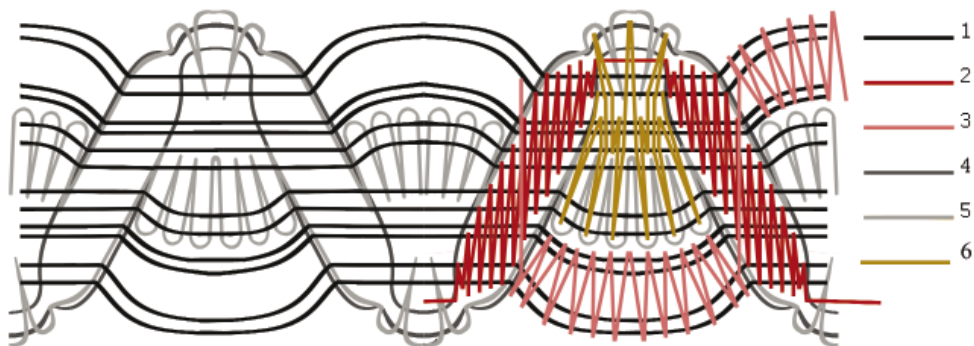

Рис. 8. Схема металлического кружева. 1 – тонкие золотные нити, работающие как основные; 2–3 – тонкие золотные нити, работающие парами, как уточные; 4–5 – толстые золотные нити; 6 – плоские золотные нити.

Fig. 8. Metallic-thread lace diagram.

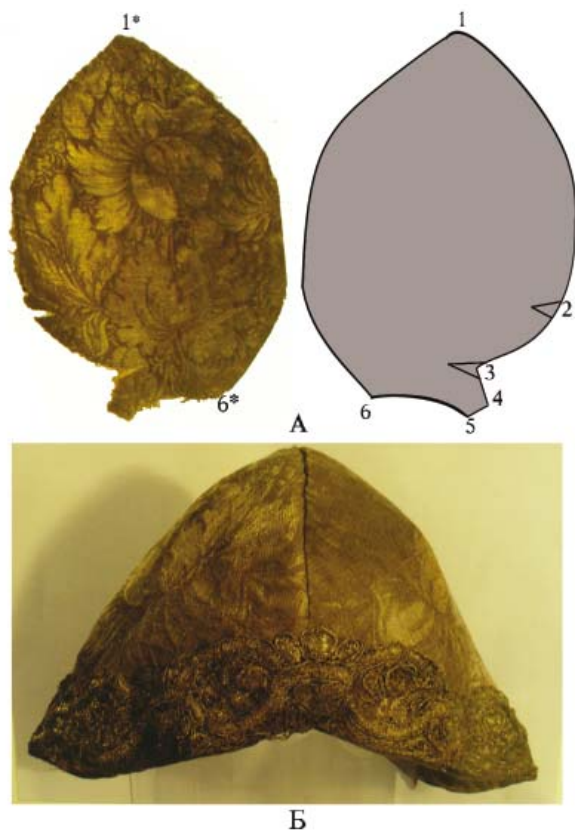

Рис. 9. Головной убор из г. Дорогобужа.

А. Выкройка головного убора (две детали): 1-1* и 6-6* – точки соединения; 2 и 3 – вытачки (автор Н.П.Синицына). Б. Головной убор после реставрации (реставратор Н.П. Синицына).

Fig. 9. Headwear from Dorogobuzh city.

Рис.10. Вариант реконструкции головного убора (художник О.В.Орфинская).

Fig. 10. Variant of the headwear reconstruction (drawing by O.V. Orfinskaya).

Рис. 11. Женские портреты работы Пьетро Ротари (1707–1762).

Fig. 11. Women's portraits by Pietro Rotari (1707–1762).

го сечения, подчеркивающая рисунок узора. С середины XVIII в. в русское золотосеребряное кружево стала добавляться цветная бить (Золото-серебряное, 1993, с. 9). Декоративный эффект металлического кружева повышался последовательным чередованием узоров из золота и серебра (Левинсон-Нечаева, 1941, с. 183). В это же время оно постепенно исчезает из дворянского быта, замещаясь нитяным. Применение золотной нити в плетении кружев сокращается до минимума, она изредка появляется только в контурной скани узора (Ефимова, 1982, с. 154).

На основе результатов проведенных комплексных исследований была сделана попытка определить время и место создания нижегородской шапочки.

Изображения аналогичных женских головных уборов встречаются в европейских портретах XVIII в. Особо близкими по крою и характеру декора являются шапочки на так называемых «головках» Пьетро Ротари (рис. 11) – итальянского живописца, работавшего в качестве портретиста, в том числе и в России, с середины 1750-х годов до 1762 г. (Painting in Italy, 1970, с. 100).

Погребение с головным убором датируется археологами не ранее 1740–1741 гг. Время производства декора головного убора – металлического кружева – XVIII век. Место его производства не известно, поскольку в XVIII в. отечественная манера плетения металлического кружева подражала западноевропейской, а соб-

ственные приемы и композиции еще не были выработаны. Специфической особенностью, затрудняющей определение места производства данного кружева, является близость Макарьевской (Нижегородской) ярмарки, которая к середине XVIII в. стала крупным международным торгом (Водарский, 2006, с. 252).

Однако принимая во внимание то, что женский костюм украшался, прежде всего, изделиями местных промыслов, а затем уже привозными, нельзя полностью исключить вероятность того, что это кружево было изготовлено в Балахне Нижегородской губернии. Известно, что это местность еще в XVIII в. была одним из известных центров производства кружева (Фалеева, 1983, с. 50) и Балахна являлась единственным центром кружевоплетения по всей Нижегородской губернии (Карташова, 2009, с. 489–494).

К сожалению данных, позволяющих причислить металлическое кружево из нижегородского погребения к знаменитому «балахонскому манеру», нет.

Таким образом, головной убор, имеющий форму закрытой шапочки, был сшит из парчовой ткани, в состав которой входила мишурная нить, что свидетельствует об относительно низкой ее стоимости. Кружева отделки можно отнести к дорогим изделиям, имеющим серебряные нити хорошего качества. Сам головной убор, вероятно, был изготовлен в «послепетровский» период под влиянием западной моды середины XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вишневская И.И.* Драгоценные ткани. Сокровища Оружейной палаты. – М.: Художник и книга, 2007. – 177 с.
2. *Водарский Я.Е.* Исследования по истории русского города: (факты, обобщения, аспекты). – М.: ИРИ РАН, 2006. – 415 с.
3. *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. – Т. 3. – Л.: Изд-е гос. РГО, 1926. – 424 с.
4. *Гулишамбаров С.И.* Благородные металлы и сплавы. – СПб.[б.и.], 1904. – 102 с.
5. *Давыдова С.А.* Очерк кружевной промышленности в России // Кустарная промышленность России. Женские промыслы в очерках С.А. Давыдовой, Е.Н. Половцовой, К.Г. Беренс и Е.О. Свидаерской. – СПб.: Типо-литография «Якорь», 1913. – С. 1–182.
6. *Ефимова Л.В., Белогорская Р.М.* Русская вышивка и кружево. – М.: Изобразительное искусство, 1982. – 272 с.
7. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. – Новосибирск: Наука, 1992. – 244 с.
8. Золото-серебряное кружево XVII – начала XX века в собрании Сергиево-Посадского музея. Каталог / Авт. вступ. статьи и сост. Г.К. Баранова. – М.: СОРЕК, 1993. – 96 с.
9. *Игнатъева Т.И.* Хранятся здесь и ситец, и парча // Наука и жизнь. – 1999. – № 3. – С. 43–47.
10. *Карташова М.В.* Кустарный кружевной промысел Балахнинского уезда в XIX в. (исследование коллекции Балахнинского краеведческого музея) // Первые всероссийские краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15–17 апреля 2007 г.). – М.: АНО ИЦ Москвоведение; ОАО Московские учебники и Картолитография, 2009. – С. 489–494.
11. *Кибалова Л., Гербенюва О., Ламарова М.* Иллюстрированная энциклопедия моды / Пер. И.М. Ильинской и А.А. Лосевой. – Прага: Артис, 1986. – 608 с.
12. *Левинсон-Нечаева М.Н.* Золото-серебряное кружево XVIII в. // Сборник статей по истории материальной культуры XVI–XIX вв. / Тр. ГИМ. – Вып. XIII. – М.: ГИМ, 1941. – С. 167–190.
13. *Маясова Н.А.* Древнерусское лицевое шитье. – М.: Красная площадь, 2004. – 495 с.
14. *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов: В 4-х тт. – Т. 3–4. – М.: Академия моды; СПб.: Чарт Пилот, 2001. – 576 с.
15. *Моисеенко Е.Ю.* Русская вышивка XVII – начала XX века. – Л.: Художник РСФСР, 1978. – 200 с.
16. *Нанн Дж.* История костюма, 1200–2000 / Пер. с англ. Т. Супруновой. – М.: Астрель; АСТ, 2005. – 343 с.
17. *Никольский И.Ф.* Калязинские кружева. Очерк кружевного плетения в г. Калязине в прошлом и настоящем. – Кашин: Общ-во изучения местного края, 1929. – 22 с.
18. *Полякова Е.В.* К вопросу о терминологии русских золотных тканей XIX века // Забелинские научные чтения – год 2006-й. Исторический Музей – Энциклопедия отечественной истории и культуры. – М.: ГИМ, 2007. – С. 407–415.
19. *Сабурова М.А.* Находки деталей одежды в Суздальской земле и их значение для изучения истории формирования русского национального костюма // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Материалы Международного научно-образовательного семинара / Сост., ред. Ю.В. Степанова. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. – С. 151–154.

20. *Савваитов П.И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1896. – 184 с.
21. *Смирнов С.К.* Покровский Хотьков девичий монастырь. Изд. 6-е. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1885. – 63 с.
22. *Фалеева В.А.* Русское плетеное кружево. – Л.: Художник РСФСР, 1983. – 328 с.
23. *Шабельская Н.Л.* Материалы и технические приемы в древнерусском шитье // Вопросы реставрации. Сборник Централных Государственных Реставрационных Мастерских. – Вып. 1. – М.: ЦГРМ, 1926. – С. 113–124.
24. *Энговатова А.В., Орфинская О.В., Голиков В.П.* Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 176–196.
25. *Юрова Е.С.* Старинные узоры для вышивания: обзор за 400 лет и энциклопедия вышивки XVIII века. – М.: Этерна, 2010. – 208 с.
26. *Cumming V, Cunnington C.W., Cunnington P.E.* The Dictionary of Fashion History. London: Bloomsbury Academic, 2010, 320 p.
27. *Jackson F.N.* Old Handmade Lace: With a Dictionary of Lace. London: L. Upcott Gill, 1900.– Reprint. – New York: Dover Pub., 1987. 245 p.
28. *Painting in Italy in the Eighteenth Century: Rococo to Romanticism.* Chicago, Art Institute of Chicago, 1970, 251 p.
29. *The Encyclopaedia Britannica: a dictionary of arts, sciences, literature and general information.* Cambridge, Cambridge University Press, 1911, 11th ed, V. 16, 992 p.

Информация об авторах:

Орфинская Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачёва (г. Москва, Российская Федерация); orfio@yandex.ru

Шапиро Бэлла Львовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет. (г. Москва, Российская Федерация); b.shapiro@mail.ru

GOLD-METALLIC TEXTILES AND GOLD-SILVER LACE IN THE 18TH CENTURY WOMEN'S HEADWEAR: RESEARCH RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL TEXTILES FROM NIZHNY NOVGOROD

O.V. Orfinskaya, B.L. Shapiro

The article deals with research results of women's headwear discovered during salvage archaeological excavations of the urban necropolis at Verkhneposadskaya St. Nicholas Church in Nizhny Novgorod. The structure and composition of the textile fabric and the lace, the headwear cut, the décor location, and the time of its creation have been determined in the course of the study. Special attention was paid to the gold-metallic threads, and in this connection a detailed technological classification of gold-metallic archaeological threads from different historical periods is considered in the article. It has been determined that the headwear was made of gold brocade with tinsel threads, which can be attributed to the mid- or low-value price category. At the same time, high-quality threads were used in the silver lace. According to the analysis of types and kinds of women's headgear in Western European fashion, the time of production of the cap under study is attributed as belonging to the middle or second half of the 18th century. The dating is additionally supported by the results of the lace research. It is a typical 18th-century fan-shaped agramant named "vilyushka" ("twister"). The study resulted in headdress reconstruction. It is a small cap decorated with

metallic-thread lace along the bottom edge and the axis of symmetry from the forehead to the back of the head.

Keywords: archaeology, history, Nizhny Novgorod, archaeological textiles, 18th century, headwear, gold-metallic threads, lace, clothing reconstruction.

REFERENCES

1. Vishnevskaiia, I. I. 2007. *Dragotsennye tkani. Sokrovishcha Oruzheinoi palaty (Precious Fabrics. Treasures of the Armory)*. Moscow: “Khudozhnik i kniga” Publ. (in Russian).
2. Vodarskii, Ya. E. 2006. *Issledovaniia po istorii russkogo goroda: (fakty, obobshcheniia, aspekty) (Research in the History of Russian Town (Facts, Generalizations, Aspects))*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Russian History Institute (in Russian).
3. Grumm-Grzhimailo, G. E. 1926. *Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii krai (Western Mongolia and Uryankhai Territory)* 3. Leningrad: State Russian Geographic Society (in Russian).
4. Gulishambarov, S. I. 1904. *Blagorodnye metally i splavy (Precious Metals and Alloys)*. Saint Petersburg [s. ed.] (in Russian).
5. Davydova, S. A. 1913. In *Kustarnaia promyshlennost’ Rossii. Zhenskie promysly v ocherkakh S. A. Davydovoi, E. N. Polovtsovoi, K. G. Berens i E. O. Sviderskoi (Cottage Industry of Russia. Women Crafts in the Essays by S. A. Davydova, E. N. Polovtsova, K. G. Behrens and E. O. Sviderskaya)*. Saint Petersburg: “Tipo-litografiia «Iakor’»” Publ., 1–182 (in Russian).
6. Efimova, L. V., Belogorskaia, R. M. 1982. *Russkaia vyshivka i kruzhevo (Russian Embroidery and Lace)*. Moscow: “Izobrazitel’noe iskusstvo” Publ. (in Russian).
7. Zabelin, I. E. 1992. *Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiiakh (Russian Queens’ Home Life in the 16th and 17th Centuries)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
8. Baranova, G. K. (comp.). 1993. *Zoloto-serebrianoie kruzhevo XVII – nachala XX veka v sobranii Sergievo-Posadskogo muzeia. Katalog (Gold and Silver Lace of 17th – Early 20th Century in the Collection of Sergiev Posad Museum)*. Moscow: “SOREK” Publ. (in Russian).
9. Ignat’eva, T. I. 1999. In *Nauka i Zhizn (Science and Life)* (3), 43–47 (in Russian).
10. Kartashova, M. V. 2009. In *Pervye vserossiiskie kraevedcheskie chteniia: Istoriia i perspektivy razvitiia kraevedeniia i moskvovedeniia (Moscow, 15–17 apreliia 2007 g.) (The First All-Russian Local History Reading: History and Prospects of Local History and Study of Moscow (Moscow, 15-17 April 2007))*. Moscow: “Moskvovedenie” Publ., “Moskovskie Uchebniki i Kartolitografiya” Publ., 489–494 (in Russian).
11. Kibalová, L., Herbenová, O., Lamarová, M. 1986. *Illustrirovannaia entsiklopediia mody (Illustrated Fashion Encyclopedia)*. Prague: “Artia” Publ. (in Russian).
12. Levinson-Nechaeva, M. N. 1941. In *Sbornik statei po istorii material’noi kul’tury XVI–XIX vv. (Collection of Articles on 16th – 19th Centuries Material Culture*

History). Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIII. Moscow: State Historical Museum, 167–190 (in Russian).

13. Maiasova, N. A. 2004. *Drevnerusskoe litsevoe shit'e (Old Russian Pictorial Embroidery)*. Moscow: “Krasnaia ploshchad” Publ. (in Russian).

14. Mertsalova, M. N. 2001. *Kostium raznykh vremen i narodov (The Costume of Different Ages and Nations)*. Vol. 3–4. Moscow: “Akademiiia mody” Publ.; Saint Petersburg: “Chart Pilot” Publ. (in Russian).

15. Moiseenko, E. Yu. 1978. *Russkaia vyshivka XVII – nachala XX veka (Russian Embroidery in 17th – Beginning of 20th Century)*. Leningrad: “Khudozhnik RSFSR” Publ. (in Russian).

16. Nunn, J. 2005. *Istoriia kostiuma, 1200–2000 (Fashion in Costume, 1200–2000)*. Moscow: “Astrel” Publ.; “AST” Publ. (in Russian).

17. Nikol'skii, I. F. 1929. *Kaliazinskie kruzheva. Ocherk kruzhevnoho pleteniia v g. Kaliazine v proshlom i nastoiashchem (Kalyazinsky Lace. An Essay on Kalyazin Lace-making in the Past and Present)*. Kashin: Society for the Local Lore Studies (in Russian).

18. Poliakova, E. V. 2007. In *Zabelinskie nauchnye chteniia – god 2006-i (Scientific Readings in Honour of I. E. Zabelin, 2006)*. Series: Istoricheskii Muzei – Entsiklopediia otechestvennoi istorii i kul'tury (Historical Museum — Encyclopedia of Russian History and Culture). Moscow: State Historical Museum, 407–415 (in Russian).

19. Saburova, M. A. 2011. In *Zhenskaia traditsionnaia kul'tura i kostium v epokhu Srednevekov'ia i Novoe vremia (Women's Traditional Culture and Costume in the Middle and Modern Ages)*. Moscow; Saint Petersburg: “Al'ians-Arkeho” Publ., 151–154 (in Russian).

20. Savvaitov, P. I. 1896. *Opisanie starinnykh russkikh utvarei, odezhd, oruzhiia, ratnykh dospekhev i konskogo pribora (Description of Ancient Russian Utensils, Clothes, Weapons, Armor and Horse Trappings)*. Saint Petersburg: “Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk” Publ. (in Russian).

21. Smirnov, S. K. 1885. *Pokrovskii Khot'kov devichii monastyr' (Pokrovsky Nunnery in Khotkovo)*. Moscow: “M. G. Volchaninov” Publ. (in Russian).

22. Faleeva, V. A. 1983. *Russkoe pletenoe kruzhevo (Russian Tatting)*. Leningrad: “Khudozhnik RSFSR” Publ. (in Russian).

23. Shabel'skaia, N. L. 1926. In *Voprosy restavratsii. Sbornik Tsentral'nykh Gosudarstvennykh Restavratsionnykh Masterskikh (Issues of Restoration. Collection of Central State Restoration Workshops)* 1. Moscow: Central State Restoration Workshops, 113–124 (in Russian).

24. Engovatova, A. V., Orfinskaia, O. V., Golikov, V. P. 2005. In *Rus' v IX–XIV vekakh: Vzaimodeistvie Severa i Juga (Rus in the 9th–14th Centuries: Interaction of the North and the South)*. Moscow: “Nauka” Publ., 176–196 (in Russian).

25. Yurova, E. S. 2010. *Starinnye uzory dlia vyshivaniia: obzor za 400 let i entsiklopediia vyshivki XVIII veka (Ancient Patterns for Embroidery: a Review of 400 Years of the 18th Century Embroidery Encyclopedia)*. Moscow: “Eterna” Publ. (in Russian).

26. Cumming, V, Cunnington, C. W., Cunnington, P. E. 2010. *The Dictionary of Fashion History*. London: Bloomsbury Academic, 320 p.

27. Jackson, F. N. 1987. *Old Handmade Lace: With a Dictionary of Lace*. London: L. Upcott Gill, 1900.– Reprint. – New York: Dover Pub., 245 p.

28. *Painting in Italy in the Eighteenth Century: Rococo to Romanticism*. 1970. Chicago, Art Institute of Chicago, 251 p.

29. *The Encyclopaedia Britannica: a dictionary of arts, sciences, literature and general information* V. 1911. 11 ed, Cambridge: Cambridge University Press. 16,992 p (in Russian).

About the Authors:

Orfinskaya Olga V. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev. Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129301, Russian Federation; orfo@yandex.ru

Shapiro Bella L. Candidate of Historical Sciences. Russian State University for the Humanities. Miuskaya Sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation; b.shapiro@mail.ru

УДК 904

НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2010–2013 ГГ.¹

© 2015 г. И.Р. Газимзянов

Представлены предварительные результаты антропологического анализа новых серийных материалов из раскопок средневековых некрополей Болгара. По краниологической программе изучено 152 черепа (80 мужских и 72 женских), сгруппированных в пять серий. Черепа из некрополей, располагавшихся в южной половине Болгарского городища, морфологически близки и в целом характеризуются мезокранной формой черепа, грацильным строением лица и ослабленным выступанием носовых костей. Серии из некрополей северной половины городища также типологически схожи, но описываются иным краниокомплексом, для которого характерно брахикранная форма черепа, более широкое и более высокое лицо в сочетании с большим углом носа. Сборная серия из мавзолеев демонстрирует расовые отличия по половой принадлежности (мужчины – европеоиды, женщины – монголоиды). Сравнительный межгрупповой анализ всех краниологических серий еще раз подтвердил тезис о неоднородном антропологическом составе средневекового населения Болгара, что связано, вероятно, с различными его этнокультурными и этногенетическими истоками.

Ключевые слова: антропология, археологические памятники, средневековый Болгар, некрополи, краниология, антропологический состав, межгрупповая изменчивость.

В 2010–2013 гг. на территории Болгарского городища было изучено несколько новых средневековых мусульманских некрополей. Они локализуются как в южной части городища, так и в северной (рис. 1). В общей сложности было исследовано более 300 захоронений, совершенных в мусульманских традициях, и датируются они в основном золотоордынским временем. В результате была получена довольно большая коллекция антропологического материала. По краниологической программе нами было измерено и описано 152 черепа разной сохранности (80 мужских и 72 женских). По расположению некрополей было выделено пять краниологи-

ческих серий, предварительный анализ которых приводится ниже.

Некрополь в районе площадки бывшего аэродрома. В эту серию вошли черепа из раскопа СXLVI 2010 г. (рук. В.С. Баранов) и раскопов CLIV и CLV 2011 г. (рук. А.В. Беляев).

Серия состояла из 26 мужских и 22 женских черепов различной степени сохранности. Суммарно мужские черепа по черепному указателю относятся к категории мезокранных (табл. 1). Высота свода большая как от основания черепа, так и ушных отверстий. Лицевой скелет относительно узкий по ширине и средний по высоте. Он резко профилирован в горизонтальной плоскости, но по общему лицевому углу относится к

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 14-06-00463).

категории мезогнатных. Угол выступающего носа средний. Антропологический тип мужской части данной серии в целом европеоидный, но с не ярко выраженными признаками.

Женские черепа суммарно также характеризуются мезокранией со средней высотой свода. Лицевой скелет узкий и низкий, по пропорциям относится к грацильным формам. На уровне орбит и скул прослеживается резкая горизонтальная профилиров-

ка лица, но переносе относительно низкое и средневыступающее, что позволяет отметить в составе женской части данной серии небольшую монголоидную примесь.

Раскоп CLXXIV. В 2012 г. проводились раскопки каменного мавзолея и прилегающего к нему некрополя, расположенных на видном всхолмлении с левой стороны по шоссе в трассе в сторону «Малого городка» (рук. И.И. Ёлкина).

Таблица 1. Средние параметры некоторых краниологических признаков серии из мусульманского некрополя в районе площадки бывшего аэродрома

Table 1. Mean parameters of certain craniological criteria for the series from the Muslim necropolis in the vicinity of former airfield

Признаки	Мужские		Женские	
	N	X	N	X
1. Продольный диаметр	24	181.7	14	173.8
8. Поперечный диаметр	24	141.7	12	135.3
17. Высотный диаметр	19	138.9	7	132.1
5. Длина основания черепа	19	105.7	7	102.7
9. Наименьшая ширина лба	25	98.3	17	94.4
11. Ширина основания черепа	23	125.2	10	119.1
45. Скуловой диаметр	21	132.9	7	122.4
48. Верхняя высота лица	23	71.7	14	67.2
55. Высота носа	24	52.7	13	48.9
54. Ширина носа	24	25.4	13	23.2
51. Ширина орбиты	24	42.5	16	40.5
52. Высота орбиты	24	32.7	15	32.2
20. Ушная высота	23	116.0	10	109.9
77. Назомалярный угол	24	138.9	15	137.9
Zm. Зигомаксиллярный угол	18	124.4	7	127.8
SS. Симотическая высота	23	4.7	15	3.4
Глубина клыковой ямки	24	5.2	9	5.0
72. Общий лицевой угол	19	83.8	8	84.4
75(1). Угол выступающего носа	21	26.1	10	24.3
8:1. Черепной указатель	24	78.1	12	78.4
48:45. Верхнелицевой указатель	18	54.1	7	55.3
54:55. Носовой указатель	23	48.2	11	47.8
52:51. Орбитный указатель	24	76.8	15	79.5
SS:SC. Симотический указатель	23	45.8	15	38.2

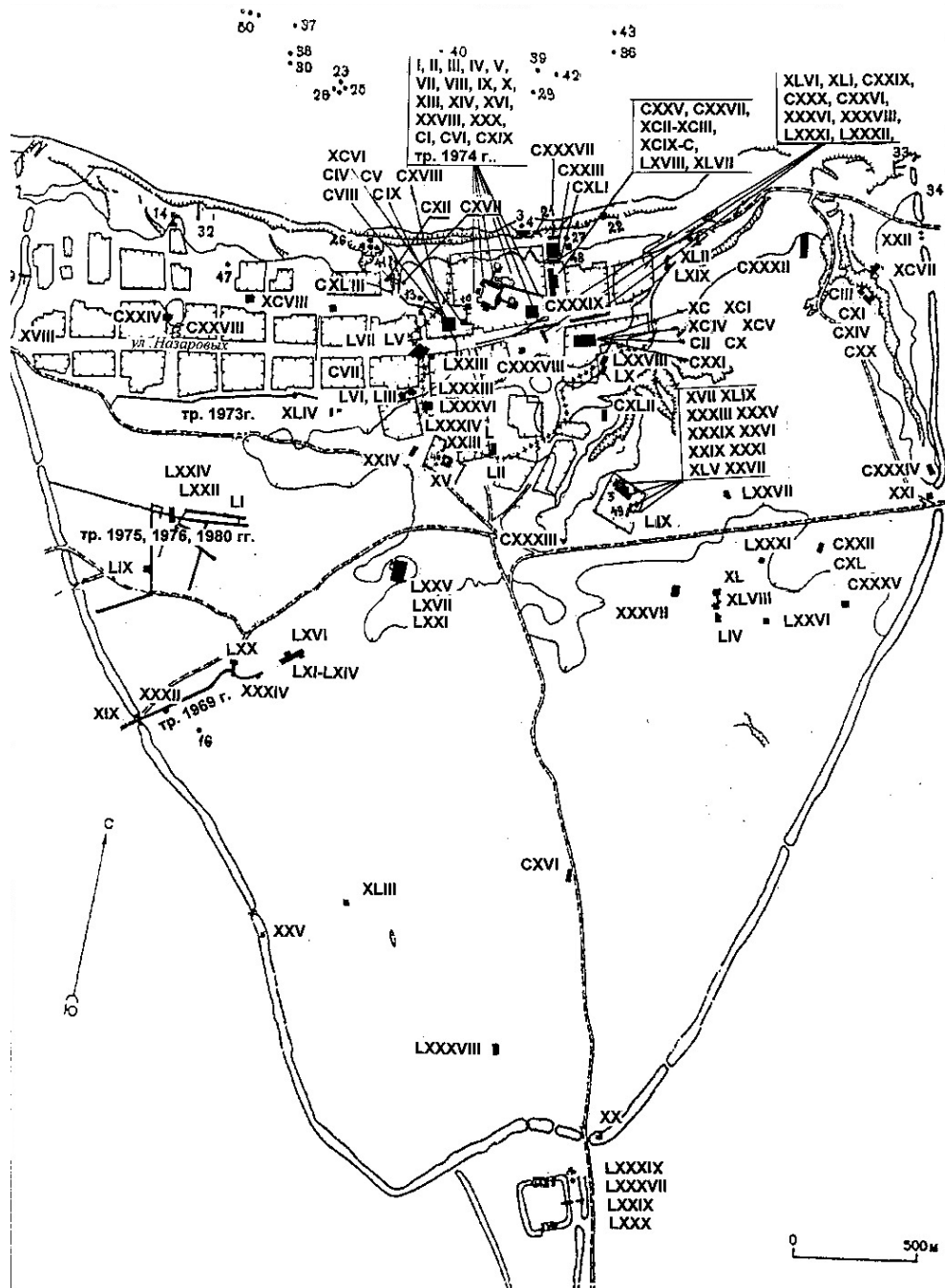

Рис. 1. План Болгарского городища.

Fig. 1. Plan of the Bolgar hillfort site.

Сохранность антропологического материала, полученного в ходе раскопок, не всегда хорошая. После частичной реставрации к изучению были пригодны 20 мужских и 19 женских черепов.

Мужские черепа этой выборки морфологически схожи с черепами из некрополя в районе площадки бывшего аэродрома. Они также мезокранные, но с несколько пониженной высотой свода (табл. 2). Лицевой отдел очень узкий по ширине и средневысокий по высоте с резкой профилировкой в горизонтальной плоскости. Однако при этом отмечается небольшая высота переносья и средний угол выступание носа, что не характерно для

«классических» европеоидных групп. В связи с этим антропологический тип мужчин данной группы можно охарактеризовать как европеоидный, но в смягченном его варианте.

Женские черепа, так же как и мужские, относятся к мезокранному типу, но в отличие от последних имеют более низкий свод. Лицо по абсолютным параметрам узкое и средневысокое, по пропорциям относится к категории тонко сложенных (лепитен). При этом лицевой отдел несколько уплощен на уровне орбит. Носовые косточки выступают слабо. Все это позволяет констатировать в женской части серии достаточно большую долю монголоидной примеси.

Таблица 2. Средние параметры некоторых краниологических признаков серии из раскопа 174 (CLXXIV)

Table 2. Mean parameters of certain craniological criteria for the series from trench No. 174 (CLXXIV)

Признаки	Мужские		Женские	
	N	X	N	X
1. Продольный диаметр	17	181.9	15	176.3
8. Поперечный диаметр	14	141.8	12	138.3
17. Высотный диаметр	13	135.3	11	129.6
5. Длина основания черепа	13	104.3	12	98.5
9. Наименьшая ширина лба	17	96.4	17	93.4
11. Ширина основания черепа	10	122.2	11	122.8
45. Скуловой диаметр	7	128.1	6	125.8
48. Верхняя высота лица	18	69.9	12	67.6
55. Высота носа	17	51.7	12	49.8
54. Ширина носа	16	24.6	10	24.3
51. Ширина орбиты	17	42.8	12	42.3
52. Высота орбиты	19	32.6	12	33.4
20. Ушная высота	10	114.2	9	111.1
77. Назомаллярный угол	14	137.4	14	142.1
Zm. Зигомаксиллярный угол	10	126.5	9	128.9
SS. Симотическая высота	17	4.3	11	3.2
Глубина клыковой ямки	14	4.9	10	4.2
72. Общий лицевой угол	10	84.6	8	82.5
75(1). Угол выступания носа	15	25.3	10	19.9
8:1. Черепной указатель	14	77.4	12	78.9
48:45. Верхнелицевой указатель	7	54.5	6	55.4
54:55. Носовой указатель	16	48.2	9	49.6
52:51. Орбитный указатель	17	76.2	11	79.3
SS:SC. Симотический указатель	17	44.9	11	39.4

Некрополь в районе «Памятного знака». В эту серию вошли черепа из раскопов СХII и СХVII (рук. В.С. Баранов, М.М. Кавеев) начала 90-х годов прошлого столетия, а также антропологические материалы из раскопа СLVI 2011 г. (рук. М.В. Сивицкий).

Серия состояла из 15 мужских и 6 женских черепов довольно хорошей сохранности. Мужские черепа по соотношению продольного и поперечного диаметров черепной коробки относятся в целом к категории брахикранных со средней высотой свода (табл. 3). Лица по абсолютным параметрам среднеширокие и отно-

сительно высокие, по пропорциям – мезенные. Профилировка лица на уровне орбит и скул умеренная. Угол выступления носа средний. Антропологический тип европеоидный, но на отдельных мужских черепах отмечаются монголоидные черты, которые, правда, не складываются в комплексы.

Женскую часть данной серии также можно отнести к европеоидным популяциям, но со значительной долей монголоидного компонента, которая выражается в пониженных значениях угла выступления носа и некоторой уплощенности на уровне орбит. При этом следует отметить, что

Таблица 3. Средние параметры некоторых краниологических признаков серии из некрополя в районе «Памятного знака»
Table 3. Mean parameters of certain craniological criteria for the series from the necropolis near "Pamyatnyi znak"

Признаки	Мужские		Женские	
	N	X	N	X
1. Продольный диаметр	14	179.6	6	176.0
8. Поперечный диаметр	14	149.1	6	138.5
17. Высотный диаметр	10	135.5	6	131.5
5. Длина основания черепа	10	103.6	4	101.8
9. Наименьшая ширина лба	12	98.2	6	96.3
11. Ширина основания черепа	13	130.9	6	123.3
45. Скуловой диаметр	11	136.6	5	126.6
48. Верхняя высота лица	12	73.7	4	65.8
55. Высота носа	12	53.3	4	50.5
54. Ширина носа	12	24.9	4	24.8
51. Ширина орбиты	12	42.9	4	41.8
52. Высота орбиты	12	33.0	4	33.5
20. Ушная высота	13	116.0	6	106.8
77. Назомалярный угол	11	140.1	4	144.2
Zm. Зигомаксиллярный угол	10	127.8	4	126.8
SS. Симитическая высота	11	4.9	5	3.8
Глубина клыковой ямки	12	5.2	4	4.7
72. Общий лицевой угол	11	84.6	3	83.3
75(1). Угол выступления носа	11	27.4	4	22.8
8:1. Черепной указатель	14	83.1	6	78.9
48:45. Верхнелицевой указатель	10	54.2	4	52.4
54:55. Носовой указатель	12	46.9	4	49.1
52:51. Орбитный указатель	12	77.2	4	80.5
SS:SC. Симитический указатель	11	52.9	5	42.2

даже и при небольшом количестве наблюдений выделяются отдельные черепа явно монголоидного облика.

Раскоп СХСІ. В 2013 г. проводились археологические исследования в северной части Болгарского городища, напротив старой археологической базы, где были изучены остатки склепа и более 30 мусульманских захоронений (рук. А.Г. Ситдииков и С.Г. Бочаров).

Сохранность скелетов была разной, и после реставрационных работ нами была измерена и описана серия, состоящая из 7 мужских и 16 женских черепов. Мужские черепа характеризуются как брахикранные, со средней высотой свода (табл. 4). Лицевой

скелет относительно широкий и относительно высокий. По пропорциям относится к категории среднесложенных (мезен). В горизонтальной и вертикальной плоскостях просматривается резкая профилировка лицевого отдела. Высота переносья и угол выступание носа имеют довольно большие значения, что позволяет отнести мужские черепа к брахикранным европеоидам.

Женские черепа данной серии также брахикранные и характеризуются европеоидными чертами. Однако с учетом полового диморфизма женские черепа имели более низкий свод мозгового отдела, меньший угол вы-

Таблица 4. Средние параметры некоторых краниологических признаков серии из раскопа СХСІ

Table 4. Mean parameters of certain craniological criteria for the series from trench СХСІ

Признаки	Мужские		Женские	
	N	X	N	X
1. Продольный диаметр	6	180.0	14	174.1
8. Поперечный диаметр	6	150.2	12	147.8
17. Высотный диаметр	5	136.8	10	131.5
5. Длина основания черепа	4	102.3	10	98.4
9. Наименьшая ширина лба	7	97.7	14	96.4
11. Ширина основания черепа	6	132.5	11	130.5
45. Скуловой диаметр	5	137.2	10	130.8
48. Верхняя высота лица	6	73.3	14	69.4
55. Высота носа	6	54.8	14	50.9
54. Ширина носа	7	25.4	14	24.1
51. Ширина орбиты	6	42.2	15	41.3
52. Высота орбиты	6	34.5	16	34.3
20. Ушная высота	6	117.3	11	111.9
77. Назомаллярный угол	7	138.5	14	141.8
Zm. Зигомаксиллярный угол	5	126.2	13	127.7
SS. Симотическая высота	6	5.1	11	3.9
Глубина клыковой ямки	6	4.9	13	4.0
72. Общий лицевой угол	6	86.8	11	87.6
75(1). Угол выступления носа	6	32.7	11	25.3
8:1. Черепной указатель	6	83.4	12	84.9
48:45. Верхнелицевой указатель	5	53.8	9	53.7
54:55. Носовой указатель	6	46.3	13	46.7
52:51. Орбитный указатель	6	82.1	15	83.9
SS:SC. Симотический указатель	6	59.5	12	46.2

ступания носа и более уплощенное лицо, то есть в женской группе серии выявляется небольшая монголоидная примесь по этим признакам.

Мавзолеи средневекового Болгара. Эту краниологическую серию составили черепа из мавзолеев, исследованные в разные годы Н.Д. Аксеновой (р. LXXVI, LXXVII, LXXXVIII), В.С. Барановым, М.М. Кавеевым (р. CXIX) и И.И. Ёлкиной (р. CLXXIV, CXCVII).

Серия немногочисленная и состояла из 12 мужских и 9 женских черепов, но это пока единственная серия, которая по своему происхождению надежно может документировать физический облик одной из социаль-

ных групп средневекового населения Болгара, а именно его высшую, аристократическую. Следует отметить, что антропологический тип мужчин и женщин, похороненных в каменных мавзолеях, резко отличается друг от друга. Так, мужские черепа характеризуются в целом резко европеоидным обликом: узкое хорошо профилированное лицо с сильно выступающим переносьем сопровождается брахикранной формой головы. Женские черепа более короткоголовые, более уплощены и имеют менее выступающее и низкое переносье, что может говорить об их монголоидном облике. Ответ на вопрос, почему вме-

Таблица 5. Средние параметры некоторых краниологических признаков сборной серии мавзолеев Болгарского городища
Table 5. Mean parameters of certain craniological criteria for the mixed series of the Bolgar hillfort site mausoleums

Признаки	Мужские		Женские	
	N	X	N	X
1. Продольный диаметр	7	175.6	3	169.0
8. Поперечный диаметр	6	145.7	1	147.0
17. Высотный диаметр	5	134.0	4	133.3
5. Длина основания черепа	4	102.0	3	96.3
9. Наименьшая ширина лба	7	96.3	4	94.4
11. Ширина основания черепа	5	127.8	1	126.0
45. Скуловой диаметр	5	131.2	1	128.0
48. Верхняя высота лица	8	71.9	5	67.4
55. Высота носа	8	54.0	5	49.8
54. Ширина носа	9	24.3	4	24.3
51. Ширина орбиты	7	43.7	5	41.8
52. Высота орбиты	10	33.4	5	32.4
20. Ушная высота	5	115.6	1	111.0
77. Назомалярный угол	7	140.2	3	146.8
Zm. Зигомаксиллярный угол	5	126.1	3	132.1
SS. Симотическая высота	10	4.4	4	1.7
Глубина клыковой ямки	7	4.9	5	3.3
72. Общий лицевой угол	5	83.4	1	87.0
75(1). Угол выступления носа	7	31.1	4	19.3
8:1. Черепной указатель	6	83.1	1	86.9
48:45. Верхнелицевой указатель	5	54.5	1	48.4
54:55. Носовой указатель	8	45.4	4	49.9
52:51. Орбитный указатель	7	76.8	5	77.8
SS:SC. Симотический указатель	10	56.6	4	33.2

сте похоронены в мавзолеях люди явно разного антропологического типа и соответственно разного генетического происхождения, остается пока открытым.

Таким образом, даже исходя из краткого обзора краниологических особенностей новых серийных материалов, можем отметить неоднородность антропологического состава средневекового населения города Болгара.

Сравнительный анализ вновь полученных материалов показывает, что различия между ними идут как по линии формы черепной коробки, так и степени выраженности монголоидных черт. Так, мужские черепа из некрополей, локализуемых в северной части городища, более короткоголовы и более широколицы, а также более европеоидны, чем происходящие из не-

крополей южной половины Болгара, то есть прослеживается некая топографическая приуроченность. Среди женских групп выделяется серия черепов из раскопа 191 (они брахикранны, широколицы и хорошо профилированы, что указывает на их европеоидный морфотип) и сборная серия из мавзолеев, которая характеризуется при резкой брахикрании черепов монголоидным морфотипом. Остальные женские серии представляют черепа мезокранные, грацильные и с не резко выраженными европеоидными чертами. Вместе с тем следует сказать, что отмеченная выше межгрупповая антропологическая неоднородность сопровождается и внутригрупповой. Так, при индивидуальной морфологической диагностике в каждой серии можно выделить черепа с различными

Таблица 6. Элементы первых трех канонических векторов (I–III) для 13 мужских краниологических серий средневекового Болгара
 Table 6. Elements of the first three canonical vectors (I–III) for the 13 male craniological series from medieval Bolgar

Признаки	I	II	III
1. Продольный диаметр	-0.445*	0.020	0.006
8. Поперечный диаметр	0.744	-0.072	0.004
17. Высотный диаметр	-0.157	0.624	-0.059
9. Наименьшая ширина лба	-0.371	0.381	0.291
45. Скуловой диаметр	-0.035	-0.677	0.641
48. Верхняя высота лица	-0.042	-0.185	0.219
51. Ширина орбиты	0.313	0.114	-0.974
52. Высота орбиты	0.413	0.155	0.199
54. Ширина носа	0.051	-0.127	0.112
55. Высота носа	0.276	0.500	-0.242
77. Назомалярный угол	0.092	0.206	0.182
Zm°. Зигомаксиллярный угол	0.126	-0.290	-0.244
SS:SC. Симотический указатель	0.054	-0.418	-0.021
75(1). Угол носа	0.041	0.666	0.332
Собственные числа	25.6	9.9	8.8
Доля в общей дисперсии (в %)	57.8	22.4	19.9

*Выделены значения, указывающие на сильную коррелятивную связь.

антропологическими характеристиками, что, вероятно, отражает процесс смешения между разными группами городского населения средневекового Болгара, имеющего, возможно, разные и этногенетические истоки.

На сегодняшний день антропологическая структура средневекового населения Болгара характеризуется, с учетом новых материалов, тринадцатью краниологическими сериями. Их в разное время изучали Т.А. Трофимова (1949; 1956), Н.М. Рудь (1987) и автор настоящей статьи (Газимзянов, 1996, 2000, 2001). Для сравнения старых и новых серийных материалов был применен канонический анализ, позволяющий сопоставлять не отдельные признаки, а их совокупность. В результате определенных статистических процедур было выявлено три канонических вектора, отражающих наибольшую морфологическую изменчивость в мужских группах (канонический анализ женских серий не проводился).

Так, в первом каноническом векторе (более 57% от всей межгрупповой дисперсии) основная нагрузка выпала на поперечный диаметр, что еще раз подтверждает наш вывод о разделении населения средневекового Болгара в краниологическом типе по форме черепа (короткоголовые – длинноголовые). Второй канонический вектор (более 22% от всей изменчивости) выявляет следующую коррелятивную связь: с уменьшением ширины лица увеличивается угол выступания носа и высота свода черепа, то есть данный вектор разделяет анализируемую совокупность на европеоидные и монголоидные группы. Для первых будет характерно высокий свод черепа и узкое лицо с выступающим переносьем, а для вторых – низкий свод и широкое

лицо с менее выступающим носом. Третий вектор (более 19%) также разделяет нашу выборку на группы широколицых и узколицых.

В пространстве первых двух канонических векторов был построен график, на котором хорошо видно как разделились серии по первому горизонтальному вектору (рис. 2). Правую сторону графика заняли брахикранные серии, а левую – мезокранные. По вертикали группы разбились по углу выступания носа. Нижнюю половину графика занимают серии черепов с небольшим углом выступания носа, а верхнюю – со средним или большим углом носа. По комплексу признаков можно выделить скопления морфологически близких серий. Так, в левом верхнем углу сгруппировались серии из Бабьего бугра, некрополя в районе аэродрома и раскопа 174. Они объединяются по мезокранный форме головы, узкому лицу и относительно хорошо выступающему переносью. Правый верхний угол заняли резко брахикранные черепа с высоким переносьем и большим углом выступания носа («Греческая палата», «раскоп 191» и мавзолей Болгара). В левом нижнем углу объединились серии черепов из Бабьего бугра («Братская могила») и Усть-Иерусалимского могильника. Их сближает в первую очередь мезокранная форма черепа и пониженные значения угла выступания носа. Правый угол заняли серия из могильника у соборной мечети («Четырехугольник») и сборная серия из «Культурного слоя в центре городища». Археологический материал из этой серии характеризуется умеренной брахикрацией, низким переносьем и среднешироким лицом. Промежуточное положение заняли серии черепов из некрополей у

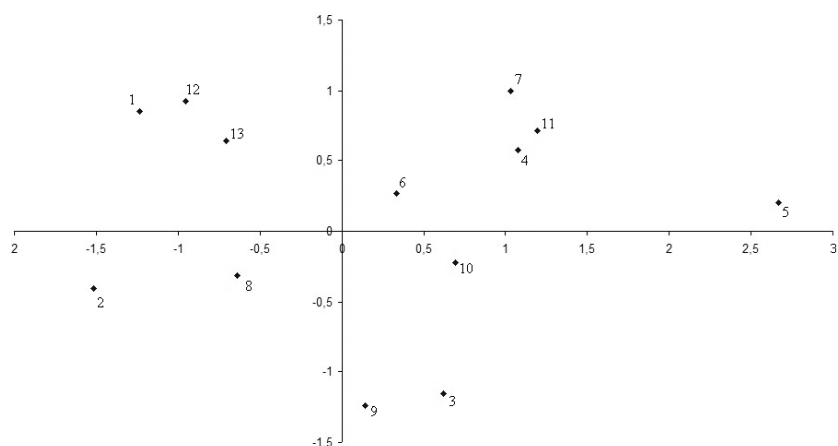

Рис. 2. г. Болгар. Мужские краниологические серии в роостранстве первых двух канонических векторов.

- 1 – «Бабий Бугор (рядовой)»; 2 – «Бабий Бугор («Братская могила»)»;
 3 – «Четырехугольник»; 4 – «Греческая палата»; 5 – «Ханская усыпальница»;
 6 – «Малый минарет»; 7 – мавзолеи Болгара; 8 – Усть-Иерусалимский;
 9 – «Культурный слой»; 10 – «Памятный знак»; 11 – Раскоп 191;
 12 – некрополь в р-не бывшего аэродрома; 13 – Раскоп 174.

Fig. 2. Bolgar city. Male craniological series within the space of the first two canonical vectors.

Рис. 3. Болгары, 14 век. Раскоп 154 (некрополь в районе площадки бывшего аэродрома). Молодой мужчина. Автор реконструкции Н.Р. Рахматуллин.

Fig. 3. Bolgar, 14th century. Trench no. 154 (necropolis in the vicinity of former airfield). A young man.

Reconstruction by N.R. Rakhmatullin.

Рис. 4. Болгары, 14 век. Раскоп 156 (некрополь в районе «Памятного знака»). Мужчина зрелого возраста.

Автор реконструкции Н.Р. Рахматуллин.

Fig. 4. Bolgar, 14th century. Trench no. 156 (necropolis near “Pamyatnyi znak”). Adult male.

Reconstruction by N.R. Rakhmatullin.

Малого минарета и Памятного знака, близких между собой по мезоморфному строению. Особое положение на графике занимает серия из некрополя под условным названием «Ханская усыпальница». В этой серии сочетаются как европеоидные черты черепов (большой угол носа), так и монголоидные (широкое, высокое и умеренно уплощенное лицо). По мнению Л.Т. Яблонского, такое сочетание морфологических признаков было характерно прежде всего для кочевых представителей половецко-кипчакских племен южнорусских степей (Яблонский, 1987, с. 219). Вполне возможно, что выходцы из этого круга племен пополняли в золотоордынское время верхний социальный слой болгарского городского общества. Этому не противоречит топографическое положение некрополя у каменных мавзолеев и некоторые особенности погребального обряда: кирпичные склепы, вымостки, надгробные эпитафии и т.д.

Таким образом, предварительный анализ новых палеоантропологических материалов из средневековых мусульманских некрополей Болгара еще раз подтвердил тезис о неодно-

родном антропологическом составе его населения, в котором выделяется несколько морфокомплексов, различающихся по форме черепа и степени выраженности монголоидных черт. Наблюдается некая приуроченность отдельных городских групп к определенному морфотипу, что отражает, вероятно, их разные генетические истоки и этническое происхождение. Не противоречат этому выводу и данные археологии, которые позволяют проследить в культуре средневекового Болгара местные и иноэтнические элементы. Будучи политико-административным центром северо-западной периферии Золотой Орды, Болгар являлся в этот период крупным, по масштабам средневековья, торгово-ремесленным и культурным центром, поэтому трудно было бы ожидать, во всех отношениях, его однородность. Антропологические материалы дополнительное тому подтверждение.

Мы искренне выражаем благодарность авторам раскопок за возможность работы с их материалами и консультации по хронологии исследованных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Газимзянов И.Р.* Антропология населения Волжской Булгарии золотоордынского периода и некоторые вопросы этногенеза татар Среднего Поволжья // Вестник антропологии. – Вып. 1. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. – С. 97–120.
2. *Газимзянов И.Р.* Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. – Ч. 2. – М.: Старый сад, 2000. – С. 189–216.
3. *Газимзянов И.Р.* Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов). Автореф. дисс... канд. истор. наук. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2001. – 34 с.
4. *Рудь Н.М.* Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге в X–XIV вв. // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. – М.: Наука, 1987. – С. 83–141.

5. Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // Труды института этнографии: Новая серия. – Т. 7. – М.; Л.: Академия Наук, 1949. – 265 с.

6. Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. // Труды института этнографии: Новая серия. – Т. 33 / Антропологический сборник. – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 73–115.

7. Яблонский Л.Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. – М.: Наука, 1987. – С. 142–241.

Информация об авторе:

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация); G-Ilgizar@yandex.ru

THE POPULATION OF MEDIEVAL BOLGAR IN THE LIGHT OF CRANIOLOGY DATA. PRELIMINARY RESULTS BASED ON MATERIALS OF 2010–2013 EXCAVATIONS

I.R. Gazimzyanov

Preliminary results of anthropological analysis of new serial materials from the excavations of medieval Bolgar necropoleis are presented in the article. According the craniological program 152 skulls (80 male and 72 female ones) were studied and grouped into five series. The skulls from the cemeteries located in the southern part of the Bolgar settlement site are morphologically similar. They are generally characterized by the mezocranial shape of the skull, gracile face constitution and weakened prominence of the nasal bones. The series from cemeteries of northern part of the settlement site are also typologically similar, but described by a different craniological complex. The latter is characterized by the brachycranial skull shape, a wider and higher face combined with a large angle of the nose. The mixed series from the mausoleums shows racial differences by sex (men – Caucasians, women – Mongoloid). Comparative intergroup analysis of all the cranial series has once again confirmed the thesis of an inhomogeneous anthropological structure of the medieval Bolgar population, which is probably due to its various ethno cultural and ethno genetic origin.

Keywords: anthropology, archaeological monuments, medieval Bolgar, necropoleis, craniology, anthropological composition, intergroup variability.

REFERENCES

1. Gazimzyanov, I. R. 1996. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 1. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 97–120 (in Russian).
2. Gazimzyanov, I. R. 2000. In *Narody Rossii: ot proshlogo k nastoiashchemu. Antropologiya (Ethnic Groups of Russia: from the Past to the Present. Anthropology)*. Part 2. Moscow: “Staryi sad” Publ., 189–216 (in Russian).
3. Gazimzyanov, I. R. 2001. *Naselenie Srednego Povolzh'ia v sostave Zolotoi Ordy po dannym kranilogii (rekonstruktsiia etnogeneticheskikh protsessov) (Population of the Middle Volga as a Part of Golden Horde According to the Craniology (Reconstruction of Ethnogenetic Processes))*. PhD Thesis. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

4. Rud', N. M. 1987. In *Antropologiiia antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 83–141 (in Russian).

5. Trofimova, T. A. 1949. In *Trudy Instituta etnografii: Novaia seriia (Proceedings of Institute of Ethnography. New Series)* 7. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

6. Trofimova, T. A. 1956. In *Trudy instituta etnografii: Novaia seriia (Proceedings of Institute of Ethnography. New Series)* 33. *Antropologicheskii sbornik (Anthropological Collected Papers)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 73–115 (in Russian).

7. Iablonskii, L. T. 1987. In *Antropologiiia antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 142–241 (in Russian).

About the Author:

Gazimzyanov Ilgizar R. Candidate of Historic Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; G-Ilgizar@yandex.ru

УДК 623.11

МЕТОДИКА РЕКОНСТРУКЦИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ГОРОДИЩ X–XVI ВЕКОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2015 г. А.М. Губайдуллин

Статья посвящена анализу археологических сведений по оборонительным сооружениям средневековых городищ периодов Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Предпринимается попытка определения первоначального облика средневековых оборонительных конструкций, расположенных на территории Среднего Поволжья, основанная на результатах археологических исследований. Приводится методика реконструкции средневековых крепостных сооружений различных типов. В качестве примера привлекаются материалы раскопок 11 городищ, существовавших в X–XVI веках, рассматриваются особенности каждого из них и приводятся аналогии. Анализируются технологические приемы возведения военно-инженерных сооружений средневековья. Это различные типы конструкций из дерева и земли, а также большое количество оборонительных насыпей, возведенных только из грунта. Для реконструкции последних необходимо учитывать данные по его составу – это может уточнить сведения об их первоначальной форме и размерах. Результаты исследования позволяют проследить некоторые закономерности в устройстве основных и дополнительных крепостных сооружений. Но при этом далеко не всегда оборонительные конструкции одной линии могли быть идентичны, их особенности зависели от наличия или отсутствия защитных свойств рельефа местности.

Ключевые слова: археология, история, Среднее Поволжье, Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство, средневековые городища, фортификационные сооружения, методика реконструкции.

В исследованиях любых оборонительных сооружений помимо определения способов их строительства предполагается установление первоначального облика каждого конкретного объекта военного зодчества. Наибольшие проблемы возникают с попыткой воссоздания первоначального облика дерево-земляных памятников фортификации, которые в течение нескольких веков оплыли или подверглись влиянию хозяйственной деятельности. В связи с этим методика исследования и реконструкции средневековых крепостных сооружений заключается в максимально полном

привлечении археологических сведений, касающихся наиболее сохранившихся дерево-земляных и каменных оборонительных конструкций.

В нашем случае к ним относятся надежно датированные укрепленные поселения X – первой половиной XVI в., которые соотносятся со средневековыми государствами, существовавшими в Среднем Поволжье. Данный подход позволяет по-новому проанализировать существующие в научной литературе объяснения конкретных объектов военного зодчества, их первоначальный облик и дальнейшее развитие. Этому способ-

ствуется, несомненно, и накопление дополнительных знаний, полученных в ходе археологических исследований последнего времени. Также необходимо привлечь и дошедшие до нашего времени письменные источники, в которых так или иначе отражены сведения о фортификации. Кроме того, для лучшего понимания технологических приемов возведения крепостных сооружений и их реконструкции, нужно использовать общетеоретические наработки, отраженные в целом ряде фортификационной литературы, изданной за предшествующее длительное время.

На сегодняшний день наиболее достоверно датированы X–XVI веками 198 городищ, которые относятся к домонгольскому и золотоордынскому времени, а также эпохе Казанского ханства. Подавляющее количество из них (156 памятников) существовало исключительно в домонгольский период истории Волжской Булгарии. Золотоордынским временем датируется 42 укрепленных поселения. Сюда входят городища, возникшие еще в X–XII вв. (18 памятников), и существовавшие только в XIII–XIV вв. (19 памятников), а также функционировавшие вплоть до Казанского ханства включительно (6 памятников). Всего же исследователями были изучены оборонительные постройки более чем 50 городищ. В результате у нас имеется довольно широкий спектр типов объектов фортификации. Это оборонительные валы, рвы, а также дополнительные защитные конструкции, которые имеют различные размеры, форму и отличаются своим устройством.

В первую очередь, несомненно, вызывает большой интерес первоначальный облик оборонительных насыпей.

Существуют различные мнения относительно реконструкции защитных сооружений. Часто это связано с плохой сохранностью памятников фортификации или иными причинами. Наиболее достоверная интерпретация объектов во многом зависит и от знания теории, отраженной в специальной литературе, а также привлечения возможных аналогов.

Значительная часть крепостных валов к нашему времени почти уничтожена поздней хозяйственной деятельностью или сильно потревожена ею. В любом случае они находятся в оплывшем состоянии, в той или иной его степени. Много зависит и от природных условий различных регионов. На территории Среднего Поволжья довольно редко наблюдаются при исследованиях средневековые внутривальные и иные деревянные конструкции. Иногда они фиксируются только в виде остатков древесного тлена, а также, что происходит наиболее часто, лишь гумусированных следов от столбовых ям, досок и бревен. Довольно нередки случаи и полного отсутствия внутривальных конструкций изначально, что связано со способами возведения оборонительных насыпей (Губайдуллин, 2000 а, с. 168–176; Белорыбкин, 2001, с. 15–18; 2003, с. 62).

Исследователями средневековых памятников фортификации Среднего Поволжья выделяется несколько типов деревянных внутривальных конструкций:

- срубы, заполненные плотным утрамбованным грунтом;
- жилые клетки;
- П-образная опалубка, засыпанная грунтом;
- частокол с присыпкой плотного грунта (суглинок и щебень);

– каркас в виде горизонтально положенной деревянной решетки, используемый при возведении оборонительной насыпи из рыхлого грунта (Руденко, 2014, с. 164).

Эти типы давно общепризнаны исследователями и фиксируются на многих памятниках фортификации. Насколько же верно выделять «жилые клетки» – вопрос открытый, т.к. данную разновидность и ее признаки довольно сложно выявить вследствие неудовлетворительной сохранности оборонительных насыпей средневековых городищ.

Вероятно также, что иногда современная насыпь вала может являться остатками некогда развалившейся или намеренно разрушенной срубной крепостной стены с внутренней засыпкой, которая некогда была установлена на дневную поверхность (Моргунов, 2009, с. 72–110; Руденко, 2014, с. 164). Правда, определить это бывает довольно затруднительно. Поэтому при исследованиях в любом случае необходимо отдельно рассматривать каждое оборонительное сооружение, обращать внимание на его местонахождение, размеры, форму и т.д.

В качестве примеров реконструкции мы взяли 11 городищ, которые существовали в домонгольское и золотоордынское время, а также в эпоху Казанского ханства. Это, в свою очередь, позволяет получить и общее представление о некоторых типах оборонительных конструкций различных хронологических периодов.

Андреевское городище (X–XIII вв.). Судя по опубликованным материалам, облик дерево-земляных конструкций можно реконструировать в виде каких-то относительно мощных стен во внешней линии обороны и более

«простых» – во внутренней (рис. 1) (Смирнов, 1961, с. 11–13). Исходя из характера напластования насыпей, можно предположить, что первые могли представлять собой срубные постройки. Об этом свидетельствуют и довольно мощное тулово вала, которое являлось или подушкой-фундаментом для крепостной стены, или следами ее внутренней забутовки. Вторая линия менее значительная по размерам и поэтому, скорее всего, представляла собой дополнительное препятствие типа ретраншемента¹. Не исключено, что на ней находилась тыновая ограда или столбовая конструкция, возможно даже она была двухрядной с внутренней забутовкой грунтом.

Суварское городище (X–XIII вв.). Здесь выделяется как минимум два строительных периода постройки основного (внутреннего) вала (рис. 2) (Губайдуллин, 2012, с. 217–220). Последний относится к предмонгольскому времени, когда он подвергся перестройке. Об этом говорят выявленный вкоп внутрь первоначальной насыпи и установка в него деревянного сруба, который являлся основой надвальных стен. По-видимому, его облик можно соотнести с конструкцией типа городней, т.е. крепостной стены, состоящей из деревянных срубов поставленных впритык друг к другу. Впоследствии данная стена погибла от большого пожара, о чем может говорить значительное количество угля и остатки сгоревших деревянных конструкций.

Бураковское I городище (X–XIII вв.) На памятнике изучались

¹Ретраншемент(франц.retranchement)– дополнительная линия укреплений с внутренней стороны основных крепостных сооружений.

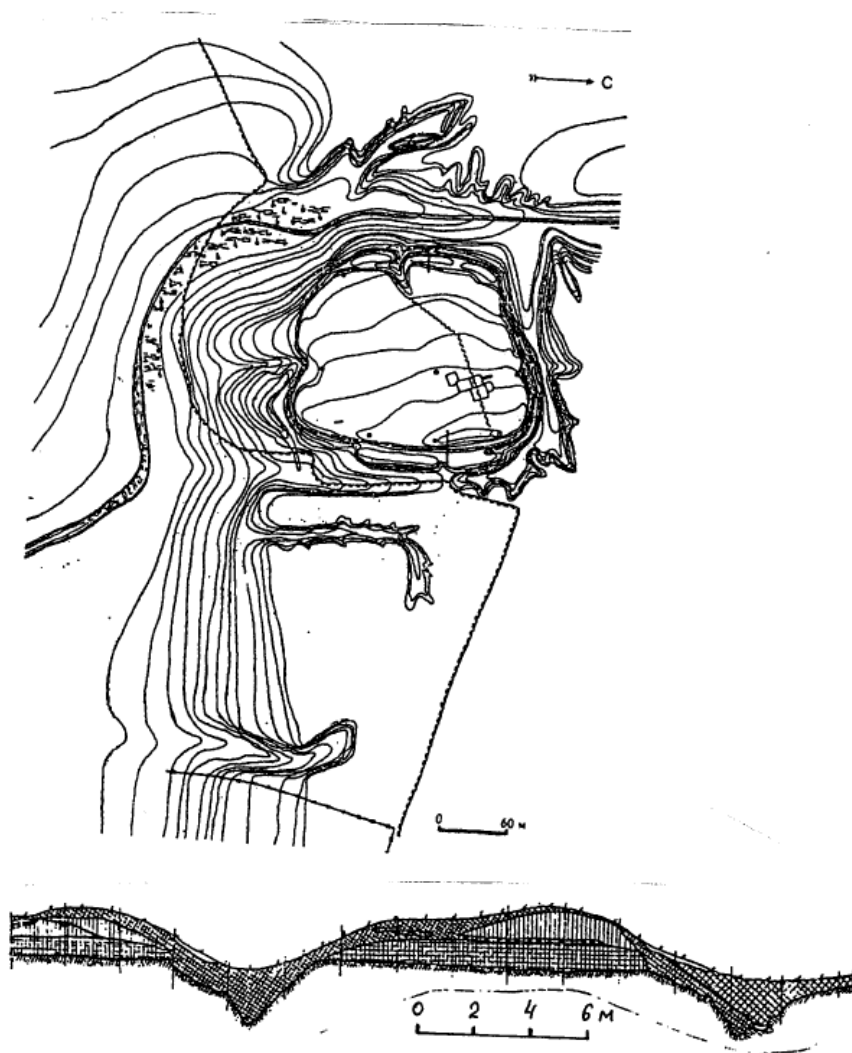

Рис.1. План Андреевского городища. Профиль оборонительных линий (по А.П. Смирнову).

Fig.1. Plan of the Andreievskoe hillfort site. Profile of rampart lines (according to A.P. Smirnov).

второй и четвертый (внешний) валы. Судя по материалам исследований, на них были установлены стены из частокола, которые находились на относительно небольших насыпях по отношению к двум другим более значительным по размерам (рис. 3) (Губайдуллин, 2002, с. 93–94). Таким образом, они несли функции допол-

нительных укреплений, препятствующих быстрому форсированию оборонительных линий. Вместе с тем на первом (внутреннем) и третьем валах должны были располагаться более мощные фортификационные сооружения, на которые возлагались основные оборонительные функции. При этом внутренняя линия должна быть

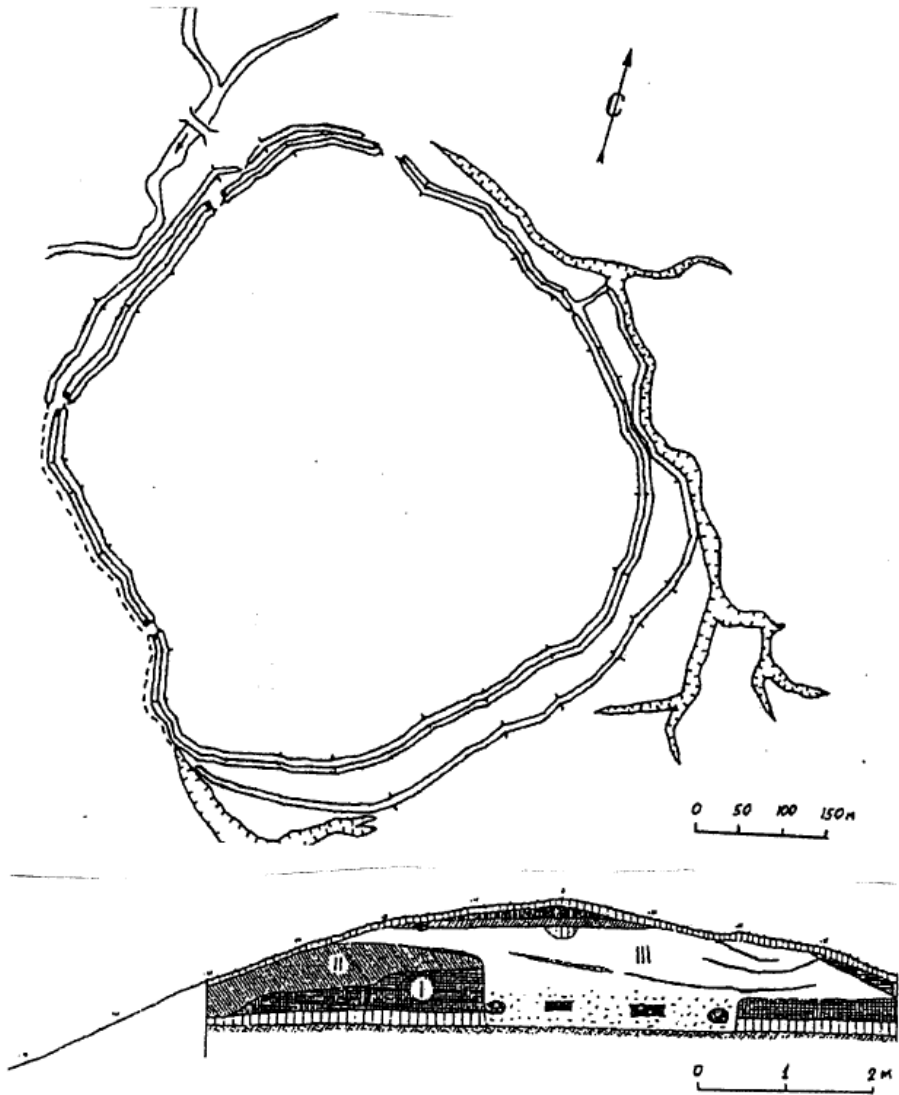

Рис.2. План городища Сувар. Профиль оборонительного вала.

Fig.2. Plan of the Suar hillfort. Rampart profile.

основной и соответственно наиболее крепкой и высокой. Теоретически, таким образом, мы можем, даже не производя археологических раскопок, судить о возможном типе крепостных дерево-земляных сооружений, привлекаемая для этого и известные аналогии.

Кураловское (Старокуйбышевское) городище (XI–XIII вв.). В конце

XII или начале XIII века южная линия обороны памятника была перестроена. В этот период внутрь насыпи вала происходит заглибление деревянных клетей (рис. 4) (Измайлов, Губайдуллин, 1992, с. 79–89). По-видимому, они являлись связками горизонтальных бревен, которые шли поверху, вдоль всей линии вала. Здесь мы ви-

дим и некоторую параллель с укреплениями городища Сувар.

Данный тип укреплений, получивший название «городни», довольно типичен и для древнерусского оборонительного зодчества (Раппопорт, 1961, с. 113–134). Например, он находит себе аналогии во многих дерево-земляных сооружениях и, в частности, в синхронных линиях обороны городища Слободка XII–XIII вв. (Никольская, 1987, с. 31).

Староматакское городище (X–XIII вв.). Судя по профилю оборонительной насыпи памятника (Руденко, 1999, рис. 126), создается впечатление, что внутри нее ранее имелись какие-то конструкции. Об этом может свидетельствовать характер залегания слоев, из которых был сложен вал (рис. 5). Так, во внешней его части наблюдается их резкое, почти вертикальное, падение. Это наводит на мысль о некогда существовавшей в данном месте вертикальной деревянной стены, уже полностью истлевшей к нашему времени, которая крепила тулово насыпи. Иная картина прослеживается во внутренней части вала. Здесь слои, составляющие оборонительную насыпь, пологие. В них, в частности, отмечены и какие-то древесные остатки в виде горизонтальных конструкций, уложенных вдоль линии вала.

Вполне возможно их интерпретировать как завалившуюся (или сильно оплывшую) во внутреннюю сторону стену, стоявшую параллельно внешней. Во многом об этом говорит и внушительная мощность крепостного вала, которая должна была содержать в себе какую-либо конструкцию, а также значительное наземное сооружение. Исходя из этого, мы можем

предположительно реконструировать эту линию обороны по типу срубов-городней.

Луковское (Япанчино) городище (XII–XIV вв.). Исходя из археологических данных, мы можем попытаться реконструировать крепостную стену домонгольского периода (Измайлов, 1991). Судя по наклонным углистым прослойкам, они представляли собой остатки сгоревшей конструкции завалившейся или преднамеренно заваленной во внутреннюю сторону (рис. 6–7). По-видимому, они являются следами постройки, установленной вертикально и имевшей вид дерево-земляного трехрядного сооружения с внутренней забутовкой. Состояло оно из частокола или столбовой конструкции – нам сказать сложно. Все же думается, что для данного периода (XII в.) логичнее было бы предположить наличие последней, т.н. «каркасно-столбового сооружения», которое тогда имело довольно широкое распространение.

Болгарское городище (X–XV вв.). По мнению О.С. Хованской, крепостные стены Болгарского городища золотоордынского времени представляли собой прототип тарас, заполненных землей и камнями. Они состояли из двух параллельных деревянных стен, связанных на определенном расстоянии перевязями, по верху которых укладывался настил боевого хода, в то время как передняя стенка возводилась выше и в ней прорубались бойницы (Хованская, 1956, с. 132–133). В свою очередь, выявленные непосредственно под слоем дерна в процессе археологических исследований «главного вала» следы от округлых ямок, являются остатками свай для крепления грунта, аналогии которым О.С.

Хованская находит и в древнерусском крепостном строительстве (рис. 8) (Хованская, 1956, с. 132). Следует отметить, что этот прием относится к одному из способов крепления оборонительных насыпей, характерных для болгарской фортификации.

Ю.А. Красновым также были прослежены остатки крепостной стены этого времени в виде крупных столбов диаметром 0,27–0,3 м (рис. 9). Они образовывали два параллельных ряда на расстоянии 1,3 м, установленных в 2,2 м друг от друга вдоль внешнего склона вала (рис. 8). Как считает исследователь, от горизонтально уложенных между столбами бревен сохранились лишь слабые гумусные полосы шириной до 0,2 м (Краснов, 1968, с. 37).

Ю.А. Краснов, таким образом, реконструировал основу стен из вертикальных столбов, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами (рис. 10). Сами валы сооружались из почвы, супеси и чистого песка, в основании которых иногда прослеживается слой супеси или суглинка куполообразной формы, взятый из рва или ближайшей площадки поселения (Краснов, 1968, с. 38–39).

Городище Кашан I (XII–XIV вв.). Оборонительные сооружения городища Кашан I с напольной стороны, судя по имеющимся данным, можно реконструировать следующим образом: здесь по верху оборонительной насыпи, которая сохранила уплощенную форму, шла стена из горизонтально положенных бревен (рис. 11) (Губайдуллин, 2002, с. 69–70; Руденко, 1999, с. 111–134; Шигапов, 2013, с. 99–136). Об этом могут свидетельствовать выявленные линзы светло-серого гумусированного суглинка. Эта стенка,

по-видимому, связывалась через определенные промежутки при помощи клеток заглубленных в насыпь вала. Данный тип сооружений можно интерпретировать как городни в наземной части. В свою очередь, укрепляющую роль срубных конструкций и их замену внутри оборонительной насыпи играло ядро темно-коричневого суглинка подтрапещевидной формы с деревянным частоколом-крепидой.

Ашиязское городище (XIII–XIV вв.). Археологической экспедицией Н.Ф. Калинина на месте одного из «проездов» на территорию памятника исследовался внешний, наиболее сохранившийся вал. Его насыпь состояла из нескольких чередующихся слоев (рис. 12). Основное тулово вала было сложено из желтой супеси мощностью до 120 см и шириной ок. 480 см. В ней выявлены остатки какой-то деревянной конструкции в виде бревен толщиной ок. 20 см и длиной более 2 м. Здесь же вдоль внешнего склона был найден камень-песчаник. Сама насыпь находилась на своеобразной подушке, сложенной из суглинка (Халиков, 1958, с. 87).

В данном случае сложно интерпретировать эти конструктивные остатки. Все же наличие бревен, лежащих поперек линии вала, возможно, свидетельствует о существовавших здесь внутривальных срубных клетях. Также камень-песчаник, скорее всего, служил для укрепления внешней отлогости. Однако следов от каких-либо надвальных конструкций прослежено не было. По-видимому, это произошло из-за сильного оплыва оборонительной насыпи. Исходя из размеров вала, мы можем лишь высказать предположение об их облике. Не исключено, что они принадлежали к относи-

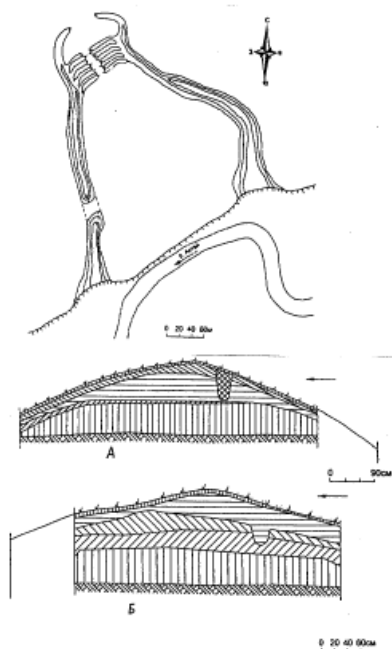

Рис.3. План Бураковского I городища. Профили второго (А) и четвертого (Б) валов.

Fig.3. Plan of the Burakovskoe I hillfort site. Profiles of the second (A) and fourth (B) ramparts.

тельно «легкому» типу стен и имели вид тыновой ограды.

Чалыньское городище (XII–XVI вв.). В эпоху Казанского ханства укрепления памятника перестраиваются. Третий вал становится более мощным и представляет собой наиболее значительную насыпь, возведенную с внешней стороны домонгольского сооружения. В результате этого он достигает ширины в основании 11,5 м и высоты 1,8 м (рис. 13) (Губайдуллин, 2000 б, с. 203–215; Руденко, 1999, с. 131). Здесь необходимо учесть, что насыпь за длительное время оплыла, поэтому ее первоначальная высота была более значительной. Этот строительный период представлен мощной подушкой толщиной

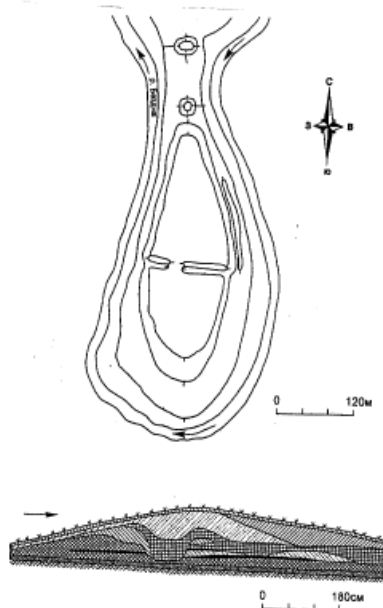

Рис.4. План Кураловского (Старокуйбышевского) городища. Профиль южного вала.

Fig.4. Plan of the Kuralovo (Stary Kuybyshev) hillfort. Southern rampart profile.

до 50 см, которая была сложена из красно-коричневого суглинка, взятого из рва и перекрывавшего ранний культурный слой отмеченный нами ранее. Она послужила основой для насыпи из мергеля шириной до 6 м и мощностью до 90 см. Для предохранения вала от оползания, его вершина и внешняя отлогость были покрыты слоем коричневого суглинка до 30 см толщиной. Непосредственно под слоем дерна вдоль фаса оборонительной насыпи прослеживается также слой темно-серого сильно гумусированного суглинка мощностью до 20 см и шириной около 2 м. По-видимому, он являлся остатками разрушенных деревянных конструкций, шедших по вершине вала. Это подтвердила и

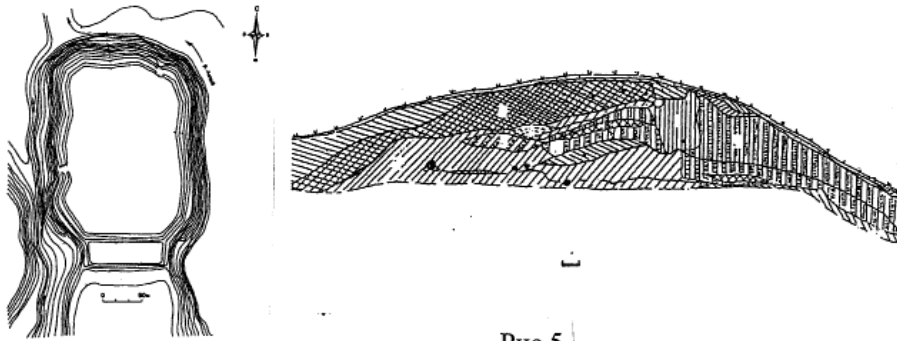

Рис.5

Рис.5. План Староматакского городища. Профиль оборонительного вала (по К.А. Руденко).

Fig.5. Plan of the Staromatakskoe hillfort. Rampart profile (according to K.A. Rudenko).

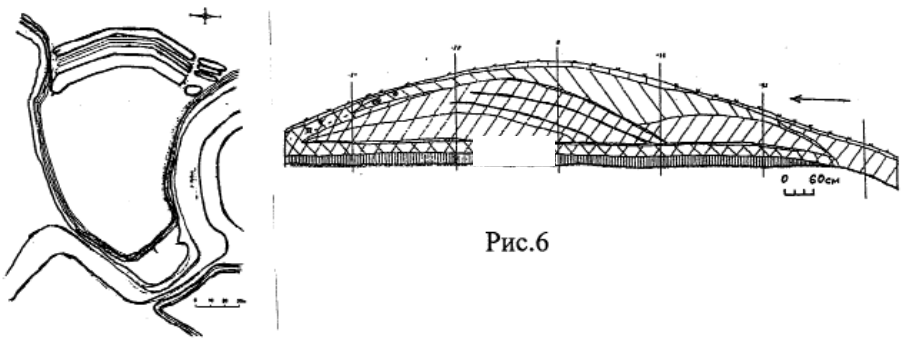

Рис.6

Рис.6. План Луковского (Япанчино) городища. Профиль внутреннего вала.

Fig.6. Plan of the Lukovskoe (Yapanchino) hillfort site. Internal rampart profile.

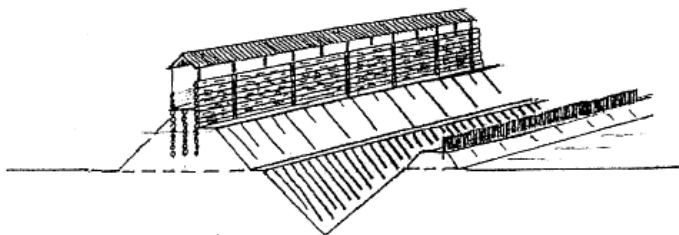

Рис.7. Вариант реконструкции оборонительных сооружений Луковского (Япанчино) городища домонгольского времени.

Fig.7. Reconstruction variant of the pre-Mongol Lukovskoe (Yapanchino hillfort defensive works.

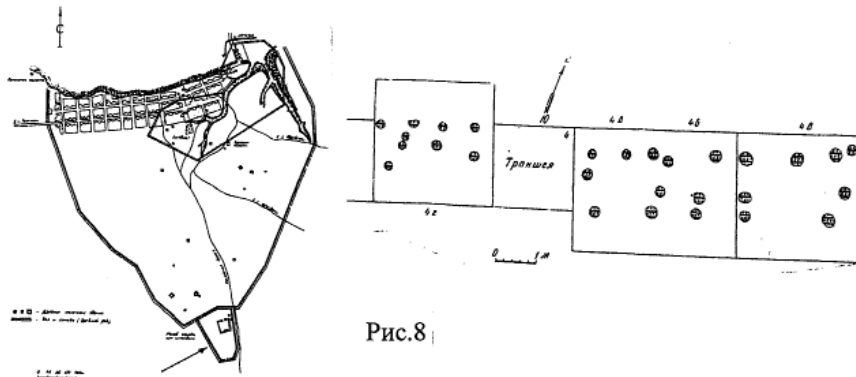

Рис.8

Рис.8. План Болгарского городища 1869 г. Фрагмент плана раскопа (по О.С. Хованской).

Fig.8. Plan of the 1869 Bolgar hillfort site. Fragment of excavation plan (according to O.S. Khovanskaya).

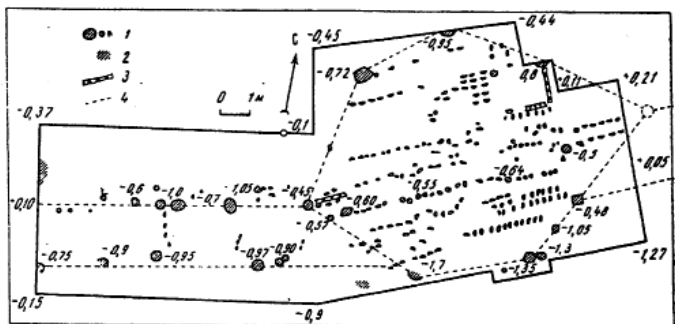

Рис.9. План раскопа на Болгарском городище (по Ю.А. Краснову).

Fig.9. Plan of excavation at the Bolgar hillfort site (according to Yu.A. Krasnov).

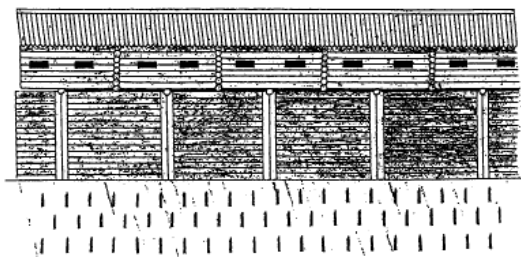

Рис.10. Вариант реконструкции оборонительных сооружений Болгарского городища XIV в.

Fig.10. Reconstruction variant of ramparts at the 16th-century Bolgar hillfort site.

Рис.11. План городища Кашан I. Профиль оборонительного вала (по К.А. Руденко).

Fig.11. Plan of the Qashan I hillfort site. Rampart profile (according to K.A. Rudenko).

зачистка поверхности насыпи после вскрытия дерна. Она выявила желобки около 20 см шириной, также заполненные темно-серым сильно гумусированным суглинком. Не исключено, что это следы каких-то срубных конструкций, шедших по вершине и заглублявшихся через определенное расстояние при помощи перевязок-клетей (рис. 14).

Арское городище (XIII–XVI вв.). В ходе проведения археологических исследований было определено, что насыпь вала является однослойной и возведена из материкового суглинка, взятого из рва. Остатков каких-либо деревянных конструкций выявлено не было. Одним из предметов, позволяющих датировать строительство

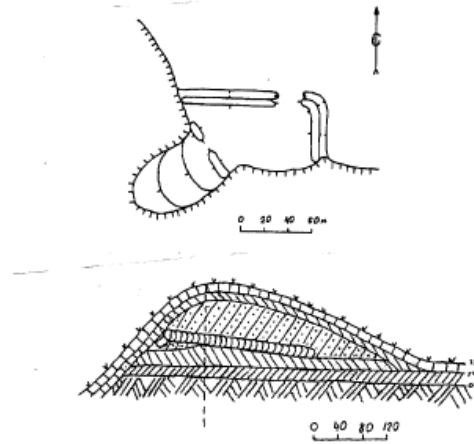

Рис.12

Рис.12. План Ашиязского городища. Профиль оборонительного вала (по Н.Ф. Калинину).

Fig.12. Plan of the Ashiyazskoe hillfort site. Rampart profile (according to N.F. Kalinin).

и функционирование вала, может являться железный килевидный наконечник стрелы, линзовидный в сечении, характерный для XV–XVI вв., который был найден в верхнем слое разрушения оборонительной насыпи. Такого типа наконечники стрел у разрушенного вала встречались также при раскопках 2006–2008 гг. (Шакиров, Хузин, Ситдилов, 2010, с. 30, рис. 15: 14–18).

Во время более ранних исследований здесь фиксировалась и подсыпка из известняковых камней, которая подстилалась углистой прослойкой (Шутова, 2010, с. 17). По-видимому, она являлась следами от крепления поверхности насыпи вала или его тулова.

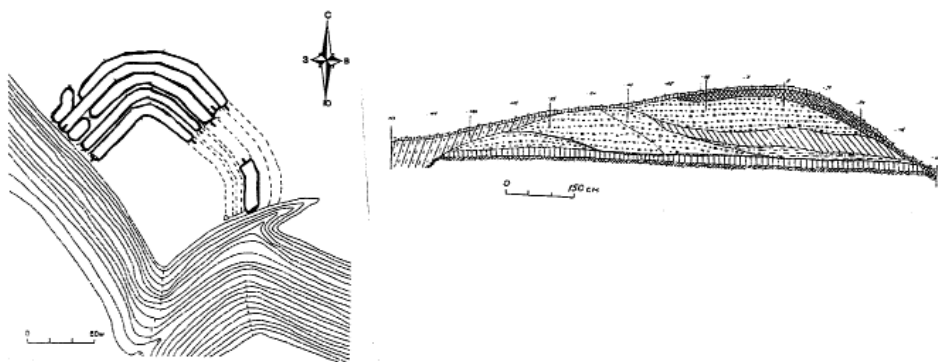

Рис.13. План Чалынского городища. Профиль третьего вала.

Fig.13. Plan of the Challynskoe hillfort. Third rampart profile.

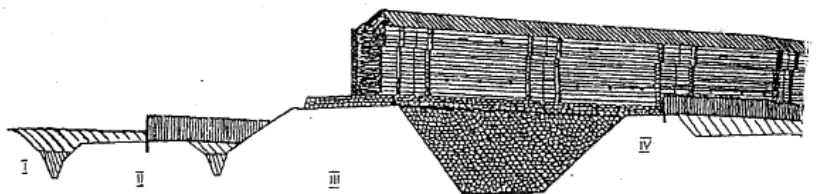

Рис.14. Вариант реконструкции оборонительных сооружений Чалынского городища I-й пол. XVI в.

Fig.14. Reconstruction variant of defensive works at the Challynskoe hillfort site dated by the first half of the 16th century.

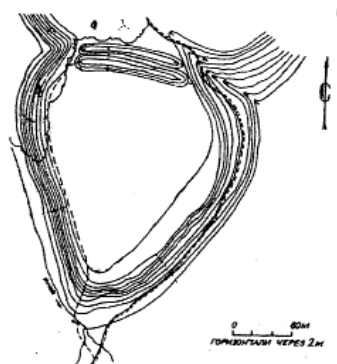

Рис.15. План Арского городища (по Н.И. Шутовой).

Fig.15. Plan of the Arskoe hillfort site (according to N.I. Shutova).

Археологических свидетельств, указывающих на первоначальный облик оборонительных дерево-земляных построек памятника, к сожалению, у нас нет, и вряд ли они когда-нибудь появятся, ввиду значительного разрушения территории поселения в наше время (Шакиров, Хузин, Ситдинов, 2010, с. 24–30). Все же, основываясь на сведениях летописания, мы имеем некоторое представление о крепостных сооружениях Арского городища (рис. 15). Их облик в «Истории о Казанском царстве» предстает перед нами как «острог стары...зделан аки град тверд, и з башнями, и з бойницы...» (ПСРЛ, т. XIX, 2000, с. 127). Принимая во внимание имеющиеся, пусть и краткие, сведения, мы можем предположить, что Арское городище с напольной стороны ограждалось деревянной стеной, устроенной в виде тыновой ограды, установленной на высоком валу. Оборона города была усилена крепостными башнями, имевшими также и обламы² для ближнего боя, т.е. род машикулей.

Реконструируя внутривальные и надземные крепостные сооружения, нельзя обойти вниманием сами насыпи валов, их первоначальный облик. Имея данные по составу грунта насыпи, можно предположительно определить, как они выглядели. По этому поводу существуют специальные расчеты, приведенные в литературе по фортификации. Так, величина

² Обламы – древне-русское название нависающего выступа сруба в верхней части крепостной стены или башни, имеющего продольное узкое отверстие в полу для ближнего боя. Является аналогом деревянной хорды или каменных машикулей.

заложения³ склонов вала зависит от качества земли: чем земля рыхлее, тем заложение делается больше, и наоборот, при твердом грунте, оно уменьшается. Ранее на основе многочисленных опытов было определено, что отлогости оборонительных насыпей из обыкновенной земли принимают заложение, равное высоте насыпи; из песка или сыпучей земли в 1,5 и в 2 раза более высоты; из глины же или крепкой земли – равно 2/3 высоты (Теляковский, 1839, с. 10). Что же касается земляных оборонительных насыпей городищ Волжской Булгарии и Казанского ханства необходимо, однако, сделать поправку, т.к. обычно при насыпке валы утрамбовывались. Вследствие этого могло уменьшаться и заложение отлогостей – при глинистом грунте до 1/3, при обыкновенном – до 2/3 и, наконец, при сыпучем от 1 до 1,5 своей высоты (Теляковский, 1839, с. 10). Таким образом, опираясь на вышеприведенные расчеты, можно проводить и реконструкции первоначальных форм различных средневековых валов. В свою очередь, и у оборонительных насыпей, ядро которых составляли обычные срубы, величина заложения должна подчиняться тем же правилам, что и у простых валов из грунта. Разница между ними заключается в большей долговечности первых, тогда как вторые должны были подсыпаться через некоторые промежутки времени.

Для наибольшей эффективности и долговечности оборонительных сооружений применялся целый комплекс мер, основанный на многовековом

³ Заложение – горизонтальное расстояние между вершиной и подошвой любой отлогости.

опыте и сложных инженерных вычислениях. Они включали в себя выравнивание дневной поверхности земли перед строительством надземного крепостного сооружения, а также способы насыпки валов, чередование и взаиморасположение в них насыпей из однородного или различного по составу грунта. Так обычно насыпи валов сооружались из земли, взятой при рытье рва. Его состав часто диктовал и способ их возведения. По археологическим данным, накопленным к нашему времени, можно выделить как минимум четыре таких типа. Первый представлен чередующимися насыпями, частично перекрывающимися друг друга, где первая насыпь сооружена вдоль рва, а все остальные как бы отступают от нее (рис. 16). Второй тип также имеет «ступенчатую» структуру, однако она более сложная ввиду различного взаиморасположения слоев (рис. 17). Для скрепления этих насыпей как в первом, так и во втором случае иногда применялось перекрытие из мощного слоя тяжелого суглинка. Третий тип характеризуется внутренним устройством валов, имеющих центральное ядро, которое перекрывается полностью одним или несколькими слоями, расположенными друг над другом (рис. 18). Состав грунта в них варьирует. Иногда ядро сложено из тяжелой материковой глины, перекрывающая ее насыпь – из более легкого суглинка или же бывает наоборот: основа вала состоит из супеси, а остальные слои из суглинка. Четвертый тип наиболее простой по устройству насыпи. Он представлен однородным грунтом – суглинком или супесью. Нужно отметить, что речь идет о валах, устроенных в один прием, без хронологического перерыва.

Прослеживается определенная закономерность: оборонительные насыпи первых двух типов в большинстве случаев являются на городищах основными, т.е. на них устанавливалась главная стена. Не исключено, что способ их насыпки был наиболее оптимальным для выдерживания веса крепостной стены. Третий и четвертый типы, за некоторым исключением, характеризуются насыпями дополнительных валов, являвшимися препятствием для продвижения противника к основной линии обороны. Они ввиду своей простоты могли нести на себе лишь более легкие конструкции, например, частокол или тыновую ограду.

Несколько иные технологические приемы строительства дерево-земляных сооружений были отмечены Г.Н. Белорыбкиным для городищ домонгольского времени, расположенных на территории Верхнего Посурья. К ним, например, он относит: выравнивание внутривальных слоев во время возведения оборонительных насыпей; редкое использование внутривальных конструкций, строительство на валу у внешнего края срубов, заполненных грунтом; сооружение плетня с наружной стороны вала или столбового каркаса с двух сторон; рытье котлованов и засыпка их утрамбованным грунтом для предотвращения сползания грунта; насыпание вала крупными порциями; перекрытие слоев мокрым материалом (илом?) (Белорыбкин, 2003, с. 62).

Исследователь основывается на данных почвоведения, но насколько все эти пункты верны – вопрос открытый. Например, вызывает сомнение первый пункт, т.к. не понятно, с какой целью, для чего предпринимались подобные действия, каково функциональное предназначение такого раз-

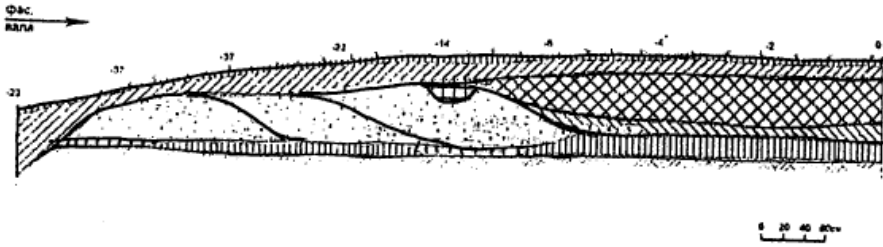

Рис.16. Первый тип возведения оборонительной насыпи (Чаллыное городище).

Fig.16. 1st type of earth bank construction (the Challyn hillfort site).

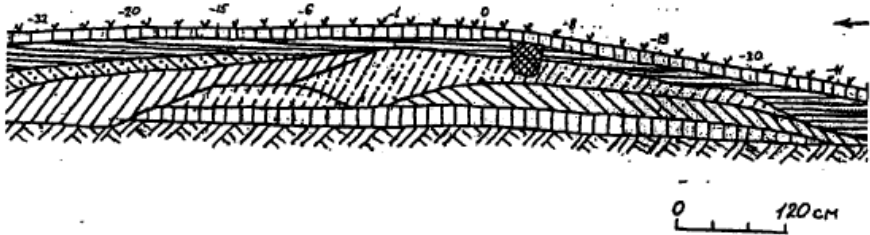

Рис.17. Второй тип возведения оборонительной насыпи (Щербенское II городище).

Fig.17. 2nd type of earth bank construction (the Shcherbensкое II hillfort site).

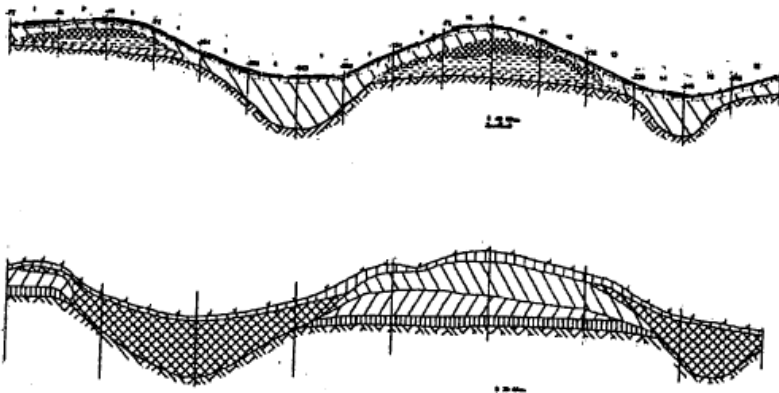

Рис.18. Третий тип возведения оборонительных насыпей (Богдашкинское городище).

Fig.18. 3rd type of earth bank construction (the Bogdashkinsкое hillfort site).

равнивания? Следует отметить, что подобный прием ни разу не был зафиксирован при изучении памятников фортификации основной территории Волжской Булгарии. В то же время Г.Н. Белорыбкин в значительной мере прав, утверждая, что важность определения технологии строительства дерево-земляных сооружений заключается в возможности реконструкции практически всей системы обороны, а не только раскопанных зон (Белорыбкин, 2003, с. 62).

Соглашаясь с этим выводом, стоит, однако, оговориться – далеко не всегда оборонительные конструкции одной линии могли быть идентичны, о чем свидетельствуют материалы исследований некоторых городищ. Важно всегда учитывать наличие или отсутствие защитных особенностей рельефа отдельных участков местности, на которых возведены крепостные сооружения и которым они так или иначе должны были соответствовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. – СПб.; Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та, 2001. – 198 с.
2. *Белорыбкин Г.Н.* Западное Поволжье в средние века. – Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та, 2003. – 200 с.
3. *Губайдуллин А.М.* Способы возведения и типы булгарских оборонительных сооружений // ТА. – 2000а. – № 1–2 (6–7). – С. 168–176.
4. *Губайдуллин А.М.* Некоторые итоги исследований Чаллынского городища и его укреплений в 1995–1997 годах // Древние Чаллы. Борынги Чаллы. – Казань: Мастер Лайн, 2000б. – С. 203–215.
5. *Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ Волжской Булгарии. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – 232 с.
6. *Губайдуллин А.М.* О фортификации городища Сувар // Филология и культура. – Казань, 2012. – № 2 (28). – С. 217–220.
7. Измайлов И.Л. Отчет о полевых работах на Богдашкинском городище и могильнике (Тетюшский район ТАССР) и памятниках, разрушающихся в Куйбышевском районе ТАССР в зоне Куйбышевского водохранилища (Старокуйбышевский комплекс памятников) в 1990 году. – Казань, 1991 / Архив ИЯЛИ АН РТ. – Л. 2–5.
8. *Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М.* Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. – Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. – С. 79–89.
9. *Краснов Ю.А.* Исследования на западной части большого вала. Раскоп XVIII – 1967 / БГИАМЗ. – Док. фонд. № 5–1. – Казань, 1968. – 39 с.
10. *Моргунов Ю.Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII ввек. – М.: Наука, 2009. – 304 с.
11. *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей / Отв. ред. А.А. Голубева. – М.: Наука, 1987. – 185 с.
12. История о Казанском царстве (Казанский летописец). // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 328 с.
13. *Раннопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. // МИА. – 1961. – № 105. – 244 с.
14. *Руденко К.А.* Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании булгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. – Ижевск: Удмуртский УрО РАН, 1999. – С. 111–134.

15. Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). – Казань: РИЦ «Школа», 2014. – 768 с.
16. Смирнов А.П. Археологическая экспедиция Ульяновского музея 1960 года // Археологические работы краеведческого музея в 1960 г. – Ульяновск: Изд-во музея, 1961. – С. 11–13.
17. Теляковский А.З. Фортификация. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова и К°, 1839. – Ч. I. – 172 с.
18. Халиков А.Х. Марийская археологическая экспедиция 1956 г. // Труды Марийской археологической экспедиции. (МАЭ). – Вып. XI. – Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, 1958. – С. 73–89.
19. Хованская О.С. Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара // КСИИМК. – 1956. – Вып. 62. – С. 129–134.
20. Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Некоторые итоги археологических исследований на территории Арского городища в 2006–2008 гг. // Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. – С. 24–30.
21. Шигапов М.Б. Исследования городища Кашан I в 2012 году // Поволжская археология. – 2013. – № 2(4). – С. 299–306.
22. Шутова Н.И. Краткие сведения о рекогносцировочных исследованиях Арского городища (1983–1984 гг.) // Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. – С. 16–23.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); airg_g@mail.ru

**RECONSTRUCTION TECHNIQUE FOR DEFENSIVE WORKS
OF 10TH–16TH-CENTURY HILLFORTS IN THE MIDDLE VOLGA REGION**

A.M. Gubaidullin

The article deals with archaeological data on defensive structures of medieval hillforts in the periods of Volga Bulgaria, the Golden Horde and the Kazan Khanate. On the basis of archaeological research results, an attempt is made to determine the original look of medieval defensive structures situated in the Middle Volga region. Reconstruction technique for different types of medieval fortifications is offered. As an example, excavation materials from 11 hillforts of 10th-16th cc. are cited. The peculiarities of each of them and available analogies are discussed. Technological methods of medieval fortification construction are analyzed. These include various types of wooden and earth structures as well as numerous ramparts made solely from earth. In order to reconstruct the latter, data on ground composition should be taken into account, which could be instrumental in defining their original shape and size. Research results make it possible to single out certain regularities in the structure of basic and additional fortifications. However, not all of the defensive works in a single line could be identical. Their peculiarities depended on the presence or absence of terrain protective properties.

Keywords: archaeology, history, the Middle Volga region, Volga Bulgaria, Golden Horde, Kazan Khanate, medieval hillforts, defensive works, reconstruction technique.

REFERENCES

1. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Saint Petersburg; Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
2. Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
3. Gubaidullin, A. M. 2000. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (6–7), 168–176 (in Russian).
4. Gubaidullin, A. M. 2000. In *Drevnie Chally = Borıngı Çallı (Ancient Chally)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 203–215 (in Russian).
5. Gubaidullin, A. M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of Forts in the Volga Bulgaria)*. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, History Institute (in Russian).
6. Gubaidullin, A. M. 2012. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* 2 (28). Kazan, 217–220 (in Russian).
7. Izmaylov, I. L. 1991. *Otchet o polevykh rabotakh na Bogdashkinskom gorodishche i mogil' nıke (Tetiushskii raion TASSR) i pamiatnikakh, razrushaiushchikhsia v Kuibyshevskom raione TASSR v zone Kuibyshevskogo vodokhranilishcha (Starokuibyshevskii kompleks pamiatnikov) v 1990 godu (Report on Field Works at the Bogdashkino Fortified Settlement and a Burial Ground (Tetyushi District of TASSR) and Monuments of TASSR being destroyed in Kuibyshev Dam Lake Area (The Old Kuibyshev (Spassky) Complex of Monuments) in 1990)*. Kazan. Scientific Archive of the Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Leningrad 2–5 (in Russian).
8. Izmaylov, I. L., Gubaidullin, A. M. 1992. In *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 79–89 (in Russian).
9. Krasnov, Yu. A. 1968. *Issledovaniia na zapadnoi chasti bol'shogo vala. Raskop XVIII – 1967 (Investigation in the Western Part of a Big Rampart. Excavation Area XVIII – 1967)*. Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Doc. Fund, no. 5–1. Kazan (in Russian).
10. Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X–XIII vekov (Wooden-Earth Fortifications of the Southern Russia of the 10th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Nikol'skaia, T. N. 1987. *Gorodishche Slobodka XII–XIII vv. K istorii drevnerusskogo gradostroitel'stva v Zemle viatichei (The Slobodka Fortified Settlement of the 12th – 13th Centuries. To the History of Old Russian Town Construction in the Vyatichi Land)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. *Istoriia o Kazanskom tsarstve (Kazanskii letopisets) (Story of the Kazan Kingdom (The Kazan Chronicler))*. 2000. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XIX. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
13. Rappoport, P. A. 1961. *Ocherki po istorii voennogo zodchestva severo-vostochnoi i severo-zapadnoi Rusi X–XV vv. (Essays on History of Military Architecture in Northeast and Northwest Russia during the 10th – 15th Centuries)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology) 105 (in Russian).
14. Rudenko, K. A. 1999. In *Novye issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (New Research on Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk; Glazov: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 111–134 (in Russian).

15. Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkhelogicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

16. Smirnov, A. P. 1961. In *Arkheologicheskie raboty kraevedcheskogo muzeia v 1960 g. (Archaeological Works of Museum of Local Lore in 1960)*. Ulyanovsk: Ulyanovsk Museum, 11–13 (in Russian).

17. Teliakovskii, A. Z. 1839. *Fortifikatsiia (Fortification)*. Part I. Saint Petersburg: “I. I. Glazunov & K^o” Publ. (in Russian).

18. Khalikov, A. Kh. 1958. In *Trudy Mariiskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* XI. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute, 73–89 (in Russian).

19. Khovanskaia, O. S. 1956. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* 62, 129–134 (in Russian).

20. Shakirov, Z. G., Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2010. Nekotorye itogi arkhelogicheskikh issledovaniia na territorii Arskogo gorodishcha v 2006–2008 gg. In *Arsk i Arskaia zemlia: aktual'nye problemy izucheniia istoriko-kul'turnogo nasledii (Arsk and Arsk Land: Current Problems of Study of the Historical and Cultural Heritage)*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 24–30 (in Russian).

21. Shigapov, M. B. 2013. In *Povolzhskaia Arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 2(4), 299–306 (in Russian).

22. Shutova, N. I. 2010. In *Arsk i Arskaia zemlia: aktual'nye problemy izucheniia istoriko-kul'turnogo nasledii (Arsk and Arsk Land: Current Problems of Study of the Historical and Cultural Heritage)*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 16–23 (in Russian).

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

УДК 550.372

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРСКОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА В 2014 ГОДУ

© 2015 г. К.И. Бредников, Д.И. Хасанов, Э.В. Утемов,
Б.М. Насыртдинов

Представлены результаты геофизических исследований, проведенных в 2014 г. на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Эта территория входит в состав охраняемых объектов ЮНЕСКО. Целью исследований было обнаружение и локализация остатков археологических объектов (дома, мавзолеи, горны и т.д.). Комплекс работ включал в себя широкий спектр геофизических исследований: магнитометрия, гравиметрия, электроразведка и георадиолокация. Основным методом работы являлась магнитометрия, в связи с высокой информативностью и производительностью данного метода. Для локализации немагнитных объектов применялась георадиолокационная съемка, грави- и электроразведка. Основными поисковыми объектами были кирпичные фундаменты и стены зданий, скопления обожженной керамики, остатки печных сооружений различного назначения и т.д. В результате был выявлен целый ряд различных по своим свойствам и назначению объектов – горны, фундаменты мавзолеев, остатки бытовых зданий. В процессе проведения геофизических работ были уточнены и оптимизированы методики проведения полевых исследований.

Ключевые слова: культурное наследие, археологические памятники, городище Болгар, георадиолокация, гравирозведка, магниторазведка, электроразведка, геофизические аномалии, интерпретация геофизических данных.

Введение

На сегодняшний день археологические исследования сопровождаются, как правило, геофизическими работами. Причина в том, что геофизический метод является одним из ключевых методов неразрушающего контроля, с помощью которого возможно получать информацию о подповерхностном строении с очень высоким разрешением (Гладкий, 1967; Миков, 1975а, б; Автеньев, 1979; Логачев, Захаров, 1979; Инструкция, 1981; Жунг-Хо Ким и др., 2004).

Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповед-

ник является объектом исторического и культурного наследия мирового масштаба и особо ценным объектом культурного наследия Республики Татарстан.

Основной целью геофизических работ на данном этапе были обнаружение и локализация остатков древних строений различного назначения (дома, мавзолеи, горны и т.д.).

Исходя из линейных размеров объектов поиска (от 1 до 10 м и более), работы проводились по серии профилей через 2 м, с расстояниями между точками измерений в 1 м.

В 2014 году был выполнен следующий объем работ:

- высокоточная наземная магниторазведка (площадь исследования 245 000 кв. м);
- электроразведка (площадь исследования 2450 кв. м);
- высокоточная гравиразведка (площадь исследования 2040 кв. м);
- георадиолокационная съемка (площадь исследования 8317 кв. м);

В результате исследований обнаружены объекты, которые по ряду признаков можно отнести к погребенным архитектурным строениям или сле-

дам застройки. Часть объектов была вскрыта раскопами.

Геофизические методы

1. Магниторазведка

Исследования методами высокоточной *магнитометрии* выполнены в восточной части городища (Нагата, 1965; Инструкция, 1981; Миков, 1975 а; <http://magnetometer.ur.ru/content/view/12/9/lang,ru/>). Выделены несколько типов аномалий. Наибольший интерес представляют 6 аномалий, характеризующихся малыми размерами и высокими амплитудами магнитного поля – 100–200 нТл (рис. 1).

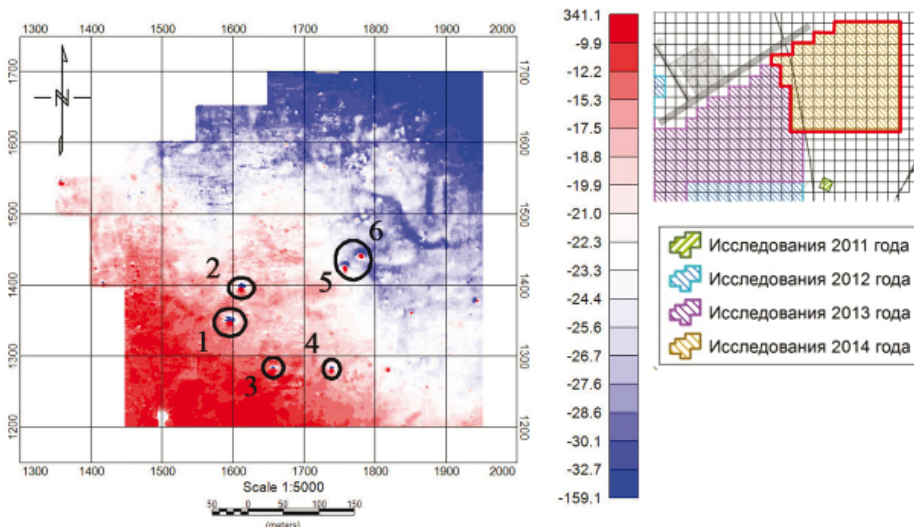

Рис. 1. Карта аномалий магнитного поля проведенных работ за 2014 г.

Fig. 1. Map of magnetic field anomalies: the 2014 investigations.

Аномалии такого типа характерны для объектов, подвергнутых влиянию высоких температур (Яновский, 1964; Миков, 1975б; Тафеев, 1981).

На рисунке 2 приведены примеры отдельных аномалий.

Квадраты 2631, 2632, 2731, 2732: выделяются две аномалии. Размер аномалии 1 составляет 23 x 20 м, размах амплитуды 150 нТл, располага-

ется в пределах 1340–1360 пикетах и 1587–1609 профилях.

Квадрат 2533: выделяется одна аномалия. Размер аномалии составляет 15 x 15 м, размах амплитуды 100нТл, располагается в пределах 1650–1665 пикетах и 1272–1287 профилях.

Квадрат 2534: выделяется одна аномалия. Размер аномалии составля-

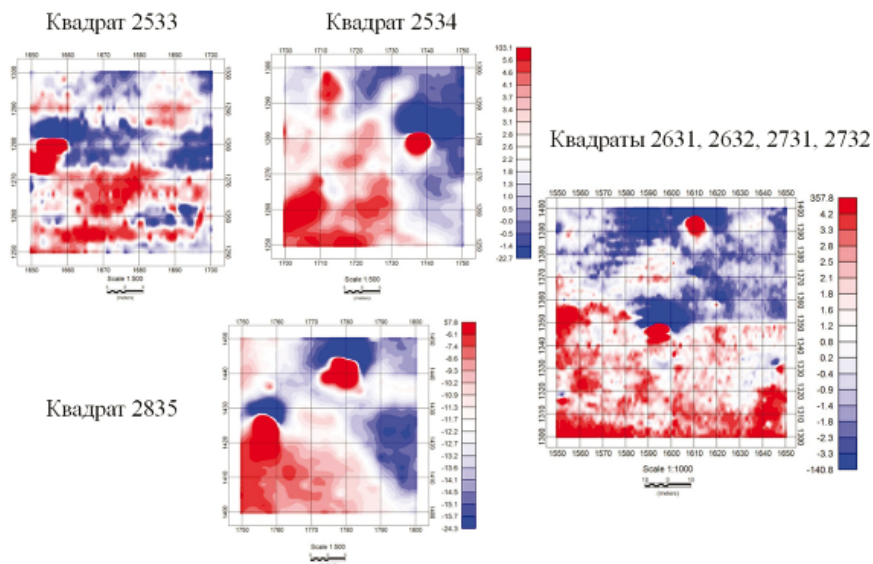

Рис. 2. Наиболее перспективные аномалии по данным магниторазведки.

Fig. 2. Most perspective anomalies revealed according to magnetic investigation data.

ет 20 x 18 м и размах амплитуды 89 нТл, располагается в пределах 1275–1293 пикетах и 1730–1750 профилях.

Квадрат 2835: выделяются две аномалии. Размер аномалии 5 составляет 12 x 19 м, размах амплитуды 77 нТл, располагается в пределах 1415–1434 пикетах и 1752–1764 профилях. Аномалия 6 составляет 18 x 19 м, размах амплитуды 63 нТл, располагается в пределах 1435–1454 пикетах и 1770–1788 профилях.

2. Электроразведка

В восточной и западной части городища выполнены площадные электроразведочные работы в модификации срединных градиентов (СГ). Работы проводились на двух участках, локализованных по данным визуальных обследований, где предположительно могут находиться фундаменты зданий. В результате интерпретации полученных данных на «полигоне № 1» выявлен достаточно контрастный по отношению к вмещающим поро-

дам (20–60 Ом*м) приповерхностный аномальный объект с признаками архитектурной планировки (осевая линия аномалии имеет прямоугольную форму). Интервал аномальных удельных электрических сопротивлений (60–188 Ом*м) характерен для карбонатных пород или для известковистых строительных материалов (рис. 3).

3. Высокоточная гравиразведка

В восточной и западной части городища выполнена площадная высокоточная гравиметрическая съемка на 2-х участках (рис. 4) (Гладкий, 1967).

На западном участке отмечены отрицательные аномалии, вызванные предположительно присутствием погребенного рыхлого материала с малым значением плотности (Автеньев, 1979; Миков, 1975 а).

На восточном участке выделяется серия положительных малоамплитудных аномалий в юго-западном углу полигона и отрицательная аномалия в северо-центральной части

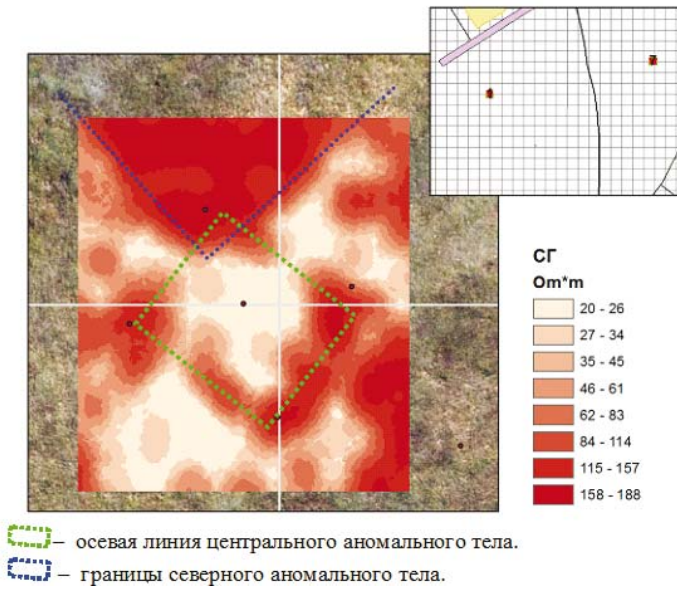

Рис. 3. Карта аномалий удельного сопротивления по полигону 1.

Fig. 3. Map of specific resistance anomalies on testing area No. 1.

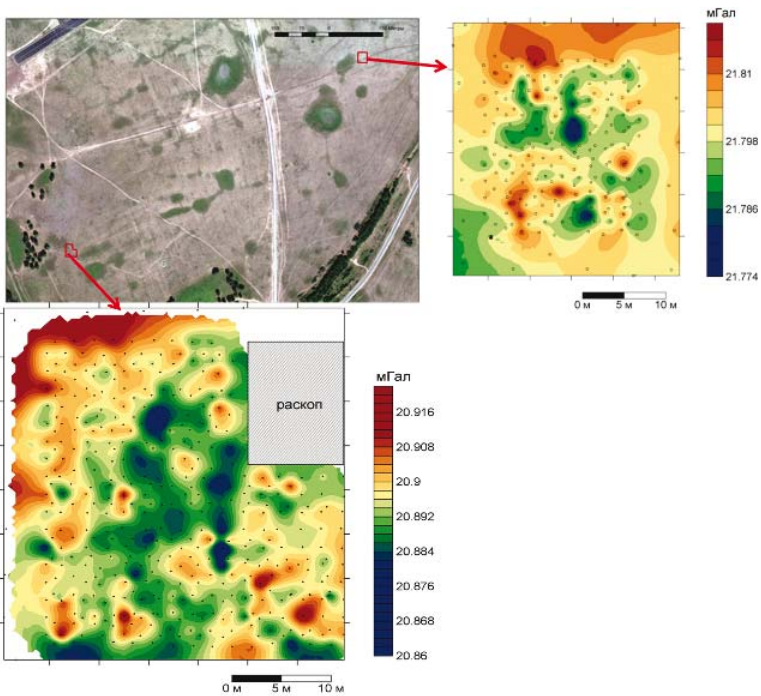

Рис. 4. Расположение участков гравиметрических работ.

Площадь исследования 2040 кв. м.

Fig. 4. Location of gravimetry investigation units. Investigation area equaled 2040 sq. m.

участка. Вероятнее всего, данные аномалии имеют естественное геологическое происхождение.

4. Георадиолокация

Поскольку погребенные останки культурного наследия являются трехмерными объектами, наиболее предпочтительной при археологических

исследованиях является плановая съемка (Жунг-Хо Ким и др., 2004; Рекомендации, 2008; Ялунин и др., 2009). Георадиолокация с одним антенным блоком производилась по отдельным перспективным площадкам и участкам, намеченным для проведения раскопок (рис. 5).

- участки георадиолокационных исследований 2014 г.
- взлетнопосадочная полоса
- границы старого палаточного городка
- 50-ти метровая сетка

Рис. 5. Схема расположения полигонов, исследованных методом георадиолокации в 2014 г.

Fig. 5. Localization chart of testing areas investigated by the georadar method in 2014.

Для антенн с центральной частотой 250 МГц глубинность исследований неконтрастных границ в суглинистом разрезе составляет порядка 2–3 м. Длина волны в среде составляет первые десятки сантиметров.

Соответственно для обеспечения максимальной разрешенности волновой картины необходимо проводить

георадиолокационную съемку с одноволновым или полуволновым шагом между профилями в 30–50 см. Такая плотность сети наблюдений несколько увеличивает время работы, однако разрешенность горизонтальных амплитудных срезов существенно повышается.

Перспективные объекты выделялись на различной глубине по харак-

терным аномалиям волнового поля в зависимости от понижения диэлектрической проницаемости, фазовых изменений и затухания сигнала (рис. 6) (Морозов и др., 2011).

На площадках 2, 3, 4 явных аномалий волнового поля, характерных для подклетов и фундаментов архитектурных объектов, выявить не удалось. На полигоне № 2 в районе объекта № 8 возможно скопление крупных каменных обломков, однако форма объекта читается плохо.

На полигоне № 5 выделяется объект со следующими характерными параметрами:

1) в плане объект имеет прямоугольную форму площадью 99,85 кв. м;

2) по внешней границе длина аномалии 11,51 м, юго-восточной – 9,19 м;

3) вокруг объекта отмечаются множественные аномалии, по форме и размерам схожие с волновыми полями над ямами и захоронениями;

4) ориентировочные поисковые глубины объекта – 0,4–1,1 м;

5) с учетом геометрической формы и размеров аномалии в плане, наличия портала, а также характеристик волнового поля объект, вероятнее всего, является мавзолеем, претерпевшим современные изменения (многочисленные перекопы и рвы).

На участках 9 и 10 характерных аномалий, приуроченных к погребенным объектам архитектуры, выявить не удалось (рис. 7).

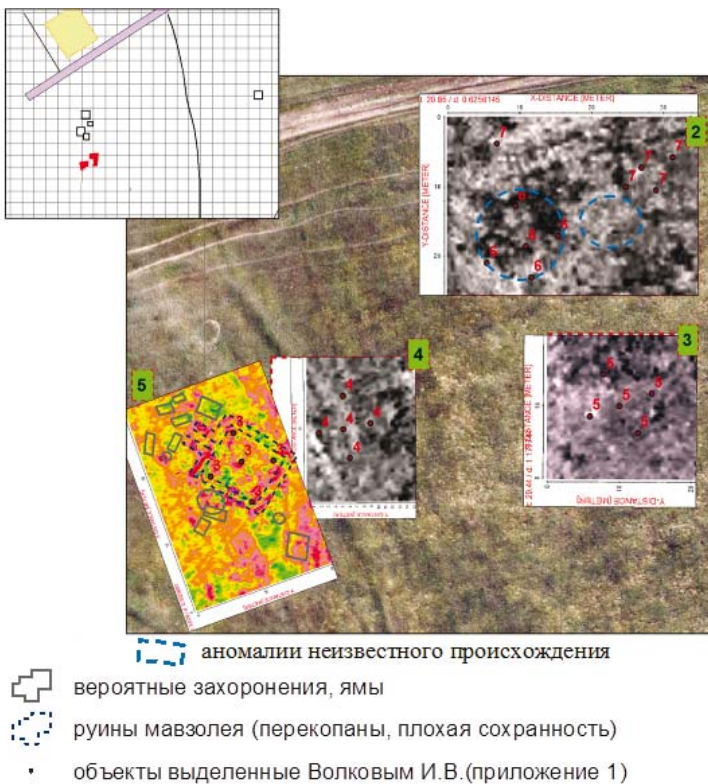
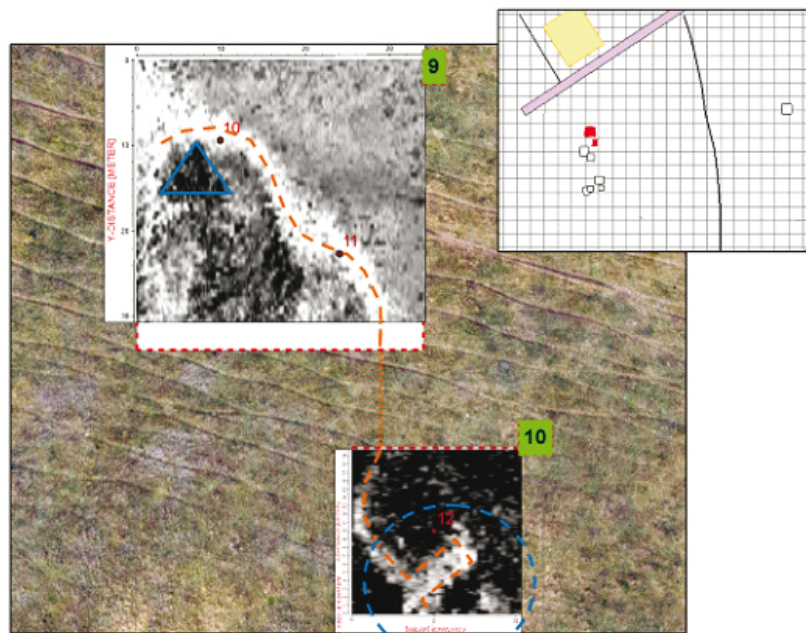

Рис. 6. Горизонтальные амплитудные срезы по 2, 3, 4 и 5 участкам.

Fig. 6. Horizontal amplitude shears in areas 2, 3, 4 and 5.

 – аномалии неизвестного происхождения

 – сплошная аномалия треугольной формы, неизвестно происхождения в интервале расчетных глубин 25-50 см

 – литологическая граница

Рис. 7. Горизонтальные амплитудные срезы на глубине 50 см.

Fig. 7. Horizontal amplitude shears at a depth of 50 cm.

На участке № 9 под почвенным слоем прослеживается сплошной плоский объект треугольной формы неизвестного происхождения в интервале глубин 25–50 см. Часть аномалий в рельефе в районе объектов на участках 9 и 10, вероятнее всего, связана с литологическими особенностями, возможным наличием границы пластов суглинков и песчаников.

Простирание «литологической границы» на участке № 10 также вызывает вопросы. Аномалия имеет изгиб под прямым углом, что может свидетельствовать о ее антропогенном характере в районе точки 12. Чтобы с уверенностью утверждать о характере

объекта, необходимы дополнительные исследования и увеличение полигона работ.

На полигонах 1 и 11 отчетливо выделяются две аномалии прямоугольной формы, по характеру схожие с изменениями волнового поля над фундаментами древних строений (рис. 8).

Объект на участке 1 слабо читается в рельефе, имеет северо-западное простирание.

Особенности аномалии волнового поля на полигоне № 1 следующие:

1) в плане осевая линия аномалии имеет прямоугольную форму;

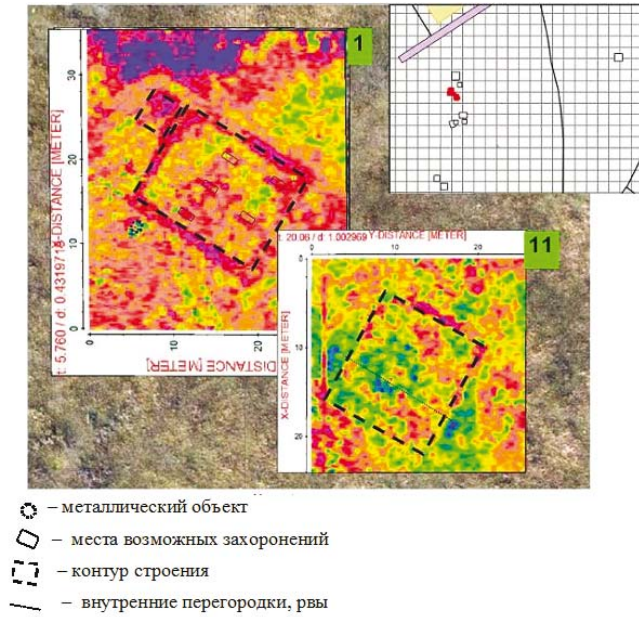

Рис. 8. Полигоны 11 и 1. Срезы на расчетных глубинах 30–90 см при средних скоростях ЭМВ 0,12–0,17 м/нс.

Fig. 8. Testing areas 11 and 1. Shears at 30 to 90 cm depth with EMW velocity average reaching 0.12–0.17 m/ns.

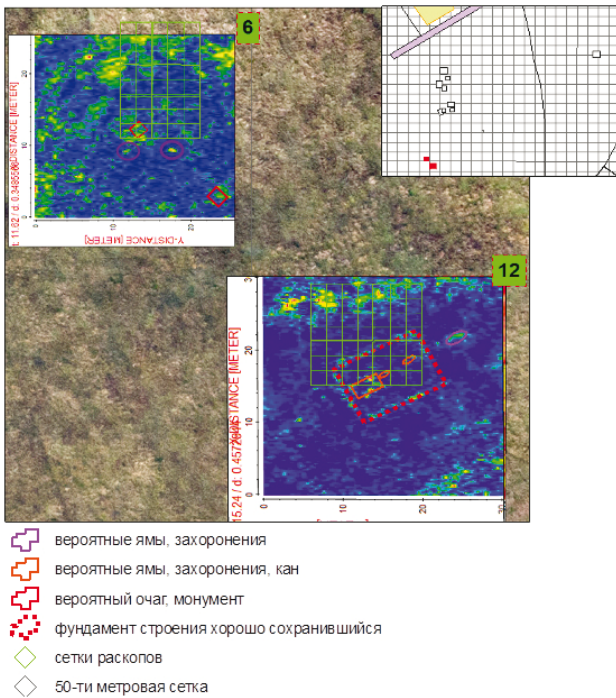

Рис. 9. Горизонтальные амплитудные срезы по полигонам 6 и 12.

Fig. 9. Horizontal amplitude shears at testing areas Nos. 6 and 12.

2) объект по внешней границе аномалии имеет площадь 254,43 кв. м (17,73 x 13,97 м);

3) в северо-западном углу объекта, с внешней стороны, присутствует локальная сплошная прямоугольная аномалия;

4) ориентировочные поисковые глубины (предположительно фундамента и остатков стен сооружения) – 0,2–1,1 м;

5) на глубине основания фундамента в центральной части сооружения прослеживается три малые аномалии, расположенные на одной линии. Форма, расположение аномалий, а также их диэлектрические характеристики указывают на то, что объекты могут являться захоронениями;

6) недалеко от юго-западной стены на глубине около полуметра отмечается локальная круговая аномалия волнового поля, характерная для металлических объектов.

Аномалия на участке 11 с рельефом не согласуется и расположена несколько глубже, чем объект на участке 1, в интервале от 80 до 110 см (рис. 9). В центральной части объекта на участке 11 прослеживается ряд локальных аномалий.

Особенности для объекта на полигоне № 11:

1) в плане осевая линия объекта имеет квадратную форму и охватывает площадь 159,49 кв. м;

2) по внешней границе длина аномалии достигает 13,04 м;

3) возможно, имеются плохочитаемые внутренние линейные аномалии;

4) Ориентировочные поисковые глубины – 0,8–1,2 м.

По-видимому, территория вокруг полигонов 1 и 11 нуждается в более детальном изучении, так как, возможно, речь идет о комплексе сооружений, часть из которых не попала в контуры георадиолокационных работ.

На полигоне № 6 обнаруживается лишь небольшой объект в центральной части (в интервале глубин от 0,4–0,7 м, размерами 2 x 2 м) (рис. 9).

В 2 м от южной стенки раскопа на участке отмечены еще две небольшие аномалии (могут являться геодезическими кольями для разметки), для проверки их природы рекомендуется увеличить площадь раскопа на 2 м в южном направлении или обследовать юго-восточный угол полигона.

В квадрате № 12 отчетливо прослеживаются аномалии волнового поля от фундамента сооружения, вскрытого позднее раскопом (рис. 10).

Особенности сооружения на полигоне № 12 следующие:

1) в плане строение имеет прямоугольную форму площадью 92,11 кв. м;

2) по внешней границе длина северо-западной стены 11,6 м, юго-восточной – 7,93 м;

3) в северной части сооружения прослеживается скопление материала (вероятно, камней);

4) ориентировочные поисковые глубины фундамента – 0,4–0,9 м.

По итогам георадиолокационной съемки из всех исследованных участков 4 определены как перспективные на предмет обнаружения древних строений и элементов архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Автеньев Г.К.* Трансформация гравитационных полей при обработке геофизической информации. – Томск: Томский политехнический университет, 1979. – 99 с.
2. *Гладкий К.В.* Гравиразведка и магниторазведка. – М.: Недра, 1967. – 69 с.
3. *Жунг-Хо Ким, Майонг-Жонг Йи, Жеонг-Сул.* Эффективное применение 3-D георадиолокационной съемки для исследований древних руин. Геоэлектрическая лаборатория. Корейский Институт геофизики и минеральных ресурсов Даеджеон, Корея. – Пермь: Изд-во «Прин», 2004. – 10 с.
4. Инструкция по магниторазведке. – Л., Недра, 1981. – 263 с.
5. *Логачев А.А., Захаров В.П.* Магниторазведка. – М.: Недра, 1979. – 359 с.
6. *Миков Д.С.* Интегральные методы интерпретации гравитационных магнитных аномалий. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1975. – 93 с.
7. *Миков Д.С.* Методы интерпретации магнитных аномалий. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1975. – 179 с.
8. *Морозов А.В., Кругликов А.А., Кислица К.Ю., Шаповалов В.Л., Явна В.А.* Количественная обработка георадиолокационных данных // Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2011. – № 3. – С. 96–105.
9. *Нагата Т.* Магнетизм горных пород. Пер. с англ. – М.: Мир, 1965. – 347 с.
10. Рекомендации по проведению георадиолокационных измерений для решения геологических задач. – Раменское: ООО «Логические системы», 2008. – 28 с.
11. *Тафеев Г.А., Соколов К.П.* Геологическая интерпретация магнитных аномалий. – Л.: Недра, 1981. – 327 с.
12. Электронный ресурс [<http://magnetometer.ur.ru/content/view/12/9/lang.ru/>]
13. *Ялунин С.В., Бессараб Ф.С., Карнов И.В., Радиевский А.В.* О прямой задаче рассеяния для георадара. // Физико-математические науки. – 2009. – № 04. – С. 31–34.
14. *Яновский Б.М.* Земной магнетизм. Ч. I. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 463 с.
15. *Яновский Б.М.* Земной магнетизм. Ч. II. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. – 445 с.

Информация об авторах:

Бредников Константин Игоревич, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); b_kon@mail.ru

Хасанов Дамир Ирекович, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); damir.khassanov@mail.ru

Утемов Эдуард Валерьевич, кандидат геолого-минералогических наук, доцент Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); Edward.Utemov@ksu.ru

Насыртдинов Булат Мансурович, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); Bulat.Nasyrtdinov@kpfu.ru

GEOPHYSICAL INVESTIGATIONS IN THE TERRITORY OF THE BOLGAR STATE HISTORICAL AND ARCHITECTURAL MUSEUM-RESERVE IN 2014**K.I. Brednikov, D.I. Khasanov, E.V. Utemov, B.M. Nasyrtidinov**

The results of 2014 geophysical investigations in the territory of the Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve are reviewed in the article. The territory is one of UNESCO protected sites. The investigations were aimed at detecting and localizing archaeological objects remains (houses, mausoleums, kilns, etc.). The set of works included a wide range of geophysical investigations: magnetometry, gravimetry, electrical prospecting and georadar. Due to its highly informative character and efficiency, magnetometry was the basic method of work. Georadar survey, gravity and electrical prospecting were used for nonmagnetic objects localization. The major search objects were building brick bases and walls, fired ceramics concentrations, remains of different-purpose furnaces, etc. As a result, a number of objects were identified differing in their properties and purposes: furnaces, mausoleum bases, of dwelling houses remains. In the process of geophysical investigations, field investigation techniques have been refined and optimized.

Keywords: cultural heritage, archaeological monuments, Bolgar fortified settlement, GPR, gravity investigation, magnetic investigation, electrical prospecting, geophysical anomalies, interpretation of geophysical data.

REFERENCES

1. Avten'ev, G. K. 1979. *Transformatsiia gravitatsionnykh polei pri obrabotke geofizicheskoi informatsii (Transformation of Gravitational Fields in the Processing of Geophysical Data)*. Tomsk: Tomsk Polytechnical University (in Russian).
2. Gladkii, K. V. 1967. *Gravirazvedka i magnitorazvedka (Gravity and Magnetic Survey)*. Moscow: "Nedra" Publ. (in Russian).
3. Zhung-Kho Kim, Maiong-Zhong Ii, Zheong-Sul. 2004. *Effektivnoe primeneniie 3-D georadiolokatsionnoi s"emki dlia issledovaniia drevnikh ruin (Effective Use of 3-D GPR Survey for Studies of Ancient Ruins)*. Geoelektricheskaiia laboratoriiia, Koreiskii Institut geofiziki i mineral'nykh resursov Daejeon (Taejōn), Koreia (Geoelectric Laboratory, Korea Institute of Geophysics and Mineral Resources Daedzheon, Korea). Perm: "Prin" Publ. (in Russian).
4. *Instruktsiia po magnitorazvedke (Instructions on Magnetic Survey)*. 1981. Leningrad: "Nedra" Publ. (in Russian).
5. Logachev, A. A., Zakharov, V. P. 1979. *Magnitorazvedka (Magnetic Survey)*. Moscow: "Nedra" Publ. (in Russian).
6. Mikov, D. S. 1975. *Integral'nye metody interpretatsii gravitatsionnykh magnitnykh anomalii (Integral Methods of Interpretation of Gravity Magnetic Anomalies)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
7. Mikov, D. S. 1975. *Metody interpretatsii magnitnykh anomalii (Methods of Interpretation of Magnetic Anomalies)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).
8. Morozov, A. V., Kruglikov, A. A., Kislitsa, K. Yu., Shapovalov, V. L., Iavna, V. A. 2011. In *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia (Bulletin of Rostov State Transport University)* 3, 96–105 (in Russian).
9. Nagata, T. 1965. *Magnetizm gornnykh porod (Rock Magnetism)*. Moscow: "Mir" Publ. (in Russian).
10. *Rekomendatsii po provedeniiu georadiolokatsionnykh izmerenii dlia resheniia geologicheskikh zadach (Recommendations for the GPR Measurements to Solve Geological Problems)*. 2008. Ramenskoe: "Logicheskie sistemy" Ltd. Publ. (in Russian).

11. Tafeev, G. A., Sokolov, K. P. 1981. *Geologicheskaiia interpretatsiia magnitnykh anomalii (Geological Interpretation of Magnetic Anomalies)*. Leningrad: "Nedra" Publ. (in Russian).
12. Electronic resource: <http://magnetometer.ur.ru/content/view/12/9/lang,ru/> (in Russian).
13. Yalunin, S. V., Bessarab, F. S., Karpov, I. V., Radievskii, A. V. 2009. In *Fiziko-matematicheskie nauki (Physics and Mathematics)* (04), 31–34 (in Russian).
14. Yanovskii, B. M. 1963. *Zemnoi magnetizm (Terrestrial Magnetism)*. Part I. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
15. Yanovskii, B. M. 1964. *Zemnoi magnetizm (Terrestrial Magnetism)*. Part II. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

About the Authors:

Brednikov Konstantin I. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; b_kon@mail.ru

Hasanov Damir I. Candidate of Geologo-Mineralogical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; damir.khassanov@mail.ru

Utemov Eduard V. Candidate of Geologo-Mineralogical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Edward.Utemov@ksu.ru

Nasyrtdinov Bulat M. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Bulat.Nasyrtdinov@kpfu.ru

УДК 902/904+737.1+671.41

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕЛА БОЛЬШИЕ АТРСЯСИ (ТЕТЮШСКИЙ РАЙОН РТ)

© 2015 г. К.А. Руденко, А.И. Бугарчев

Исследуется материал, обнаруженный у с. Большие Атряси (Тетюшский район, Татарстан) в ходе обследований, проведенных в 2015 г. Село известно по уникальному кладбищу с каменными надгробиями 1314–1323 гг., а также по находкам крупных кладов серебряных монет, сокрытых в конце 1390-х гг. Находки 2015 г. включают украшения из бронзы и серебра, предметы быта, железные наконечники стрел, нумизматический материал. Представлена атрибуция 61 монеты (11 серебряных и 50 медных). Монеты относятся к эпохе Золотой Орды: одиночные находки в основном к первой половине – середине XIV в., три клада – к концу XIV в., а украшения – к трем хронологическим периодам: концу X – XII вв., XIII–XIV и XVII–XIX вв. Керамика, найденная на Большеатрясском селище, датируется преимущественно XIII в. Изученные материалы позволяют утверждать, что в конце XIII – первой половине XIV века у современного села Большие Атряси существовало большое поселение, бывшее одним из торговых центров на этой территории.

Ключевые слова: археология, нумизматика, Волжская Булгария, Золотая Орда, Большие Атряси, клад, дирхем, пул, ювелирные изделия.

Село Большие Атряси Тетюшского района Республики Татарстан хорошо известно специалистам – археологам, нумизматам и эпиграфистам благодаря находке здесь нескольких крупных денежных кладов золотоордынского времени, кладбища с каменными надгробными памятниками XIV в., а также следам поселения, расположенного поблизости от некрополя. В 1942 г. нумизматом А.Б. Булатовым было записано у жителей села предание, что некогда на месте древнего кладбища находился город – «тысячедомный Шунгат».

Археологическими экспедициями данная местность обследовалась неоднократно, однако больше привлекало внимание ученых-эпиграфистов и лингвистов Большеатрясское кладбище с надгробными памятни-

ками. Историю их изучения в контексте исследования болгаро-татарских эпитафий описал Г.В. Юсупов (1960, с. 154–160). Особо отметим комплексную экспедицию под руководством Н.Ф. Калинина, которая в конце 1940-х годов детально обследовала кладбище, на котором в то время находилось 26 надгробий, и прилегающую местность. Был снят план кладбища (рис. 1: 3), согласно которому, как писал Н.Ф. Калинин, «можно судить об устройстве кладбищ среди аллей и с фамильными местами» (Калинин, Халиков, 1954, с. 110, прим. 2). Г.В. Юсуповым были прочитаны и опубликованы эпитафии на пяти надгробиях как над женскими, так и над мужскими захоронениями (Юсупов, 1960, табл. 18, 19, 20, 23, 41). Изучение кладбища продолжилось в 1960-х годах: так,

в 1961 г. на кладбище было вскрыто одно женское захоронение, совершенное по мусульманскому обряду (Археологическая, 1985, с. 63, 64, № 505).

Площадь селища, по данным Н.Ф. Калинина, около 200 000 кв. м. В археологической карте ТАССР, как и в Своде Р.Г. Фахрутдинова, выделяются два селища, оба золотоордынского времени, разделенные ручьем (Фахрутдинов, 1975, с. 180, 181, №№ 1702, 1703; Археологическая, 1985, с. 64, №№ 509, 510). На одном из них предположительно найдено два клада золотоордынских монет. После 1949 г. селище обследовалось (был собран подъемный материал) в начале 1960-х годов. Последнее обследование было проведено К.А. Руденко в 2009 г.: была произведена фотофиксация надгробий Большеатрясского кладбища и окружающей местности, собраны мелкие обломки круговой керамики красного цвета. На Большеатряском I селище в Археологической карте, видимо, по данным Н.Ф. Калинина, отмечены находки именковской керамики (Археологическая, 1985, с. 64, № 509), что, по данным разведки 2009 г., не получило подтверждения. Впрочем, сведений об именковском материале на этих селищах нет в и Своде П.Н. Старостина о памятниках именковской культуры (Старостин, 1967).

В целом район сел Малые и Большие Атряси богат на находки кладов монет золотоордынского времени (Мухаметшин, 2012, с. 197–217).

В начале лета 2015 г. было проведено обследование Большеатрясского селища, позволившего уточнить некоторые данные об этом памятнике¹. Селище расположено на широком

пологом мысу левого берега небольшой реки, напротив села (рис. 1: 1). Оно ограничено с одной стороны оврагом, с другой – небольшой ложбиной, в одном из отрогов которой около двадцати лет назад начал бить ключ. Площадь селища, по данным 1949 г., 550 x 220 м. В верхней части мыса, у дороги, находится Большеатрясское кладбище с надгробиями (рис. 1: 4). Площадь кладбища за 70 лет несколько изменилась: часть оказалась под пашней, часть сохранилась за современной оградой. Из 25 надгробий, существовавших в 1949 г., к 1961 г. осталось 16, в настоящее время – в более или менее целом виде 12 (рис. 6).

Кладбище захватывает часть территории древнего поселения, о чем свидетельствуют мелкие фрагменты керамики (хотя и очень немногочисленные), найденные на пашне рядом с оградой некрополя. Большая концентрация подъемного материала, а это небольшие фрагменты круговой керамики (рис. 2), зафиксирована на распаханном склоне террасы (рис. 1: 2), хотя в целом он рассредоточен на всей площади селища. За пределами этого мыса подъемный материал не встречен.

Поскольку кладбище с надгробиями XIV в., очевидно, функционировало тогда, когда поселения здесь не было или оно находилось в отдалении, то следовало бы ожидать, что подъемный материал будет более ранним, то есть датироваться как минимум XIII в. О дате этого селища Н.Ф. Калинин не писал определенно. Р.Ф. Фахрутдинов определял его золотоордынским временем, вероятно по надгробиям на кладбище. Практически всеми предыдущими исследователями это кладбище связывается с селищами.

¹ В обследовании принял участие н.с. Института археологии АН РТ Э.Карпов.

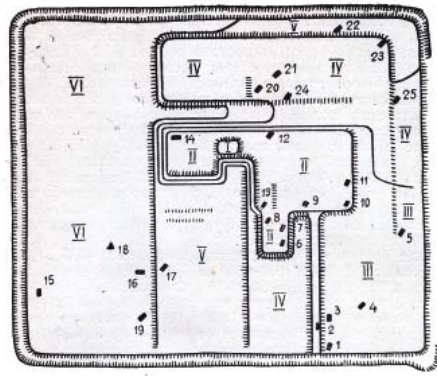
1

2

4

0 10 20
Метры

3

План атырсысго кладбища:
1 — ров, 2 — валик, 3 — осыпавша ступеньки.
I — VI — площадки и разной высоты (1 самая высокая).
1—25 — каменные надгробья.

5

Вид атырсысго кладбища.

6

7

Рис. 1. Общий вид Большеатрясского селища (1, 2); общий вид Большеатрясского кладбища (4); план Большеатрясского кладбища по Н.Ф. Калинину (Калинин, Халиков, 1954, рис. 33, 34) (3); общий вид надгробных памятников Большеатрясского кладбища (съемка 2009 г. К.А. Руденко) (5–7).

Fig. 1. Overview of Bolshiye Atryasi settlement site (1, 2); overview of Big Atryasi cemetery (4); map of Big Atryasi cemetery according to N.F. Kalinin (after Калинин, Халиков, 1954, Fig. 33, 34) (3); overview of gravestones at Big Atryasi cemetery (photo by K.A. Rudenko) (5–7).

Учитывая вышесказанное, рассмотрим собранный нами подъемный материал. Кроме нескольких разменных монет советского времени были найдены обломки кирпичей, голыши и сколы окремнелого известняка (рис. 2: 5-8). Основная часть находок – неорнаментированные стенки круговых сосудов хорошего обжига красно-оранжевого и, реже, серого цвета (рис. 2: 27–37, 43–48). Некоторые из них украшены лощением (рис. 2: 22–26), часть – линейным орнаментом и оттисками гребенчатого штампа (рис. 2: 3, 4, 16–21). Из всего массива находок несколько фрагментов от донцев круговых сосудов, два венчика (рис. 2: 41, 42): один, вероятно, от кувшина, второй – от небольшого хума. Характерный венчик с наплывом посередине шейки (рис. 2: 38–41), без сомнения, показывает, что это фрагменты сосудов золотоордынского времени.

Около десятка фрагментов относятся к круговым сосудам с сильно запесоченным тестом (рис. 2: 13–15). Эта посуда характерна для золотоордынских памятников Заказанья (Руденко, 2004, с. 100–136). От посуды типа «джукетау» ее отличает отсутствие характерной орнаментации в виде многорядной волны и иная форма. С примесью шамота встречено несколько фрагментов (рис. 2: 10–12); с песком и мелким шамотом – один (рис. 2: 9), с толченой раковиной – ни одного. Сочетание всех этих элементов показывает, что датировка по венчикам хумов керамического комплекса золотоордынским временем подтверждается. При этом ни одного фрагмента, который можно было бы идентифицировать с керамикой именьковской культуры, не обнаружено. Также не выявлено двух селищ; по крайней мере, на 2015 г. подъемный

материал фиксируется на единой площади, и нет необходимости разделять его на два поселения.

Кроме того, для изучения была предоставлена коллекция находок местного жителя М.Н. Мингазова², в которой имеются бронзовые и железные изделия (рис. 3: 5), найденные им на селище близ кладбища с надгробиями, на территории современного села и в других местах, а также монеты. Вещи эти весьма интересны, поэтому рассмотрим их подробнее. Предметы относятся к нескольким хронологическим группам. Первая группа – бронзовые поделки конца X – первой половины XI в. (рис. 3: 4: 3, 4, 9, 11, 12). К ней можно отнести и характерную для конца VIII–IX в. деталь конского снаряжения (рис. 4: 1). Вторая группа XI – начала XIII в. включает в себя подвеску из белого металла с зернью и сканью, вставку (рис. 4: 2), лунницу из меди, железные наконечники стрел, бытовавшие с середины XI и до XIV в. (рис. 4: 3, 6–8) и одну накладку (рис. 5: 13). Третья группа – золотоордынские изделия: перстень из белого металла, накладки из меди и бронзы (рис. 4: 5; 5: 8–12). Четвертую группу составляют находки XVII–XVIII вв.: пряжка, перстень, накладки и детали украшений из бронзы и меди (рис. 5: 1, 2, 4–7, 15). К XIX – началу XX в. относится сканая подвеска из белого металла и медальон с орнаментом (рис. 5: 3, 16). Глиняные прясла и железные изделия (рис. 5: 17–21) узкой даты бытования не имеют.

Первая группа включает стандартные изделия: половинки литых пуго-

² Авторы выражают признательность Марату Назиповичу Мингазову за возможность ознакомиться с коллекцией и использовать ее в данной публикации.

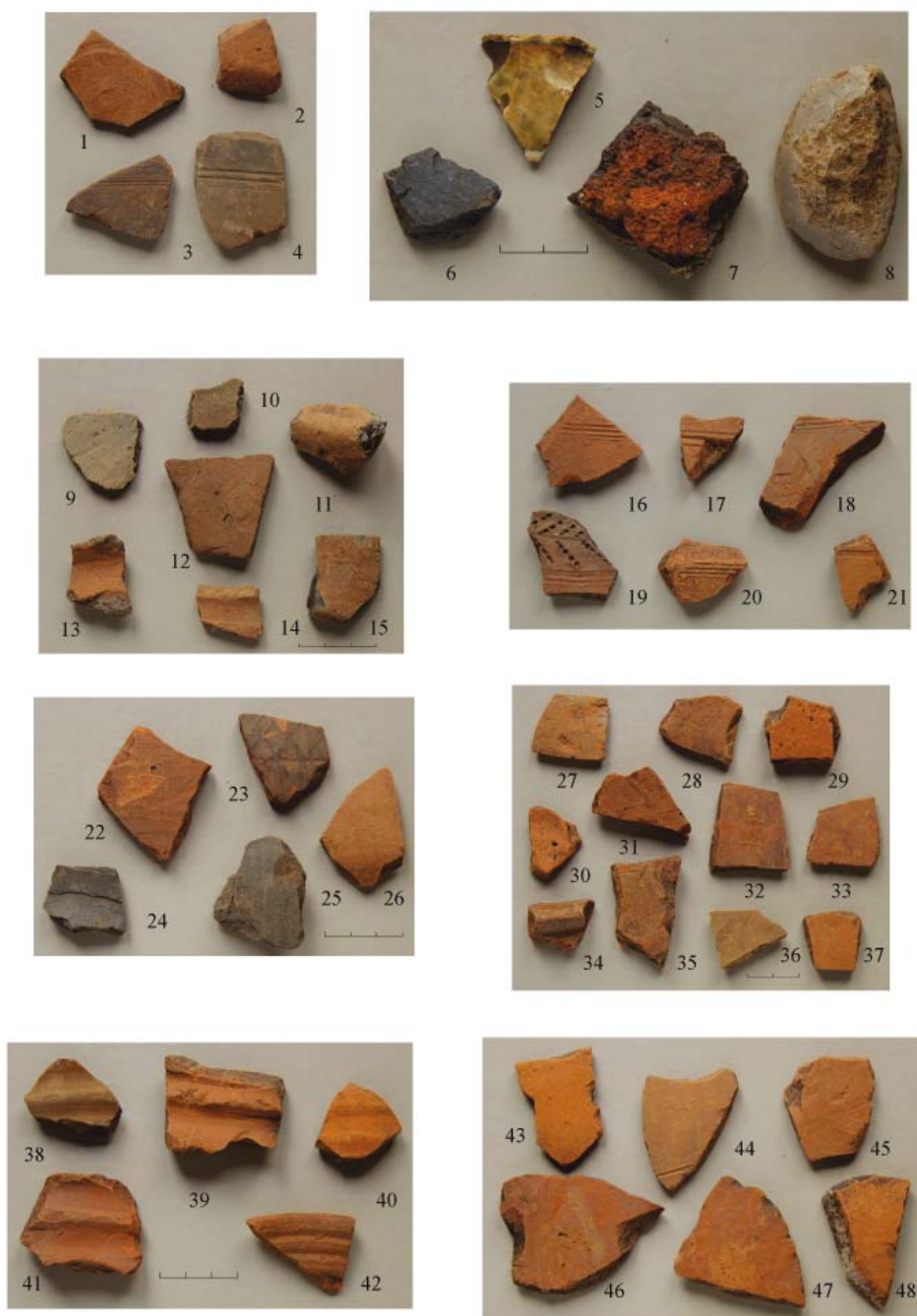

Рис. 2. Керамика Большеатряского селища (1–4, 9–48), фрагмент кирпича (7), гольш (8), кремль (5), окаменевшее дерево (6). Сборы 2015 г.

Fig. 2. Ceramics from Bolshiye Atryasi settlement (1–4, 9–48), brick fragment (7), round flat stone (8), flint (5), petrified wood (6). 2015 findings.

Рис. 3. Большеатряское селище. Предметы из цветных металлов. Бронзовые пуговицы (1–3, 5–13), бубенчик (4) и поясные накладки (14–17). Вторая половина X – первая половина XI в.

Fig. 3. Bolshiye Atryasi settlement site. Objects made of non-ferrous metals.

виц каплевидной формы с рельефным орнаментом разной степени сложности – от дольчатых и ромбических орнаментов к барельефным миндалевидным или кольцевым композициям в обрамлении из рубчатой ленточки (рис. 3: 1–13). Кроме них в эту группу мы поместили литые (?) двухшпильковые накладки сердцевидной формы с рельефным орнаментом в виде стилизованного бутона цветка (рис. 3: 14), геральдической фигуры (рис. 3: 15) и без рисунка (рис. 3: 16, 17), а также бубенчик (рис. 3: 4). Обломанная бронзовая (?) накладка с мотивом крина (рис. 4: 4) также может быть датирована по аналогиям концом X–XI в. Эти предметы имеют многочисленные аналогии на археологических памятниках конца X – первой половины XI в. Особенно многочисленная коллекция такого рода находок происходит из подъемного материала Измерского селища в Западном Закамье (Казаков, 1991).

Особый интерес вызывает наконечник ремня от конской упряжи со сквозным отверстием (рис. 4: 1), типичный для IX в. Аналогичные ему встречены, в частности, в материалах Большеатарханского могильника второй половины VIII – первой половины IX в., находящегося в Тетюшском районе РТ (Генинг, Халиков, 1964, табл. XVII, 23, 24). В целом такого рода поделки известны в некрополях IX в. от Северного Кавказа и Подонья до Средней Волги и Прикамья. Для казанских памятников находка такого артефакта на поселении – редкость.

Вторая группа характеризуется литой подвеской из белого металла, декорированной зернью и сканью (рис. 4: 2). В центре подвески сохранился круглый каст, в которой была закреплена вставка (утрачена). Кольцевая композиция

декора, сочетающая колечки скани с мелкими треугольниками зерни с крупной зернью, напоминает украшение золотых болгарских медальонов XII – начала XIII в. и в целом соответствует стилю болгарских серебряных изделий, выполненных в скано-зерневой технике (Руденко, 2015). Со второй половины XI и до начала XIII в., судя по аналогиям, бытуют небольшие пряжки лировидных очертаний (рис. 4: 9). Интересен экземпляр лунницы (рис. 4: 3), которые встречаются на болгарских памятниках XI–XII вв. Со второй половины XI в. бытуют в Восточной Европе, в том числе и в Булгарии, железные долотовидные наконечники стрел (рис. 4: 7).

Находки третьей группы характеризует серебряный перстень со вставкой (утрачена), закрепленной в прямоугольном касте (рис. 4: 5). Пластинчатая шинка украшена растительным орнаментом у каста (рис. 4: 5а, 5в), последний имеет высокий бортик и 4 лапки для фиксации вставки. Этот тип перстней часто встречается во второй половине XIV в. Атрясский экземпляр является, скорее всего, копией золотых перстней, известных с Болгарского городища (Руденко, 2015, с. 452, кат. № 263). На Болгарском городище (коллекция НМ РТ, инв. № 7719) найдены фигурные бронзовые литые накладки, аналогичные большеатрясским (рис. 5: 8). Впрочем, они не редкость и на других памятниках золотоордынского времени. Возможно, ордынским временем датируется серебряный (?) литой перстенок с маленьким ассиметричным щитком (рис. 5: 12).

Четвертая группа представлена бронзовыми деталями костюма: арочной цельнолитой пряжкой с орнаментом (рис. 5: 1), подвеской с прорезным узором (рис. 5: 2), литым перстнем с

ковальным щитком с гравированным на нем рисунком (рис. 5: 7). Пряжки такой формы встречаются с середины XVII в., но чаще всего в XVIII столетии. К XVIII–XIX вв. можно отнести подвеску с прорезным узором; XIX веком датируется литой щитковый перстень.

Набор выразительных украшений домонгольского времени происходит с какого-то другого археологического памятника, поскольку явно диссонирует с собранным массовым материалом с селища – керамикой, которая достаточно определенно относится к золотоордынскому времени и неплохо коррелирует с третьей и отчасти второй хронологическими группами вещевых находок из коллекции М.Н. Мингазова и частью нумизматического материала.

Большеатряское кладбище функционировало как минимум с первой четверти XIV в.: три надгробия были установлены в 1314, 1320, 1323 гг. (Юсупов, 1960, табл. 23, текст № 1 и № 2). Даты на остальных надгробных памятниках не сохранились. Маловероятно, что в такой близости от жилых построек одновременно в первой трети XIV в. могло находиться действующее кладбище. Можно предположить, что в тот период селище было уже необитаемо, а люди жили на поселении, расположенном на месте современного села. Остальные находки четвертой группы, представленные в коллекции, связаны с функционированием населенных пунктов, существующих и поныне – Малых и Больших Атрясей.

Монетовидные подвески (рис. 7: 1, вес 4,80 г; рис. 7: 2, вес 2,87 г) ранее были исследованы в работе В.П. Лебедева, Е.А. Беговатова, Р.Х. Храмченковой (2012). В этой статье в таблицах 1 и 2 был приведен свод находок подвесе-

сок. Тетюшский район в данной сводке отсутствовал. Таким образом, данная публикация расширяет топографию находок монетовидных подвесок. Что касается веса целого экземпляра – 4,80 г, то он близок к указанному в вышеупомянутой статье среднему весу – 4,6 г. Хотя авторы считают, что вес «для их применения принципиального значения не имел», тем не менее, видимо, какие-то примерные весовые границы изготовителями соблюдались. Датируются монетовидные подвески в широких рамках конца X–XI в.

Из литературы известно о четырех кладах, найденных в окрестностях Больших и Малых Атрясей. Самый ранний – клад серебряных слитков, находившихся в двух глиняных горшках, опубликован А. Ф. Лихачевым (Лихачев, 1891, с. 198). На с. 198 его статьи приводится рисунок одного слитка из этого клада в натуральную величину (13 см) и указано, что вес составлял $47 \frac{3}{4}$ золотника (203,7 г). Клад был продан «заезжему купцу-татарину» за 700 рублей! Три других клада – монетные: в кладе 1856 г. находилось более 10 тыс. серебряных монет конца XIII – конца XIV в.; в кладе 1954 г. было более 20 тыс. обретенных дангов³ XIV в.; в кладе 1932 г. находилось 200 г медных монет.

Еще один монетный комплекс из окрестностей с. Большие Атряси, был издан в 2003 г. (Гумаюнов, Евстратов, 2003, с. 79–81). В этой статье упоминаются 42 серебряных и 144 медных монеты: самые старшие – анэпиграфные дирхемы начала XIV в., самые младшие – данг 773/1371–1372 г. чекана Орду и пул 785/1383–1384 г. с изображением верблюда, также чека-

³ Данг – серебряная джучидская монета в XIV в.

Рис. 4. Большеатряское селище. Украшения из цветных металлов. Распределитель конской уздечки IX в. (1); серебряная подвеска XII–XIII в. (2), медная лунница XI–XII вв. (3); бронзовая накладка (4); серебряный перстень XIV в. (5); железные наконечники стрел XI–XIV вв. (6–8); бронзовые пряжки XII в. (9, 11); кольцо бронзовое X–XII вв. (10); бронзовое украшение XI–XIII в. (12).

Fig. 4. Bolshiye Atryasi settlement site. Jewelry made of non-ferrous metals.

Рис. 5. Большеатряское селище. Украшения из цветных металлов. Пряжка XVIII в. (1), подвеска XVIII–XIX в (2), подвеска серебряная со вставкой XIX – начала XX в. (3), детали украшений (4–6), перстень-печатка XIX в. (7), накладки второй половины XIII–XIV вв. (8–11, 15); накладка XI в. (13); обойма рукояти ножа (14); медальон-подвеска (16); прясла глиняные (17, 18); железные изделия (19, 20); кольцо (XIV в.?).

Fig. 5. Bolshiye Atryasi settlement site. Jewelry made of non-ferrous metals.

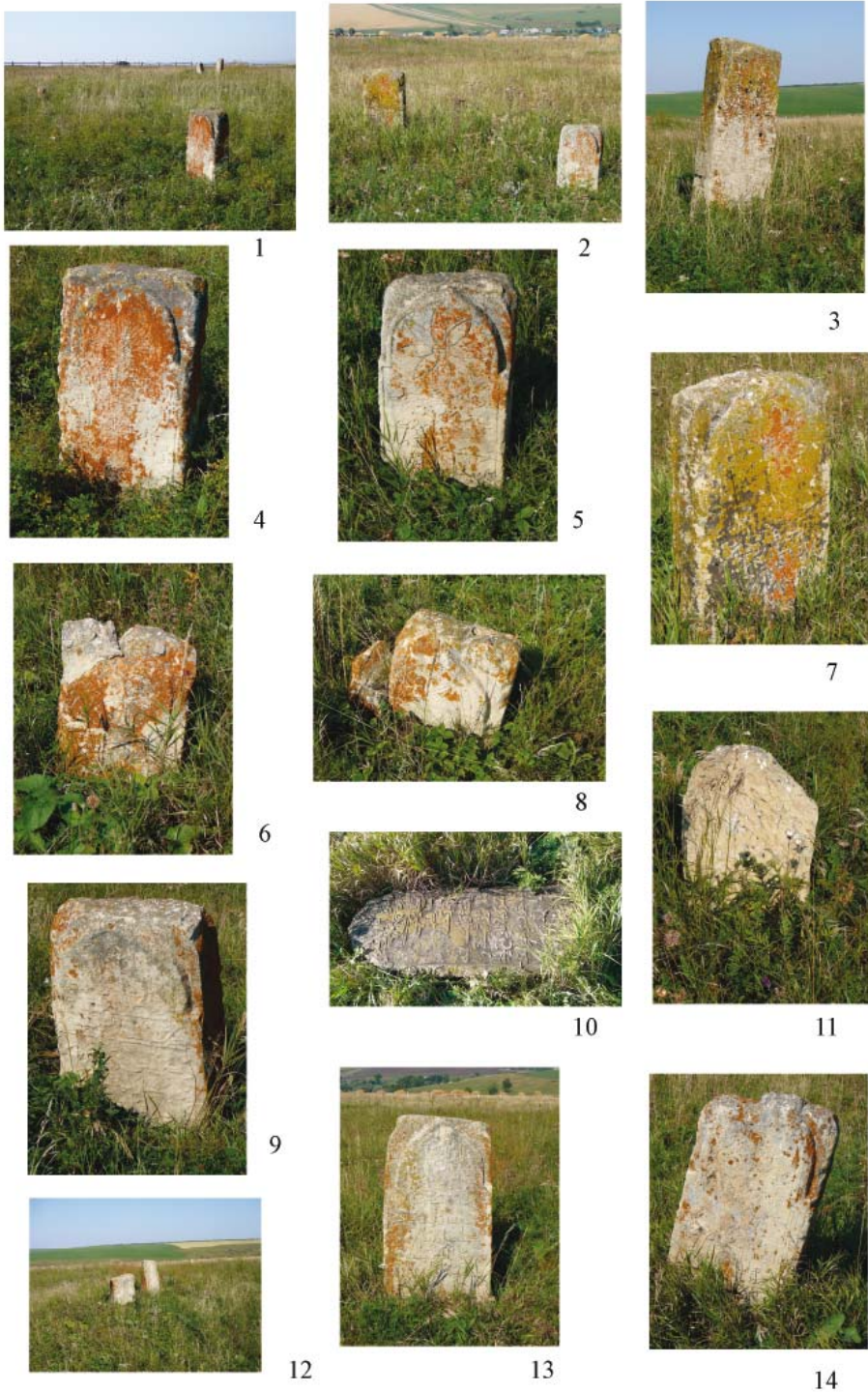

Рис. 6. Большеатряское кладбище. Надгробные памятники XIV в.
Съемка К.А. Руденко 2009 и 2015 гг.

Fig. 6. Bolshiye Atryasi cemetery. 14th-century gravestones.

Рис. 7. Монетовидные подвески и серебряные монеты. Номера на рисунке соответствуют номерам в таблице.

Fig. 7. Coin-shaped pendants and silver coins. The numbers in the figure correspond to numbers in the table.

на Орду. Особо отмечались девять ранее не изданных пулов, выпущенных, по мнению авторов, на монетном дворе «Шонгат», который мог находиться на Большеатрясинском селище.

Атрибутированный нумизматический материал с селища – отдельные монеты из статьи С.В. Гумаюнова и И.В. Евстратова, а также из сбора М.Н. Мингазова – представлен в таблице 1.

Таблица 1. Джучидские монеты с Большеатрясского селища

№ п/п	Эмитент	Монетный двор	Год выпуска	Вес, г	Примечание
<i>Джучиды. Серебро.</i>					
1	Анэпиграфная	Не указан	Не указан	1,28	Отверстие. (Сингагуллина, 2003, № 180). Рис. 7: 3.
2	Токта	Укек	Не указан (1290–1312)	1,27	Обломок - 2/3 монеты. (Евстратов, Гумаюнов, 2005, № 56). Рис. 7: 4.
3	Анэпиграфная	Не указан	Не указан	1,30	(Сингагуллина, 2003, № 198). Рис. 7: 5.
4	Анэпиграфная	Не указан	Не указан	1,20	(Сингагуллина, 2003, № 161). Рис. 7: 6.
5	Анэпиграфная	Не указан	Не указан	1,27	(Сингагуллина, 2003, № 128). Рис. 7: 7.
6	Анэпиграфная	Не указан	Не указан	1,29	(Сингагуллина, 2003, № 176). Рис. 7: 8.
7	Узбек	Булгар ал-Махруса	[1330–1333]	1,48	Вариант не устанавливается. Рис. 7: 9.
8	Узбек	Булгар ал-Махруса	731 г.х./1330–1331	1,52	(Петров, Бугарчев, 2012, № 8). Рис. 7: 10.
9	Не указан	Орду	773 г.х./1371–1372	Не указан	(Гумаюнов, Евстратов, 2003, с. 80).
10	Стерто	Сарай ал-Джаид	«777» г.х./1375–1376	1,34	Рис. 7: 11.
11	Токтамыш?	Орду	Не сохранился	1,15	Отверстие. Рис. 7: 12.
<i>Джучиды. Медь.</i>					
12	Мунке	Булгар	Не указан (1251–1260)	2,27	1 экз.

13-14	Не указан	Сарай	[726 г.х./1325–1326]	1,24; 1,38	2 экз. «Сокол».
15-17	Не указан	[Булгар]	Не указан (1320-е – 1331)	1,22; 0,82; 0,90	3 экз. «Тамга в треугольнике».
18	Не указан	Булгар	[73]4 г.х./1333–1334	1,95	1 экз. «Тамга в звезде», вариант Пулу / Булгар.
19-21	Не указан	Булгар	[732-736 г.х./1331–1336]	1,49; 1,53; 1,78	3 экз. «Тамга в звезде», вариант Пулу / Булгар.
22-25	Не указан	Булгар	[732–736 г.х./1331–1336]	1,71; 1,27; 2,19; 1,10	4 экз. «Тамга в звезде», вариант Булгар / пули.
26-33	Не указан	Сарай	Не указан (1336–1343)	1,08; 1,81; 1,37; 1,28; 1,33; 1,32; 1,12; 0,94	8 экз. «Лев и солнце».
34	Не указан	Сарай	Не указан (1336–1343)	0,87	1 экз. «Лев и полное солнце». (Клоков, Лебедев, 2000, с. 125, № 13).
35	Не указан	Булгар	Не указан (~1339)	0,77	1 экз. «Решетка».
36-43	Не указан	Сарай ал-Джадид	Не указан (1343–1350)	0,81; 0,87; 1,10; 0,84; 0,96; 1,04; 1,87; 0,65	8 экз. «Двуглавый орел».
44-45	Не указан	Мохши	[751 г.х./1350–1351]	1,71; 1,52	2 экз.
46	Не указан	Сарай ал-Джадид	752 г.х./1351–1352	1,34	1 экз. «Цветок».
47-48	Не указан	Сарай ал-Джадид	Не сохранился (1350–1360)	2,18; 2,20	2 экз. «Цветок».
49	Хизр	Гулистан	[762 г.х./1360–1361]	2,98	1 экз.
50-58	Не указан	«Шонгат»?	Не указан (1360-е – 1370-е)	От 1,75 до 2,28 г	9 экз. (Гумаюнов, Евстратов, 2003, с. 79–80).

59	Не указан	Хорезм	777 г.х./1375–1376	2,19	1 экз. Отверстие. (Федоров-Давыдов, 1965, № 27).
60	Не указан	Утрачен	Утрачен	1,94	1 экз. Надчекан «трехногая тамга».
61	Не указан	Орду	785 г.х./1383–1384	Не сохранился	1 экз. (Гумаионов, Евстратов, 2003, с. 80).

№№ 62–73. Неопределенные медные монеты – 12 экз. (1,12; 0,68; 1,59; 0,80, отверстие; 1,24; 0,93; 1,14; 0,72; 2,67; 1,47; 1,58; 0,97).

Суммируя материалы из вышеуказанных двух комплексов, можно говорить о 48 дангах (серебряные монеты №№ 3–6) и 208 пулах. К сожалению, атрибуцию имеют только 11 серебряных и 50 медных монет.

Анэпиграфные дирхемы не имеют годов выпуска, но, по представлениям авторов, их можно разместить относительно друг друга в следующем порядке:

C/180,

C/198 и C/161,

C/128 и C/176. Все они были чеканены в первой четверти XIV в. до 728/1327–1328 гг. Младшей серебряной монетой, найденной на селище, является данг Токтамышша (начало правления – 782/1380–1381 гг.).

Самая старшая медная монета – экземпляр болгарского чекана с именем каана Мунке. Это единственная во всем нумизматическом комплексе монета XIII в. Авторы статьи 2003 г. особо отмечают отсутствие монет XIII в., что можно признать необычным фактом – во всех известных монетных сборах Болгарской округи постоянно присутствовали медные динары

с именем ан-Насира и перечеканы с именем Мунке.

Младшей медной монетой является пул 785/1383–1384 гг., чекана Орду.

По периодам чекана монеты из таблицы можно распределить следующим образом:

Вторая половина XIII в. – 1 экз.

Первая половина XIV в. (44 экз.): первая четверть XIV в. – 6 экз. (правление Токты и первая половина правления Узбека); вторая четверть XIV в. – 38 экз. (вторая половина правления Узбека и правление Джанибека).

Вторая половина XIV в. – 16 экз.

Максимальное количество монет приходится на вторую половину правления Узбека и на правление Джанибека – 38 монет, или 62,3% от всех атрибутированных монет комплекса.

По монетным дворам распределение выглядит так: Булгар – 21 экз. (включая серебряные анэпиграфные монеты, пулы «Тамга в треугольнике» и монету с надчеканом); Сарай ал-Джадид – 12 экз.; Сарай – 11 экз.; «Шонгат»? – 9 экз.; Орду – 3 экз.; Мохши – 2 экз.; Укек, Гулистан и Хорезм – по 1 экз.

Больше всего монет местных монетных дворов: Булгара и «Шонгата?» – 30 экз. Не исключено, что отдельные пулы типов «двуглавый орел» и «цветок» также могли чеканиться в Булгарском регионе.

На территории Больших и Малых Атрясей было найдено три клада золотоордынских монет:

– первый клад (Федоров-Давыдов, 1960, № 149) был найден в 1856 году в Больших Атрясях, содержал более 10 тысяч монет, из них было атрибутировано 2297 дангов периода 681–795/1282–1393 гг. Клад был издан П.С. Савельевым (1858);

– второй клад (Федоров-Давыдов, 1960, № 150) был найден в 1954 г. в Малых Атрясях. По сведениям Г.А. Федорова-Давыдова, в кладе было более 20 тысяч серебряных монет от Токты 710 г.х. до Бик-Пулада 793 г.х. и 20 золотых монет. Особо отмечалось, что все монеты были обрезаны. В статье Д.Г. Мухаметшина указано несколько меньшее количество дангов – 136 19 экз. (Мухаметшин, 2012, с. 214, № 2). Клад был подробно рассмотрен в монографии А.Г. Мухамедиева (1983, с. 88–99, с. 148–153);

– третий клад, указанный только в работе Д.Г. Мухаметшина, был найден в 1932 г. в Малых Атрясях и состоял из медных монет общим весом 200 г (Мухаметшин, 2012, с. 214, № 3).

В целом находки монет и кладов свидетельствуют об активизации товарно-денежных отношений в этом районе в течение первой половины XIV в. (до прихода к власти Хизр-хана в 1360–1361 гг.). К этому периоду относятся 44 монеты, или 72% от всех атрибутированных монет из двух комплексов. Здесь необходимо отметить, что в не разобранном по типам монет-

ном сборе, отмеченным С.В. Гумаюновым и И.В. Евстратовым (2003), находилось большое количество «датированных и недатированных болгарских пулов Узбека», т.е. медных монет типов «тамга в треугольнике», «тамга в звезде» и болгарская «решетка». Известно, что эти пулы чеканились с 1320-х до начала 1340-х годов. (Бугарчев, Петров, 2013, с. 216–231).

В то же время два клада серебряных монет, найденных в Больших и Малых Атрясях, были тезаврированы в самом конце XIV в. В конце XIV в. был сокрыт также знаменитый Каратунский клад (по опубликованным сведениям Д.Г. Мухаметшина в нем было 24 068 дангов). А расстояние между Атрясями и Каратуном совсем небольшое – около 24 км. Таким образом, на небольшой по площади территории в конце 1390-х годов в трех кладах было спрячено более 47 тысяч серебряных монет!

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что археологические данные свидетельствуют, что основной период функционирования Большеатрясского селища – вторая половина XIII – рубеж XIII–XIV вв. Нумизматический материал относится в основном к первой половине XIV в., хотя надгробные памятники на Большеатрясском кладбище, расположенном непосредственно на территории селища, установлены в первой четверти XIV в. Однозначно можно утверждать, что к последней четверти XIV в. на этом месте была пустошь, о чем свидетельствуют крупные клады, зарытые здесь в 1390-х годах. Вряд ли их можно было незаметно скрыть в густонаселенном и людном месте.

Вполне вероятно, что, кроме этого селища, на территории современного

села также могли быть средневековые поселения, к которым, собственно, относится данное кладбище. Ранние находки из коллекции М.Н. Мингазова не связаны с Большеатряским сели-

щем, и, видимо, происходят с другого поселения. Полученные данные могут быть уточнены после проведения стационарных исследований в селе и его округе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. – 116 с.
2. *Бугарчев А.И., Петров П.Н.* Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате // Поволжская археология. – 2013. – № 1 (3). – С. 216–231.
3. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 200 с.
4. *Гумаюнов С.В., Евстратов И.В.* Шонгат – неизвестный монетный двор Золотой Орды // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. док. и сообщ. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. – С. 79–81.
5. *Евстратов И.В., Гумаюнов С.В.* Вес, размер и достоинство серебряных монет, чеканенных в Сарае и Укеке в XIII – начале XIV века // Труды II Междунар. нумизмат. конф. – М.: «Нумизматическая литература», 2005. – С. 103–127.
6. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII вв. низовьев Камы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.
7. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. – Казань: Таткнигоиздат, 1954. – 126 с.
8. *Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. Т. II – Нижний Новгород, 2000. – С. 56–147.
9. *Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храменкова Р.Х.* Монетовидные литые подвески Волжской Болгарии // Нумизматика Золотой Орды. – Вып. 2. – Казань, 2012. – С. 163–174.
10. *Лихачев А.Ф.* Драгоценный клад, найденный в Казанской губернии в 1882 г. // Тр. VII АС в Ярославле 1887 г. – Том II. – М., 1891. – С. 169–198.
11. *Мухамедиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М.: Наука, 1983. – 168 с., XXI табл.
12. *Мухаметшин Д.Г.* Клады Тетюшской округи // Исследования по средневековой археологии Евразии. – Казань: Школа, 2012. – С. 197–217.
13. *Руденко К.А.* Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // ТА. – 2004. – № 1–2. – С. 100–136.
14. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. – Том II. – Казань: Заман, 2015. – 528 с.
15. *Савельев П.С.* Монеты джучидские, джагатайские, джелаирские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша // ЗВОИАО. – 1858. – Т. XII, вып. 2. – С. 181–342.
16. *Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты поволжских городов XIII в. – Казань: «Заман», 2003. – 192 с.
17. *Старостин П.Н.* Памятники именьевской культуры / САИ. Вып. Д1–32. – М.: Наука, 1967. – 100 с.
18. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. – 220 с.

19. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. – 1960. – Т. I. – С. 94–192, 5 карт.
20. Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ. – 1965. – Т.V. – С. 179–224: илл., карта.
21. Юсуфов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 165 с.

Информация об авторах:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Российская Федерация); murziha@mail.ru.

Бугарчев Алексей Игоревич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация); abugar.61@gambler.ru

ARCHAEOLOGICAL AND NUMISMATICAL FINDINGS FROM THE VICINITY OF BOLSHIYE ATRJASI VILLAGE (TETJUSHY DISTRICT OF TATARSTAN REPUBLIC)

K.A. Rudenko, A.I. Bugarchyov

The objects found at Bolshiye Atrjasi village in the Tetjushy district of Tatarstan is considered in article. The village is known by the unique cemetery with stone gravestones of 1314–1323. Three hidden treasures of silver coins have been found in the XX century at the Bolshiye Atrjasi village. Treasures were buried in the end of the 1390s. More than 47 000 silver coins were hidden inside them. The findings that were found at village in the beginning of the XXI century are also studied in the article: bronze and silver jewelry, household items, iron arrowheads, numismatics. Coins related to an epoch of Golden Horde: single findings are basically related to first half – the middle of XIV century, three treasures – the end of XIV century, and an jewelry – end X–XII centuries, XIII–XIV and XVII–XIX centuries. The ceramics, found on settlement, is dated mainly XIII century. The materials studied in article allow the authors to suggest that in the end of XIII – first half XIV centuries the modern Big Atrjasi village had a big settlement, which were the one of trade centre on this territory.

Keywords: archaeology, numismatics, Bulgaria, Golden Horde, Bolshiye Atrjasi, hidden treasure, dirhem, pool, jewels.

REFERENCES

1. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoj ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Cis-Volga Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2013. In *Povolzhskaja Arkheologija (Volga River Region Archaeology)* (1 (3)), 216–231 (in Russian).
3. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Gumaiunov, S. V., Evstratov, I. V. 2003. In *Odinnadsataia Vserossiiskaja numizmaticheskaja konferentsiia. Tezisy докладов i soobshchenii (11th All-Russian Numis-*

matic Conference. Abstracts and Reports). Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 79–81 (in Russian).

5. Evstratov, I. V., Gumaiunov, S. V. 2005. In *Trudy II Mezhdunarodnoi numizmaticheskoi konferentsii (Proceedings of 2nd International Numismatic Conference)*. Moscow: “Numizmaticheskaja literatura” Publ., 103–127 (in Russian).

6. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (Bulgarian Village of the 10th–13th Centuries in the Lower Kama Region)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

7. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945–1952 gg. (Results of Archaeological Works in 1945–1952)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

8. Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2000. In *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga and other Regions) II*. Moscow; Nizhny Novgorod: “Numizmaticheskaja literatura” Publ., 56–147 (in Russian).

9. Lebedev, V. P., Begovatov, E. A., Khramchenkova, R. Kh. 2012. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics) 2*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 163–174 (in Russian).

10. Likhachev, A. F. 1891. In *Trudy VII AS v Jaroslavle 1887 g. (Proceedings of the 7th All-Russia Archaeological Convention in Yaroslavl, 1887)*. II. Moscow, 169–198 (in Russian).

11. Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaia monetnaia sistema XII–XV vv. (Bulgarian and Tatar Coinage in the 12th – 15th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

12. Mukhametshin, D. G. 2012. In *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Evrazii (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: “Shkola” Publ., 197–217 (in Russian).

13. Rudenko, K. A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology) (1–2)*, 100–136 (in Russian).

14. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) II. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

15. Savel'ev, P. S. 1858. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Reports of Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society) XII (2)*, 181–342 (in Russian).

16. Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

17. Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkov Culture)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1–32. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

18. Fakhruddinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

19. Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy) I*, 94–192 (in Russian).

20. Fedorov-Davydov, G. A. 1965. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* V, 179–224 (in Russian).

21. Iusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuiu epigrafiku (Introduction to Bulgar-Tatar Epigraphy)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

About the Authors:

Rudenko Konstantin A., Doctor of Historical Sciences, professor, The Kazan State Institute of Culture. Orenburg path, 3, Kazan , 420059, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; murziha@mail.ru

Bugarchev Aleksey I., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

УДК 903.01/.09

**АРХЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕРЕБРЯНЫХ
МОНЕТ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ X ВЕКА
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)¹**

**© 2015 г. Р.Х. Храмченкова, Е.Ф. Шайхутдинова, Е.А. Беговатов,
А.Г. Ситдиков**

Рассматриваются предварительные исследования нумизматического материала с Семеновского селища I, расположенного у слияния Волги и Камы, на территории Волжской Булгарии. Были изучены химический состав и структура поперечного излома шести фрагментов серебряных монет X в. Образцы анализировались методом оптической и электронной микроскопии. Полученные результаты позволили выявить особенности технологии изготовления монет в зависимости от имени правителя и времени их чеканки. Анализ излома монет показал правильность выбранной методики исследования, позволяющей избежать искажений, возникающих при пробоподготовке. Была выявлена некорректность данных, полученных в результате исследований поверхностного слоя или шлифов поперечных срезов. В дальнейшем авторы планируют изучить данные находки другими аналитическими методами для выработки оптимального исследовательского комплекса с целью его применения в изучении широкого спектра археологического нумизматического материала.

Ключевые слова: археометрия, нумизматика, Волжская Булгария, Семеновское селище I, X век, серебряные монеты, электронная микроскопия.

Введение. Выгодное расположение Волжской Булгарии на Волжско-Балтийском пути определило ее важную роль в евразийской торговле X в. между Востоком и Западом. Бурное развитие экономики государства было связано с падением Хазарии и появлением на Волге салтово-маяцкого оседлого мусульманского населения с высокоразвитым земледелием, скотоводством, ремеслом и торговлей. Возникли крупные торгово-ремесленные центры, одним из которых было Семеновское I поселение, располагавшееся в месте слияния двух самых больших рек Восточной Европы –

Волги и Камы (Казаков, 1997). На территории этого археологического памятника на протяжении многих лет находят многочисленные артефакты из различных материалов, датирующиеся X веком: куфические дирхемы, бусы, серебряные и бронзовые витые браслеты, янтарь, серебряные слитки, изделия из керамики, стекла, цветного и черного металла (Казаков, 2001; Беговатов, Казаков и др., 2013).

В научной литературе имеется много статей, посвященных исследованиям химического состава серебряных монет методом рентгено-флуоресцентного анализа (Подо-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №15-46-02179 «Мультидисциплинарное исследование средневековых серебряных монет археологических памятников Волжской Булгарии».

сенва, 2014; Столярова, 2014; Ráczl, Héberger, Rajkó and Elek, 2013; Vasiliki Kantareloua et. al., 2011). Исследования химического состава серебряных болгарских монет выявили, что все они выполнены из высококачественного сплава с содержанием серебра больше 85% (Беговатов, Лебедев, Храмченкова., 2013; Беговатов, Черняев, Храмченкова, 2012; Беговатов, Лебедев, 2013). Однако опыт авторов в исследовании археологических объектов данным методом (Sitdikov, Khratchenkova, 2015) показал, что этот вид анализа не в состоянии дать полную аналитическую картину по составу, структуре и технологии изготовления монет.

Материал. В данной статье приведены результаты исследований методом оптической и электронной микроскопии, которые были получены для 6 фрагментов монет различного времени. Данный вид изучения

археологических объектов позволяет избежать несколько факторов искажения информации, дающих ошибки при определении химического состава монет неразрушающими методами. В качестве изучаемых образцов были выбраны фрагменты следующего материала:

– аббасидский дирхем IX в. (рис. 1 а, б);

– 2 монеты Нух Бен Насра; первая из них 951 г. (339 г.х.) (рис. 2 а, б), вторая без датировки (рис. 3 а, б);

– 2 монеты Наср Бен Ахмеда; первая из них 942 г. (Халиф Муттаки, Аш-Шаш, 330 г.х.) (рис. 4 а, б), вторая без датировки (рис. 5 а, б);

– болгарская монета 977 г. (Болгар, 366 г.х.) (рис. 6 а, б).

Результаты. Анализ монет проводился методом оптической и электронной микроскопии оборудованием Axio Observer Z1, Axio Imager.Z2m и AURIGA CrossBeam с

Рис. 1. Монета 4, аббасидский дирхем IX в.

Fig. 1. Coin No. 4, Abbasid dirham, 9th century.

Рис. 2. Монета 51, Наср Бен Ахмед 942 г. (Халиф Муттаки, аш-Шаш, 330 г.х.).

Fig. 2. Coin No. 51, Nasr Ben Ahmad dated by 942, (Khalif Muttaki, ash-Shash, 330).

Рис. 3. Монета 75, Наср Бен Ахмед (Нух).

Fig. 3. Coin No. 75, Nasr Ben Ahmad (Nukh).

Рис. 4. Монета 60, Нух Бен Наср 951 г. (339 г.х.).
Fig. 4. Coin No. 60, Nukh Ben Nasr, dated by 951 (339).

Рис. 5. Монета 61, Нух Бен Наср.
Fig. 5. Coin No. 61, Nukh Ben Nasr.

Рис. 6. Монета 135, Мумин Бен Хасан 977 г. (Болгар, 366 г.х.).

Fig. 6. Coin No. 135, Mumin Ben Hasan, dated by 977 (Bulgar, 366).

энерго-дисперсионным спектрометром Inca X-Max. Для устранения искажений, вносимых при пробоотборе, в качестве анализируемой поверхности были взяты изломы монет. В результате исследований было выявлено, что все монеты изготовлены из сплавов серебра с медью и серебра с медью и свинцом. Анализы позволили выявить особенности распределения металлов по слою и технологию изготовления монет.

Монета 4, аббасидский дирхем IX в. изготовлена из сплава высокопробного серебра и меди. Сплав имеет достаточно однородную слоистую структуру. Наружный слой (10–12 мкм) содержит примерно 2,5% меди, внутренний слой имеет более высокое содержание медной добавки – примерно 8%. У данной монеты

была проанализирована поверхность полированного участка, который был получен в результате среза. Концентрация меди на этом участке имеет значения около 4%, т.е. при срезе происходит наплыв наружного слоя высокопробного серебра и его перемешивание с внутренним слоем. В результате этого показания содержания меди уменьшаются, тем самым завышая пробу серебряной монеты. Эти данные говорят о том, что используемые некоторыми исследователями шлифы поперечного слоя монет, как например, в докладе Сапрыкиной И.А. и др. «Химико-технологическое исследование серебряных изделий из состава раннесредневекового клада из Сужди-замостье и проблема источников серебра в VI–VII вв.» на IV (XX) Археологическом съезде в Казани, не

могут давать объективную и правильную информацию о химическом составе артефактов.

Структура монеты носит слоистый характер, что свидетельствует о высокой силе или длительности обработке давлением. Толщина зернового слоя внутри монеты достигает 1 мкм.

Монета 51 Наср Бен Ахмед 942 г. (Халиф Муттаки, Аш-Шаш, 330 г.х.) имеет наложенный внешний слой толщиной 30–35 мкм, который имеет рыхлую структуру. Снаружи этот слой состоит из чистого серебра, в контакте с внутренним слоем монеты наружный слой содержит 5,19% меди. Внутренний слой монеты имеет кубическую зернистую структуру и содержит помимо серебра примерно 4% меди и 2% свинца. Зерна представлены равномерным хорошо переплавленными конгломератами. Внутри монеты имеются также включения медного сплава, состоящие из 87,5% меди и 12,5% серебра.

Монета имеет трехслойную структуру. Диффузионная связь слоев высокая. Толщина поверхностного слоя 1 достигает 60...70 мкм, внутреннего слоя варьируется в широких пределах от 80...90 до 280...300 мкм, толщина поверхностного слоя 2 также варьируется в широких пределах в зависимости от внутреннего слоя. Внутренний слой монеты имеет явную литую крупнозернистую структуру. Поверхностные слои имеют пористую и мелкозернистую структуру. О литом происхождении монеты свидетельствует высокая степень диффузии слоев монеты и разная их структура. Внешние ее слои имели явно высокую скорость теплообмена и доступ к воздуху, поскольку несут следы газовой микропористости. Внутренний слой монеты

имел меньшую скорость теплоотдачи, отсюда крупнозернистая равномерная структура. Наиболее вероятный способ изготовления такой монеты – вырубка из литого слоистого листа. Изготовление такого листа, вероятно, происходило в три этапа: наливался слой расплавленного серебра высокого качества; через некоторое время сверху заливался слой серебра с большой примесью меди и свинца; затем сверху выливали слой серебра высокого качества на еще не затвердевший слой предыдущего металла. Отсюда высокая неравномерность по толщине внутреннего и внешнего слоев 2 (рис. 7).

Монета 75 Наср Бен Ахмеда имеет равномерную структуру с пустотными образованиями, в которых располагаются сферические включения. Равномерная структура состоит из практически чистого серебра, сферические включения представляют собой сплав висмута, серебра и меди.

Монета имеет литую структуру с ячеистой ликвацией и большим количеством усадочных пор. Шарообразные включения висмута с серебром и медью обусловлены тем, что висмут имеет более низкую температуру плавления и поэтому затвердевает в последнюю очередь. О литом происхождении монеты указывает то, что нет следов явного слоистого растрескивания и целостности шариков с висмутом, поскольку висмут – хрупкий металл.

Монета 60 Нух Бен Наср 951 г. (339 г.х.) имеет рыхлую структуру, состоящую из пористой массы с комкообразными включениями. Наружный слой толщиной 5–10 мкм представлен высокопробным серебром с примесью 1,3% меди. Комкообразные включения имеют очень разнородный состав,

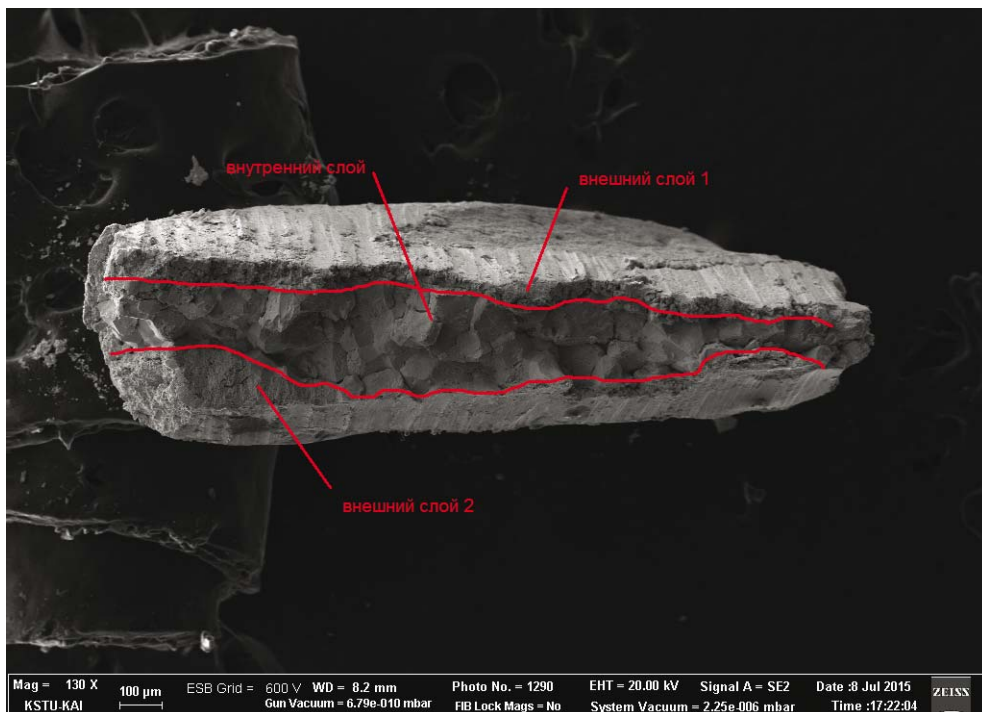

Рис. 7. Слоистая структура монеты 51 Наср Бен Ахмеда 942 г.

Fig. 7. Layer structure of coin No. 51, Nasr Ben Ahmad dated by 942.

включающий сплавы меди и серебра, меди, висмута, серебра и свинца. Пористая масса состоит из примерно 90% серебра и 10% меди.

Монета имеет высокую степень ликвации химических элементов и не несет следы явной перекристаллизации структуры. Вероятно, монета была получена путем обработки давлением из некачественно подготовленного сплава. Об этом свидетельствует слабовытянутая структура, неравномерное окисление монеты и следы межкристаллического растрескивания.

Монета 61 Нух Бен Насра имеет слоистый рыхлый наружный слой толщиной 20–30 мкм, состоящий из двух частей. Внешняя часть слоя содержит высокопробное серебро, часть фрагментов этого слоя имеет в качестве примеси 2% висмута, часть – 0,8%

меди. Внутренняя часть слоя плотно прилегает к внутреннему слою монеты и имеет сплав из примерно 94% серебра и 6% меди. Внутренний слой монеты состоит из аморфообразной массы застывшего расплава с однородным содержанием примерно 92% серебра, 7% меди и 1% свинца.

Монета носит явный характер обработки металла давлением. Структура имеет четкую наплавленную структуру с высокой степенью деформации. На поверхности наблюдаются следы вытравливания. Вытравленный слой монеты составляет 20–30 мкм, его структура также носит вытянутый характер. По сравнению с толщиной монеты (450–460 мкм) протравленный слой относительно тонкий.

Монета 135 Мумин Бен Хасана 977 г. (Болгар, 366 г.х.) имеет очень

равномерную структуру с постоянным составом. Монета изготовлена из хорошо перемешанного сплава серебра и меди со средним содержанием серебра 96,33 %, меди – 3,67%. Она имеет литой характер без следов травления. Продольное растрескивание монеты, вероятно, связано с нанесением чекана. Монета тонкая – примерно 300 мкм.

Выводы. Согласно полученным результатам электронной микроскопии все монеты изготовлены из серебра высокой пробы 90–98% различными технологическими способами. Все монеты, за исключением двух, имеют свой способ производства. Аббасидский дирхем и монета Нух Бен Насра 951 г. (339 г.х.) изготовлены из сплавов серебра с медью с последующей флотацией поверхностного слоя. Такой же технологической процедуре были подвержены одна из монет Наср Бен Ахмеда 942 г. (Халиф Муттаки, Аш-Шаш, 330 г.х.) и вторая монета Нух Бен Насра. Однако они были изготовлены путем первоначального нанесения наружного слоя, имеющего состав, отличный от внутреннего слоя монет. Болгарская монета 977 г. (Болгар, 366 г.х.) изготовлена из сплава высокого качества с содержанием 96,33% серебра и 3,67% меди. Одна из монет Наср Бен Ахмеда изготовлена из серебра высокой пробы. Характерной ее особенностью являются сферические включения в структуре монеты, состоящие из соединения висмута, серебра и меди.

Исследование структуры монет выявило технологии их чекана. Согласно этим данным, из 6 монет структура трех носит явно литой характер, вторая половина имеет следы активной обработки металла давлением.

Две монеты, выпущенные при правлении Нух Бен Насра, имеют одинаковую втянутую структуру, что может свидетельствовать об одной школе мастеров. Из всех монет по способу изготовления выделяются две: одна – с литой слоистой структурой (монета 51 Наср Бен Ахмеда 942 г.) и вторая – с шарообразными включениями с висмутом (монета 75 Наср Бен Ахмеда). Эти монеты носят следы явно привнесенной технологии изготовления монет или отработку экспериментальных способов.

Проведенные исследования показали перспективность изучения серебряных монет методом электронной микроскопии. Анализ позволил выявить технологические особенности их изготовления, рецептуру серебряных сплавов, динамику изменения технологий с течением времени (рис. 8).

Изучение изломов монет методом электронного микроскопа показало, что часть монет изготовлена с использованием сплава серебра, меди и свинца. Как известно, если использовать простой сплав серебра и меди, плотность изделия будет меньше, чем плотность чистого серебра. Этот факт может быть легко проверен весовым способом. Добавление свинца позволяет приблизить плотность сплава к плотности чистого серебра. Однако если предмет из такого сплава подвергнуть флотационной процедуре для повышения концентрации серебра на поверхности, свинец, так же как и серебро, останется. Поэтому древние мастера использовали особую систему производства. Она заключалась в изготовлении внутренней основы монет, состоящей из сплава серебра, меди и свинца. Сверху эти основы покрыты сплавом серебра и меди.

В результате изучения изломов, можно предположить пять этапов изготовления: на ровную основу наливается слой из серебра примерно 95 пробы. Затем на этот слой наносился сплав из серебра, меди и свинца с содержанием свинца примерно 90%. После этого сверху наливался тот же состав, из которого была отлита серебряная подложка. В итоге монета вырубалась из трехслойного теста, причем в процессе рубки верхние слои «напльвали» друг на друга из-за большей пластичности серебряно-

медного сплава. На заключительном этапе проводилось вытравливание меди, в результате чего на поверхности монеты оставалось практически чистое серебро. Надо отметить, что процессу флотации были подвержены пять монет из шести. Лишь болгарская монета не подвергалась этой процедуре и является в этом смысле самой «честной».

В процессе изучения монетного материала выяснились также некоторые особенности пробоподготовки. Наши предположения о некорректности из-

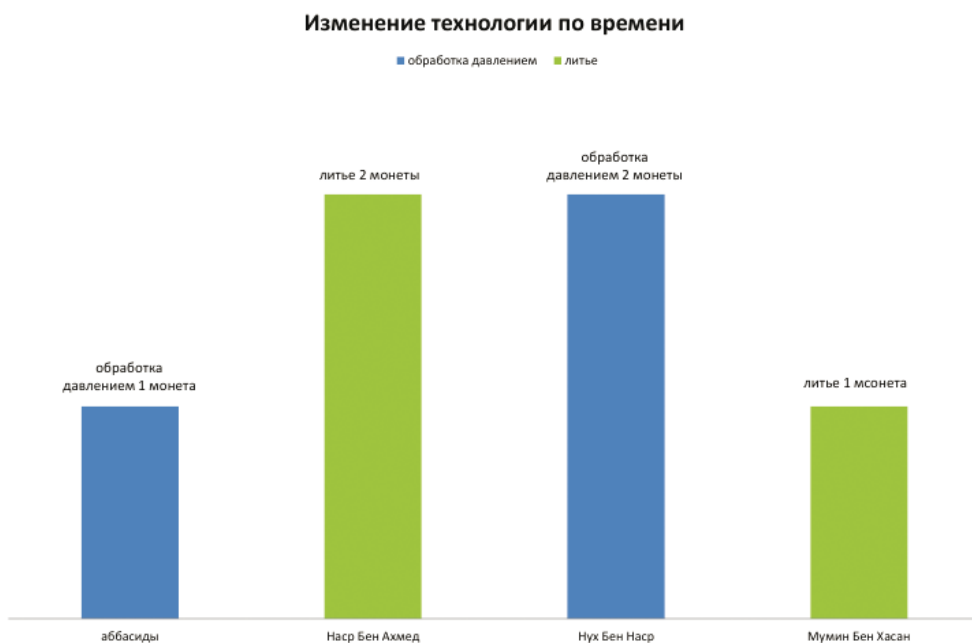

Рис. 8. Гистограмма распределения монет по времени

Fig. 8. Bar graph of coins distribution by the period.

готовления шлифов изделий, изготовленных из цветных и благородных металлов, полностью подтвердились при изучении напльва, образовавшегося в результате среза аббасидской монеты. Серебро является вязким и пластичным материалом и поэтому при любом приложении усилия про-

исходят размазывание металла и заполнение пустот в матрице монеты. Поэтому для исследования структурных особенностей и химического состава серебряных монет необходимо отламывать образцы и ни в коем случае не подвергать абразивному и химическому воздействию исследуемый

участок материала. Таким образом, наиболее достоверный результат дает исследование не аншлифа серебряной монеты, а поперечный излом.

Заключение. Изучение серебряных монет, которые находились в денежном обращении на территории Волжской Булгарии в X в., является актуальной проблемой в связи с широкой географией места их чеканки. Применение высоких аналитических технологий при изучении артефактов из цветных и благородных металлов позволяет получить новые сведения, касающиеся их изготовления и рецептуры. Исследования этого этапа работ показали, что древние чеканщики изобрели технологию приближения плотности монет из сплавов серебра с другими металлами с плотностью чистого серебра.

Проведенные исследования очередной раз доказали, что анализ поверхностного слоя *принципиально* не может давать правильную информацию о химическом составе. Особо актуальным вопрос о некорректных аналитических данных по рецептуре

встает в том случае, когда изделия изготовлены из одного сплава, а сверху нанесен облагораживающий металл. Наши исследования показали, что даже в случае однородности металлического сплава, часто монетчики использовали метод флотации – вытравливания медной составляющей из поверхностного слоя изделия. В результате этой процедуры содержание благородного металла в поверхностном слое (до 20 мкм) на 5–10% выше, чем внутри. Анализ поверхности поперечного среза монеты выявил явление «наползания» поверхностного слоя практически чистого серебра на внутренние слои.

Необходимо отметить, что примененный авторами метод электронной и оптической микроскопии для изучения изломов монет показал высокую эффективность. С учетом небольшого объема – достаточно 1 мм от плоскости – он может быть рекомендован в качестве основного при исследовании артефактов из цветных и благородных металлов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беговатов Е.А., Казаков Е.П., Мухаметшин Д.Г., Сингатуллина А.З. Нумизматические комплексы 10 века с Семеновского острова (Республика Татарстан) // Поволжская археология. – 2013. – № 4 (6). – С. 47–63.
2. Беговатов Е.А., Лебедев В.П., Храмченкова Р.Х. Химический состав серебряных монет X века I Семеновского селища (Республика Татарстан) // Поволжская археология. – 2013. – № 3 (5). – С. 169–174.
3. Беговатов Е.А., Черняев А.А., Храмченкова Р.Х. Новые находки западноевропейской монеты и серебряных слитков в низовьях р. Камы // Исследования по средневековой археологии Евразии. – Казань: РИЦ «Школа», 2012. – С. 23–28.
4. Беговатов Е.А., Лебедев В.П. Монетный комплекс X века I Семеновского селища (Республика Татарстан) // Академическая наука: проблемы и достижения. Док. II науч.-практич. конф. – М.: CreateSpace 4900 LaCross Road, North Charleston, SC, USA 29406, 2013. – С. 40–45.
5. Казаков Е.А. Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы и Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // ТА. – 1997. – № 1. – С. 61–77.

6. Казаков Е.П. Клады Семеновского острова // Клады, хронология, интерпретация. – СПб., 2001. – С. 120–123.

7. Подосенова Ю.А. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья: первые итоги исследования // Тр. IV (XX) ВАС. – Т. IV. – Казань, 2014. – С. 170–172.

8. Столярова Д.А. Технология производства ювелирных украшений из раскопок христианского храма у пос. Веселое // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда. – Т. IV. – Казань, 2014. – С. 187–190.

9. Ráczl A., Héberger K., Rajkó R. and Elek J. Classification of Hungarian medieval silver coins using x-ray fluorescent spectroscopy and multivariate data analysis. In: *Heritage Science*, 2013, 1:2. <http://www.heritagesciencejournal.com/content/1/1/2>.

10. Vasiliki Kantarelou, et. al. X-ray Fluorescence analytical criteria to assess the fineness of ancient silver coins: Application on Ptolemaic coinage. In: *Spectrochimica Acta Part B: Atomic Spectroscopy*. September–October 2011. Vol. 66, issue 9–10, pp. 681–690.

11. Sitdikov A.G., Khamchenkova R.Kh. Typology of Glazed Ceramics of the Kazan Khanate and Analysis of Its Element Composition. In: *Journal of Sustainable Development*. 2015, vol. 8, no 7, pp. 234–244.

Информация об авторах:

Храмченкова Резида Хавиловна, кандидат физико-математических наук, заведующая отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казанский Федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); rezidahram@mail.ru

Беговатов Евгений Александрович, кандидат физико-математических наук, доцент, Казанский Федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); ebegovat@gmail.com

Шайхутдинова Евгения Флюровна, кандидат технических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ (г. Казань, Российская Федерация); eugeh@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, доцент, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; заведующий кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru

ARCHAEOMETRICAL STUDIES OF 10TH-CENTURY SILVER COINS FROM VOLGA BULGARIA (PRELIMINARY RESULTS)

R.Kh. Khamchenkova, E.A. Begovatov, E.F. Shaykhutdinova, A.G. Sitdikov

Preliminary studies of silver coinage material from the Semenovskoe I unfortified settlement site situated at the confluence of the Volga and Kama rivers in the territory of Volga Bulgaria are discussed in the article. Chemical composition and structure of the transversal fracture of six fragments of 10th-century coins were investigated. The samples were analyzed by applying optical and electronic microscopy. The results allowed revealing a particular coin manufacturing technology of depending on the ruler's name and the time of minting. Analysis of the coins fractures proved the correctness of the research methodology, which allows avoiding distortions that arise from sample preparation. The incorrect character of the data obtained from studies of the surface layer or thin cross sections has been proved. The authors plan to investigate these findings by other analytical techniques in order to work out

an optimal research complex for the purpose of its application in the study of a wide range of archaeological numismatic material.

Keywords: archaeometry, numismatics, silver coins, 10th century, Volga Bulgaria, the Semenovskoe I unfortified settlement, electronic microscopy.

REFERENCES

1. Begovatov, E. A., Kazakov, E. P., Mukhametshin, D. G., Singatullina, A. Z. 2013. In *Povolzhskaiia Arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (4 (6)), 47–63 (in Russian).
2. Begovatov, E. A., Lebedev, V. P., Khramchenkova, R. Kh. 2013. In *Povolzhskaiia Arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (3 (5)), 169–174 (in Russian).
3. Begovatov, E. A., Cherniaev, A. A., Khramchenkova, R. Kh. 2012. In *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Evrazii (Studies in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: “Shkola” Publ., 23–28 (in Russian).
4. Begovatov, E. A., Lebedev, V. P. 2013. In *Akademicheskaiia nauka: problemy i dostizheniia (Academic Science: Challenges and Achievements)*. Moscow: CreateSpace 4900 LaCross Road, North Charleston, SC, USA 29406, 40–45.
5. Kazakov, E. A. 1997. In *Tatarskaiia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1), 61–77 (in Russian).
6. Kazakov, E. P. 2001. In *Klady, khronologiia, interpretatsiia (Hidden Treasures: Chronology, Interpretation)*. Saint Petersburg, 120–123 (in Russian).
7. Podosenova, Yu. A. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Convention at Kazan) IV*. Kazan, 170–172 (in Russian).
8. Stoliarova, D. A. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Convention at Kazan) IV*. Kazan, 187–190 (in Russian).
9. Ráczl, A., Héberger, K., Rajkó, R., Elek, J. 2013. Classification of Hungarian medieval silver coins using x-ray fluorescent spectroscopy and multivariate data analysis. *Heritage Science* 1:2. <http://www.heritagesciencejournal.com/content/1/1/2>.
10. Vasiliki Kantareloua et al. 2011. X-ray Fluorescence analytical criteria to assess the fineness of ancient silver coins: Application on Ptolemaic coinage. *Spectrochimica Acta*. Part B: *Atomic Spectroscopy*. Vol. 66. Issues 9–10. September–October 2011, 681–690.
11. Sittikov, A. G., Khramchenkova, R.Kh. 2015. Typology of Glazed Ceramics of the Kazan Khanate and Analysis of its Element Composition. *Journal of Sustainable Development* 8 (7), 234–244.

About the Author:

Khramchenkova Rezida Kh. Candidate of Physics and Mathematics. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; RezidaHram@mail.ru

Begovatov Evgeniy A. Candidate of Physics and Mathematics. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ebegovat@gmail.com

Shaykhutdinova Eugenia F. Candidate of Technical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev. Karl Marx St., 10, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; eugeh@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

УДК 069.4

**ПО СТРАНИЦАМ ДОКЛАДА В.А. ГОРОДЦОВА
«СКРЫТАЯ ЭНЕРГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ»**

© 2015 г. С.В. Кузьминых, И.В. Белозёрова

Рассматривается часть архивного наследия В.А. Городцова, в которой отложились материалы о его деятельности в археологическом подотделе Народного комиссариата просвещения РСФСР и в Археологической комиссии научной музейно-библиотечной секции Государственного Ученого Совета. Эти документы отражают попытки ученого реформировать музейную и научную службу в новой России. Одним из них является публикуемый доклад «Скрытая энергия археологических памятников». Документ передает сам дух эпохи двадцатых годов с его новаторскими идеями по реформированию культуры, образования и науки. В нем видны практические шаги В.А. Городцова и его коллег по ГУСу по привлечению внимания власти и общества к проблеме значения археологии в культурной и научной жизни страны. Доклад отражает, кроме того, малоизвестные оригинальные философские взгляды одного из основоположников отечественной археологии. Полный оригинальный текст доклада приводится в приложении.

Ключевые слова: археология, история, В.А. Городцов, 1920-е годы, Народный комиссариат просвещения, Государственный Ученый Совет, реформирование науки, культурная роль археологии в обществе.

В послереволюционный период при Народном комиссариате просвещения РСФСР был учрежден и функционировал в 1919–1932 гг. Государственный ученый совет (ГУС)¹, ведению которого подлежало общее методическое и программное руководство в области научной и художественной жизни, образования и воспитания. Роль этого учреждения в культурном строительстве и реформировании науки недостаточно освещена в литературе. Нас деятельность ГУС привлекла, прежде всего, в связи

с фигурой В.А. Городцова – одного из ведущих российских археологов того времени. Василий Алексеевич в 1918–1926 гг. входил в коллегию Отдела по делам музеев, с 1919 г. заведовал археологическим подотделом НКП РСФСР, а в 1924–1925 гг. состоял председателем Археологической комиссии научной музейно-библиотечной секции ГУС.

На посту руководителя этой комиссии Городцов с присущей ему энергией и настойчивостью пытался провести в жизнь свои теоретические воззрения на реформирование музейной и научной деятельности в новой России. Как администратор он явно потерпел неудачу, поскольку его проекты идеальной организации общегосударственного управления археологическими музеями и переустройства всей археологической службы в стране не были

¹ В ОПИ ГИМ в фонде № 54 («Музейный отдел Наркомпроса РСФСР») отложились документы ГУС за 1924–1925 гг.: проекты положений об организации различных секций и комиссий, списки входящих в их состав сотрудников, протоколы заседаний, доклады, планы и отчеты комиссий и пр.

поддержаны научным и музейным сообществом исходя из этических мотивов, а в начале тридцатых годов они были отвергнуты исходя из политической нецелесообразности проведения этих планов в жизнь. Как ученый Городцов, безусловно, выиграл, причем речь идет не о продолжении его собственных научных исследований, а о продвижении и пропаганде теоретических разработок – типологического метода и классификации археологических музеев и экспозиций – среди молодого поколения российских музейщиков (Кузьминых, Белозерова, 2011).

Вернемся к образованию (8.05.1924) в составе ГУС научной музейно-библиотечной секции. Она состояла из восьми комиссий (по основным направлениям работы секции): библиотечной, археологической, по музеям – естественноисторическим и техническим, историко-бытовым, художественным, краеведческим, а также по музейно-просветительной работе и реставрационному делу.

О значении, придававшемся работе этой секции, говорит ее состав. Председателем ее был видный историк М.Н. Покровский. В составе различных комиссий работали известные ученые, руководители отделов Наркомпроса, музейные деятели (всего 31 человек): Б.С. Боднарский, И.Э. Грабарь, В.А. Городцов, С.П. Григоров, М.П. Кристи, Н.М. Лукин, Г.Л. Малицкий, Н.Я. Марр, Н.Г. Машковцев, С.Ф. Ольденбург, Д.Б. Рязанов, Н.И. Троицкая, Б.В. Фармаковский, А.Е. Ферсман, Ф.И. Шмит, Н.М. Щекотов, А.М. Эфрос, Г.С. Ятманов и др. Уже на первом заседании музейно-библиотечной секции ГУС 24 июля 1924 г. М.Н. Покровский во вступительной речи определил основной ее задачей

идеологическое (научно-политическое) руководство музеями, библиотеками, а также делом охраны памятников, археологических исследований и *«изыскание целесообразных путей и методов приближения их к народным массам»*.

Археологическую комиссию секции возглавил В.А. Городцов. В ее состав входили ученые из Ленинграда, руководители РАИМК/ГАИМК Н.Я. Марр и Б.В. Фармаковский (были на нескольких заседаниях), москвичи С.П. Григоров, Н.М. Каринский (вместо выбывшего Ф.В. Баллода), позже к ним присоединились предложенные В.А. Городцовым Н.И. Новосадский, А.С. Башкиров, М.П. Малишевский (секретарь комиссии)².

Как свидетельствуют сохранившиеся протоколы заседаний Археологической комиссии ГУС, проходивших в здании Российского (Государственного) Исторического музея³, на них рассматривались важнейшие вопросы археологии: разработка принципов построения единого общегосударственного плана археологических работ; проект мероприятий по охране археологических памятников, находящихся вне музеев; проекты специальных постановлений по охране мест археологических раскопок и внемус-

² Следует отметить, что В.А. Городцов на заседании от 28.01.1925 отклонил кандидатуры В.К. Шилейко и Б.С. Жукова, предложенные С.П. Григоровым (Ф. 54. Ед. хр. 1075. Л. 21).

³ В помещениях музея проходили заседания Общества друзей РИМ/ГИМ, где выступали многие археологи страны (1918–1929), сотрудники Археологического подотдела Музейного отдела НКП РСФСР (1919–1926), Московской секции РАИМК, а затем Московского отделения ГАИМК.

зейных памятников исключительного научного значения; обсуждение методов археологических работ; разработка методических вопросов, связанных с установлением общей системы экспозиции археологических коллекций в различных музеях (как специальных археологических, так и краеведческих губернских, уездных, сельских); схема обследования археологических отделов музеев и др. На заседании секции также активно обсуждался вопрос о подготовке научных работников для художественных музеев страны в связи с упразднением факультета общественных наук 1 МГУ (с входившим в его состав художественно-археологическим отделением) и созданием в составе вновь организуемого этнологического факультета особого отделения искусствознания.

Деятельность музейно-библиотечной секции ГУС продолжалась недолго, в течение года (с июля 1924 до июля 1925 г.). Сохранился проект «Положения о Музейной комиссии ГУС» (16.07.1925), который раскрывает причины упразднения данной секции: *«в целях сохранения за ГУСом идеологического и программно-методического руководства музейным, реставрационным и археологическим делом взамен упраздняемой научной музейно-библиотечной секции ГУСа в составе последнего учреждается Музейная комиссия непосредственно при Президиуме ГУСа»* (Ф. 54. Ед. хр. 1068. Л. 130).

Среди протоколов заседаний Археологической комиссии ГУС зафиксированы выступления ее членов, сохранились рукописные и машинописные тексты докладов и отзывы на эти выступления. Протоколы явственно свидетельствуют об особой активности

в деятельности комиссии ее председателя В.А. Городцова. Помимо обсуждения сугубо производственных планов и проектов Василий Алексеевич сделал в 1925 г. по просьбе коллег ряд докладов, а именно: «Разработка методов археологических изысканий и раскопок» (11 января) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1075. Л. 17–20), «О методах археологических разысканий и раскопок» (14 января) (Там же. Л. 13–16 об.), «Государственный план археологических изысканий и раскопок» (21 января) (Там же, л. 10–12)⁴, «Идеальные типы археологических музеев, распределение в них археологических памятников и организация управления ими» (25 февраля) (Там же, л. 30–35), «Скрытая энергия археологических памятников» (1 апреля) (Там же, л. 76–81 об.), «К вопросу об установлении единой системы экспозиции археологических коллекций в музеях» (9 июля) (Там же, л. 93–97 об.). Это рабочие доклады административного толка, распространявшиеся, прежде всего, среди членов Археологической комиссии для выработки соответствующих решений или рекомендаций и не предназначавшиеся для публикации. Сейчас эти тексты воспринимаются уже не только как рабочие бумаги, отражающие текущую деятельность комиссии. Для историков науки они являются важнейшим источником для изучения судеб музейного дела и археологии в России в 1920-е годы.

⁴ Сам план был разработан В.А. Городцовым еще в 1919 г., а не годом позже (Платонова, 2010, с. 212), как только он возглавил археологический подотдел НКП РСФСР. Предложенный в 1925 г. план имел своего «предшественника», он датирован 14 мая 1919 г. (Ф. 54. Ед. хр. 1075. Л. 12).

Наше внимание привлёк доклад «Скрытая энергия археологических памятников» (Приложение 1), сделанный В.А. Городцовым по просьбе коллег. По сути, речь в нем идет о месте и роли археологии в жизни общества – и не только российского – середины 1920-х годов. Сама постановка вопроса, обсуждаемого Городцовым, не нова. Она актуальна и востребована и в современном российском обществе. Новым является сам философский подход при рассмотрении вопроса о том, в чем же заключается «сила» (т.е. значение. – *Авт.*) археологических памятников. Василий Алексеевич связывает ее со скрытой в археологических памятниках колоссальной энергией, *«имеющей отношение к приобретению живущими поколениями: 1) материальных средств; 2) научных знаний; 3) правильного воспитания цивилизованного человека»* (Там же, л. 76 об.). В конце доклада В.А. Городцов отметил, что *«сам термин “энергия”, который в отношении к археологическим памятникам употреблен мною первым, понимается как именно кинетическая сила, присущая всей мировой материи вообще, но проявляющаяся в разных формах мироздания чрезвычайно разнообразно»* (Там же, л. 81).

Знакомясь с опубликованными трудами ученого, мы немало можем почерпнуть о его теоретических взглядах. Н.И. Платонова не усматривает непосредственного влияния марксистской теории в построениях Городцова⁵ и считает, что поиск гене-

ральных законов развития культуры в его творчестве связан с другим источником – классическим позитивизмом (Платонова, 2010, с. 205). В то же время из опубликованных работ ученого мы мало что можем узнать о нем как философе. Однако знакомство с подготовительными материалами и личными дневниками его рукописного архива свидетельствует о глубинном интересе Городцова к философским проблемам бытия и сознания, сформировавшемся именно в 20–30-е годы прошлого столетия. Свои философские заметки Василий Алексеевич не предназначал для обнародования. В «Скрытой энергии археологических памятников» приоткрывается лишь малая толика его философских взглядов. Не исключено, что идеи Городцова об археологических памятниках как кинетической силе, присущей всей мировой материи, возможно, частично почерпнуты из нового миропонимания В.И. Вернадского, сложившегося в годы Первой мировой войны и воплотившегося в учении о ноосфере.

Сохранились записи, в которых Городцов с восторгом делится впечатлениями от лекций и идей великого российского естествоиспытателя и философа. Они, безусловно, стимулировали обращение Василия Алексеевича к философским проблемам. В 1926 г., познакомившись с книгой В.И. Вернадского «Биосфера» (Т. 1–2. Л., 1926), Городцов оставляет запись: *«очень интересная книга», особенно понятие «жизнь» и «живое вещество»* (Ф. 431. Ед. хр. 143. Л. 12 об., 13). В записной книжке под названием «Мироздание» сообщается о заседании Московского Общества испытателей природы (16.10.1929)

⁵ В личных дневниках и подготовительных материалах есть немало свидетельств обращения В.А. Городцова в 1920–1930-е годы к марксистской социологии, в том числе к трудам Маркса и Энгельса.

и его первой личной встрече с Вернадским, который сделал сообщение на тему «Изучение явлений жизни и новая физика». *«Прослушав сообщение Вернадского, – отмечает Василий Алексеевич, – я могу сказать, что слышал выражение лучшего миропонимания, слышал его в первый раз из уст русского ученого. Мне хотелось бы запомнить все его мысли и жить ими, но, к сожалению, это для меня недоступно, так как запомнить и усвоить всё с одного прослушания я не в силах. Наблюдая за мировоззрениями московских знакомых мне ученых, я приходил к выводу, что у них научного мировоззрения нет, так слабы были их идеи и взгляды; я уже склонялся к мысли, что научное мировоззрение необходимо вообще для русских мыслителей и теперь убедился, что В.И. Вернадский составил прекрасное исключение. Он овладел хорошим ключом к миропониманию и имеет силу и знание открывать им тайны мироздания. Что же это за ключ? Ключ этот состоит из знания физики, химии, механики, биологии и др[угих] дисциплин единой науки. Владеющий этим ключом не делит научные дисциплины на нужные и не нужные, на важные и не важные, а смотрит на них одинаково, как на явления нужные и важные: все для человеческого знания важно и нужно»* (Там же, л. 72, 72 об.).

Возвращаясь к публикуемому докладу, необходимо отметить, что он вызвал неподдельный интерес у членов музейно-библиотечной секции ГУС (Н.И. Новосадский, Н.М. Каринский, А.С. Башкиров, М.П. Малишевский). В протоколе № 13 отмечено: *«В процессе обмена мнений присутствующие пополняют доклад приме-*

рами непосредственного использования знаний, добытых археологией, и примерами непревзойденного совершенства в выработке материалов (тонкость античной глины, древнерусская и византийская краска, месопотамская полива, античный лак, фрески, арабская и римская заливка кирпичей в постройках, особая смола для сохранения свайных построек, кустарное дело, плотины, выпрямление колоколни в Архангельске на основании изучения постройки египетских пирамид, оживление Мерва на основе изучения древних храмов и пр.)» (Там же, л. 58).

Необходимо отметить, что в докладе вне рассмотрения В.А. Городцова осталась такая важная сторона воспитательной ценности археологии, как ее влияние на художественную литературу и отражение в художественной литературе самой археологии. Пожалуй, наиболее полный и обстоятельный обзор по данной теме принадлежит в нашей историографии М.Г. Худякову (1935, с. 100–118). Несмотря на политизированность выводов (а Михаил Георгиевич, как известно, был активным проводником советской археологии на марксистские «рельсы»), его сводка в фактологической части остается интереснейшим источником, существенно дополняющим доклад Городцова. *«Влияние археологии на художественную литературу, – как указывал Худяков, – проявилось в двойственной форме: с одной стороны, результаты археологических открытий дали ряд новых тем для исторических романов, помогли с большей точностью реконструировать картины древней жизни, а также подсказали сюжет и форму для ряда лирических произведе-*

ний; с другой стороны, художественная литература в некоторой степени отразила также самую археологию – деятельность, идеологию и типы самих археологов, и эта сторона литературных произведений представляет для археологов специальный интерес» (Там же, с. 100).

Требует комментария один важный нравственный аспект в рассуждениях В.А. Городцова. Отмечая цивилизованность народов и государств Европы и Северной Америки, которые вкладывают огромные деньги в изучение археологических памятников как в своих странах, так и в Греции, Турции, Египте, Персии, Китае, Латинской Америке, он совершенно обошел стороной вопрос о том, какой урон нанес вывоз древних памятников археологическому наследию колониальных стран. Как сравнить, взвесить на одной чаше весов великолепные европейские и американские музеи – Британский, Лувр, Пергамон-музей, Музей Америки, Метрополитен и другие собрания, а на другой – часто опустошенные города и храмы, разрытые холмы-телли, усыпальницы и кладбища в тех странах, откуда были вывезены их национальные сокровища. В годы, когда через Государственный музейный фонд началась распродажа художественных, археологических, этнографических сокровищ и коллекций за границу, выступать публично от организации, непосредственно причастной к политике разграбления национального культурного наследия, вероятно, было бы для Городцова, как чиновника Наркомпроса, непоследовательным, да и опасным шагом.

Завершая, отметим, что публикуемый доклад является отражением самого духа эпохи двадцатых годов с

его новаторскими идеями по реформированию культуры, образования и науки. Мы видим практические шаги В.А. Городцова и его коллег по ГУСУ по привлечению внимания власти и общества к проблеме о значении археологии в культурной и научной жизни страны. Доклад отражает также малоизвестные нам оригинальные философские взгляды ученого.

Приложение 1
Городцов В.А.

Скрытая энергия археологических памятников (01.04.1925) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1075. Л. 76–81об; машинопись)

Мой доклад об «Идеальных типах археологических музеев» вызвал со стороны членов Комиссии⁶ вопрос о той скрытой энергии, которая присуща археологическим памятникам и которая с большей выгодой может быть использована живыми поколениями человечества. Я охотно взялся ответить на вопрос, хотя очень опасаясь, что ответ мой не выразит в ясной форме всего материала, относящегося к делу.

Наблюдая в обыденной музейно-археологической практике за отношением широкой публики к археологическим памятникам⁷, легко заметить пробуждение необыкновенного интереса к ним. Перенося наблюдения на места, можно заметить, что с подъемом просвещения население начинает относиться с особым вниманием к

⁶ Речь идет о научной музейно-библиотечной комиссии Государственного ученого совета НКП РСФСР.

⁷ Следует напомнить, что В.А. Городцов к тому времени уже 22 года (с 1 ноября 1903 г.) состоял на службе в Российском Историческом музее.

археологическим памятникам своих районов. Отправившись в другие цивилизованные страны, легко замечаем, что и там происходит то же самое и даже больше, давая основание аксиоме, что чем цивилизованнее народ, тем более он занимается изучением и использованием археологических памятников. В процессе такого занятия, казалось бы, самые холодные, самые расчетливые государства, как Англия и С[еверо]-А[мериканские] Соединенные Штаты, затрачивают огромные капиталы на изучение, казалось бы, мертвых археологических памятников и не только своих стран, но и всех других, какие им позволяют производить археологические работы⁸.

Чем же вызвано такое внимание культурных людей к археологическим памятникам? Почему эти памятники производят столь сильное впечатление и на мудрецов и простецов цивилизованных обществ и государств?

Внимательное изучение явлений, связанных с археологическими памятниками, помогает ответить на поставленные вопросы, указывая, что сила археологических памятников заключается в скрытой в них колоссальной энергии, имеющей отношение к приобретению живущими поколениями: 1) материальных средств; 2) научных знаний; 3) правильного воспитания цивилизованного человека. Постараемся разобрать и обсудить все эти явления по порядку.

⁸ См. краткий обзор европейских и американских археологических исследований в Египте, Греции, Анатолии, на Ближнем Востоке, в Иране, Индии, Мезоамерике и Андах, северной, восточной и тропической Африке: (Авилова и др., 2005, с. 317–319).

Среди археологических памятников нередко встречаются [памятники], имеющие очень большую материальную ценность. Достаточно вспомнить, какой большой капитал найден в пещерной усыпальнице египетского фараона Тутанхамона⁹, или в колоссальном Перещепинском кладе¹⁰, чтобы составить понятие об огромной материальной стоимости только найденных археологических памятников. Но с уверенностью можно сказать, что не найденных археологических сокровищ существует в земле еще более. Тем не менее действительная материальная ценность археологических памятников лежит вовсе не в их рыночной стоимости, потому что продажа килограмма золотых и серебряных археологических памятников за килограмм рыночного золота и серебра никогда не будет равноценною. Цивилизованные государства обыкновенно не допускают мысли о такой продаже, считая правильное и всестороннее использование археологических памятников гораздо дороже как рыночной

⁹ В 1922 г. Говард Картер открыл гробницу Тутанхамона – единственную из усыпальниц фараонов, почти не тронутую грабителями; ее находки стали жемчужиной собрания Египетского музея в Каире (Картер, 1959).

¹⁰ Перещепинский клад найден в 1912 г. близ с. Малая Перещепина Полтавской губернии. В его состав входят: парадная золотая и серебряная посуда сасанидского и византийского производства, принадлежности конского убора, железная сабля с золотыми ножнами, золотая гривна, браслеты, пряжки, перстни, поясной набор, стеклянные сосуды и византийские монеты от времени императора Маврикия (582–602) до императора Константа II (641–668). Общая масса золотых вещей клада около 25 кг, серебряных около 50 кг; см.: (Бобринский, 1914).

их стоимости, так и весьма крупных расходов на вечное хранение их.

Цивилизованное государство как мудрый коллектив, проникая глубоко в сущность археологических памятников, ставит их наряду с лучшими сокровищами своего бытия. Оно бережет эти сокровища для своих граждан, для всех вообще и для каждого в частности. Почти каждый гражданин, достигая определенного развития, стремится использовать скрытую энергию в археологических памятниках, и чем пользуется этой энергией умнее, тем более он извлекает из нее материальной пользы [как] для себя, так [и] для других граждан и всего человечества.

Самым ярким и убедительным примером этого является в настоящее время кинематографическое использование археологических памятников. Известно, что недавно открытый кинематограф завоевывает все большее и большее внимание всего человечества. Бесспорно, лучшими и самыми доходными представлениями являются воспроизведенные сцены древней жизни, восстановленные на данных археологических исследований и внимательного изучения открытых археологических памятников. В последние годы в числе кинематографических представлений мы видим такие шедевры, как «Нетерпимость»¹¹, «Жена

фараона»¹², «Куртизанка на троне»¹³, «Мессалина»¹⁴, поставленные исключительно на археологическом материале¹⁵. На днях я получил от своего очень способного и энергичного ученика-археолога письмо¹⁶, в котором он пишет, что озабочен постановкой

¹² Фильм «Жена фараона» (1922) немецкого режиссера Эрнста Любича о войне и придворных интригах в Древнем Египте. В нем использовано много массовых сцен: дворец фараона, древнеегипетский город, военные действия, гробницы и др.

¹³ Трудно сказать, какой фильм имел в виду В.А. Городцов. Под таким названием известен только первый русский объемный, анимационный, короткометражный фильм «Прекрасная Люканида» (1911) режиссера Ладислава Старкевича. После революции его показывали под названием «Куртизанка на троне». В фильме использованы куклы из различных материалов и чучела настоящих насекомых.

¹⁴ Фильм «Мессалина» (1923) итальянского режиссера Энрико Гуаццони посвящен жене римского императора Клавдия, влиятельной и властолюбивой римлянке, известной своим распутным поведением.

¹⁵ В дополнение к указанным фильмам М.Г. Худяков указывает «на существование английского фильма, основанного на раскопках гробницы Тутанхамона, а также кинофильмов «Тайна египетской ночи» Эллен Рихтер и «Женщина с миллиардами» Джоэ Май, в которых показаны раскопки в Китае и в Африке» (Худяков, 1935, с. 103). Кроме того, им отмечено, что изучение, к примеру, археологии Древней Руси внесло ряд оригинальных идей в сценическое искусство (оперы «Аскольдова могила», «Рогнеда», «Млада», «Снегурочка», балет «Весна священная», «причем иногда вокруг театральной постановки этих пьес завязывалась полемика археологического характера – о древнерусских идолах, одеждах, архитектуре и т.п. (В.В. Стасов)» (Там же, с. 110).

¹⁶ Речь идет о Николае Константиновиче Ауэрбахе (1892–1930); см. о нем: (Громов, 1931).

¹¹ Фильм «Нетерпимость» (1916) американского режиссера Дэвида Уорка Гриффита является одним из этапных в развитии киноискусства. Действие в нем происходит параллельно в Древнем Вавилоне, Иудее, средневековой Франции и современной Америке. В фильме использован огромный исторический и мифологический материал.

кинематографической ленты с представлением жизни обитателя палеолитической стоянки Афонтовой горы, в Красноярске¹⁷.

Теперь зададимся вопросом, какие громадные материальные средства требуются для постановки хотя бы одной хорошей кинематограммы.

Специалист-археолог дает тему. Художник-поэт разрабатывает сцены. Сотни актеров, тысячи статистов, тысячи животных разыгрывают роли. Множество художников, архитекторов, мастеров разных наименований оборудуют декорации, создавая, под руководством лучших ученых специалистов, соответствующие пейзажи, архитектурные сооружения, домашнюю обстановку, одежду, украшения, воспроизводя эпизоды мирной и военной жизни, выводя перед зрителем сотни боевых коней и колесниц, тысячи воинов, стенобитные машины и проч., и проч.

И все это оплачивается щедро золотом. Но это золото не пропадает мертвым капиталом. Нет. Сотня представлений окупает огромные расходы на постановку кинематограммы; другая сотня представлений дает огромный

¹⁷ В письме от 12.11.1924 Н.К. Ауэрбах написал В.А. Городцову: «Сейчас руковожу работой по конструированию археологической пьесы с фантастическим сюжетом, в котором современность перемежается с далеким прошлым. К началу 1925 г. мечтаем пьесу закончить и м[ожет] б[ыть] она увидит свет не только на подмостках Красноярского театра» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 376. Л. 25 об.). В другом письме от 05.03.1925 г. Н.К. Ауэрбах написал В.А. Городцову: «Возможно, что мне посчастливится провести кинопостановку на археологическую тему. Сценарий я обдумал, только до конца не дописал. На днях кончу и с ним поеду в Н. Николаевск» (там же, л. 42 об.).

барыш в грубом рыночном смысле. Мне сообщали, что кинематограмма «Нетерпимость», где лучшие картины были взяты из древней жизни Рима и Вавилона, окупилась вполне в пределах своего государства. Но она обошла все государства цивилизованного мира. Спрашивается, какой же огромный доход дало это, в основе археологическое предприятие, его авторам и государству.

В некультурных странах часто можно слышать, что основой человеческой жизни служит труд, извлекающий энергию из окружающей природы, напр[имер], путем земледелия, скотоводства, охоты, рыболовства и т.п. Это не совсем так. В 1921 году в России труд земледельца, скотовода и зверолова был приведен стихией к нулю¹⁸. Миллионы людей черного труда не могли прокормить самих себя. Между тем, как раз в это время совершала свой триумфальный ход по цивилизованным странам кинематограмма «Нетерпимость», которая одна могла бы тогда прокормить целый уезд на стоимость, извлеченную из археологического материала. И люди целого уезда не умирали бы с голода и не поедали друг друга.

Мне кажется, уже этого примера достаточно, что бы понять и оценить археологические памятники даже с точки зрения их рыночной ценности. Но этим всё же далеко не исчерпывается вся та энергия, которая скры-

¹⁸ Вероятно, В.А. Городцов имеет в виду голод, охвативший миллионы граждан России на излете политики «военного коммунизма», когда засуха и неурожай наложились на продрозверстку и на разрушенные во время Гражданской войны нормальные экономические механизмы и отношения.

та в археологических памятниках и которая обещает дать еще более материальных ценностей по мере возрастания цивилизации в будущем. Цивилизованные государства это как будто бы интуитивно предвидели, когда приступили к сбору археологических раритетов, а теперь уже опытно и научно опознают громадную материальную пользу археологических памятников в будущем, не жалея средств на их приобретение, так как уже знают, что затраченное вернется государству десятирицею¹⁹ и сторицею. Причем вернувшееся не будет грубым доходом или перекалыванием средств из одного кармана в другой, а будет настоящей ценностью, ведущей человечество к достижению наибольшего и всеобщего блага, так как в такой ценности увеличатся не только материальные, но и интеллектуальные средства.

Переходим к оценке научного значения археологических памятников. Народная мудрость говорит: «Знание есть лучшее богатство». Но особенно для человека дорого то знание, которое связывается с изучением трудовой жизни вымерших поколений, насколько она выразилась в формах орудий производства, в воздействии на окружающую природу. В этом знании вскрываются целые ряды интереснейших и самых важных опытов, проделанных вымершими поколениями для достижения наибольшего блага своей жизни и жизни грядущих потомков.

Человечество испытало три способа изучения трудовой жизни предков: 1) первобытный, 2) исторический и 3) археологический. Первобытный

способ состоял в воспоминании и передаче устных преданий и заветов, фиксируемых иногда в поэтических формах песен, былин, пословиц и др. Этот способ очень несовершенный и, тем не менее, человечество в нем находило много поучительного, а поэтому относилось и относится к нему с большим вниманием и бережением.

Исторический способ заключается в фиксировании событий на более или менее прочных материалах разного рода условными знаками и письменными, а затем в сводке записанных событий современниками в сборники, указывающие, где и когда то или другое событие происходило. Этот способ гораздо совершеннее предшествующего, но он имеет также свои недостатки, а именно: 1) очень позднее появление, 2) субъективность освящения событий и 3) неверность записей; благодаря этим и другим недостаткам и выводы получаются не совсем верные и недостаточно поучительные.

Наконец, археологический способ выражается в изучении вещественных памятников, оставляемых каждым поколением, причем [в них] легко и почти безошибочно прослеживается полная эволюция развития орудий производства, способов эксплуатации окружающей природы (охота, рыболовство, культивирование полезных растений и приручение животных) и опытов в применении человеческих сил к использованию сил природы. Археология как специальная наука, изучающая все творения вымерших поколений, делит вещественные памятники на простые и коллективные²⁰. Каждый простой

¹⁹ Десятирицею, т.е. удесятерить, увеличить в десять раз.

²⁰ Подробно вопрос о делении археологических памятников на простые и кол-

памятник археология стремится рассматривать как отдельный иероглиф, а каждый коллективный памятник как повесть, написанную натуральными иероглифами. Если произвести строго научное сравнение натуральных иероглифов с искусственными и изложенные теми и другими повести, то легко убедиться в превосходстве натуральных иероглифов над искусственными и повестей, изложенных натуральными иероглифами, над повестями, изложенными искусственными иероглифами. Превосходство натурального иероглифа состоит в том, что он являет самую природу, а не условный более или менее искаженный ее знак, во-вторых, в том, что он хранит в себе богатый комплекс идей, связанных с назначением, формой и техникой создания и пользования [ими] в трудовой жизни. Легко понять, какую богатую идейную ценность вносит каждый натуральный иероглиф в содержание повестей коллективных памятников. Эти повести, насыщенные богатством идейного содержания, отличаются от повестей, записанных отдельными авторами, тем, что они в высшей степени объективны, а, следовательно, в высшей степени историчны, так как объективная повесть о прошлом и есть настоящая история. Этим и объясняется тот глубочайший интерес, с которым все мыслящие люди относятся к созерцанию или, все равно, чтению вскрытых археологических коллективных памятников (городов, погребений и др.).

Предания, былины, пословицы и другие словесные творения челове-

ской мудрости недолговечны, поэтому они не дают возможности освещать всю жизнь вымерших поколений. Точно также и письменные исторические документы явились очень поздно [и] не могут освещать жизнь более отдаленных времен. Только археологические памятники имеют способность повествовать нам о жизни всех вымерших поколений начиная с древнейших времен индустриальной жизни человечества, когда человек волею судеб выделился из царства животных в особое царство человека. А это одно уже ставит археологические памятники на особое почетное место. Этим объясняется и то, что археология как наука о творениях вымерших поколений дает такой исключительно быстрый рост в цивилизованных странах, увлекая в свою сферу даровитейших научных исследователей.

Открытие радия является великим открытием, но и открытие скрытой кинетической энергии в археологических памятниках является ничуть не меньшим открытием. Ведь недаром XX век назван веком археологии. В настоящее время почти нет научной дисциплины, которая не обращалась бы за справками к археологии, хотя она является одной из самых молодых дисциплин. К ней обращаются астрономия, биология, география, метеорология, зоология, ботаника, металлургия, антропология, этнография и другие науки. Астрономы пользуются археологическими памятниками на засвидетельствованные древним человеком разные астрономические явления; геологи проверяют возраст четвертичных почвенных напластований с залеганием в них археологических памятников, более точно определяющих время; географы наводят

лективные рассмотрен В.А. Городцовым в первой – теоретической – части 1 тома «Археологии» (1923, с. 30–52).

справки о древнейших обитателях тех или других областей; метеорология ищет указаний на состояние метеорологических явлений в те или другие археологические эпохи; зоология и ботаника справляются о приручении животных, культивировании растений и пользовании в разные времена человеком теми или другими видами диких животных и растений; металлургия черпает сведения о времени и технических приемах использования человеком металлов, драгоценных камней и др[угих] минералов; антропология ищет материалы, относящиеся к истории развития видов homo, к истории их отношений друг к другу и к ближайшим видам животного царства; этнография черпает сведения о древности корней разных этнографических явлений. Наконец, целый ряд технических наук обращаются за деловыми справками к археологии, таковы например <...> и текстильное мастерство и др.

На этих днях поступило в Р[оссийский] И[сторический] музей в высшей степени интересное заявление от инженера-агронома В.А. Лиговского²¹ с просьбой разрешить ему исследовать древнейшие типы ручных ударных орудий труда в отношении степени их механического совершенства и действительности в работе, с попутной целью выяснения силы интуитивной способности [и] опытности древних людей, проявленных в сооружении разных орудий, обеспечивающих их благосостояние и двигавших развитие культур вперед.

²¹ В рукописном фонде В.А. Городцова нет данных об инженере-агрономе В.А. Лиговском. Возможно, заявление поступило в администрацию музея.

Нередко встречаются цитаты из археологических работ, которые, казалось бы, никакого отношения к археологии не имеют, например, в медицине в вопросах истории развития искусства трепанации, вставления искусственных зубов²² и др.

Все это в совокупности показывает, какую большую роль играют археологические материалы в науке вообще, но особенно велика роль их в истории. История, до появления археологии как науки, казалось, нашла свои незыблемые основы в письменных документах, но с выступлением на сцену археологии ей пришлось за короткое время несколько раз перестроиться, вводя поправки согласно новым археологическим открытиям.

Таким образом, становится необходимым допустить, что в археологических памятниках скрыта кинетическая энергия, способствующая развитию научного знания человеческих производственных трудов в прошлом. Эта энергия была замечена К. Марксом, сказавшим в «Капитале» (т. I. гл. V. § 1), что «такую же важность, какую имеют остатки древних костей для изучения исчезнувших видов животных, имеют и остатки средств труда для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций». Действительно, археологические памятники дают полную возможность изучить возникновение древних общественных форм производственных отношений, опре-

²² Исследования по этим направлениям палеоантропологии велись в России еще в 1910-е годы (Хомяков, 1910, с. 60–69). В 1920–1930-е годы вышли работы С.С. Данилова, Е.В. Жирова, Л.П. Николаева, Д.Г. Рохлина (Советская, 1965, с. 88–91). В.А. Городцов, судя по всему, был в курсе данных исследований.

деляемых производственными силами, в виде производительной энергии природы, энергии трудящихся и энергии, сообщенной трудящимся орудиями производства. Кажется, ни одна наука не может дать столько примеров для исторического материализма, как археология, занимающаяся изучением и использованием энергии, скрытой в археологических памятниках.

Что касается влияния археологических памятников на правильное воспитание живущего поколения, то оно также представляется весьма значительным. Уже одно соприкосновение к орудиям и продуктам труда предков должно оказывать благотворное влияние на соприкасающихся к ним. Соприкасается ли современный человек с каменными орудиями, он видит, какие огромные терпение и труд требовались от предков для борьбы за существование и невольно проникается идеей трудовой жизни. Соприкасается ли такой человек с первыми металлическими орудиями, он видит, какой прогресс совершили трудящиеся древние предки, чтобы перевоплотить каменные орудия производства в несравненно более совершенные металлические орудия и проникается мыслью, что разумные «терпение и труд все перетрут», а это заряжает благотворной уверенностью в успехе и нашего обыденного труда.

Наблюдения показывают, что широкая публика особенно любовно посещает в археологических музеях отделы самых древних памятников. Очевидно, примитивнейшие орудия производят на зрителей наиболее сильное впечатление. Но еще более сильное впечатление производят древнейшие археологические памятники на местах раскопок. Мне лично

пришлось наблюдать изумление наших простолюдинов и интеллигентов при виде большой площади вскрытой палеолитической Гонцовской стоянки, загруженной массой мамонтовых костей, оставленных палеолитическим человеком²³. Мужчины, женщины и дети одинаково стихали при созерцании скоплений гигантских костей и оставались надолго в молчаливом созерцании... Трудно оценить такие переживания, но, несомненно, они имеют сильное воспитательное значение. По крайней мере, об этом свидетельствуют те случаи, когда зрители выражают свои впечатления на бумаге.

Особенно сильно влияние археологических памятников древней жизни на детей школьного возраста. В Российском Историческом музее существует отдел руководителей экскурсий²⁴, где внимательно следят за выявлением воспитательного значения археологических памятников, хранящихся в музее. Собранные отделом материалы свидетельствуют о весьма сильных и хороших впечатлениях, выносимых детьми из обзора археологических памятников. Дети с увлечением воспроизводят увиденное в рисунках и передают пережитые впечатления в своих описаниях, всюду подчеркивая большой интерес выполненного изучения.

Еще более сильные впечатления выносят более взрослые молодые

²³ В.А. Городцов мог убедиться в этом при раскопках Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. (1926, с. 5–35).

²⁴ В 1918 г. в Риме для организации экскурсий по экспозиции был создан Отдел показательной части, который в 1922 г. переименовали в Отдел популяризации музейных собраний.

люди. У меня имеется сборник стихотворений и прозаических произведений, в которых студенты-археологи выражают свои переживания во время археологических раскопок, при созерцании археологических памятников на местах, где они сливаются в прелестные аккорды целых повестей и поэм и настраивают впечатлительных зрителей на самые серьезные и поэтические размышления²⁵. В этом случае ясно выявляется та скрытая энергия в археологических памятниках, которая, как живая кинетическая сила, действует на душу зрителя и заражает ее здоровыми идеями, может быть, даже в большей степени, чем хотел сообщить этим памятникам их первобытный творец.

В заключение считаю необходимым сказать, что сам термин «энер-

гия», который в отношении к археологическим памятникам употреблен мною первым, понимается как именно кинетическая сила, присущая всей мировой материи вообще, но проявляющаяся в разных формах мироздания чрезвычайно разнообразно. Нами рассмотрено проявление этой силы в археологических памятниках, как они отражаются в накоплении материальной, научной и воспитательной ценности, но это вовсе не значит, что скрытая в них огромная энергия действует только в указанных направлениях. Возможны ее действия и в других направлениях, которые в настоящее время нельзя даже предвидеть, как нельзя было предвидеть еще недавно и тех направлений, которые нами выяснены.

7.03.1925 г. В.А. Городцов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авилова Л.И., Гавритухин И.О., Канторович А.Р., Кузьминых С.В.* Археология // БРЭ. – 2005. – Т. 2. – С. 315–322.
2. *Бобринский А.А.* Перещепинский клад // МАР. – 1914. – № 34. – С. 111–120 + 16 табл.
3. *Городцов В.А.* Археология. – Т. I. – М.; Пг., 1923. – 397 с.
4. *Городцов В.А.* Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // ТСА РАНИОН. – 1926. – Т. I. – С. 5–35.
5. *Громов В.И.* Николай Константинович Ауэрбах (1928–1930) // Сообщения ГАИМК. – 1931. – № 2. – С. 31–32.
6. *Картер Г.* Гробница Тутанхамона. – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – 267 с.
7. *Кузьминых С.В., Белозерова И.В.* В.А. Городцов об идеальном типе археологических музеев и единой системе экспозиции археологических памятников // Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой. – М., 2012. – С. 22–34.
8. *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 316 с.
9. Советская археологическая литература: Библиография (1918–1940). – М.; Л., 1965. – 376 с.
10. *Хомяков М.М.* Деформированные черепа Казанской коллекции // ИОАИЭ. – 1910. – Т. 26, вып. 2. – С. 60–69.

²⁵ Сборник стихов учеников В.А. Городцова в его фонде не обнаружен.

11. Худяков М.Г. Археологи в художественной литературе // ПИДО. - 1935. – № 5–6. – С. 100–118.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, чл.-корр. Германского археологического института (г. Москва, Российская Федерация), kuzminykhsv@yandex.ru

Белозёрова Ирина Валентиновна, старший научный сотрудник, Государственный исторический музей (г. Москва, Российская Федерация); irina.belozero@yandex.ru

SELECTED PAGES FROM V.A. GORODTSOV'S REPORT ON "HIDDEN ENERGY OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS"

S.V. Kuz'minykh, I.V. Belozerova

A part of V.A. Gorodtsov's archival heritage, containing materials devoted to his activity in the Archaeology sub-department of RSFSR People's Commissariat for Education and in the Archaeological Committee with the Scientific Museum and library section of the State Academic Council, are considered in the article. The documents amply reflect the scientist's attempts to conduct reforms within the museum and scientific institutions of new Russia. The published report on "Hidden energy of archaeological sites" is one of these documents. It reflects the spirit of the 1920s with its innovative ideas of reforming the culture, education and science. It vividly demonstrates the practical steps made by V.A. Gorodtsov and his colleagues at the State Academic Council to attract the attention of government and society to the problem of archeology significance in cultural and scientific life of the country. In addition, the report reflects little known original philosophical views of one of national archeology founders. The full original text of the report is published in the Appendix.

Keywords: archaeology, history, V.A. Gorodtsov, the 1920s, RSFSR People's Commissariat for Education, State Academic Council, culture, science reforming, role of archaeology in society.

REFERENCES

1. Avilova, L. I., Gavritukhin, I. O., Kantorovich, A. R., Kuz'minykh, S. V. 2005. In *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia)* 2, 315–322 (in Russian).
2. Bobrinskii, A. A. 1914. In *Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia)* 34, 111–120 + 16 tabl (in Russian).
3. Gorodtsov, V. A. 1923. *Arkheologiia (Archaeology)*. Vol. I. Moscow; Petrograd (in Russian).
4. Gorodtsov, V. A. 1926. In *Trudy sekti arkheologii RANION (Proceedings of the Department for Archaeology of the Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences)* I, 5–35 (in Russian).
5. Gromov, V. I. 1931. In *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* (2), 31–32 (in Russian).
6. Carter, H. 1959. *Grobnitsa Tutankhamona (Tutankhamun's Tomb)*. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).
7. Kuz'minykh, S. V., Belozerova, I. V. 2012. In *Obrazy vremeni: Iz istorii drevnego iskusstva (Images of Time: From the History of the Ancient Art)*. Proceedings of the State Historical Museum 189. Moscow, 22–34 (in Russian).

8. Platonova, N. I. 2010. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX — pervaiia tret' XX veka (History of Archaeological Thought in Russia. Second Half of the 19th — First Third of 20th Century)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

9. *Sovetskaia arkheologicheskaia literatura: Bibliografiia (1918–1940) (Soviet Archaeological Literature. Bibliography: 1918–1940)*. 1965. Moscow; Leningrad (in Russian).

10. Khomiakov, M. M. 1910. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* 26 (2), 60–69 (in Russian).

11. Khudiakov, M. G. 1935. In *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (Problems of History of Precapitalist Societies)* 5–6, 100–118 (in Russian).

About the Authors:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Belozerova Irina V. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; irina.belozero@yandex.ru

УДК 904

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ОКРУГИ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА

© 2015 г. Л.Ф. Недашковский

В статье анализируется погребальная обрядность грунтовых могильников золотоордынского времени округа Царевского городища. Рассмотрены материалы 256 погребений. Их характерные особенности позволяют выделить 8 основных типов с вариантами. 51 погребение (19,9%) в мавзолеях и склепах можно отнести к захоронениям золотоордынской аристократии. 56 погребений (21,9% от общего количества) являются захоронениями некрополя древнерусского поселка Водянского городища. Наиболее распространены западная, юго-западная и северо-западная ориентировки погребенных (вместе они составляют 94,9% всех захоронений). Сопоставляя аристократические (в мавзолеях и склепах) грунтовые захоронения разных могильников Нижнего Поволжья, можно заключить, что их процент был значительно выше в округе Царевского городища, чем в других регионах. Это позволяет предполагать здесь наибольшую плотность проживания оседлой элиты Золотой Орды. В округе Царевского городища отмечены наименьшая на Нижней Волге доля мусульманских погребений в гробах (44,9%) и наибольшая доля таких захоронений с инвентарем (13,6%). Грунтовые могильники округа Царевского городища располагались недалеко от поселений, что наглядно свидетельствует о связи могильников оседлого населения Золотой Орды с городскими и сельскими памятниками рассматриваемого периода.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Золотая Орда, Царевское городище, погребальный обряд, грунтовые могильники..

Проанализируем суммарно данные о 256 захоронениях с известной ориентировкой из грунтовых могильников Царевского городища и его округа. В основу типологического описания захоронений положена ориентировка, внутри типов выделены варианты: в зависимости от наличия погребального инвентаря, гроба (подстилки и перекрытия), кирпичного склепа, кирпичного надгробия на поверхности, мавзолея, от конструкции могильной ямы (выделялись подбой и заплечики; в остальных случаях захоронения совершены в простых ямах). Были учтены все сочетания указан-

ных признаков. Если имеются данные о положении черепа и конечностей, это оговаривается внутри вариантов. Варианты захоронений пронумерованы в соответствии с типологией, предложенной нами ранее для округа Увекского городища (Недашковский, 2000, с. 138–141), с добавлением ряда новых вариантов с дополнительными литерами.

Здесь характеризуются лишь бескурганые захоронения. Зафиксированная глубина могильных ям колебалась от 3 до 170 см.

Тип 1 (201 погр.). Головой на запад. В 67 случаях захороненные были

ориентированы лицом на юг, в 16 случаях – на север, еще в 36 случаях череп лежал на затылке (для остальных погребений данных нет).

Вариант А (65 погр.). Без гробов и без инвентаря. В 17 случаях конечности были вытянуты; в семи случаях кисти рук располагались на груди, в двух – на животе; в десяти – на тазовых костях, в двух – справа от костяка; в одном – на правом плече; в одном случае кисть левой руки располагалась на тазу, а правой – на груди; в одном случае кисть левой руки находилась на животе, а кисть правой – на тазовых костях; в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась на животе; в четырех случаях левая рука была вытянута, а кисть правой находилась на тазу; в одном случае кисть правой руки располагалась на тазовых костях, а кисть левой – у левого плеча; еще в четырех случаях правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась на тазовых костях.

Вариант Б (8 погр.). Без гробов с инвентарем. В двух случаях конечности были вытянуты; в одном случае кисти рук располагались на животе; в одном случае – на тазовых костях; в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на тазовых костях; в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на груди; в одном случае кисть правой руки лежала на груди, а кисть левой – справа от костяка.

Вариант В (20 погр.). В гробах (в восьми случаях – перекрытие) без инвентаря. В шести случаях конечности погребенных были вытянуты; в трех случаях кисти рук располагались на тазовых костях; в одном случае кисти рук находились на груди, в двух –

на животе; в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась на тазу; в одном случае кисть правой руки располагалась на животе, а кисть левой – на тазовых костях; в одном случае кисть правой руки находилась на животе, а кисть левой – на груди; в одном случае кисть правой руки располагалась на тазу, а левая рука была вытянута; в одном случае кисть правой руки находилась на правом плече, а кисть левой – на животе; еще в одном случае кисть правой руки на груди, а левой – на животе.

Вариант Г (3 погр.). В гробах (в одном случае – подстилка), с инвентарем. В одном случае кисти рук располагались на груди; в одном случае – на тазовых костях; в одном случае кисть правой руки находилась на груди, а кисть левой – на тазовых костях.

Вариант Д (2 погр.). В подбое (в одном случае – с перекрытием) без инвентаря. В двух случаях кисти рук располагались на тазовых костях.

Вариант Е (7 погр.). В ямах с уступами вдоль длинных сторон, без гробов и без инвентаря. В одном случае кисти рук располагались справа от костяка, в другом – на груди, в третьем – правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на животе, в четвертом кисть правой руки располагалась на груди, а кисть левой – на тазовых костях.

Вариант Ж (13 погр.). В ямах с уступами вдоль длинных сторон, в гробах (в восьми случаях – перекрытие, в одном – подстилка и перекрытие), без инвентаря. В трех случаях кисти рук находились на тазовых костях; в одном случае – на животе; в одном случае – на груди; в одном случае – справа от костяка; в одном случае правая рука была вытянута, а

кисть левой располагалась на животе; в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на тазовых костях; в одном случае кисть левой руки располагалась на левом плече, а кисть правой – на животе; в одном случае кисть левой руки лежала на груди, а кисть правой – на правом плече; в одном случае кисть левой руки располагалась на животе, а кисть правой – на груди.

Вариант И (6 погр.). В ямах с кирпичными (в двух случаях – с каменными) надгробиями, без гробов и без инвентаря. В одном случае конечности были вытянуты, в другом – кисти рук находились в области ключиц.

Вариант И в (7 погр.). В ямах с кирпичными надгробиями, в гробах (в трех случаях – перекрытие, еще в одном – подстилка и перекрытие), без инвентаря. В двух случаях левая рука была вытянута вдоль туловища, а кисть правой располагалась на тазовых костях; еще в двух случаях конечности были вытянуты; в одном случае кисти рук располагались на тазовых костях; в одном случае правая рука была вытянута, кисть левой находилась в области живота; в одном случае кисть правой руки находилась на тазовых костях, а кисть левой руки – у правого локтя.

Вариант И г (3 погр.). В ямах с кирпичными надгробиями, в гробах (в двух случаях – перекрытие) с инвентарем. Вдоль длинных стенок могильной ямы одного погребения имелись кирпичные выкладки в один ряд. В двух случаях конечности были вытянуты, в одном случае кисти рук располагались на груди.

Вариант И д (2 погр.). В ямах с подбоями в южных стенках, с кирпичными надгробиями, без гробов и без

инвентаря. Конечности погребенных вытянуты.

Вариант К (2 погр.). В ямах с уступами вдоль одной из сторон, с кирпичными надгробиями, в гробах (в одном случае – с перекрытием), без инвентаря. В одном случае конечности были вытянуты, в другом – кисти рук располагались на тазовых костях.

Вариант Ка (21 погр.). В ямах с уступами вдоль длинных стен, с кирпичными (в одном случае – с каменным) надгробиями, в гробах (в 14 случаях – с перекрытиями) без инвентаря. В одном из погребений на заплечиках располагались обкладки из камней. Кисти рук погребенных в четырех случаях располагались на тазовых костях, в одном случае кисти рук лежали справа от костяка, в двух случаях – на груди, в двух случаях – в области живота, в двух случаях правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась на тазовых костях, в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на животе, в одном случае кисть правой руки лежала на животе, а кисть левой – на тазовых костях, еще в четырех случаях конечности были вытянуты.

Вариант Л (1 погр.). В яме с уступами вдоль длинных стен, с кирпичным надгробием, в гробу, с инвентарем; кисть левой руки располагалась на животе, а кисть правой – на груди.

Вариант Л а (2 погр.). В склепах без кирпичных вымоستков на поверхности, без гробов и без инвентаря. В одном случае кисти рук располагались на животе, в другом случае правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на тазовых костях.

Вариант Л б (2 погр.). В склепах без кирпичных вымоستков на поверхности, без гробов с инвентарем. В

одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой находилась на тазовых костях, в другом случае правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась на животе.

Вариант Л в (2 погр.). В склепах без кирпичных вымоستок на поверхности, в гробах (в одном случае – с деревянным перекрытием) без инвентаря. Кисти рук в одном случае располагались на тазовых костях, в другом – правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась в области грудной клетки.

Вариант Н (7 погр.). В склепах с кирпичными (в двух случаях – с каменными) вымоستками на поверхности, без гробов и без инвентаря. В трех случаях кисти рук располагались в области таза; в одном случае – на животе; в одном случае конечности были вытянуты; в одном случае кисть правой руки лежала на тазовых костях, а кисть левой – на груди; в одном случае кисть правой руки находилась на животе, а кисть левой – на тазовых костях.

Вариант Н а (6 погр.). В склепах с кирпичными надгробиями на поверхности, в гробах (в одном случае – перекрытие) без инвентаря. В двух случаях руки были вытянуты вдоль туловища, в одном – кисти рук находились на тазовых костях, еще в одном правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась на тазовых костях.

Вариант П (2 погр.). В мавзолеях без склепов, в гробах (в одном случае – перекрытие) без инвентаря. В одном случае конечности погребенного были вытянуты, в другом левая рука была вытянута, а кисть правой – лежала на животе.

Вариант Р (1 погр.). В мавзолее без склепа, в гробу с инвентарем. Ки-

сти рук погребенного располагались на тазовых костях.

Вариант Р д (1 погр.). В мавзолее без склепа, в подбое в южной стенке ямы, в гробу без инвентаря. Конечности погребенного были вытянуты.

Вариант Р е (2 погр.). В мавзолее без склепов, в подбоях в южных стенках ям, в гробах с инвентарем. Конечности погребенных были вытянуты.

Вариант Р ж (2 погр.). В мавзолеях без склепов, в ямах со ступеньками вдоль длинных сторон, в гробах без инвентаря. В одном случае конечности погребенного были вытянуты.

Вариант Р з (1 погр.). В мавзолее без склепа, в яме со ступеньками вдоль длинных сторон, в гробу с инвентарем. Конечности погребенного были вытянуты.

Вариант Р к (1 погр.). В мавзолее без склепа, с кирпичным надгробием, со ступеньками вдоль длинных стенок ямы, в гробу, без инвентаря. Кисти рук располагались на тазовых костях.

Вариант С (1 погр.). В мавзолее, в склепе без кирпичной выкладки на поверхности, в гробу без инвентаря. Правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась на поясе.

Вариант Т (3 погр.). В мавзолее, в деревянных склепах без кирпичных выкладок на поверхности, в гробах с инвентарем. Кисти рук в одном случае располагались на тазовых костях, в другом случае кисть правой руки находилась на животе, а левая рука была вытянута.

Вариант Т а (3 погр.). В мавзолеях, в склепах с кирпичными вымостками на поверхности, без гробов и без инвентаря. В одном случае кисть левой руки располагалась на поясе, в другом случае кисти рук находились справа от костяка.

Вариант Г б (5 погр.). В мавзолеях, в склепах (в одном случае склеп был деревянным) с кирпичными вымостками на поверхности, в гробах без инвентаря. В одном случае конечности были вытянуты, в другом – кисти рук лежали на груди, в третьем – кисть правой руки находилась в районе таза, а кисть левой – на груди, в четвертом – левая рука была вытянута, а кисть правой руки находилась на тазовых костях, в пятом – кисть левой руки располагалась на животе, а кисть правой – у подбородка.

Тип 2 (32 погр.). Головой на юго-запад

Вариант А (20 погр.). Без гробов и без инвентаря. В трех случаях череп располагался лицевой частью к юго-востоку, в трех случаях – к северо-западу, в шести случаях – на затылке. Кисти рук в четырех случаях находились на груди; в четырех случаях – на тазовых костях; в двух – в области живота; в трех – справа от костяка; в одном – слева от костяка, в двух случаях кисть левой руки располагалась на груди, а кисть правой – на тазовых костях; в одном случае кисть левой руки лежала на животе, а кисть правой – на тазу; еще в одном случае кисть левой руки располагалась на животе, а кисть правой – на правом плече.

Вариант Б (4 погр.). Без гробов с инвентарем. В одном случае череп располагался лицевой частью к северо-западу; в одном случае – на затылке. В одном случае конечности погребенного были вытянуты; в одном случае кисти рук находились слева от костяка.

Вариант В (4 погр.). В гробах (в двух случаях – перекрытие) без инвентаря. В двух случаях череп располагался на затылке, в одном случае – лицевой частью к северо-западу. В одном

случае конечности погребенного были вытянуты; в другом случае кисти рук находились на груди; в третьем случае – в области живота; в четвертом – на тазовых костях.

Вариант Г (1 погр.). С перекрытием и с инвентарем.

Вариант И (1 погр.). В яме с кирпичным надгробием, без перекрытия и без инвентаря. Череп на правой щеке, кисти рук – на тазовых костях.

Вариант М (1 погр.). В кирпичном склепе, без кирпичной вымостки на поверхности, в гробу и с инвентарем.

Вариант Н в (1 погр.). В склепе с кирпичной вымосткой на поверхности, в подбое в юго-восточной стенке могильной ямы, без гроба и без инвентаря. Череп на затылке, руки вытянуты вдоль туловища.

Тип 3 (4 погр.). Головой на юг

Вариант А (3 погр.). Без гробов и без инвентаря. В двух случаях череп располагался на затылке; в одном случае – лицевой частью к востоку. В одном случае кисти рук находились на тазовых костях; в другом случае – на груди; в третьем случае кисть правой руки находилась на животе, а кисть левой – на груди.

Вариант В (1 погр.). С перекрытием без инвентаря. Череп располагался лицевой частью к востоку, кисти рук погребенного находились справа от костяка.

Тип 4 (1 погр.). Головой на юго-восток

Вариант Б (1 погр.). Без гроба с инвентарем. Череп располагался лицевой частью к юго-западу, конечности были вытянуты.

Тип 5 (2 погр.). Головой на восток

Вариант Б (1 погр.). Без гроба с инвентарем. Череп располагался на затылке

ке, левая рука была вытянута, а кисть правой находилась в области таза.

Вариант Н в (1 погр.). В склепе с кирпичной вымосткой на поверхности, в подбое в южной стенке могильной ямы, без гроба и без инвентаря. Конечности вытянуты.

Тип 6 (1 погр.). Головой на северо-восток

Вариант А (1 погр.). Без гроба и без инвентаря. Череп располагался на затылке, кисти рук находились на тазовых костях.

Тип 7 (5 погр.). Головой на север

Вариант А (4 погр.). Без гробов и без инвентаря. В двух случаях кисти рук погребенных располагались на груди.

Вариант Б (1 погр.). Без гроба с инвентарем. Череп располагался лицевой частью к западу.

Тип 8 (10 погр.). Головой на северо-запад

Вариант А (3 погр.). Без гробов и без инвентаря. Черепа погребенных располагались лицевой частью к юго-западу. В одном случае конечности были вытянуты; в другом случае кисти рук находились на груди; в третьем случае – в области живота.

Вариант О (2 погр.). В мавзолее без склепов, без гробов и без инвентаря. Конечности погребенных были вытянуты.

Вариант П а (2 погр.). В мавзолее без склепов, в гробах (в одном случае – подстилка) без инвентаря. Конечности погребенных были вытянуты.

Вариант Р (1 погр.). В мавзолее без склепа, в гробу, с инвентарем. Конечности погребенного были вытянуты.

Вариант Р з (2 погр.). В мавзолее без склепов, в ямах со ступеньками вдоль длинных сторон, в гробах с ин-

вентарем. Конечности погребенных были вытянуты.

В имеющейся выборке оказались все разновидности ориентировки погребенных: западная (78,5% всех погребений), юго-западная (12,5%), северо-западная (3,9%), северная (1,9%), южная (1,6%), восточная (0,8%), северо-восточная и юго-восточная (по 0,4%).

Примечательно, что в рассмотренном материале склепы зафиксированы над 34 погребениями, расположенными только на могильниках Водянского и Мечетного городищ. Двенадцать из этих погребений располагались в мавзолеях. Кирпичные или каменные надгробия (их 67) имелись как над погребениями в склепах (23), так и над обычными могильными ямами (44). Из погребений в склепах 31 имеет западную ориентировку, два – юго-западную и одно – восточную. Из захоронений, вскрытых в мавзолеях, 17 были совершены без склепов с западной (10) или северо-западной (7) ориентировкой. Перечисленное 51 погребение (19,9% от общего количества) в мавзолеях или в склепах мы можем отнести к захоронениям золотоордынской аристократии (см.: Яблонский, 1975, с. 79–80, 84).

На рассмотренных могильниках были наиболее распространены западная, юго-западная и северо-западная (которую можно рассматривать как отклонение от западной) ориентировки погребенных (вместе они составляют 94,9% всех захоронений), присущие основной части городского мусульманского населения Золотой Орды (Яблонский, 1975, с. 79, 81–83). Однако следует иметь в виду, что 56 из этих погребений (21,9% от общего количества) являются захоронениями

некрополя населения древнерусского поселка Водянского городища. В 109 из 243 погребений с такими ориентировками были зафиксированы гробы, инвентарь – лишь в 33 из них. Примечательно, что из захоронений этой группы в 75 (30,9%) случаях отмечается поворот лица погребенных к югу, в сторону Мекки. Положение рук захороненных в соответствии с нормами ислама – к вариантам такого положения отнесено нахождение кистей рук на животе и на тазовых костях, а также варианты, когда правая рука вытянута, а кисть левой располагается на тазу, животе, груди или справа от грудной клетки – наиболее распространенные в золотоордынских мусульманских захоронениях (Васильев, 2007, с. 125–127) – наблюдается в 92 погребениях (37,9% в рассматриваемой группе).

Захоронения без склепов с северной (5), южной (4), северо-восточной (1), восточной (1) и юго-восточной (1) ориентировкой вместе составляют 4,7% всех захоронений. Данные типы погребений свидетельствуют о неустоявшемся погребальном обряде.

Мужскими являются 50 захоронений, женскими – 55, детскими – 43, подростковыми – 7 (данные есть лишь для этих 155 комплексов).

Погребальный инвентарь на рассматриваемой территории был зафиксирован лишь в 36 захоронениях (14,1% от общего их числа).

Остатки шапочки-бокки были найдены в одном (0,4% от общего количества комплексов) погребении (тип 4 Б).

Золотые украшения также встречены в одном захоронении, совершенном в мавзолее с западной ориентировкой.

Парчовые и шелковые ткани присутствовали в семи погребениях (2,7%). Пять из этих захоронений были совершены с западной ориентировкой и два – с северо-западной; погребения имели надгробия или были совершены в мавзолеях.

Предметы вооружения и конского снаряжения найдены в трех захоронениях (1,2% от общего количества), причем в одном из них – только оружие.

Монеты обнаружены в 6 грунтовых погребениях (2,3%) – на могильниках Водянского и Царевского городищ; в двух случаях были найдены дирхемы, в четырех случаях – единичные пулы.

Три могильника располагались на месте некрополей предшествующих периодов: эпохи бронзы (Царев I–II), сарматского (Царев II) и хазарского (Водянский II) времени.

Сравнивая аристократические (в мавзолеях и склепах) грунтовые захоронения Нижней Волги, можно заключить, что их процент был значительно выше в округе Царевского городища, чем в других регионах; эти данные позволяют предполагать здесь наибольшую плотность проживания оседлой элиты Золотой Орды. В округе Царевского городища отмечены наименьшая на Нижней Волге доля мусульманских погребений в гробах (44,9%) и наибольшая доля таких захоронений с инвентарем (13,6%).

Грунтовые могильники округа Царевского городища располагались недалеко от поселений, что наглядно свидетельствует о степени территориальной близости могильников оседлого населения Золотой Орды с городскими и сельскими памятниками рассматриваемого периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2007. – 192 с.
2. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 224 с.
3. Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Серия IX. История. – 1975. – № 2. – С. 75–84.

Информация об авторе

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

CLASSIFICATION OF BURIAL RITUALS AT CEMETERIES WITHOUT MOUNDS IN THE VICINITY OF THE TSAREV HILLFORT SITE

L.F. Nedashkovsky

Burial rituals of the Golden Horde cemeteries without mounds in the vicinity of the Tsarev hillfort site are analyzed in the article. Materials from 256 burials have been studied. Their characteristic features make it possible to single out 8 basic types with variants. 51 burials (19.9% of the total number) in mausoleums or in crypts can be attributed as burials of the Golden Horde aristocracy. 56 burials (21.9 % of the total number) belong to the necropolis of the Old Russian settlement of the Vodyanskoe hillfort site. In the graves without burial mounds, western, south-western and north-western orientations are most widely spread (they comprise 94.9% of all burials). A comparison of the aristocratic (in mausoleums and crypts) burials without mounds in different regions of the Lower Volga makes it possible to conclude that their percentage rate was considerable higher in the vicinity of the Tsarev hillfort site than in other regions. This allows supposing the greatest density of residence of the settled Golden Horde elite here. The smallest share of Muslim burials in coffins in the Lower Volga region (44.9%) and the maximum share of burials with grave goods (13.6%) are recorded in the vicinity of the Tsarev hillfort site. The cemeteries without mounds in the vicinity of the Tsarevskoe hillfort site were situated not far from the settlements, the fact which attests to a link between the cemeteries of Golden Horde settled population with urban and rural monuments of the period under study.

Keywords: archaeology, the Lower Volga region, burial ritual, burial ground, cemetery without mounds, the Golden Horde, the Tsarev hillfort.

REFERENCES

1. Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research)*. Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).
2. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
3. Iablonskii, L. T. 1975. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya IX. Istoriia (Bulletin of the Moscow State University, Series IX: History)* (2), 75–84 (in Russian).

About the Author:

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya Str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

УДК 903.02

**ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ПРОИЗВОДСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОГО
КРЫМА ИЗ РАСКОПОК ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА¹**

© 2015 г. Н.И. Юдин

Представлены данные о находках поливной керамики производства Юго-Восточного Крыма из раскопок Царевского городища. Предлагается их типология, хронология и топография. Анализ выборки из 165 фрагментов и целых сосудов произведен по классификационной схеме, которая включает четыре уровня деления: 1) принадлежность к определенным центрам производства; 2) функциональное назначение изделий; 3) морфологические особенности сосудов; 4) орнаментальная специфика. По этим признакам выделены и описаны основные группы, виды, типы с вариантами и серии сосудов, характерных для трех выделенных хронологических периодов: I период – начало XIV в., II период – 1330-е гг., III период – 2-я половина XIV в. Отмечено, что самые ранние находки керамики, датируемые I и II периодами, встречены главным образом в пределах юго-восточной части городища. В основном это чаши на кольцевом поддоне, без орнамента, покрытые зеленой прозрачной глазурью. Со 2-й половины XIV века сосуды производства Юго-Восточного Крыма распространяются по территории памятника повсеместно. Ассортимент форм изделий, бытовавших в это время наряду с уже распространенными чашами и кувшинами, дополняется большим количеством афтоб и аптечных амфор.

Ключевые слова: археология, Царевское городище, Юго-Восточный Крым, XIV в., чаша, кувшин, афтоба, аптечная амфора, сграффито.

Керамика золотоордынских городов Нижнего Поволжья стала предметом исследований еще в позапрошлом столетии. С тех пор появилось большое количество статей, посвященных различным аспектам, связанным с ней. Содержание публикаций различно – от информационных сообщений с описанием отдельных образцов до сложных многоуровневых классификаций. Комплекс керамики Царевского городища стал одним из объектов научного внимания. Рассмотрим работы, так или иначе связанные с темой статьи.

Глазурованная посуда производства Юго-Восточного Крыма (Солхат, Каф-

фа, Судак) описана в работах А.Н. Джанова (Джанов 1998, с. 82–89), И.А. Баранова (Баранов 1991, с. 108–113; 1998, с. 21–24), И.Б. Тесленко (Тесленко 2005, с. 324–349), Б.Г. Петерса (Петерс 1981, с. 68–82) и др. Данные о составах глазурей на крымской поливе попытались проанализировать В.В. Булгаков (Булгаков 2005, с. 275–379) и В.Ю. Коваль (Коваль 2010, с. 25–37). В материалах Царевского города она была впервые выделена в диссертационном сочинении С.А. Курочкиной (Курочкина 2006, с. 23–24).

Для написания статьи была сформирована выборка фрагментов, составившая 165 единиц (фрагменты и

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №12-31-01246 форма 2 а

целые сосуды), или 52,38% от общего количества находок импортной глазурованной посуды, хранящейся в фондах ВОКМ. Для классификации материала за основу была взята схема, представленная в трудах И.В. Волкова (Волков 1992) и А.Н. Масловского (Масловский 2006, с. 420–428).

С учетом наработок предыдущих лет, а также специфики исследуемого материала предлагается следующая классификационная схема:

Уровень 1. Группа. Объединяет изделия одного или нескольких сходных гончарных производственных центров.

Уровень 2. Вид. Отражает функциональное назначение изделия.

Уровень 3. Тип. Служит для отделения находок с конкретными морфологическими параметрами.

Уровень 4. Серия. Представляет собой таксономическую единицу, объединяющую образцы с идентичными или стилистически близкими орнаментами.

В рамках уровней 3 и 4 возможны варианты – образцы с незначительно отличающимися одним или несколькими морфологическими параметрами, орнаментальными мотивами.

Всем образцам присущи следующие технико-технологические признаки.

Уровень РФК 6². Керамика изготовлена путем вытягивания на гончарном круге из комка глины.

² РФК (Развитие Функций Круга) – термин, введенный А.А. Бобринским (Бобринский 1978). Уровень РФК 6 подразумевает, что при изготовлении отдельного изделия вращение гончарного круга применяется для заглаживания, профилирования и конструирования путем вытягивания не только полога

Формовочная масса пластичная, без заметной примеси песка, с оолитовыми известковыми включениями.

Обжиг сквозной – светло-коричневый, розово-коричневый, оранжево-коричневый.

Вид 1. Кувшины (рис. 4: 6).

Тип 1. Кувшины средних размеров с ручкой, крепившейся к месту максимального диаметра тулова.

Вариант 1. С широкой подовальной в сечении ручкой (рис. 4: 1–5).

Серия 1. С прозрачной зеленой глазурью, нанесенной по белому ангобу. Без орнамента.

Серия 2. С прозрачной зеленой глазурью, нанесенной по белому ангобу. Орнамент «сграффито» в виде пояса из нескольких горизонтальных линий.

В обеих сериях глазурь нанесена на внешней стороне до уровня чуть ниже максимального диаметра тулова.

В имеющихся у автора материалах целых форм не зафиксировано. Атрибуция выполнена на основании аналогичных изделий, найденных на других городищах.

Тип 2. Кувшины, изготовленные при помощи матриц-калыпов из двух частей с вылепленным отдельно высоким горлом и кольцевым поддоном (штампованные кувшины) (рис. 5).

Вариант 1. С широкой подовальной в сечении ручкой.

Серия 1. С зеленой прозрачной глазурью, нанесенной по белому ангобу. Штампованный орнамент, содержащий растительные и эпиграфические элементы.

Тип 3. Кувшины с высоким узким горлом, постепенно расширяющимся к венчику (рис. 6: 1).

тела, но частично и начина, который предварительно лепился вручную.

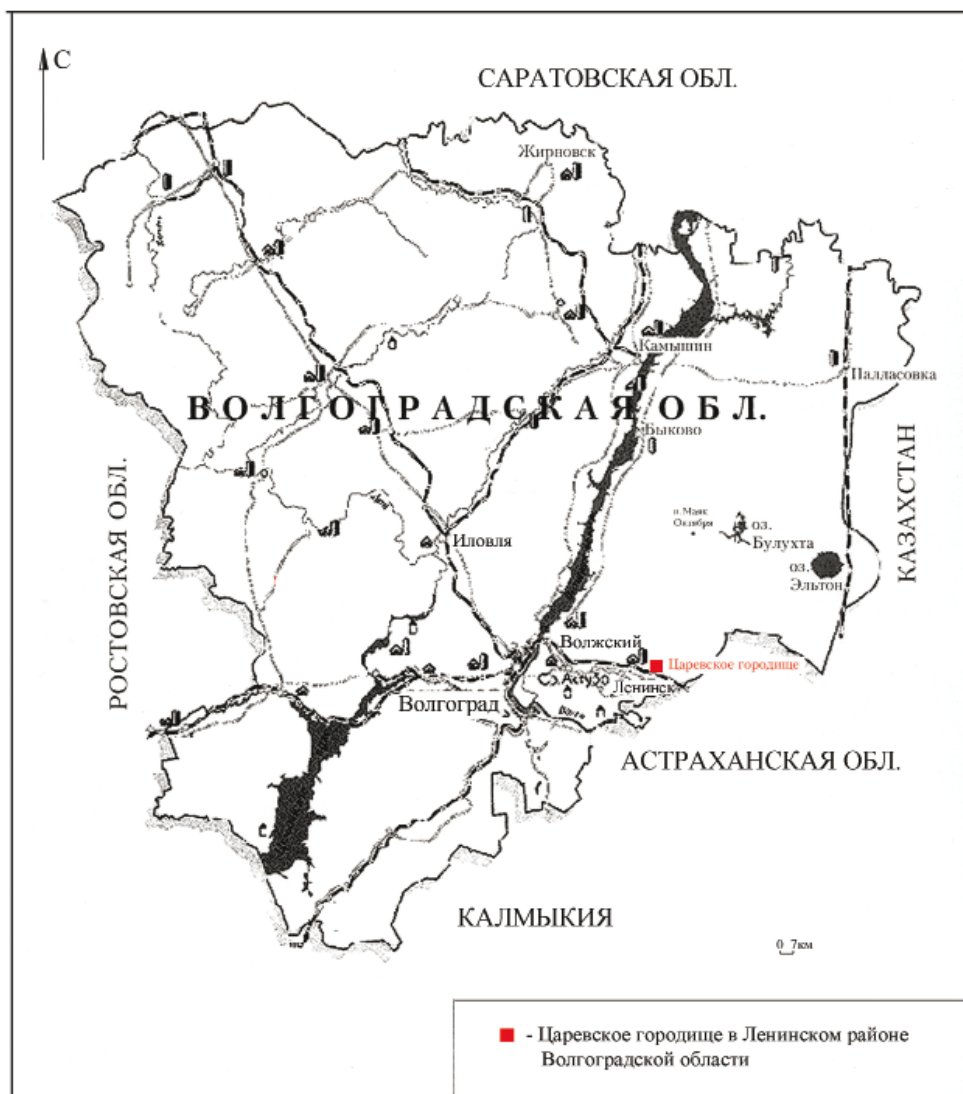

Рис. 1. Местоположение Царевского городища на территории Волгоградской области.

Fig. 1. Location of the Tsarev hillfort site in the territory of Volgograd oblast.

Вариант 1. С широкой подовальной в сечении ручкой.

Серия 1. Прозрачная бесцветная глазурь, нанесенная по белому ангобу. Орнамент «сграффито» (на горле) в виде поясов из горизонтальных линий, между которыми помещены овалы, расцвеченные пятнами зеленой и красной краски.

Тип 4. С тонкостенным (до 0,5 см) горлом, слегка отогнутым наружу венчиком со скругленной закраиной. Тип представлен единственной находкой – фрагментом венчика с частью горла (рис. 6: 2).

Серия 1. С зеленой прозрачной глазурью, нанесенной по белому ангобу. Без орнамента.

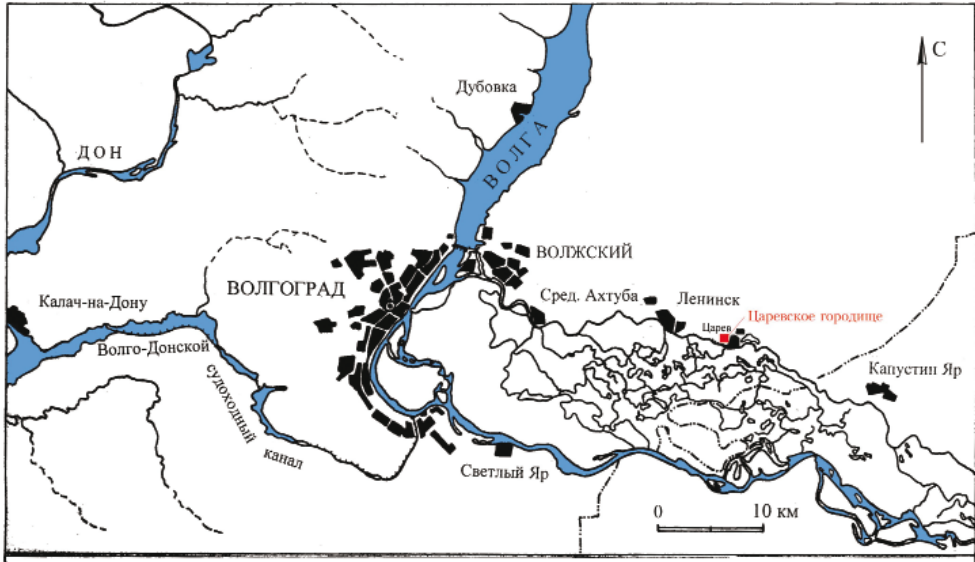

Рис. 2. Местоположение Царевского городища.

Fig. 2. Location of the Tsarev hillfort site.

К данному виду принадлежит фрагмент ручки, подпрямоугольной в сечении, с зеленой поливой по белому ангобу. Ручка изготовлена из двух округлых в сечении частей. Место стыка между ними с внешней стороны оформлено равноудаленными друг от друга налепами в форме цветков роз (?) (рис. 4: 6). Сосуды с таким декором ручки могут являться подражанием аналогичным византийским.

Вид 2. Водолеи (афтоба) (рис. 7).

Тип 1. Миниатюрные, до 15 см в высоту, водолеи (рис. 7: 1).

Серия 1. С зеленой прозрачной глазурью, нанесенной по белому ангобу. Как правило, глазурь нанесена неравномерно, слой ангоба местами не покрыт ею.

Тип 2. Крупные, до 30 см в высоту, водолеи (рис. 7: 2).

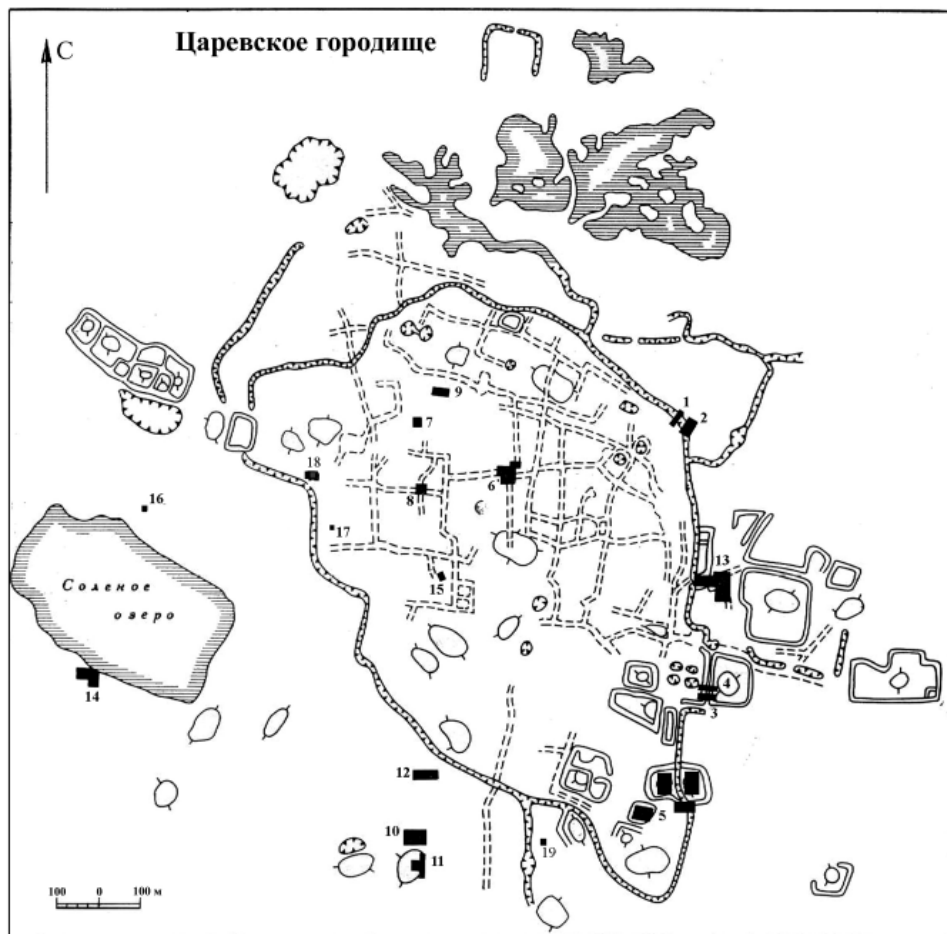
Серия 1. Тулово равномерно покрыто прозрачной зеленой глазурью до уровня максимального диаметра.

Вид 3. Сосуды с петлевидными ручками – «аптечные амфоры»

(рис. 8: 1). В распоряжении автора не имеется целых форм. Вид идентифицирован на основании известных аналогий по нескольким профильным фрагментам различных функциональных частей сосуда. Ручки подовальные в поперечном сечении. Широкое, цилиндрическое горло с подтреугольным в сечении венчиком. Горло покрыто легким рифлением.

Серия 1. С темно-зеленой прозрачной глазурью, нанесенной по белому ангобу. Без орнамента.

Вид 4. Чаши (рис. 8: 2–7; рис. 9). Самый многочисленный вид в рамках выделенной группы. При этом целых форм в используемой выборке не зафиксировано. Большинство имеющих в распоряжении автора образцов — донца. Данный факт делает невозможным четкое разделение имеющих находок на типы. В связи с этим предлагается совокупное описание образцов из выборки под общим наименованием тип 1.

1 - 15 - раскопы ПАЭ, 16 - 19 - раскопы отряда "Гюлистан"

1 - раскоп VIII-61; 2 - раскоп IX-62; 3 - раскоп IV-63; 4 - раскоп V-63; 5 - раскопы IV-61 и V-61, V-65, III-73; 6 - раскопы I-63, III-63, VI-63; 7 - раскоп I-59; 8 - раскоп I-64; 9 - раскоп III-62; 10 - "дом с юртами" (раскопы I-60, II-60, I-61, III-61, I-62, V-62, IV-65, IV-66, III-66); 11 - "дом на дюне" (раскоп IV-64); 12 - раскопы II-59, II-61, II-62, III-64, V-64, III-65; 13 - "три усадьбы" (раскопы II-63, VII-63, II-64, II-65, II-66, II-67, II-68, IV-71); 14 - могильник (раскопы II-60, VI-61, VII-61, VIII-62; 15 - раскоп I-94-96 (Зеленева); 16 - раскоп II-06; 17 - раскоп III-06; 18 - раскопы I-07, I-08, I-09, I-10; 19 - раскоп II-09

Рис. 3. Схема расположения раскопов на Царевском городище.

Fig. 3. Diagram of excavation blocks location at of the Tsarev hillfort site.

Группа Юго-Восточный Крым

Вид 1. Кувшины.

Тип 1.

Рис. 4. Находки керамики производства Юго-Восточного Крыма (1, 5 – раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1960 г. Раскоп 1; 2–3 раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1963 г. Раскоп 1; 4 – раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1965 г. Раскоп 1; 6 – раскопки Глухова А.А. 2010 г. Раскоп 1.)

Fig. 4. Finds of ceramics produced in the Southeastern Crimea.

Группа Юго-Восточный Крым

Вид 1. Кувшины.

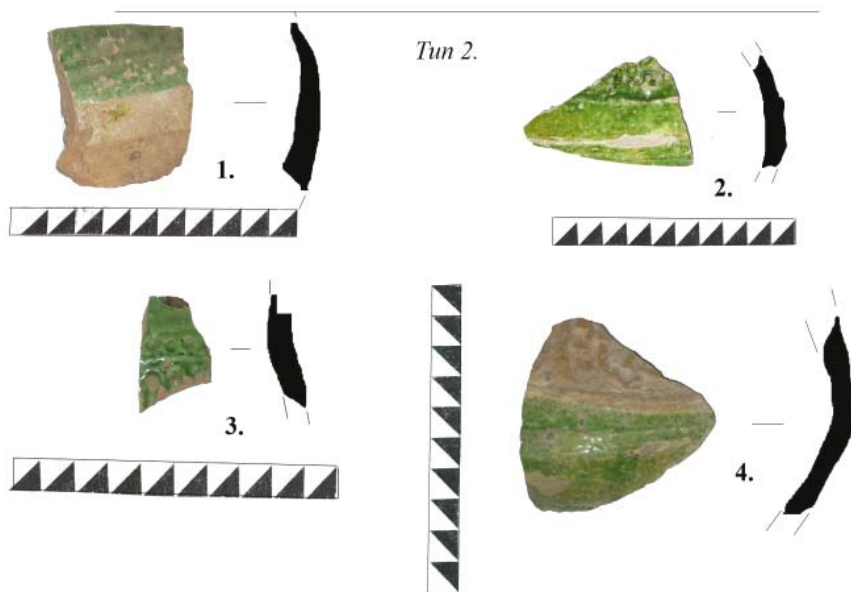

Рис. 5. Находки керамики производства Юго-Восточного Крыма (1-раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1963 г. Раскоп 1; 2 – раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1964 г.; 3 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1963 г. Раскоп 3; 4 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1966 г. Раскоп 3.).

Fig. 5. Finds of ceramics produced in the Southeastern Crimea.

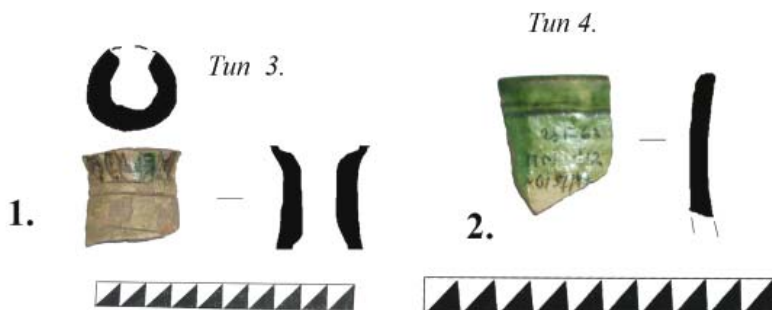

Рис. 6. Находки керамики производства Юго-Восточного Крыма (1 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1965 г. Раскоп 4; 2 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1963 г. п/м.).

Fig. 6. Finds of ceramics produced in the Southeastern Crimea.

Группа Юго-Восточный Крым

Вид 2. Водолеи.

Тип 1.

Тип 2.

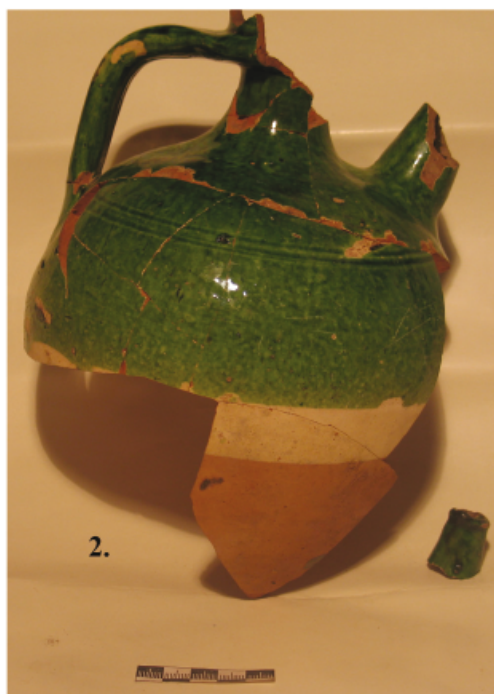

Рис. 7. Находки керамики производства Юго-Восточного Крыма (1 – раскопки Ю.А. Зеленева 1997 г.; 2 - раскопки Ю.А. Зеленева 1998 г.).

Fig. 7. Finds of ceramics produced in the Southeastern Crimea.

Группа Юго-Восточный Крым
Вид 3. “Аптечные амфоры”

Вид 4. Чаши, *Тип 1*

2.

3.

4.

5.

6.

7.

Рис. 8. Находки керамики производства Юго-Восточного Крыма (1-3 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1960 г. Раскоп 3; 4 – раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1961г. Раскоп 1; 5-6 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1963 г. п/м; 7 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1963 г. Раскоп 1.).

Fig. 8. Finds of ceramics produced in the Southeastern Crimea.

Группа Юго-Восточный Крым

Вид 4. Чаши

Tun 1.

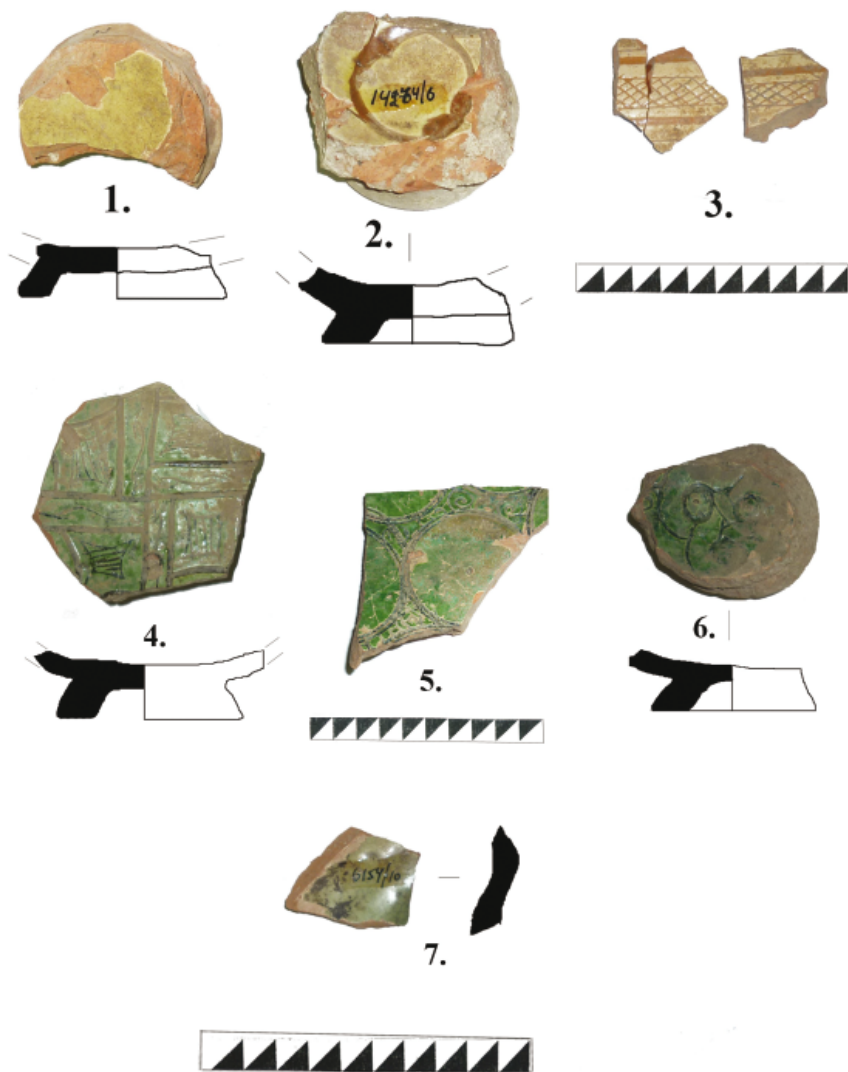

Рис. 9. Находки керамики производства Юго-Восточного Крыма (1- раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1963 г. Раскоп 6; 2 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1964 г. ; 3 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1966 г. Раскоп 3; 4 - 6 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1966 г. Раскоп 1; 7 - раскопки Г.А. Федорова-Давыдова 1963 г. Раскоп 3;).

Fig. 9. Finds of ceramics produced in the Southeastern Crimea.

Тип 1. Чаши на кольцевых поддонах. Выделяются поддоны высотой не более 1 см, 1,5–2 см; диаметр 7–8 см, толщина дна не более 1,5 см.

Серия 1. С орнаментом «сграффито» и темно-зеленой прозрачной глазурью, нанесенной по белому ангобу. Сосуды этой серии наиболее широко распространены в рамках выборки.

Серия 2. С орнаментом «сграффито» и желтой прозрачной глазурью, нанесенной по белому ангобу.

Серия 3. С прозрачной светло-зеленой глазурью, нанесенной по белому ангобу. Без орнамента.

Серия 4. С прозрачной светло-желтой глазурью, нанесенной по белому ангобу. Без орнамента.

В материалах, относимых к группе Юго-Восточный Крым, встречены образцы, датируемые следующими хронологическими периодами.

Начало XIV в. Чаши на кольцевом поддоне с зеленой прозрачной глазурью, нанесенной по белому ангобу (вид 4, тип 1, серия 3).

В пределах Царевского городища образцы встречены в раскопе I 2007 г. (рис. 1–2) в заполнении слоя, потревоженного в свое время многократной распашкой. Датировка раскопанных здесь объектов и комплексов дана на основе монетного материала.

1330-е гг. К данному хронологическому отрезку следует отнести кувшины с высоким узким горлом, постепенно расширяющимся к венчику, с широкой подовальной в сечении ручкой. Прозрачная бесцветная глазурь, нанесенная по белому ангобу. Орнамент «сграффито» (на горле) в виде поясов из горизонтальных

линий, между которыми помещены овальные фигуры, расцвеченные пятнами зеленой и красной краски (вид 1, тип 3, серия 1).

Образцы подобных изделий встречены главным образом в раскопе 5 1965 г., заложенном Г.А. Федоровым-Давыдовым в юго-восточной части городища в центре большой усадьбы (рис. 1–2).

Крымские штампованные кувшины также были распространены в данный период. Находки их на городище были сделаны на раскопах 1963, 1964 и 1966 гг. (рис. 1–2). Раскоп 1 1963 г. был заложен в центральной части городища. На этот раз стратиграфические наблюдения в совокупности с находками позволяют датировать находки без привлечения аналогий. По заключению автора отчета Г.А. Федорова-Давыдова – это 1330-е гг.

Раскопы 1964 г. позволили обнаружить объекты (землянки, хозяйственные ямы), функционировавшие в первые десятилетия существования городища.

Ранние производственные комплексы выявлены раскопами 3 и 4 1966 г. (рис. 1–2).

2-я половина XIV в. Поливная керамика производства Юго-Восточного Крыма во второй половине XIV века поступает на территорию памятника в гораздо больших количествах, нежели в первой половине столетия. Находки ее фрагментов сделаны во всех раскопах, заложенных на городище. Ассортимент форм бытовавших в это время изделий дополняется большим количеством афтоб, чаш, кувшинов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 275 с.
2. *Баранов И.А.* Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // *Византийская Таврика.* – Киев: Наукова думка, 1991. – С. 101–121.
3. *Баранов И.А.* Поливная керамика XIV в. из Судака // *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики.* – Симферополь.: 1998. – С. 21–24.
4. *Булгаков В.В.* Глазури северопричерноморской поливной керамики XIII–XIV вв. // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв.* – Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. – С. 359–378.
5. *Волков И.В.* Керамика Азова XIV–XVIII вв. Дисс... канд. ист. наук. – М., 1992.
6. *Джанов А.В.* Гончарные печи XIV–XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики.* – Симферополь.: 1998. – С. 82–89.
7. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткий очерк // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону.* – Вып. 21. – Азов, 2006. – С. 308–473.
8. *Петерс Б.Г., Голенцов А.С.* Археологические раскопки Феодосии в 1975–1977 гг. // *Краткие сообщения Института Археологии.* – № 168. – М., 1981. – С. 68–72.
9. *Тесленко И.Б.* Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв.* – Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. – С. 324–348.

Информация об авторе:

Юдин Никита Игоревич, научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Российская Федерация); istoricus@mail.ru

GLAZED POTTERY PRODUCED IN THE SOUTHEASTERN CRIMEA FROM THE EXCAVATIONS OF THE TSAREV HILLFORT SITE³

N.I. Iudin

Data on findings of glazed ceramics produced in the Southeastern Crimea from the Tsarev hillfort site excavations is presented. Their typology, chronology and topography are suggested. The analysis of the 165 units of sampled fragments and intact vessels has been carried out in accordance with a classification scheme which comprises 4 distribution levels: 1) belonging to certain production centers; 2) functional purpose of items; 3) morphological features of vessels; 4) specificity of ornamentation. According to these features, basic groups, types and series of vessels have been singled out that are characteristic of the three major chronological periods: 1. the early 14th century; 2. the 1330s; 3. second half of the 14th century. It is noted that the earliest findings of ceramics dated by periods 1 and 2 were encountered mainly in the southeastern part of the Tsarev hillfort settlement site. These are predominantly bowls on a footring base lacking ornamentation and covered with green transparent glazing. Starting with period 3 (second half of the 14th century), vessels from the Southeastern Crimea

³Research is supported by the Russian Foundation for Humanities, project no. 12-31-01246, form 2a.

had been widely spread throughout the entire area of the site. The assortment of vessels used at that time, along with common jars and bowls, had been expanded to include aftobes and apothecary amphorae.

Key words: archaeology, the Tsarev hillfort settlement, Southeastern Crimea, the 14th century, bowl, jar, aftaba pharmaceutical (apothecary) amphora, sgraffito.

REFERENCES

1. Bobrinskii, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izuchenii* (Pottery-making of Eastern Europe. Sources and Methods of Study). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Baranov, I. A. 1991. In *Vizantiiskaia Tavrika (Byzantine Taurica)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
3. Baranov, I. A. 1998. In *Istoriko-kul'turnye sviazi Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X–XVIII vv. po materialam polivnoi keramiki (The Historical and Cultural Connections of the Black Sea Region and the Mediterranean Area in 10th – 18th Centuries on the Basis of Glazed Pottery)*. Simferopol: s. ed., 21–24 (in Russian).
4. Bulgakov, V. V. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 359–378 (in Russian).
5. Volkov, I. V. 1992. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (klassifikatsiia i datirovka) (Pottery of Azov in 14th–18th Centuries (Classification and Dating))*. PhD Diss. Moscow: Moscow State University (in Russian).
6. Dzhанov, A. V. 1998. In *Istoriko-kul'turnye sviazi Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X–XVIII vv. po materialam polivnoi keramiki (The Historical and Cultural Connections of the Black Sea Region and the Mediterranean Area in 10th – 18th Centuries on the Basis of Glazed Pottery)*. Simferopol: s. ed., 82–89 s. (in Russian).
7. Maslovskii, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 308–473. (in Russian).
8. Peters, B. G., Golentsov, A. S. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Archaeology Institute)* 168. Moscow, 68–72. (in Russian).
9. Teslenko, I. B. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 324–348 (in Russian).

About the Author:

Iudin Nikita I. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum. Moskovskaia St., 38/40, Azov, 346740, Russian Federation; istoricus@mail.ru

УДК 030

ТАТАРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИСТИКА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

© 2015 г. Р.В. Шайдуллин, Р.Р. Салахиев, Г.Х. Галимуллина,
А.Г. Ситдиков, Х.М. Абдуллин, Р.Р. Валиев

Рассматривается недавно завершившееся издание шеститомной Татарской энциклопедии (2002–2014), прежде всего ее содержание и научно-практическая перспектива с точки зрения развития археологической науки. Анализ информации, относящейся к археологии Татарстана, татарского и других этносов, показывает ее недостаточность в рамках Татарской энциклопедии, и, соответственно, значимость разработки нового иллюстрированного научно-справочного издания «Археология Татарстана: энциклопедия», необходимого для систематизации и аккумуляции материалов по историко-культурному наследию народов Восточной Евразии. Особое внимание уделяется специфике подбора археологического материала и научной методологии написания заявленного отраслевого регионаловедческого научно-справочного издания.

Ключевые слова: археологическая наука, Татарская энциклопедия, научно-справочное издание, «Археология Татарстана: энциклопедия», методология.

В годы постперестроечных политических, экономических и социальных трансформаций, связанных с распадом СССР и ростом самостоятельности административных образований Российской Федерации, произошли кардинальные сдвиги в самосознании народов, внесшие системные изменения в их образ жизни, стандарты мышления и способы мировосприятия. Появились национально-региональные учреждения (организации), совершенно справедливо рассматриваемые современными исследователями в связи с политическими запросами властей различного уровня и ростом национального самосознания населения регионов. В 1991 г. в Татарстане была создана национальная Академия наук, по-новому были структуриро-

ваны местные гуманитарные научно-исследовательские институты и образованы различные исследовательские центры. Одновременно с этим республиканскими властями были приняты законы, обеспечивавшие системную разработку историко-культурного наследия татарского и других этносов Татарстана, капитальных трудов в области гуманитарных знаний (6-томная Татарская энциклопедия, 7-томная «История татар с древнейших времен» и др.). В отличие от современного этапа развития гуманитарной науки этот процесс имел неуклонный и гармоничный характер. Благодаря этому в течение двух десятилетий в Республике Татарстан увидели свет сотни добротных исследований по различным отраслям общественно-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-16005/15 а(р).

гуманитарных знаний. В этом списке и фундаментальные научно-справочные издания, среди которых особое место занимает 6-томная Татарская энциклопедия на русском языке (см. табл. 1).

Как видно из данных таблицы, многотомная Татарская энциклопедия представляет собой фундаментальный труд, насыщенный большим количеством статей и иллюстраций по различным отраслям знаний и повседневной социокультурной и хозяйственной практики. Татарская энциклопедия явилась первой системной попыткой сбора разрозненных, несистематизированных сведений о Татарстане, татарском и других народах региона. Несмотря на все научные, культурно-образовательные и иллюстративно-оформительские достоинства, многотомную Татарскую энциклопедию можно считать только первым удачным опытом создания татарской национальной энциклопедистики. К сожалению, она не смогла охватить весь татарский мир и многовековое историко-культурное наследие народов Татарстана и их генетических предков. В результате отдельные направления знаний и материальной культуры остались не до конца охваченными. Кроме того, информация о десятках и сотнях видных ученых и других достойных личностях различных форм деятельности по определенным причинам не нашла в ней должного места. К примеру, только в раздел «Дополнения» к 6-му тому были включены краткие биографические сведения о более чем 600 персоналиях, не вошедших в 1–5 тома Энциклопедии. Научный коллектив, многие годы работавший над этим национально-региональным изданием,

при всем своем усердии и старании был не в состоянии с первой попытки собрать материалы обо всех отраслях знаний и практики по заявленной тематике («всё о Татарстане и всё о татарах»), на должном уровне обобщить, систематизировать и представить их на страницах энциклопедии.

Понятно, что издание энциклопедий – это не разовый акт, а процесс: невозможно в рамках одной целевой программы решить такую масштабную задачу, как собрать, обобщить и систематизировать материалы по многовековой истории и культуре более чем 6-миллионного татарского народа, дисперсно проживающего практически во всех регионах Российской Федерации, а также в странах дальнего и ближнего зарубежья.

С завершением издания многотомной Татарской энциклопедии на первый план выступает разработка отраслевых энциклопедий, посвященных различным отраслям научных знаний и практики. Среди отраслевых энциклопедий особый интерес представляют научно-справочные издания исторического цикла: «Историческая энциклопедия Татарстана», «Археология Татарстана: энциклопедия». Учитывая это, коллективы Института татарской энциклопедии и регионоведения и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ на базе апробированных материалов многотомной Татарской энциклопедии, не дожидаясь целевой государственной программы, начали разработку отраслевого иллюстрированного научно-справочного издания «Археология Татарстана: энциклопедия». Научная база для этого имеется. В течение 1980-х годов в Татарстане увидела свет 6-томная Археологическая карта

Таблица 1 Многотомная Татарская энциклопедия

Название научно-справочного издания	Тома	Годы	Количество		
			страниц	статей	иллюстраций
Татарская энциклопедия на русском языке	1:А–В	2002	671	3700	1300
	2:Г–Й	2005	665	3150	1200
	3:К–Л	2006	663	2930	1234
	4:М–П	2008	766	3700	1100
	5:Р–Т	2010	734	3484	1110
	6:У–Я	2014	720	3664	1153

Республики Татарстан, которая в 1994 г. была удостоена Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники. Она содержит сведения о более чем 4300 археологических памятниках Татарстана (Казаков, 2002, Т. 1, с. 193). Кроме того, на базе этой археологической карты в 1987 г. было разработано и издано первое научно-справочное издание «Археологические памятники Татарской АССР», в котором описано 515 археологических памятников (Казаков, Старостин, Халиков, 1987).

Зачем нужна отраслевая энциклопедия? Татарская энциклопедия, несмотря на все свои достоинства, смогла охватить лишь наиболее известные и разработанные археологические памятники. Поскольку она эту задачу не ставила. Это уже задача отраслевого издания по археологии. Говоря о Татарской энциклопедии вообще, следует заметить, что в ней впервые в систематизированном виде были представлены местные археологические культуры (Казаков, 2002, Т. 1, с. 193), археологические комплексы (Казаков, 2002, Т. 1, с. 194), наиболее крупные городища (Губайдуллин, 2005, Т. 2, с. 146) и селища (Казаков, 2010, Т. 5, с. 291). Несомненным достоинством Энциклопедии явилось

то, что сведения о многих археологических культурах, локализованных на территории Поволжья и Приуралья и носивших разрозненный и противоречивый характер, приобрели целостный характер. Конечно, остались отдельные противоречивые вопросы в статьях, посвященных некоторым археологическим культурам. К таковым относится, к примеру, приказанская культура (Казаков, 2008, Т. 4, с. 712), выделенная А.Х. Халиковым. В последние десятилетия некоторые местные авторы эту культуру рассматривают как некую историко-археологическую общность и из нее выделяют новые археологические культуры (маклашеевская культура, см.: Чижевский, 2008, Т. 4, с. 29–28]. В то же время возникают споры относительно болгарской (Измайлов, 2002, Т. 1, с. 488) и золотоордынской (Измайлов, 2005, Т. 2, с. 409) археологических культур, введенных в Татарскую энциклопедию И.Л. Измайловым. Эти понятия автором были достаточно хорошо теоретически обоснованы и имеют научную и практическую значимость. Причем ни в одной энциклопедии нет статей, посвященных археологическим комплексам, это научные наработки местных археологов. Благодаря Татарской энциклопедии

дии они получили как научную, так и общественную апробацию. Своеобразной изюминкой многотомной энциклопедии стала и статья «Археология» (Казаков, 2002, Т. 1, с. 194–195). В ней в краткой и доступной форме нашли комплексное отражение основные этапы становления и развития археологических исследований в Татарстане, а также научно-практическая деятельность известных археологов, занимавшихся изучением местного края. Кроме того, особый интерес представляют статьи, посвященные каменному (Габяшев, 2006, Т. 3, с. 208), бронзовому (Казаков, 2002, Т. 1, с. 463–464) и железному векам (Казаков, 2005, Т. 2, с. 371–372). Впервые в местной истории на страницах энциклопедии были системно представлены научные сведения о каменном, бронзовом и железном веках, в которых даны условные датировки хронологии развития социокультурной и хозяйственной практики древнего и средневекового населения региона. Издания многотомной Татарской энциклопедии наполнены также большими обзорными статьями, в которых дана обобщающая информация о различных сторонах развития археологических знаний в Татарстане. Статьи по археологии, подготовленные для энциклопедии крупными учеными, специалистами и краеведами (Е.П. Казаков, Р.Г. Фахрутдинов, Ф.Ш. Хузин, И.Л. Измайлов, Р.С. Габяшев, М.Ш. Галимова, П.Н. Старостин и др.), насыщены новыми фактическими и статистическими данными и иллюстративно сопровождаются фотографиями, рисунками, планами и схемами. При подготовке материалов к энциклопедическим статьям широко использовались также материалы

археологических раскопок. Практически за каждой статьей стоят десятки страниц текстов архивных документов, научных монографий и статей, доказывающих их достоверность и научность, но и сами эти статьи, по мысли создателей энциклопедических изданий, должны в свою очередь формировать новые взгляды и определять более совершенные подходы к национальной истории татарского народа. Многие статьи – оригинальные, впервые опубликованные. Самое главное – в статьях многотомной Татарской энциклопедии кратко, но выразительно прозвучала новая археологическая трактовка историко-культурного наследия народов Татарстана.

О необходимости создания отраслевой энциклопедии по местной археологии говорит и малое количество наличных статей в многотомной Татарской энциклопедии, посвященных артефактам. Их насчитывается чуть более 30. Большая часть этих статей посвящена предметам вооружения (арбалет, булава, кольчуга, копье, лук, меч, сабля, секира, щит и др.) и тюрко-татарской монетной системе (данник, динар, дирхем, пломбы-грузики, пул, сом и др.) (см. табл. 2). Правда, в статьях, посвященных археологическим культурам и комплексам, каменному (Галимова, 2008, Т. 4, с. 572–573; с. 120–121), энеолиту (Галимова, 2014, Т. 6, с. 457), бронзовому и железному векам, имеются иллюстрации отдельных артефактов, найденных во время раскопок, что существенно обогащает содержательную часть этих статей.

Как видно из количественных данных таблицы и статистического анализа самой многотомной Татарской энциклопедии, значительную часть текстовых и иллюстративных матери-

Таблица 2 Тематическая рубрика материалов по археологии Татарстана и татарского народа в многотомной Татарской энциклопедии

Тематическая рубрика статей	Общее количество	В %
Археологическая культура	26	15,10
Археологический комплекс	36	20,91
Предметы вооружения	15	8,71
Монетно-весовая система	7	4,07
Городище	16	9,3
Селище	4	2,4
Могильник	10	5,81
Клады	5	2,90
Прочие	53	30,8
Всего	172	100

алов по археологии занимают такие тематические рубрики, как «археологическая культура», «археологический комплекс», «городище» и «могильник». Статьи, посвященные предметам вооружения, имеют небольшой объем. Из монет, представленных на страницах энциклопедии, более детально описаны только динар и дирхем.

Представленные на страницах многотомной Татарской энциклопедии археологические материалы, конечно, значительно расширяют круг научных знаний по археологии Татарстана и о живших на его территории предках татарского и других народов Восточной Евразии. Однако это отнюдь не означает, что 210 статей (172 термина и 41 персоналия), посвященные местной археологии, в состоянии полноценно и системно раскрыть многовековое историко-культурное и материальное наследие народов Татарстана и их генетических предков.

Именно для этого нужна отраслевая энциклопедия по местной археологии, способная расширить информационную базу знаний в области историко-археологической науки. Но

для этого предстоит решить ряд организационных и научно-исследовательских задач:

– во-первых, руководителям проекта следует направить научные изыскания членов временного творческого коллектива и других ученых, участвовавших в подготовке научно-справочного издания «Археология Татарстана: энциклопедия», во «внутрь» многовекового историко-культурного наследия народов Восточной Евразии. Это особо необходимо для придания более целенаправленного, упорядоченного и масштабного характера сбору и систематизации опубликованных археологических и историко-краеведческих материалов, отчасти архивных документов, и для обнародования информации обо всех явлениях и событиях, так или иначе связанных с археологией Татарстана, татарского и других народов Восточной Евразии;

– во-вторых, главной концептуальной основой этого научно-справочного издания должен стать фактор возвращения в энциклопедию такого основополагающего механизма на-

учно-исследовательской практики, как «человеческое измерение» – «население» ее людьми, о которых в свое время не услышали современники или предали забвению их потомки. Вот поэтому значительная часть статей энциклопедии должна быть посвящена ученым и практикам, чья научная и педагогическая деятельность в той или иной степени была связана с археологией Татарстана. Научная ценность такого подхода заключается и в том, что это создаст условия для широкого представления на страницах научно-справочного издания «Археология Татарстана: энциклопедия» биографии всех достойных исторической памяти людей, вплоть до самых скромных тружеников, занимавшихся и занимающихся многолетними археологическими изысканиями. Научная концепция, обращенная к человеческому фактору, позволит составителям энциклопедии ввести в научный оборот многие неизученные или малоизученные документальные материалы об археологах, которые смогут образовать новое интеллектуальное историко-культурное пространство татарстанской археологии. Одновременно «человеческое измерение» станет связующим звеном различных сторон энциклопедических знаний по истории, культуре и археологии тюрко-татарской и финно-угорской цивилизаций и Татарстана;

– в-третьих, применение более совершенных научно-исследовательских и методологических подходов при энциклопедической систематизации сведений, связанных с местной археологией, позволит членам временного творческого коллектива по-

новому переосмыслить введенные в научный оборот археологические материалы. Это придаст комплексность и системность археологическим исследованиям и создаст необходимые условия для выявления ранее неизвестных либо незаслуженно забытых страниц истории, преданных забвению фактов, имен, явлений из жизни древних и средневековых сообществ. Таким образом, ввод в научный оборот огромного пласта новых фактических и статистических материалов на основе более совершенных научно-методических инструментариев позволит рассматривать научно-справочное издание «Археология Татарстана: энциклопедия» как новый вид массового и системного источника информации по материальной культуре народов Татарстана и их генетических предков.

Таким образом, многотомная Татарская энциклопедия стала прорывным научно-справочным изданием в области татарской энциклопедистики. Текстовая, иллюстративная и научно-методологическая база Татарской энциклопедии создала необходимые условия для разработки отраслевой энциклопедии по местной археологии, стала действенным механизмом для комплексной систематизации материалов для нее. Создание отраслевой археологической энциклопедии позволит аналитически обобщить материалы по многовековому историко-культурному наследию народов Татарстана на новом уровне и, таким образом, форсировать развитие культурно-образовательного пространства в области российской археологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габяшев Р.С.* Каменный век // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. – Т. 3: К–Л. – С. 208.
2. *Галимова М.Ш.* Мезолит // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4: М–П. – С. 120–121.
3. *Галимова М.Ш.* Палеолит // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4: М–П. – С. 572–573.
4. *Галимова М.Ш.* Энеолит // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2014. – Т. 6: У–Я. – С. 457.
5. *Губайдуллин А.М.* Городище // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. – Т. 2: Г–Й. – С. 146.
6. *Измайлов И.Л.* Булгарская культура // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1: А–В. – С. 488.
7. *Измайлов И.Л.* Золотоордынская культура // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. – Т. 2: Г–Й. – С. 493.
8. *Казаков Е.П.* Археологическая карта Республики Татарстан // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1: А–В. – С. 193.
9. *Казаков Е.П.* Археологическая культура // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1: А–В. – С. 193.
10. *Казаков Е.П.* Археологический комплекс // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1: А–В. – С. 194.
11. *Казаков Е.П.* Археология // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1: А–В. – С. 194–195.
12. *Казаков Е.П.* Бронзовый век // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – Т. 1: А–В. – С. 463–464.
13. *Казаков Е.П.* Железный век // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. – Т. 2: Г–Й. – С. 371–372.
14. *Казаков Е.П.* Приказанская культура // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4: М–П. – С. 712.
15. *Казаков Е.П.* Селище // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. – Т. 5: Р–Т. – С. 291.
16. *Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Таткнигоиздат, 1987. – 240 с.
17. *Чижевский А.А.* Маклашевская культура // Татарская энциклопедия. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – Т. 4: М–П. – С. 29.

Информация об авторах:

Шайдуллин Рафаиль Валеевич, доктор исторических наук, профессор, зав. центром энциклопедистики, Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация); sv60yandex.ru;

Салахиев Рафик Рашидович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация); rafiks@mail.ru;

Галимуллина Гельшат Хабulloвна, старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация); kirbi2@mail.ru;

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru;

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); Xalimabd@mail.ru;

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); VRR80@yandex.ru

TATAR ENCYCLOPAEDIC STUDY: TENDENCIES AND PROSPECTS

**R.V. Shaydullin, R.R. Salakhiyev, G.H. Galimullina,
A.G. Sitdikov, H.M. Abdullin, R.R. Valiev**

The 6-volume Tatar encyclopaedia completed recently (2002–2014) is considered in the article, first of all its content and scientific and practical prospect from the view-point of archaeology development. The analysis of information on the archaeology of Tatarstan, on the Tatar and other ethnoses demonstrates its insufficiency in the framework of the Tatar encyclopaedia and, consequently, the importance of preparing a new illustrated scientific reference edition “Archaeology of Tatarstan: the encyclopaedia”, which is necessary for systematization and accumulation of materials on historical and cultural heritage of the people of East Eurasia. Special attention is paid to the specificity of selection of archaeological materials and scientific methodology of preparation of the branch local lore scientific and reference edition.

Keywords: archaeology, the Tatar encyclopaedia, scientific and reference publication, “Archaeology of Tatarstan: An encyclopaedia”, methodology.

REFERENCES

1. Gabiashev, R. S. 2006. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 3. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 208 (in Russian).
2. Galimova, M. Sh. 2008. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 4. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 120–121 (in Russian).
3. Galimova, M. Sh. 2008. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 4. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 572–573 (in Russian).
4. Galimova, M. Sh. 2014. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 6. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 457 (in Russian).
5. Gubaidullin, A. M. 2005. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 2. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 146 (in Russian).
6. Izmaylov, I. L. 2002. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 1. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 488 (in Russian).
7. Izmaylov, I. L. 2005. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 2. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 493 (in Russian).

Research is supported by the Russian Foundation for Humanities, project no. 15-11-16005/15 a(p).

8. Kazakov, E. P. 2002. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 1. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 193. (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 2002. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 1. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 193 (in Russian).
10. Kazakov, E. P. 2002. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 1. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 194 (in Russian).
11. Kazakov, E. P. 2002. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 1. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 194–195 (in Russian).
12. Kazakov, E. P. 2002. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 1. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 463–464. (in Russian).
13. Kazakov, E. P. 2005. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 2. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 371–372 (in Russian).
14. Kazakov, E. P. 2008. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 4. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 712 (in Russian).
15. Kazakov, E. P. 2010. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 5. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 291 (in Russian).
16. Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh. 1987. *Arkheologicheskie pamiatniki Tatarskoi ASSR (Archaeological Sites of Tatar ASSR)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
17. Chizhevskii, A. A. 2008. In *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* 4. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 29 (in Russian).

About the Authors:

Shaydullin Rafail V. Doctor of Historical Sciences, Professor. Institute of Tatar Encyclopaedia and Regional Studies, Tatarstan Academy of Sciences. Pushkin St., 56, Kazan, 420015, Russian Federation; srv60yandex.ru

Salakhiyev Rafik R. Candidate of Technical Sciences. Institute of Tatar Encyclopaedia and Regional Studies, Tatarstan Academy of Sciences. Pushkin St., 56, Kazan, 420015, Russian Federation; rafikrs@mail.ru

Galimullina Gulshat H. Candidate of Technical Sciences. Institute of Tatar Encyclopaedia and Regional Studies, Tatarstan Academy of Sciences. Pushkin St., 56, Kazan, 420015, Russian Federation; kirbi2@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Abdullin Khalim M. Candidate of Historic Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Valiev Renat R. Candidate of Historic Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; VRR80@yandex.ru

УДК 902/908

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАН: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹

© 2015 г. Х.М. Абдуллин, И.Л. Измайлов, А.Г. Ситдигов,
Ф.Ш. Хузин

В статье рассматриваются теоретические и методологические проблемы создания словника для подготовки энциклопедического словаря, посвященного археологии Республики Татарстан. Создание подобных обобщающих изданий определяет важный новый этап развития науки, ее теоретико-методологических оснований. Энциклопедии и словари являются терминологическим тезаурусом и обладают нормотворческим характером, формирующим единый, унифицирующий и конвенциональный подход к дефинициям и содержанию понятийного аппарата археологии. Есть все предпосылки считать, что в настоящее время подготовлена значительная источниковедческая и теоретическая база для создания энциклопедического словаря по археологии Татарстана. Накоплен значительный опыт по комплексному изучению и обобщению значительного объема материала по древней и средневековой истории региона, по исследованию и систематизации памятников археологии. В энциклопедический словарь «Археология Татарстана» предполагается включить наиболее полную информацию об археологии в Республике Татарстан в целом, акцентируя внимание на понятийном аппарате археологии, систематизировать данные об археологических памятниках и памятниках историко-культурного наследия, о различных предметах древности, а также представить персоналии всех археологов, когда-либо работавших в Татарстане, и сведения обо всех организациях, имеющих отношение к археологии в регионе. Задачей первого этапа работы является создание словника, а после этого коллектив авторов планирует перейти к созданию полноценного энциклопедического словаря.

Ключевые слова: археология, история науки, Волго-Уральский регион, науковедение, энциклопедический словарь, методика, терминология, археологические памятники, древняя и средневековая история.

Проблема создания археологических словарей и справочников имеет большое значение для археологии как науки, знаменуя определенный этап в ее развитии, а также для пропаганды знаний о прошлом и культурно-историческом наследии нашей страны.

В этом смысле тематические энциклопедии и словари играют двоякую роль. С одной стороны, они являются в значительной степени термино-

логическим тезаурусом и обладают нормотворческим характером, формирующим единый, унифицирующий и конвенциональный подход к дефинициям и содержанию понятийного аппарата археологии. Эта проблема для археологии отнюдь не нова и давно осознана. Еще в 1980 г. авторитетный российский теоретик археологии Л.С. Клейн привлекал внимание к тому, что терминологическая база со-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-16005/15 а(р).

временной отечественной археологии засорена, а дефиниции и понятия используются довольно субъективно. Он писал: «Что поначалу каждая новая теория обходится старыми понятиями и терминами – это дело обычное. Но из-за характерной для археологов Старого света терминологической консервативности и экономичности это состояние закрепляется, и в результате одним термином обозначаются родственные, но разные понятия – археолог все время пытается взять одним пальцем аккорд на рояле. А это значит, что термины утрачивают свой статус и превращаются просто в словечки профессионального жаргона. Выработка единого языка стала в повестку дня, и уже появились труды, специально посвященные задачам этого плана» (Клейн, 1980, с.104). Он прекрасно понимал, что «единый словарь предполагает единую теорию», поскольку «каждой теории нужен определенный набор понятий, с определенными соотношениями между ними, хотя есть и понятия – инварианты, переходящие из теории в теорию» (Клейн, 1980, с.105). Для решения задачи унификации археологической терминологии автор предлагал: «сначала создавать и уточнять свой теоретический объект, выяснить его потребность в понятиях, затем работать над ними и сопоставлять их с понятиями других теорий» (Клейн, 1980, с.105). При этом он довольно критично высказывался в отношении попыток создать некий понятийный базис. По мнению Л.С. Клейна: «В археологии чрезвычайно популярны наивные надежды сначала установить единый, общепризнанный словарь, договориться о нужном наборе теоретических понятий, об их разме-

жевании и обозначении, а потом на этой базе строить теории и спорить» (Клейн, 1980, с.105). В целом соглашаясь с подобным подходом, следует, тем не менее, отметить, что он не идеален в современных условиях.

Условия изменились, прежде всего, благодаря теоретическим работам самого Л.С. Клейна (Клейн, 1978; Клейн, 1991, Клейн, 2004), где он логично и последовательно излагал свой подход к археологической теории. В настоящее время его подход в той или иной степени полноты признается большинством научного археологического сообщества значительным. В этой связи приходит время для уточнения дефиниций и содержания основных понятий археологии (см.: Классификация в археологии, 1990; Клейн, 1990, с. 342–395). Региональный энциклопедический словарь будет способствовать созданию такого понятийного аппарата для дальнейшего его сопоставления, критики и уточнения. Именно поэтому проект создания энциклопедического словаря по археологии Татарстана имеет актуальное и во многом определяющее значение для всего дальнейшего развития казанской археологии в плане ее определения как науки: выявления границ и рамок ее исследовательских процедур и создания методики взаимодействия с другими гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами. Подобный тезаурус особенно важен для практики написания в будущем комплекса обобщающих трудов по археологии, древней и средневековой истории всего Волго-Уральского региона.

Это отнюдь не означает, что все термины однозначны, но, по крайней мере, они очертят основное поле

значений, вокруг которого возможна дискуссия. До тех пор пока понятия каждым археологом будут пониматься имплицитно, многие споры и дискуссии будут возникать не столько о понимании и рамках реконструкции прошлого, сколько о разной трактовке отдельных терминов. Археологические энциклопедии и словари делают эту дискуссию явной, более понятной и внятной, переводя ее в эксплицитную форму, создавая основу для археологической конвенции.

Вместе с тем археологические энциклопедии играют решающую роль для популяризации знаний о прошлом, достижениях в его изучении и основных памятниках историко-культурного наследия. Создание их говорит о высоком уровне изученности прошлого, когда от простого и интенсивного исследования его отдельных объектов и памятников, наступает время перехода к созданию целостной картины истории. В этом случае энциклопедия должна подвести некоторый итог исследованиям, показать открытия и достижения; выполнить функцию важного связующего звена между миром науки и обществом; в краткой и концептуальной форме изложить основные итоги развития археологических знаний и достижения по изучению определенного региона или периода.

В этом смысле, разрабатывающийся в настоящее время группой научных сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова и Института Татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан словник энциклопедического словаря «Археология Татарстана» должен отвечать всем требованиям современной энциклопедистики и археологии. Задачей

этого проекта является создание полноценного энциклопедического издания по археологии Волго-Камского региона. В целом планируемый труд будет иметь нормообразующее, регистрационно-справочное и учебно-методическое значение, а также служить в качестве пособия при изучении вопросов археологии данного региона. Энциклопедический словарь должен в доступной форме дать представление об основных понятиях археологии и археологических памятниках на территории республики, познакомить как с прошлыми, так и с нынешними археологами, когда-либо работавшими на территории Татарстана, представить последние археологические открытия и популяризировать достижения Казанской школы археологии.

Актуальность проблематики.

Активное развитие археологической науки в Татарстане в последние десятилетия, которые в корне изменили представления о прошлом и в несколько раз увеличили объем накопленного материала за предыдущие полтора столетия, делает все более актуальным вопросы осмысления, систематизации и обобщения накопленных данных. Рост количества и качества археологических исследований на территории Республики Татарстан произошел именно в последние два десятилетия. Следует особо отметить раскопки в Казанском Кремле в 1990-2000 гг., в Болгаре и Свияжске в 2010–2015 гг., на территории исторических городов и сельских поселений республики, разведки и мониторинг археологических памятников вдоль крупных рек и зоны Волго-Камского каскада водохранилищ, охранно-спасательные исследования на объектах промышленного строительства по всей ре-

спублике. Все это остро ставит перед археологическим сообществом задачу анализа полученного за весь период накопления материала для создания более полной и объемной картины прошлого, реконструкции процессов хозяйственного освоения природы и культурно-цивилизационного развития. Именно подведение итогов, систематизация накопленного богатого археологического наследия – наиболее актуальная для археологов республики задача на сегодняшний день.

Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Учеными Татарстана, при участии российских и зарубежных коллег, была разработана серия коллективных монографий по истории татар с древнейших времен, первые четыре тома которой создавались при активном участии археологов и с использованием значительного комплекса археологических материалов, осмысленных и обобщенных в рамках истории (История татар..., 2002; История татар..., 2006; История татар..., 2009; История татар..., 2014). Вместе с уже имевшимся в Казани опытом написания обобщающих трудов они показали высокую степень изученности археологического материала и выявили новые возможности по его монографическому описанию.

Одновременно из печати вышла «Татарская энциклопедия» в шести томах, которая вобрала в себя всю основную археологическую информацию регионального характера (Татарская энциклопедия, 2002; Татарская энциклопедия, 2005; Татарская энциклопедия, 2006; Татарская энциклопедия, 2008; Татарская энциклопедия, 2010; Татарская энциклопедия, 2014). Следует подчеркнуть, что в текст во-

шла не вся, а только важнейшая и довольно краткая информация по археологическим культурам, памятникам, объектам и терминологии. Значительная часть информации, в силу специфики издания, в ее состав не вошла или вошла в сжатом виде.

В Республике Татарстан уже к началу 1990-х гг. усилиями большой группы археологов удалось составить общий свод памятников, включающий более 3,5 тысяч памятников, часть из которых в настоящее время практически разрушены водами Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ (Казаков, Старостин, Халиков, 1987). Усилиями научного коллектива татарстанских археологов и сотрудников Музея археологии Республики Татарстан, при поддержке РГНФ (проект № 15-11-16005/15 а(р)), был создан подробный «Путеводитель по научному фонду Музея археологии Республики Татарстан». В него вошли систематизированные данные из археологических отчетов и личных фондов археологов республики.

Иными словами, при наличии большого объема информации в Путеводителе, где данные по археологии Республики Татарстан были включены с той или иной степенью обобщения, единого специализированного труда до сих пор не было создано. Как показал опыт последних лет, археологическая наука нуждается в уточнении и унификации понятийного аппарата, а также более специализированной и в определенной степени адаптированной информации. Именно этот пробел и должен восполнить предполагаемый Энциклопедический словарь. В него должны войти самые последние и обобщенные сведения о крупных археологических комплек-

сах в Волго-Камье, об отдельных памятниках и комплексах памятников, важные и наиболее значимые археологические термины, предметный мир прошлого, методы изучения, консервации и реконструкции материала, сохранившихся объектах историко-культурного наследия, биографии исследователей работавших на территории республики и другие сведения археологического характера.

Актуальность данного труда определяется отсутствием до сих пор подобных законченных фундаментальных исследований, помогающих уточнить и отчасти разработать понятийный аппарат, обобщающих богатое археологическое и историко-культурное наследие Татарстана, а также популяризирующих археологическое наследие республики. Подобное энциклопедическое исследование должно стать важной вехой не только в истории археологии Татарстана, но и всей гуманитарной науки региона.

Задачи и методы исследования.

В энциклопедический словарь по археологии Татарстана предполагается включить наиболее полную информацию об археологии в республике. Научная новизна поставленной задачи определяется отсутствием до этого подобных полных и объемных исследований не только в Татарстане, но и во всем Среднем Поволжье.

Редакционная коллегия словаря-энциклопедии полагает, что энциклопедические статьи являются квинтэссенцией, краткой, но информативной выжимкой археологической информации. Именно энциклопедии выполняют важную связующую функцию между миром строгой науки и популярными знаниями. Это, с одной стороны, полный справочник по всем

вопросам древней и средневековой археологии региона, а с другой – тезаурус основных знаний по тому или иному предмету с необходимой, но сжатой библиографией для дальнейшего специального углубления в тему. На основе энциклопедических статей человек получает первую информацию об интересующем его предмете и, отталкиваясь от такой статьи, начинает свою научно-исследовательскую деятельность.

Следует подчеркнуть, что отсутствие комплексной энциклопедической работы по археологии Татарстана негативно сказывается на развитии и популяризации сегодняшних достижений археологической науки в Татарстане. В немалой степени об этом свидетельствует, в частности, тот поток писем и запросов, который получает Академия наук Республики Татарстан через систему «Электронные услуги Республики Татарстан», где ставятся вопросы, которые легко могут быть решены отсылкой к соответствующим статьям словаря.

Для решения, поставленных в проекте задач предусмотрено изучение массива архивного материала по истории археологии Татарстана, обобщение профессиональных знаний, накопленных за два столетия изучения Волго-Камского региона. Во многом данная задача облегчается наличием трудов по своду археологических памятников, а также обобщающих монографий по древней и средневековой истории татарского народа. Важную роль в подготовке данного словаря-энциклопедии должен сыграть положительный опыт, накопленный при подготовке «Татарской энциклопедии».

Особо следует подчеркнуть, что в силу того что археология Татарстана

как наука, располагающая методикой реконструкции прошлого Волго-Уральского региона, по сути дела, играет роль основной исторической науки, редколлегия не может оставаться в рамках археологического анализа. Для моделирования и наиболее полного и объемного воссоздания прошлого требуется вести исследования в рамках исторического синтеза в тесной корреляции с другими гуманитарными и естественными науками и их методами. Тем самым данный словарь-энциклопедия будет являться примером мультидисциплинарного исследования с превалирующим вниманием к археологии.

Схема исследования обычна для такого рода проектов и состоит из ряда этапов: сбор, систематизация, анализ материала и дальнейшее построение статей словаря в алфавитном порядке. Выявление археологических данных будет проведено в широком территориальном и временном диапазоне. Собранный материал будет проанализирован и уже к концу первого года исследования отразится в изданных статьях. В работе будут применяться методы историзма и научной объективности. Сравнительно-сопоставительный метод будет использован для выяснения исторической последовательности и генетической связи между явлениями, его приемы во многом позволят сделать выводы и заключительные обобщения. В работе предполагается применение также специально-исторических методов, таких как метод обобщения, проблемно-хронологический и историко-ретроспективный.

Современное состояние исследований по данной проблеме. Составление словарей по разным направле-

ниям научной деятельности является одной из актуальных задач современной науки. В настоящее время накоплен значительный опыт составления подобного рода научных изданий. Все они могут быть разделены на несколько групп по охвату материала и методике составления словника.

В первую группу можно включить энциклопедии, которые имеют всеобщий и всеохватывающий характер.

Наиболее известным и показательным в этом смысле является «Археологический словарь» У. Брея и Д. Трампа (Брей, Трамп, 1990). Он, получив широкую известность в мире, был переведен на русский язык, став первым опытом подобного рода. Словарь содержит около 1600 статей и охватывает археологию всего мира. Он дает сведения об археологических эпохах, культурах, видах памятников, категориях инвентаря. Издание отлично проиллюстрировано, снабжено типологическими таблицами и разнообразными указателями. Следует подчеркнуть, что русское издание было дополнено статьями российских археологов, расширявших тематику англо-американского словаря за счет памятников и культур территории Советского Союза. На многие годы этот словарь стал своеобразным эталоном, с которым сверялись другие словари, а также важнейшим пособием для получения кратких и емких сведений по различным отраслям археологии. К числу частных недостатков можно было бы отнести отсутствие отсылок к специализированной археологической литературе.

Из отечественных трудов следует отметить опыт создания «Археологического словаря» Г.Н. Матюшиным (Матюшин, 1996). Словарь носил

характер дополнительного учебного пособия, но выходил далеко за эти рамки. В нем раскрыты главнейшие термины археологии, но описание основных памятников мировой археологии и предметного мира. Основное внимание уделено вопросам происхождения человека, развития современной цивилизации, археологии нашей страны. Это издание является первым опытом создания отечественного археологического словаря, оно адресовано учащимся, студентам, учителям, всем любителям истории и археологии. К числу недостатков данного словаря следует отнести определенный теоретический разрыв в изложении основных понятий, а также тот факт, что на состав словаря сильное влияние оказали научные интересы автора в виде превалирования терминов, касающихся мезолита и эпохи раннего металла Южного Урала. Но при отсутствии альтернативы это была довольно удачная попытка сделать общий словарь на базе достижений отечественной археологии.

Другую группу словарей составляют региональные энциклопедические словари по археологии. В большинстве своем они начали создаваться как дополнительные учебные пособия для студентов, а позже стали самостоятельными научно-практическими изданиями.

Одним из первых подобных трудов стал небольшой по объему словарь по археологии Астраханского края (Шнайндштейн, 2004). В нем дан краткий очерк истории региона и его археологического изучения. В словаре представлено более 70 статей, которые раскрывают содержание основных понятий археологии, описывают исторические народы, имевшие

отношение к Нижнему Поволжью, а также дают характеристику археологическим памятникам, изученным на территории Астраханского области. К числу достоинств словаря можно отнести наличие краткой библиографии к некоторым важным статьям. Профессионально сделанный словарь не лишен недостатков, вызванных небольшим объемом издания и краткостью статей, которые часто не раскрывали понятие полностью, например статьи по истории Золотой Орды (Шнайндштейн, 2006, с. 13, 14).

Другим примером является труд Г.М. Бурова «Энциклопедия крымских древностей». Он содержит более 1600 словарных статей и является первым опытом в создании крымского археологического словаря, включающего одновременно материалы первобытной, скифо-античной и средневековой археологии (Буров, 2006). Книга представляет собой справочник по археологическим культурам, памятникам, археологам, археологическим заведениям и изданиям. Отдельные статьи посвящены толкованию археологической терминологии. Богатейший иллюстративный материал (76 рисунков и карт в тексте, 179 черно-белых и 22 цветные таблицы и 10 карт) делает книгу определителем древностей для археологов и любителей старины, интересующихся прошлым Крыма.

Интересным опытом регионального энциклопедического словаря является труд, раскрывающий археологию Самарской области (Богачев, 2010). В нем представлены словарные статьи (более 500), отражающие как основные понятия археологии, так и региональные особенности – памятники, культуры и исследователи, изучавшие памятники Самарского края. Значи-

тельное внимание автором уделено историческим народам, государствам, личностям и терминам. Как правило, статьи снабжены библиографией и иллюстрациями. Это довольно удачная компоновка материала, делающая словарь интересным и для специалистов, и для широкого круга читателей. Вместе с тем словарь не избежал целого ряда недостатков, связанных с авторским взглядом на историю и археологию, особенно в тех областях средневековой истории, в которых он не является специалистом, например, происхождение татар, история Улуса Джучи и т.д.

Более удачный опыт системного, комплексного и коллективного творчества представляет собой энциклопедическое издание, посвященное Волгоградской области (Археологическая энциклопедия Волгоградской области, 2009). Оно содержит более 500 статей и 20 страниц цветных иллюстраций. В энциклопедии представлены три основных направления: история археологических исследований в крае; характеристики всех археологических культур, обнаруженных в Нижнем Поволжье; гипотезы этнографической принадлежности народов, проживавших в крае в разные исторические эпохи. В издании отражена история Нижнего Поволжья начиная с доисторической эпохи, содержатся сведения о многочисленных объектах археологического наследия Волгоградской области начиная со времен первобытного человека, заканчивая эпохой средневековья. В энциклопедии представлены статьи о народах, населявших Нижнюю Волгу и Средний Дон от эпохи скифов до Улуса Джучи (Золотой Орды). Столь же широко представлена исто-

рия археологических исследований на Нижней Волге начиная с середины XIX столетия. При создании труда использовались архивы и музейные коллекции Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда. Энциклопедия является плодом труда 46 исследователей – археологов Волгограда, Москвы и Санкт-Петербурга, а также Волжского, Камышина, Саратовской и Самарской областей. Данный труд – это новаторский опыт комплексного и цельного представления достижений археологов отдельного региона. Издание является важным этапом в развитии археологической науки и археологической энциклопедистики всего Волго-Уральского региона.

Еще одна группа энциклопедий представлена тематическими трудами, посвященными определенной эпохе или тематике археологии. Интересным опытом тематического энциклопедического издания является труд большой группы американских и западноевропейских археологов, посвященный археологии средневековья (Medieval Archaeology an Encyclopedia, 2001). В нем представлены теоретические статьи о роли и месте археологии в изучении средневековой истории, основные памятники археологии эпохи средневековья Западной и Центральной Европы, а также описан предметный мир человека этой эпохи. Это очень серьезный научный труд, развивающий мультидисциплинарный подход к истории. Вместе с тем авторы сосредоточены в основном на городах и их округе, более того в качестве основных объектов рассматриваются в основном английские памятники. Другие регионы представлены явно не достаточно, например, из всей Восточной Европы

описан только Новгород. Хотя данная энциклопедия и страдает однобокостью и избирательностью в выборе материала, опыт ее полезен и должен стать примером для его внедрения в практику Волго-Уральского региона. Тем более что подобная комплексная и тематическая энциклопедия в России уже есть. Она посвящена Древней Руси (Древняя Русь в средневековом мире, 2014) и состоит из 3000 статей и более 1000 цветных иллюстраций, среди которых значительное место уделено и памятникам археологии.

Другая группа археологических словарей является терминологическими справочниками, призванными упорядочить и унифицировать употребление тех или иных терминов. Прежде всего, это касается терминов классификации и типологии. Первый опыт такого рода был предпринят еще Л.С. Клейном (Клейн, 1991, с.342-395), а позднее был развит группой его коллег под руководством В.С. Бочкарева (Классификация в археологии, 1990). При всех положительных моментах, данный опыт не стал определяющим и популярным у значительной части археологов. Не исключено, что это связано со снижением интереса к теории археологии вообще. Тем не менее работа стала основой для последующих попыток упорядочить употребление терминов и понятий.

В таком же ряду исследований находится книга Ю.Г. Кокориной «Терминосистема концептуальной области «Археология»» (Кокорина, 2011). В ней приведена доктрина упорядочения археологической терминологии

на материале археологического вещеведения. В качестве теоретической основы построения терминосистемы археологии предлагается конструктивно-морфологический подход к изучению античных вещей, который был предложен в рамках семинара «Морфология древностей», работавшего под руководством доктора исторических наук, профессора Ю.Л.Щаповой на кафедре археологии МГУ им. М.В.Ломоносова. В книге делается попытка выстроить иерархическую структуру концептуальной области археологии, выявить возможности предлагаемой терминосистемы в создании единой теории археологии и решении основной задачи этой науки – реконструкции картины мира людей минувшего. Кроме того, выявлена особенность построения «Словаря археологического вещеведения» и представлен опыт разработки компьютерных баз данных по терминологии.

Таким образом, есть все предпосылки считать, что существует значительная источниковедческая и теоретическая база для создания энциклопедического словаря по археологии Татарстана. В регионе накоплен значительный опыт по комплексному изучению и обобщению большого объема материала по древней и средневековой истории региона, по исследованию и систематизации памятников археологии. Все это дает основание полагать, что на первом этапе работ будет создан словарь, после чего коллектив авторов сможет перейти к созданию полноценного энциклопедического словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. университета, 2009. – 335 с.

2. *Богачев А.В.* Археология Самарского края: энциклопедический словарь. – Самара: Изд-во «Самарский муниципальный институт управления», 2010. – 336 с.
3. *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 367 с.
4. *Буров Г.М.* Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма. – М.: Стилос, 2006. – 528 с.
5. Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. – М.: Ладомир, 2014. – 992 с.
6. История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. I. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Из-во: «Рухият», 2002. – 551 с.
7. История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. – 959 с.
8. История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Изд-во ИИ АН РТ, 2009. – 1056 с.
9. История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. IV. Татарские государства XV-XVII вв. – Казань: Изд-во ИИ АН РТ, 2014. – 1080 с.
10. *Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Археологические памятники Татарской АССР. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1987. – 240 с.
11. *Клейн Л.С.* Археологические источники. – Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1978. – 119 с.
12. *Клейн Л.С.* Структура археологической теории // Вопросы философии. – 1980. – № 3. – С. 99–115.
13. *Клейн Л.С.* Археологическая типология. – Л.: Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение, 1991. – 448 с.
14. *Клейн Л.С.* Введение в теоретическую археологию. Книга 1. Метаархеология. – СПб.: Бельведер, 2004. – 470 с.
15. Классификации в археологии. Терминологический словарь-справочник. – М.: ИА АН СССР, 1990. – 156 с.
16. *Кокорина Ю.Г.* Терминосистема концептуальной области «Археология». – М.: Либроком, 2011. – 354 с.
17. *Матюшин Г.Н.* Археологический словарь. – М.: Просвещение: АО «Учебная литература», 1996. – 304 с.
18. Путеводитель по Научному фонду Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань: Изд-во «ЯЗ»; Институт истории АН РТ, 2011. – 220 с.
19. Татарская энциклопедия: В 6 т. Т. 1: А-В. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. – 672 с.
20. Татарская энциклопедия: В 6 т. Т. 2: Г-Й. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. – 656 с.
21. Татарская энциклопедия: В 6 т. Т. 3: К-Л. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. – 664 с.
22. Татарская энциклопедия: В 6 т. Т.4.: М-П. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – 768 с.
23. Татарская энциклопедия: В 6 т. Т.5.: Р-Т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. – 736 с.
24. Татарская энциклопедия: В 6 т. Т.6.: У-Я. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2014. – 720 с.
25. *Шнайдитейн Е.В.* Археологический словарь Астраханского края. – Астрахань: Изд-во «Астраханский университет», 2004. – 42 с.
26. Medieval Archaeology an Encyclopedia. Ed. By P.J. Crabtree. – New York, L.: Garland Publ., 2001, 651 p.

Информация об авторах:

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); Xalimabd@mail.ru

Измайлов Искандер Лирунович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); khuzinfayaz@mail.ru

**ENCYCLOPAEDIC DICTIONARY ON THE ARCHEOLOGY OF TATARSTAN:
CONCEPTUAL PROBLEMS²**

Kh.M. Abdullin, I.L. Izmaylov, A.G. Sitdikov, F.Sh. Khuzin

Theoretical and methodological problems of creation of the glossary for the preparation of encyclopaedic dictionary, which is devoted to the Republic of Tatarstan archaeology are considered in this article. The creation of similar generalizing editions determines a new important stage in the progress of science and its theoretical and methodological bases. Encyclopaedias and dictionaries serve as a terminological thesaurus with a norm-forming character in order to set up a uniform, unifying and conventional approach to archaeological definitions and their content. There are all prerequisites to claim that at present a considerable source study and theoretical basis for the creation of the encyclopaedic dictionary on the archaeology of Tatarstan has been formed. A considerable experience in complex study and generalization of the voluminous material related to the ancient and medieval history of the region and to research and systematization of archaeological monuments has been accumulated. The complete information about archaeology in the Republic of Tatarstan is supposed to be included in the encyclopaedic dictionary on the archaeology of Tatarstan, paying special attention to archaeology conceptual system, systematizing data on archaeological monuments and those of historical and cultural heritage, providing biographic data of all archaeologists who have ever worked in Tatarstan, and information about all institutions and organizations related to archaeology in the region. The aim of the first work stage consists in compiling a glossary, after which the team of authors is planning to proceed to the creation of the full-text encyclopaedic dictionary.

Keywords: archaeology, history of science, Volga-Urals region, science of science, history of science, archaeology, encyclopaedic dictionary, methods, terminology, archaeological monuments, ancient and medieval history.

REFERENCES

1. Skripkin, A. S. (ed.-in-chief). 2009. *Arkheologicheskaja entsiklopedija Volgogradskoi oblasti (Archaeological Encyclopedia of Volgograd Oblast)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

²Research is supported by the Russian Foundation for Humanities, project no. 15-11-16005/15 a(p).

2. Bogachev, A. V. 2010. *Arkheologiia Samarskogo kraia: entsiklopedicheskii slovar' (Archeology of Samara Region: Encyclopedical Dictionary)*. Samara: "Samarskii nunitsipal'nyi institut upravleniia" Publ. (in Russian).
3. Bray, W., Trump, D. 1990. *Arkheologicheskii slovar' (Dictionary of Archaeology)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).
4. Burov, G. M. 2006. *Entsiklopediia krymskikh drevnostei: Arkheologicheskii slovar' Kryma (Encyclopedia of Crimean Antiquities: Archaeological Dictionary of Crimea)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).
5. Mel'nikova, E. A. (ed.). 2014. *Drevniia Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediia (Ancient Rus' in the Medieval World)*. Moscow: "Ladimir" Publ. (in Russian).
6. Kliashturnyi, S., Khamidullin, B. (eds.). 2002. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v 7-mi tt. (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) I. Narody stepnoi Evrazii v drevnosti (Peoples of Eurasia Steppe in Ancient Times)*. Kazan: "Rukhiat" Publ. (in Russian).
7. Khuzin, F. Sh. (ed.). 2006. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v 7-mi tt. (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) II. Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' (Volga Bulgaria and Great Steppe)*. Kazan: "RukhIL" Publ. (in Russian).
8. Usmanov, M. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v 7-mi tt. (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV v. (Jochid Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, (in Russian).
9. Mirgaleev, I. (ed.). 2014. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v 7-mi tt. (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) IV. Tatarskie gosudarstva XV-XVII vv. (Tatar States in 15th — 18th Centuries)*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
10. Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh. 1987. *Arkheologicheskie pamiatniki Tatarskoi ASSR (Archaeological Sites of the Tatar ASSR)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
11. Klejn, L. S. 1978. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
12. Klejn, L. S. 1980. In *Voprosy filosofii (Issues of Philosophy)* (3), 99–115 (in Russian).
13. Klejn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaiia tipologiia (Archaeological Typology)*. Leningrad: "Leningradskoe nauchno-issledovatel'skoe arkheologicheskoe ob"edinenie" Publ. (in Russian).
14. Klejn, L. S. 2004. *Vvedenie v teoreticheskuiu arkheologiu (Introduction to the Theoretical Archaeology)*. Book 1. *Metaarkheologiia (Metaarchaeology)*. Saint Petersburg: "Bel'veder" Publ. (in Russian).
15. Bochkarev, V. S. (ed.). 1990. *Klassifikatsiia v arkheologii. Terminologicheskii slovar'-spravochnik (Classification in Archaeology. Terminological Reference-Dictionary)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Archaeology Institute (in Russian).
16. Kokorina, Yu. G. 2011. *Terminosistema kontseptual'noi oblasti «Arkheologiia» (Terminological System of Archaeology as a Concept)*. Moscow: "Librokom" Publ. (in Russian).
17. Matiushin, G. N. 1996. *Arkheologicheskii slovar' (Dictionary of Archaeology)*. Moscow: "Prosveshchenie" Publ.; "Uchebnaia literatura" Publ. (in Russian).
18. *Putevoditel' po Nauchnomu fondu Muzeia arkheologii Respubliki Tatarstan Instituta istorii im. Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan (Guidebook to Scientific Fund of the Archaeology Museum of the Republic of Tatarstan Sh. Mardzhani History Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*. 2011. Kazan:

“YaZ” Publ.; Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

19. *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopedia: in Six Volumes) 1. A-V.* 2002. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia (in Russian).

20. *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopedia: in Six Volumes) 2. G-I.* 2005. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia (in Russian).

21. *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopedia: in Six Volumes) 3. K-L.* 2006. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia (in Russian).

22. *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopedia: in Six Volumes) 4. M-P.* 2008. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia (in Russian).

23. *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopedia: in Six Volumes) 5. R-T.* 2010. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia (in Russian).

24. *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopedia: in Six Volumes) 6. U-Ya.* 2014. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia (in Russian).

25. Shnaidshstein, E. V. 2004. *Arkheologicheskii slovar' Astrakhanskogo kraia (Archaeological Dictionary of the Astrakhan Region)*. Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).

26. Crabtree, P. J. (ed.). 2001. *Medieval Archaeology: an Encyclopedia*. New York; London: Garland Publ.

About the Authors:

Abdullin Khalim M. Candidate of Historic Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Izmaylov Iskander L. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Критика и библиография

УДК 930.2

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: А.Н. САРАПУЛОВ. СРЕДНЕВЕКОВОЕ
ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ ПО
АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ. НАУЧ. РЕД. ПРОФ.
А.М. БЕЛАВИН. ПЕРМЬ, 2015. 170 С.**

© 2015 г. Ф.Ш. Хузин

В рецензии дана положительная оценка монографии А.Н. Сарапулова, посвященной изучению особенностей земледелия средневекового населения Пермского Предуралья VII–XV вв. Автор систематизировал все имеющиеся археологические источники по данной теме: почвообрабатывающие орудия труда, орудия для сбора и переработки урожая, а также хозяйственные сооружения, предназначенные для хранения зерна. Привлекаются палеоботанические материалы из раскопок поселений, данные этнографии, фольклора, агрономии. Прилагаются карты распространения отдельных категорий находок, связанных с земледелием. Особый интерес представляют разделы, в которых предложена реконструкция системы земледелия и анализируются данные об истоках происхождения пашенного земледелия в изучаемом регионе.

Ключевые слова: археология, история, Пермское Предуралье, средневековье, предки коми-пермяков, система земледелия, орудия труда, зерновые культуры.

Изучение истории любого общества от эпохи древности до современности начинается, как правило, с определения уровня развития его экономики, особенностей хозяйства населения. Во многих средневековых обществах, в том числе и у народов Восточной Европы, земледелие наряду со скотоводством и разными видами ремесла составляло одну из важнейших отраслей экономики. Тем не менее нельзя сказать, что проблемам истории земледелия уделяется достаточное внимание в археологических исследованиях. Причины разные. В первую очередь, это относительно небольшое количество артефактов из стратифицированных слоев поселений (большинство находок пред-

ставляет собой подъемный материал), трудности их датирования (орудия труда земледелия имеют, как правило, широкий хронологический диапазон бытования), а также недостаточность материалов для реконструкции почвообрабатывающих орудий труда, орудий для сбора и переработки урожая и системы земледелия в целом. Несмотря на это, в нашей историографии имеются основополагающие труды А.В. Арциховского, Н.А. Кирьянова, В.П. Левашевой, Ю.А. Краснова, Р.С. Минасяна, В.В. Туганаева, Е.Ю. Лебедевой и др., затрагивающие как методико-методологические аспекты рассматриваемой темы, так и конкретные вопросы истории земледелия отдельных регионов Восточ-

ной Европы. Недавно увидевшая свет монография кандидата исторических наук А.Н. Сарапулова посвящена особенностям развития земледелия средневекового населения Пермского Предуралья – актуальной теме, которая до последнего времени оставалась слабо изученной.

Любое археологическое исследование основывается на источниках, а правильная методика их анализа служит залогом объективных выводов и исторических реконструкций. Источниковая база рецензируемого труда А.Н. Сарапулова солидная: археологические материалы, отражающие разные этапы земледельческого труда средневекового человека начиная с вырубki леса, подготовки площадок для посева культурных растений и до уборки урожая, переработки и хранения зерна; палеоботанические материалы из раскопок поселений, данные этнографии, фольклора, агрономии и пр. Особый интерес представляют, безусловно, находки, обнаруженные на 30 археологически изученных объектах (25 поселений, 5 могильников). В раскопках 12 из этих памятников принимал участие автор монографии. Полагаю, что имеющиеся источники достаточны для получения объективных результатов по вопросам, поставленным во Введении. Правда, во вводной части диссертации методике изучения этих источников уделено мало внимания (с. 4), но этот недостаток компенсируется в соответствующих разделах работы, где предложена классификация артефактов, проанализирован, с привлечением сведений из агрономии, палеоботанический материал и т.д.

В главе 1 изложена история изучения средневекового земледелия Перм-

ского Предуралья, систематизированы источники, достаточно подробно характеризуются природно-географические, в первую очередь, почвенно-климатические особенности региона. В историографической части главы (§ 1) автор дает объективную оценку трудам своих предшественников – Ф.А. Теплоухова, М.В. Талицкого, А.П. Смирнова, В.А. Оборина и др., отмечая в то же время новаторские исследования современных ученых, прежде всего, археологов (Р.Д. Голдина, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, М.Г. Иванова, И.Ю. Пастушенко) и палеоботаников (В.В. Туганаев, А.В. Туганаев, Т.П. Ефимова). Обзор источников (§ 2), включающий почему-то описание только археологических артефактов (из раскопок и музейных коллекций, а также случайные находки), не является полным, ибо этнографические и палеоботанические материалы, широко используемые в монографии, отдельно не рассматриваются. К главе приложены список из 79 памятников ломаватовско-родановского времени, в которых обнаружены земледельческие орудия труда, и карты распространения отдельных категорий находок в изучаемом регионе (рис. 1–13).

Глава 2 «Системы земледелия средневекового населения Пермского Предуралья» содержит материал, который, на мой взгляд, следовало дать в заключительной части монографии, ибо, по логике, выявление особенностей этих систем должно основываться на выводах, полученных в результате изучения почвообрабатывающих орудий труда, а также состава культурных и сорных растений, выявленных в культурном слое поселений. А.Н. Сарапулов изучает системы земледе-

лия средневекового населения Пермского Предуралья преимущественно на материалах этнографии. К началу VII в., по мнению автора, «господствующей системой земледелия в Пермском Предуралье была подсечно-огневая», хотя «археологические материалы не дают прямых указаний на существование подсечного земледелия» (с. 33).

А.Н. Сарапулов допускает, что «наряду с подсеккой ломоватовскому населению был знаком и перелог», но опять же, подчеркивает он, «по археологическим данным наличие этой системы проследить трудно» (с. 36). Ссылаясь на мнение М.В. Талицкого, «которое является весьма убедительным», и, основываясь опять же на этнографических материалах, исследователь выделяет еще одну, «новую систему земледелия», появившуюся у местного населения на рубеже I–II тыс. н.э., – шутёмы, шутьмы. Они представляют собой «своеобразный северный лядинный перелог, когда в расчищенном месте – на делянках – разрабатывалось поле, которое засеивалось до пяти раз, а затем забрасывалось в залежь». На них сеяли рожь, которая росла «прямо между пнями». Такая система земледелия сохранилась у коми-пермяков вплоть до XIX – начала XX в. (с. 37).

После переселения в край русско-го населения, т.е. в XII–XV вв., пишет А.Н. Сарапулов, «получила широкое распространение более продуктивная паровая система земледелия» (с. 37), существование которой археологически пока не доказано.

Как видим, основная часть монографии начинается с рассмотрения систем земледелия, распространенных у финно-угорского населения

Пермского Предуралья в эпоху раннего средневековья, но без анализа археологических артефактов.

Во втором параграфе главы описывается состав зерновых культур, выращиваемых местным населением Пермского края. Здесь представлен чрезвычайно интересный материал в виде семян зерновых и сорных растений, добытый археологами и проанализированный палеоботаниками, – материал, который обязательно надо было использовать при изучении систем земледелия. Среди зерновых культур при раскопках встречены рожь, пшеница, ячмень, овес, полба, горох, просо, среди технических – лен и конопля. Судя по приведенным сведениям, отсутствуют зерна озимых культур и сорняки, их сопровождающие, что сразу исключает предположение о паровой системе земледелия. По достаточно обоснованному предположению А.Н. Сарапулова, некоторые виды зерновых могли быть заимствованы от волжских болгар, а другие – с территории Руси (с. 45). Следует подчеркнуть широкое использование в данном разделе монографии данных археоботанических проб почвы из культурного слоя, полученных Е.Ю. Лебедевой методом флотации (с. 41–45). Хотелось бы, чтобы автор в дальнейшем активизировал сотрудничество с палеоботаниками – результаты их исследования играют решающую роль в определении систем земледелия средневекового населения края.

Глава 3 рецензируемой монографии – «Формы земледелия средневекового населения Пермского Предуралья» – в основном археологическая, несмотря на «этнографическое» название. Более удачным, исходя из содержания главы, было бы, по-моему, название «Классификация почвоо-

брабатывающих орудий. К вопросу о формах земледелия».

В разделе, посвященном ручной форме обработки земли, А.Н. Сарапулов утверждает, что в рассматриваемый период, т.е. в VII–XV вв., мотыжное земледелие, зародившись в эпоху бронзы, «не потеряло еще своего веса и оставалось основной формой обработки почвы» (с. 49). Тезису о мотыжном земледелии как основной форме обработки почвы в VII–XV вв., противостоит другое утверждение автора, на мой взгляд, более соответствующее действительности, о том, что с распространением пашенного земледелия, т.е. с X–XI вв., «мотыги становятся вспомогательными орудиями для обработки лесных почв» (с. 50). Исследователь среди 22 (из них обработано 17) железных мотыг типа втульчатых выделяет две группы (подтипы), широко распространенные с VI в. на огромных пространствах Евразии, в том числе и в Волго-Уральском регионе.

Во втором параграфе третьей главы А.Н. Сарапулов пытается решить вопрос о времени появления в крае пашенного земледелия. Довольно подробно изучив историографию вопроса, а не сами артефакты, вслед за большинством исследователей основным признаком существования пашенного земледелия он считает наличие в археологических материалах изучаемого района железных наконечников пахотных орудий (с. 52). Такие находки, указывает автор, появляются еще в памятниках X – начала XI в., но получают широкое распространение не раньше второй половины XI–XII в. На с. 54 А.Н. Сарапулов приводит уточненную дату зарождения пашенной формы обработки земли – конец XI–XII в., т.е.

на рождественском этапе родановской археологической культуры, когда земледелие становится основным занятием населения. О значительной роли земледелия в жизни родановцев, по мнению исследователя, дополнительно свидетельствует факт использования предметов, связанных с земледелием, в культовой практике, в частности, сооружении жертвенников (их описание дано на с. 54–56).

Третий параграф посвящен классификации наконечников пахотных орудий (количеством 99 экз.). Все они отнесены А.Н. Сарапуловым к одной группе и определены как втульчатые (с трубицей) наконечники рал – ральники. Образуют они две подгруппы: 1) «роговые» ральники (5 экз.); 2) ральники с разной степенью выраженности «плечиков» (94 экз.) (с. 63–64). В Приложении имеется таблица № 1 (с. 147–155) – база данных о мотыгах и ральниках с размерами каждого артефакта, сведениями о месте находки и их датировке. Первоклассный археологический материал в виде огромного количества наконечников пахотных орудий представляет собой для исследователя полноценный источник исторической информации о формах и системе земледелия средневекового населения Пермского Предуралья.

Привлекает внимание попытка реконструкции пахотных орудий – рал с горизонтальным или близким к горизонтальному положением полоза, принятая на основе имеющейся классификации Ю.А. Краснова с учетом этнографических данных (с. 65–68).

Глава 4 носит, на мой взгляд, также не совсем удачное название – «Земледельческий инвентарь. Обработка и хранение зерна». Ведь к земледельческому инвентарю относятся и почвоо-

брабатывающие орудия, которые рассматривались в предыдущей главе, а здесь – лишь орудия труда, связанные со сбором урожая (серпы, косы), переработкой зерна (жернова, зернотерки), а также способы его хранения (ямы-зернохранилища, специальные тары).

Орудия уборки урожая, т.е. серпы и косы, рассматриваемые в первом параграфе, сохранились в небольшом количестве, соответственно 7 и 17 (в основном это обломки), тем не менее этот раздел обращает на себя внимание археологическим содержанием – автор, привлекая удачные аналогии, постарался «выжать» из данной группы источников всю возможную информацию.

Раздел об орудиях для переработки зерна – о жерновах – написан на фрагментарном материале (они сохранились преимущественно в обломках, см. табл. 1, №№ 259–282). Появление ротационных мельниц в Среднем и Верхнем Прикамье, – а это начало II тыс. н.э. (см. с. 91) – автор связывает с именьковской культурой IV–VII вв., правда, через население азелинской, мазунинской и неволинской культур (с. 92). Мне кажется, что в поисках аналогий практически для всех категорий земледельческих орудий следовало бы обратить более пристальное внимание на материалы из Волжской Булгарии, с которой у населения Пермского Предуралья были самые тесные контакты, не только торговые, но и этнокультурные.

Большой археологический материал привлек А.Н. Сарапулов для изучения вопроса о способах хранения зерна. Профессионально анализировал он изученные на средневековых поселениях Предуралья ямы-зернохранилища. Однако не могу согласиться с основным заключением исследо-

вателя: «в ломоватовское время зерно, как правило, хранили в больших сосудах, которые располагались в ямах», а в начале II тыс. в связи с повышением урожайности полей на поселениях появляются специализированные ямы-кладовки, внутри которых находился очаг для прогрева и сушки ямы (с. 94, 97). Мне кажется, что весь собранный урожай, и в ломоватовское время, и в более поздние времена хранить целиком в глиняных сосудах, диаметром горла всего лишь около 20–30, см было невозможно. Судя по материалам самого исследователя, хранили, скорее всего, в деревянных ларях, располагавшихся в ямах-зернохранилищах или даже в наземных амбарах прямоугольной в плане формы, археологические остатки которых выявлены на поселениях (рис. 44–46).

Интересно написанная заключительная глава в основном историографического характера продолжает тему, затронутую автором в разделе 3.2, где речь шла о времени появления пашенного земледелия в Пермском крае. Здесь же исследователь, исходя из своих материалов, пытается ответить на еще один сложный вопрос – откуда средневековые предки могли заимствовать более прогрессивные формы обработки почвы? В литературе имеются ответы на этот вопрос, но неоднозначные: истоки пашенного земледелия ищут то в Северной Руси, то в Волжской Булгарии. Какой из этих ответов соответствует действительности? Северная Русь? Сомнительно, ибо находки металлических наконечников пахотных орудий появляются в Предуралье, как было установлено автором монографии, еще в начале XI в., если не раньше (с. 52), а эпизодические проникно-

вения русских из северных областей отмечены лишь в XII в., переселения активизировались не ранее XIV в. А Волжская Булгария? По всей видимости, автору не очень хочется, чтобы она оказалась распространителем прогресса. Ответ на поставленный вопрос А.Н. Сарапулов пытается найти в Южной Руси. Как раз там, уверяет он, имеются близкие аналогии пахотным орудиям из памятников Предуралья. Как южнорусские ральники попали в пермские земли? «Сложно себе представить какие-либо, даже эпизодические, прямые торговые контакты с южнорусским населением», не говоря уже о миграциях в Прикамье, резонно замечает Алексей Николаевич (с. 119). Остается единственно возможный путь – через посредство волжских болгар. Наряду с другими товарами «через Волжскую Булгарию на территорию Пермского Предуралья могли попасть и наконечники пахотных орудий южнорусских форм» (с. 119). Такое заключение, по моему убеждению, не соответствует действительности. Сравните почвообрабатывающие орудия самой Волжской Булгарии и предуральского населения, и вы убедитесь – они практически идентичны. В Пермском Приуралье существовал своеобразный болгарский анклав с их торговыми факториями (см. яркие материалы Рождественского городища и городища Анюшкар). Эти болгары, по всей очевидности, и являются передатчиками навыков развитого земледелия пермским финнам. Об этом свидетельствуют, кроме всего проче-

го, около трех десятков болгарских заимствований в языке коми-пермяков, в том числе и земледельческая лексика, на которую обратил внимание сам автор (с. 116).

В заключение я должен подчеркнуть, что, несмотря на отдельные замечания, обусловленные исключительно сложностью изучаемой проблемы и недостаточностью археологических материалов по ряду вопросов, оцениваю проделанный А.Н. Сарапуловым труд как оригинальное, выполненное на достаточно высоком профессиональном уровне научное исследование. В нем впервые обобщен весь земледельческий инвентарь из раскопок и сборов с территории Пермского Предуралья, проведен его источниковедческий анализ, разработана классификация находок с их картографированием, на основе которых реконструирован весь цикл земледельческого хозяйства, определены время и пути происхождения земледелия в крае. Выводы автора о времени и путях появления пашенного земледелия в Пермском Предуралье, большом удельном весе земледелия в хозяйстве средневекового населения, другие материалы исследования имеют научно-практическое значение, могут найти применение при написании обобщающих трудов по истории края, учебных пособий для учащихся средних школ и студентов вузов, а также в музейной практике. В монографии представлены положения, полезные для историков, этнологов и представителей естественнонаучных дисциплин.

Информация об авторе:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); khuzinfayaz@mail.ru

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Book review: A.N. SARAPULOV. MEDIEVAL LAND CULTIVATION IN THE PERM URALS REGION ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA. ED. BY PROF. A.M. BELAVIN, PERM, 2015, 170 PP.

F.Sh. Khuzin

The monograph by A.N. Sarapulov is positively evaluated in the review. Land cultivation features characteristic of the Perm Urals medieval population in the 7-15th centuries AD are studied in the book. The author has systematized all the available archaeological sources on the topic: tillage tools, harvest and processing tools, as well as grain storage constructions. Paleobotanical materials from settlement excavations, data referring to ethnography, folklore and agronomy is included in the study. Distribution maps showing individual categories of finds related to land cultivations are attached. Sections which provide a reconstruction of the land cultivation system and offer an analysis of the data on the origin of arable land cultivation in the region are of particular interest.

Keywords: archaeology, history, the Perm Urals region, the Middle Ages, ancestors of the Komi-Permyaks, land cultivation system, means of labor, cereals.

About the Author:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Хроника

УДК 069 (902)

10 ЛЕТ МУЗЕЮ АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАНА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АН РТ

© 2015 г. **Х.М. Абдуллин, В.С. Баранов, Г.И. Дроздова,
А.С. Мухаметшина, А.Г. Ситдиков**

Статья посвящена десятилетнему юбилею Музея археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова (Казань). В ней рассматриваются вопросы становления археологических структур на территории Татарстана, история возникновения археологических коллекций, формирования Музея археологии и его развития. Характеризуются основные направления деятельности Музея археологии Республики Татарстан, в числе которых: комплектование, систематизация и сверка-инвентаризация археологических коллекций; комплектование, каталогизация и систематизация материалов Научного фонда; камеральная обработка археологического полевого материала; включение археологических коллекций Института археологии в Музейный фонд Российской Федерации. Рассматриваются также основные археологические коллекции и научные фонды Музея; представлены результаты его научной и выставочной деятельности, в том числе участие в экспозициях многих других столичных и региональных музеев Республики Татарстан.

Ключевые слова: история археологии, Казань, Музей археологии Республики Татарстан, юбилей, археологические коллекции, научные фонды, экспозиции.

8 сентября 2015 г. исполнилось 10 лет со дня подписания Распоряжения Кабинета Министров Республики Татарстан №1428-р о Музее археологии Республики Татарстан при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ. Он был организован «в целях создания необходимых условий сохранения и использования археологического наследия Республики Татарстан, совершенствования научной и культурно-образовательной деятельности». Данное решение не было спонтанным, археологическое сообщество Республики шло к этому важному и необходимому шагу в течение долгих десятилетий своей истории.

Еще в 1878 г. при Казанском императорском университете было создано Общество археологии, истории и этнографии, поставившее своей целью, в числе других, археологические изыскания в Волго-Уральском регионе. В советский период археологические традиции Казанского университета были продолжены. Знаменательным явлением в развитии всей гуманитарной науки региона стало создание в 1939 г. Института языка, литературы и истории Казанского центра Академии наук СССР, в котором постоянно действовала группа археологии. В 1962 г. группа была преобразована в сектор археологии и этнографии, в 1986 г. – в

Рис. 1. Коллектив Музея археологии РТ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в 2010 г.

Fig. 1. The staff of Archaeology Museum of the Republic of Tatarstan with the Institute of History named after Sh. Mardzhani in 2010.

отдел археологии, который спустя 10 лет, в 1995 г., Постановлением Кабинета министров РТ был преобразован в Национальный центр археологических исследований (НЦАИ) (см.: Хузин, Ситдилов, 2014). За период существования археологического подразделения накопилось огромное количество археологических находок, уникальных коллекций, которые складировались в подсобные помещения, сначала в здании ИЯЛИ по ул. Лобачевского 2/31, а после переезда отдела археологии в новое помещение на ул. Ленина (ныне Кремлевская), – в полуподвальное помещение. Доступа к этим коллекциям, кроме самих ис-

следователей, практически не было. Назрела острая необходимость в систематизации, популяризации археологических коллекций и, наконец, в создании Музея археологии. В 1996 г. из состава ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ выделился Институт истории им. Ш. Марджани. НЦАИ за годы своего существования стал действительно центром, объединившим ученых-археологов не только города и республики, но и близлежащих регионов, с которыми существовали традиционные научные контакты. Благодаря усилиям руководства в Институте истории стало возможным возникновение нового подразделения – Музея

Рис. 2. Коллектив Музея археологии РТ Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в 2015 г.

Fig. 2. The staff of Archaeology Museum of the Republic of Tatarstan with the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov in 2015.

археологии Республики Татарстан. Становление, укрепление научно-технической базы, начало научно-фондовой деятельности Музея связано с именем его первого руководителя В.А. Харитоновича. С выделением в 2014 г. из состава Института истории отдельного обособленного структурного подразделения Академии наук РТ – Института археологии им. А.Х. Халикова деятельность Музея археологии под руководством новой заведующей А.С. Мухаметшиной преобразилась и приняла новые, качественно более высокие формы. Из состава Музея в самостоятельное структурное подразделение был выделен Реставрационно-аналитический отдел.

Многолетняя и кропотливая работа поколений археологов Татарстана на-

шла свое отражение в формировании крупных, значимых археологических коллекций и научных фондов. До недавнего времени основные археологические фонды были сосредоточены в Национальном центре археологических исследований Института истории АН РТ, Национальном музее РТ, Музее археологии Казанского университета, Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Казанский Кремль», Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, Билярском историко-археологическом и природном музее-заповеднике, Елабужском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике и некоторых других. Из них наибольшее количество археологических коллекций

хранилось в Национальном центре археологических исследований (около 350000 единиц хранения), Национальном музее РТ (около 250000 ед. хр.) и Музее археологии Казанского университета (около 60000 ед. хр.). Имея самое значительное археологическое собрание в республике и одно из крупнейших в Поволжье, ученые-археологи НЦАИ постоянно решали вопросы размещения, хранения и инвентаризации археологических коллекций. В этой связи логичным стало решение о создании Музея археологии Республики Татарстан с передачей в его ведение археологического собрания и научных фондов НЦАИ. Однако лишь с выделением Института археологии им. А.Х. Халикова деятельность профильного института и его неотъемлемого структурного подразделения – Музея археологии РТ – приняла логически завершенный, законченный вид. Впервые появилась организационная возможность оформления в одном музейном собрании всех археологических коллекций, полученных казанскими археологами за многие годы кропотливой исследовательской работы. В этой связи особенно важно подчеркнуть, что в качественном отношении эти коллекции включают уникальные материалы эталонных для региона Среднего Поволжья и Приуралья археологических памятников всех исторических эпох, отсутствующие в других музеях республики, соседних регионов, а также Москвы и Санкт-Петербурга. С осознанием целостности этого массива археологических материалов, кропотливо собранного поколениями лучших представителей казанской академической науки, приходит понимание необходимости единого источ-

никоведческого, историографического и музеелогического подхода к этим находкам, разработки для них единой системы музейного учета и хранения.

Музей археологии в структуре Института археологии АН РТ является той формой, которая позволяет успешно решить эту сложную проблему. Работа в рамках научно-исследовательского учреждения – отраслевого академического института – составляет специфику музея, выдвигая на первый план как одну из наиболее приоритетных задачу научного изучения археологических предметов и коллекций.

Богатейшее научное наследие и научно-исследовательский потенциал Института археологии позволяют музею также реализовать роль головного методического учреждения по учету, сохранению, реставрации и изучению археологических коллекций, хранящихся во всех музеях Республики Татарстан. Этому способствует кадровый состав специалистов разного профиля, успевший сложиться в период формирования музея. На сегодняшний день здесь работает 12 научных сотрудников. Четверо из них – кандидаты наук, трое из которых защитились, уже работая в музее.

Музей археологии осуществляет работу по следующим проблемам: «Комплектование, систематизация и сверка-инвентаризация археологических коллекций», «Комплектование, каталогизация и систематизация материалов Научного фонда», «Камеральная обработка археологического полевого материала», «Включение археологических коллекций Института археологии в Музейный фонд РФ».

На сегодняшний день сверено и включено в электронные описи более

Рис. 3. Сотрудники Музея археологии А.Р. Ханбекова и О.О. Паракина проводят занятия по камеральной обработке керамики с курсантами Казанского суворовского училища. 2015 г.

Fig. 3. 2015. A.R. Khanbekova and O.O. Parakina, staff members of the Archaeology Museum conduct practical lectures on ceramics office processing with students of Kazan Suворov military school

75000 археологических предметов из коллекций Раннеболгарской археологической экспедиции (РАЭ), раскопок и сборов Нижнекамской и Куйбышевской археологических экспедиций, начата работа над каталогом археологических коллекций РАЭ.

Органической частью Музея археологии РТ является Научный фонд, куда поступает первичная документация раскопок (полевые дневники и другие материалы экспедиций), а также археологические отчеты, диссертации, докладные записки, неопубликованные рукописи. Научный фонд образовался в 1994 году после смерти А.Х. Халикова. Сын ученого, Н.А. Халиков, передал на хранение в Архив ИЯЛИ 45 папок с материалами отца. Позже фонд А.Х. Халикова был

передан отделу археологии. Он состоял из научных отчетов, полевых материалов, рукописей опубликованных и неопубликованных работ и других документов и представляет, несомненно, огромную ценность для будущих исследователей. В дальнейшем научный фонд пополнялся материалами личных фондов археологов, ученых-исследователей, ушедших из жизни, а также научными отчетами археологических экспедиций. Основной деятельностью научного фонда является выявление и сбор письменных документов, касающихся археологических памятников, приобретение личных архивов ученых-археологов, научное описание, систематизация и ввод их в научный оборот (более подробно см.: Путеводитель, 2011).

В настоящее время сформировано 14 фондов, что составляет более 2000 единиц хранения, обработаны и опубликованы личные фонды ученых: А.Х. Халикова, Е.А. Халиковой, Н.Ф. Калинина, В.Н. Маркова, М.М. Кавеева, Р.С. Габяшева, А.Г. Петренко. Сейчас, на новом этапе с современными техническими средствами, проходит процесс перевода имеющихся материалов в электронную форму.

Основной формой популяризации археологического наследия Татарстана со временем станет экспозиция Музея археологии РТ, которая максимально охватит все периоды древней и средневековой истории Татарстана и татарского народа. В залах открытого хранения фондов широкому кругу посетителей будет представлена возможность наиболее полного ознакомления с коллекциями Музея. Подобная практика соответствует новейшим тенденциям в мировом музейном деле, направленным на предоставление максимального доступа общественности к культурному наследию.

Археологические предметы и коллекции Музея археологии широко востребованы в экспозиционно-вы-

ставочной деятельности других музеев РТ. Они неоднократно экспонировались в музеях г. Казани (Музей исламской культуры, Музей истории государственности татарского народа, Музей-заповедник «Казанский Кремль», Национальный культурный центр «Казань») и Татарстана (Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Государственный историко-архитектурный и художественный музей «Остров-град Свияжск», Музей Лаишевского края). Музей археологии намерен и в будущем продолжать подобное сотрудничество, неизменно расширяя и углубляя его.

Первое десятилетие для Музея археологии РТ стало временем его организационного становления, концептуального осмысления целей, задач и миссии Музея. Первые практические результаты, изложенные выше, позволяют констатировать, что выбрано верное направление. Движение на этом пути позволит вывести на новый уровень сохранение и популяризацию богатейшего археологического наследия народов Татарстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Казанская археологическая школа: итоги и перспективы развития // Поволжская археология. – 2014. – № 3 (9). – С. 6–40.
2. Путеводитель по Научному фонду Музея археологии Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. – 220 с.

Информация об авторах:

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); Xalimabd@mail.ru

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); sl.baranov@mail.ru

Дроздова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); gid27@mail.ru

Мухаметшина Асия Салимзановна, заведующий музеем археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); as-0702@mail.ru

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru

**10TH ANNIVERSARY OF TATARSTAN ARCHAEOLOGY MUSEUM WITH
THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A.KH. KHALIKOV,
TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES**

**Kh.M. Abdullin, V.S. Baranov, G.I. Drozdova,
A.S. Mukhametshina, A.G. Sitdikov**

The article is dedicated to the 10th anniversary of Archaeology Museum of the Republic of Tatarstan with the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov (Kazan). The issues of archaeological structures establishment in the territory of Tatarstan, the history of archaeological collections creation, the Museum formation and development are considered. The activities of the Archaeology Museum of the Republic of Tatarstan are characterized, including archaeological collections acquisition, classification and inventory verification; acquisition, cataloging and systematization of the Scientific Fund materials; office processing of field archaeological material, inclusion of the Institute of Archaeology collections in the Museum Fund of the Russian Federation. The principal archaeological collections and research funds of the Museum are considered; the results of its research and exhibition activity are presented, including participation in expositions of many other central and regional museums of the Republic of Tatarstan.

Keywords: history of archaeology, Kazan, Archaeology Museum of the Republic of Tatarstan, anniversary, archaeological collections, scientific funds, expositions.

REFERENCE

1. Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2014. In *Povolzhskaya Arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3 (9)), 6–40 (in Russian).
2. *Putevoditel' po Nauchnomu fondu Muzeia arkheologii Respubliki Tatarstan Instituta istorii im. Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan (Guidebook to Scientific Fund of the Archaeology Museum of the Republic of Tatarstan Sh. Mardzhani History Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*. 2011. Kazan: "YaZ" Publ.; Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences. 2011. Kazan: "YaZ" Publ. (in Russian).

About the Authors

Abdullin Khalim M. Candidate of Historic Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historic Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Drozdova Galina I. Candidate of Historic Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; gid27@mail.ru

Mukhametshina Asiya S. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation;

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

УДК 902

О РАБОТЕ II МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛЕВОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ¹

© 2015 г. А.Г. Ситдиков, Л.А. Вязов, Е.М. Макарова

II Международная полевая археологическая школа в Болгаре состоялась 17–30 августа 2015 г. В ее работе приняли участие более ста молодых специалистов из 25 стран мира. В программу Школы были включены общие теоретические лекции, методические занятия и практическая работа в рамках секций «История древней металлургии и металлообработки»; «Палеоантропология»; «Археобиологические методы в археологии»; «Методы полевой консервации и реставрации»; «Геоинформационные системы в археологии»; «История древней керамики»; «Экспериментально-грасологическое изучение древних орудий»; «Археологическое стекло». Археологическая школа в Болгаре является успешным опытом организации научно-образовательного центра, ориентированного на практическое освоение современных приемов комплексного изучения археологических памятников с широким применением экспериментальных методов исследования.

Ключевые слова: методы археологических исследований, экспериментальная археология, Болгар, полевая археологическая школа, конференция.

С 17 по 30 августа 2015 года в Болгаре состоялась II Международная полевая археологическая школа.

Первый опыт проведения археологической школы в Болгаре для молодых исследователей был осуществлен в 2014 г. (Ситдиков, Вязов, Макарова, 2014) По результатам работы 2014 г. было принято решение о последующем ежегодном проведении мероприятия.

Организаторами школы, как и в прошлом году, выступили Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и Казанский (Приволжский) федеральный университет при поддержке Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ, Министерства образования и науки РТ и Министерства культуры РТ. Базой проведения школы стал Болгарский государственный историко-

архитектурный музей-заповедник. Соорганизатором одной из секций выступил Институт истории материальной культуры РАН.

В 2015 г. году участниками школы стали более ста молодых специалистов из 25 стран мира. География Школы включала в себя Россию, страны СНГ, Болгарию, Бразилию, Великобританию, Гану, Германию, Голландию, Данию, Ирландию, Испанию, Китай, Колумбию, Литву, Малайзию, Польшу и США. В качестве преподавателей выступили ведущие специалисты из крупнейших научных и образовательных центров России, Украины, Франции, Германии, Испании и Болгарии. Рабочими языками Школы были русский и английский.

Целью проведения Школы стала интеграция научных работ на осно-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01505 «Г1»

ве внедрения в исследовательскую практику новейших методов изучения археологического наследия Евразии. Широкая география и большое количество заявок участников Школы отражают востребованность ее проведения не только на российском, но и на международном уровне.

В настоящем году программа школы включала в себя общие теоретические лекции, посвященные отдельным отраслям археологического знания; методические занятия для освоения современных приемов работы с археологическим материалом, практическая работа в рамках секций «История древней металлургии и металлообработки»; «Палеоантропология»; «Археобиологические методы в археологии»; «Методы полевой консервации и реставрации»; «Геоинформационные системы в археологии»; «История древней керамики»; «Экспериментально-трассологическое изучение древних орудий»; «Археологическое стекло».

В работе секций основной упор был сделан на освоении слушателями практических и экспериментальных методов археологического исследования. Слушатели школы смогли не только освоить новые подходы по изучению артефактов и памятников, но и провести собственные эксперименты и опыты, совместно проанализировать различные нюансы, возникающие в их практической работе.

Работа секций «История древней металлургии и металлообработки»; «Палеоантропология»; «Археобиологические методы в археологии»; «Методы полевой консервации и реставрации»; «Геоинформационные системы в археологии»; «История древней керамики» в целом повто-

ряла программу 2014 г., развивая и дополняя ее по ряду направлений за счет расширения преподавательского состава. Так, в секции «Палеоантропологии» приняли участие такие видные специалисты, как чл.-кор. РАН А.П. Бужилова (МГУ), О.П. Балановский (Москва, Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова), А.А. Хохлов (Самара, Поволжская гос. социально-гуманитарная академия), И.Р. Газимзянов (Казань, ИА АН РТ).

Новым в работе Школы в 2015 г. стала организация и проведения трех секций: «Методы полевой консервации и реставрации»; «Экспериментально-трассологическое изучение древних орудий»; «Археологическое стекло».

Руководитель секции «Методы полевой консервации и реставрации» Н.П. Сеницына (Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль») смогла собрать под крышей школы ведущих специалистов в области консервации и реставрации археологических артефактов. Так, сама Н.П. Сеницына с учениками провела ряд теоретических и практических занятий, посвященных реставрации археологического текстиля и кожи. Р.Х. Храмченкова (Казань, ИА АН РТ) рассказала слушателям о реставрации и консервации керамики и изделий из лыка. Нюансам работы с древней костью, рогом и изделиями из них были посвящены занятия О.В. Жмур (Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН). Отдельное внимание было уделено работе с изделиями из металла. Так, С.Г. Буршнева (Вологодский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря) в своей авторской программе показала не только как реставрировать археологические артефакты

из различных видов металла, но и как правильно провести первичную полевою консервацию металлических артефактов любой степени сохранности.

Работа секции «Экспериментально-трасологическое изучение древних орудий» была организована совместно с Институтом истории материальной культуры РАН. В ее работе приняли активное участие члены Международного союза доисториков и протоисториков из пяти стран: Н.Н. Скакун (Россия, Санкт-Петербург, ИИМК РАН), А. Самзун (Франция, Париж, Национальный институт превентивной археологии), Ю. Плиссон (Франция, Бордо, Университет Бордо), А. Павлик (Германия-Филиппины, Манила, Университет Филиппин), Б. Матева (Болгария, Исперих, Исторический музей города Исперих), М. Габриель и Х. Афонсо Марерро (Испания, Гранада, Гос. университет Гранады), Н.Б. Ахметгалеева (Россия, Курчатов, Курчатовский гос. краеведческий музей), М.Ш. Галимова (Россия, Казань, ИА АН РТ), И.В. Горашук (Россия, Самара). Программа работы секции включала в себя два компонента: теоретический и экспериментальный. В рамках теоретического курса слушатели Школы познакомились со старыми и новыми методами фиксации следов использования на поверхностях древних орудий труда, применяемых в мировой практике, а также имели возможность применить полученные знания в ходе

практических занятий. Экспериментальная часть программы включала в себя изготовление и определение функций древних орудий труда, а также обработку различных материалов (растения, шкуры животных, кость, дерево) каменными орудиями.

В ходе работы секции «Археологическое стекло» ее участники узнали об истории стеклоделия в разных странах (И.Н. Кузина, Москва, ИА РАН; С.И. Валиулина, Казань, К(П)ФУ), о методах работы с археологическим стеклом, химическом составе стекла, принципах классификации бус, принятых в России (Е.К. Столярова, Москва, ИА РАН) и за рубежом (А.В. Мастыкова, Москва, ИА РАН). Практические занятия секции включали в себя составление нормированного описания морфологии стеклянных предметов; определение их химического состава: основных стеклообразующих, вспомогательных материалов, химического класса и типа стекол; изготовление стеклянных бусин (Ю.А. Салова, Казань, К(П)ФУ).

Традиционным завершением работы Школы стала итоговая конференция молодых исследователей, в рамках которой участники смогли поделиться результатами своих исследований и обсудить актуальные проблемы своих работ. Приятным нововведением этого года стало вручение участникам школы государственных дипломов о повышении квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ситдиков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М.* О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.) // Поволжская археология. – 2014. – № 3. – С. 294–303.

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); l.a.vyazov@gmail.com

Макарова Екатерина Михайловна, лаборант-исследователь. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ekaterina.m.makarova@gmail.com

ON THE WORK OF THE 2ND INTERNATIONAL ARCHAEOLOGICAL FIELD SCHOOL²

A.G. Sitdikov, L.A. Vyazov, E.M. Makarova

The 2nd International archaeological field school was conducted in Bolgar on August 17–30, 2015. Over 100 young specialists from 25 countries of the world participated in its proceedings. The syllabus included basic theoretical lectures, methodical studies and practical work in the framework of sections devoted to the History of ancient metallurgy and metal processing; Palaeoanthropology; Archeobiological methods in archaeology; Techniques of field conservation and restoration; Geoinformational systems in archaeology; History of ancient ceramics; Experimental and traseology study of ancient tools; Archaeological glass. The Bolgar archaeological school is a successful attempt aimed at organizing a scientific and educational centre which is focused on practical acquisition of contemporary techniques of complex archaeological monuments investigation on the basis of a wide usage of experimental research methods.

Keywords: archaeological study methods, experimental archaeology, archaeological field school, Bolgar, conference.

REFERENCES

1. Sitdikov, A. G., Viazov, L. A., Makarova, E. M. 2014. In *Povolzhskaja Arkheologija (Volga River Region Archaeology)* (3), 294–303 (in Russian).

About the Authors:

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Vyazov Leonid A. Candidate of Historic Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com

Makarova Ekaterina M. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ekaterina.m.makarova@gmail.com

Research is supported by the Russian Foundation for Humanities, project no. 15-31-01505 «r1».

УДК 929 : 902

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ (К 65-ЛЕТИЮ Р.Ф. ШАРИФУЛЛИНА)

© 2015 г. Ф.Ш. Хузин, И.Л. Измайлов

Статья посвящена 65-летию юбилею Рафинда Фуатовича Шарифуллина, одного из ведущих археологов-булгароведов Татарстана, крупного специалиста в области истории строительного дела и архитектуры городских центров Волжской Булгарии. На Билярском городище в 1970-х – первой половине 1980-х гг. он исследовал руины Соборной мечети, общественных бань и остатки колодцев. В течение почти двух десятилетий, начиная с 1988 г., Рафинд Фуатович являлся руководителем Болгарской археологической экспедиции и внес значительный вклад в исследования Болгарского городища. Среди изученных раскопками Р.Ф. Шарифуллина объектов значатся три монументальных сооружения XIII–XIV вв.: «Белая палата», «Восточная палата» и «Дом с башнями». Следует отметить вклад ученого в исследования остатков исторически известной мечети Кул Шарифа и оборонительных сооружений Казанского кремля, а также городища Сувар. Р.Ф. Шарифуллин – автор более 60 научных публикаций, один из составителей и редакторов многотомного коллективного труда «Город Болгар».

Ключевые слова: археология Татарстана, Волжская Булгария, средневековая городская архитектура, Биляр, Болгар, Сувар, Казанский Кремль.

Одному из ведущих археологов-булгароведов Татарстана, старшему научному сотруднику Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Рафинду Фуатовичу Шарифуллину исполнилось 65 лет.

Он родился 1 февраля 1950 г. в деревне Асеево Азнакаевского рай-

она Татарской АССР в семье учителей. В 1967 г. окончил Азнакаевскую среднюю школу № 4. Работал художником-оформителем в одном из подразделений НГДУ «Азнакаевнефть». В 1968 г. поступил учиться на историко-филологический факультет (отделение истории) Казанского

государственного университета. После окончания университета, в 1973–1975 гг., служил в армии. В 1975–1978 гг. проходил обучение в аспирантуре Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР по специальности «Археология» под руководством профессора А.Х. Халикова. С 1978 г. и до июня 1996 г. работал в этом же институте в качестве научного сотрудника, инспектора отдела кадров, ученого секретаря. После создания в 1996 г. Института истории им. Ш. Марджани АН РТ работал сначала научным, а с апреля 2009 г. – старшим научным сотрудником Национального центра археологических исследований. С 2014 г. является старшим научным сотрудником отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан.

Еще в студенческие годы, начиная с 1969 г., Р.Ф. Шарифуллин стал выезжать в археологические экспедиции. Особенно памятна ему Билярская экспедиция, где он проходил археологическую практику в раскопках мусульманских могильников и руинированных остатков кирпичного здания X – первой трети XIII вв., вошедшего в литературу под условным названием «Караван-сарай» (Халиков, Шарифуллин, 1976). Тогда же определился и круг научных интересов ученого – изучение строительного дела и архитектуры городских центров Волжской Булгарии по археологическим материалам. Совместно с А.Х. Халиковым Рафинд Фуатович исследовал в Биляре руины уникального архитектурного памятника – комплекса Соборной мечети домонгольского времени в центре внутреннего горо-

да (Халиков, Шарифуллин, 1979б) и рядом расположенного некрополя знати с остатками кирпичного склепа (Шарифуллин, 1984). В плане изучения проблем становления болгарской школы архитектуры значительный интерес представляют материалы еще одного кирпичного здания, раскопанного Р.Ф. Шарифуллиным в 1980–1981 гг., – остатки общественной бани XII – начала XIII вв. (Шарифуллин, 1999а). Им впервые в болгарской археологии были опубликованы интереснейшие материалы полностью раскопанных девяти колодцев в центре Билярского городища (Шарифуллин, 1979а).

Большой вклад вносит Рафинд Фуатович в исследование одного из выдающихся археологических и историко-архитектурных памятников России – Болгарского городища, включенного в 2014 г. в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. В раскопках Болгарского городища он принимает участие с 1980 г. В течение почти двух десятилетий, начиная с 1988 г., являлся руководителем Болгарской археологической экспедиции. Среди изученных раскопками Р.Ф. Шарифуллина объектов значатся три монументальных сооружения второй половины XIII–XIV вв.: «Белая палата», «Восточная палата» и «Дом с башнями». Перу ученого принадлежит обобщающее исследование о банях города Болгара, опубликованное в томе «Монументальное строительство, архитектура, благоустройство» многотомной коллективной монографии «Город Болгар» (Шарифуллин, 2001а). Кстати, членом редколлегии и одним из редакторов этого издания является Рафинд Фуатович, занятый в

настоящее время составлением и редактированием очередного тома.

Хочется отметить существенный вклад нашего юбиляра в исследования остатков исторически известной мечети Кул Шарифа и оборонительных сооружений Казанского кремля ханского времени и более ранних этапов истории города (Шарифуллин, 1995; 2001б), а также городища Сувар – одного из малоисследованных памятников домонгольской Булгарии (1999б).

Без преувеличения можно сказать, что благодаря трудам Р.Ф. Шарифуллина и его коллег, принимавших активное участие не только в раскопках, но и консервации и реставрации археологически выявленных объектов, Казанский кремль и город Болгар превратились в центры международного

туризма. Заслуги ученого в исследованиях, охране и пропаганде культурного наследия Республики Татарстан отмечены дипломами, почетными грамотами Министерства культуры РТ, Президиума АН РТ, а также медалью «В память 1000-летия Казани».

Автор более 60 научных публикаций, опытный археолог, за плечами которого почти 45 полевых сезонов в различных археологических экспедициях, Рафинд Фуатович Шарифуллин полон творческих сил, готов принимать участие в новых проектах, подготовке публикаций результатов исследований последних лет. От имени коллектива татарстанских археологов желаем нашему многоуважаемому коллеге крепкого здоровья, семейного благополучия, интересных открытий и творческого долголетия.

Информация об авторах:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); khuzinfayaz@mail.ru

Измайлов Искандер Лирунович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

WORDS OF CONGRATULATION ON THE JUBILEE (R.F. SHARIFULLIN'S 65TH BIRTH ANNIVERSARY)

F.Sh. Khuzin, I.L. Izmaylov

The article is dedicated to the 65th anniversary of Rafind Fuatovich Sharifullin, one of the leading archaeologists of Tatarstan, a renowned specialist in the history of construction and architecture of the Volga Bulgaria urban centres. While working at the Bilyar hillfort site in the 1970s – first half of the 1980s, he investigated the ruins of Cathedral mosque, public baths and remains of wells. Since 1988, for almost two decades Rafind Fuatovich had headed the Bolgar archaeological expedition and his contribution to the research of the Bolgar hillfort site is of considerable importance. Among the objects studied in the course of R.F. Sharifullin's excavations, the "White House", the "East House" and the "House with towers" (the three monumental 13–14th-century constructions) are notable.

The scientist's contribution to the study of historically known Kul Sharif Mosque's remains, the Kazan Kremlin's fortifications, and the Suvar hillfort should be noted. R.F. Sharifullin is the author of more than 60 scientific publications; he is one of compilers and editors of the multivolume collective work "The city of Bolgar".

Keywords: archaeology of Tatarstan, Volga Bulgaria, medieval urban architecture, Bilyar, Bolgar, Suvar, Kazan Kremlin.

About the Authors:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Izmaylov Iskander L. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Р.Ф. ШАРИФУЛЛИНА:

1. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976. – С. 75–100. (Совм. с А.Х. Халиковым).
2. Колодцы центра Билярского городища // Новое в археологии Поволжья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979а. – С. 102–113.
3. Исследования комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979б. – С. 21–45. (Совм. с А.Х. Халиковым).
4. Дерево в строительном деле Волжской Булгарии домонгольского периода // Из истории материальной культуры татарского народа. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. – С. 26–35.
5. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. – С. 65–82.
6. Инструменты ремесленников // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М.: Наука, 1985. – С. 36–83.
7. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. – Казань, 1995. – 40 с. (Совм. с Ф.Ш. Хузиным и др.)
8. О ранних жилищах волжских булгар // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. – С. 63–76.
9. Второе кирпичное здание в центре Биляра // Археологическое изучение булгарских городов. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 1999а. – С. 77–89.
10. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 1999б. – С. 85–100. (Совм. с Ф.Ш. Хузиным).
11. Бани города Болгара и их изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001а. – С. 217–260.
12. Исследования в северо-восточном конце Казанского кремля (раскоп XIX) // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001б. – С. 16–18.
13. Булгарский город золотоордынского времени // Очерки по археологии Татарстана. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2001. – С. 209–220.

14. Археологическое изучение архитектурных памятников Болгара в 1981–2001 гг. // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. – Казань, 2003.
15. Общественные бани // *Tartarica*. Великий Болгар. – М.; Казань: Феория, 2013. – С. 242–251.
16. Болгарская археологическая экспедиция // *Tartarica*. Великий Болгар. – М.; Казань: Феория, 2013. – С. 352–355.
17. К истории археологического изучения Болгара // *Поволжская археология*. – 2014. – № 3. – С. 56–74.
18. On the development of architecture in premongolian Volga Bulgaria // *Acta Archaeologica Acad. Scient. Hung.* – 1977. – № 29 (1–2). – P. 199–202. (Совм. с А.Х. Халиковым).
19. Bathhouses. In: *Tartarica. Great Bolgar*. Kazan, 2015. pp. 238–247.
20. Archaeological Research of Bolgar Settlement in 1980–2010. In: *Tartarica. Great Bolgar*. Kazan, 2015. pp. 348–351.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- а.о. – археологическая общность
 АЕС – Археология Евразийских степей
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
 АНО – автономная некоммерческая организация
 АО – Археологические открытия. М.
 АС – Археологический съезд
 АССР – Автономная советская социалистическая республика
 БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет. Уфа
 БРЭ – Большая Российская энциклопедия. М.
 ВАС – Всероссийский археологический съезд
 ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск
 ВДИ – Вестник древней истории
 ВолГУ – Волгоградский государственный университет
 ВПУ – Вестник Пермского университета
 ВУУ – Вестник Удмуртского университета. Ижевск
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры. Л.
 ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
 ГОМ РТ – Государственный объединенный музей Республики Татарстан
 ГОСТ – Государственный стандарт Союза ССР или Российской Федерации
 ГУАК – Губернская ученая архивная комиссия
 ГУС – Государственный ученый совет
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ЗВОИАО – Записки Восточного Отделения Императорского Археологического Общества.
 ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН
 ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
 ЗРАО – Записки Русского археологического общества
 ИА – Институт археологии
 ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук
 ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
 ИАК – историко-археологическая конференция
 ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
 ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
 ИГАИМК – Известия ГАИМК
 ИИ АН РТ – Институт истории Академии Наук Республики Татарстан
 ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете

ИПОС – Институт проблем изучения Севера

ИЭ АН СССР – Институт этнографии АН СССР

ИЯЛИ АНТ – Институт языка, литературы и истории Академии наук Татарстана

ИЯЛИ КНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Казанского научного центра Российской Академии наук

ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР

К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет

КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция

КГПИ – Казанский государственный педагогический институт

КГУ – Казанский государственный университет

КИО – культурно-историческая общность

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (The short messages Institution history of material culture)

КФ – Казанский филиал

КФАН – Казанский филиал Академии наук СССР

КФУ – Казанский федеральный университет

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛОИА – Ленинградское отделение ИА АН СССР

МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России

МАР – Материалы по археологии России. СПб.; Пг.

МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт

МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

МАЭ – Марийская археологическая экспедиция

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

МВНК – Материалы Всероссийской научной конференции

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ММНК – Материалы Международной научной конференции

МНК – Международная научная конференция

МНПК – Материалы научно-практической конференции

МОИП – Московское общество испытателей природы

НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан

НК – научная конференция

НКП – Народный комиссариат просвещения РСФСР

НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии

ОИРИМ – Отчет Императорского Российского Исторического музея

- ОКВК – общность культур валиковой керамики
ПА – Поволжская археология
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПЗОЕ – Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
РАН – Российская Академия наук
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГО – Российское географическое общество
РИО СурГПИ – Редакционно-издательский отдел Сургутского государственного педагогического института
РИО СурГПУ – Редакционно-издательский отдел Сургутского государственного педагогического университета
РСТ – Республиканский стандарт РСФСР
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников России
СГАИМК – Сообщения ГАИМК. Л.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. (СПб.)
СЭ – Советская этнография
ТА – Татарская археология
ТАС – Тверской археологический сборник
ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТД – тезисы докладов
ТДС – тезисы докладов и сообщений
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции
ТОЕ – Труды Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете
Тр. ИЭ – Труды института этнографии
Тр. МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
ТССР – Татарская Советская Социалистическая Республика
ТЭ – Татарская Энциклопедия. – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ.
УАС – Уральское археологическое совещание
УАС – Уральское археологическое совещание.
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УЗ ТувИЯЛИ – Ученые записки Тувинского Института истории, языка, литературы

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ЦАИМ – Центр археологических исследований Москвы

ЦИАИ – Центр исторических и археологических исследований

ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы

ЦМТР – Центральный музей Татарской республики

LIST OF ABBREVIATIONS

AES – Archaeology of Eurasian steppes

AN SSSR – the USSR Academy of Sciences

ASSR – Autonomous Soviet Socialistic Republic

BAR – British Archaeological Reports (International Series)

BashGU – Bashkir State University

BSPU – Bashkir State Pedagogical University

BSU – Bryansk State University

CABI – Commonwealth Agricultural Bureaux International

CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique, Paris

DonNU – Donetsk National University

ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua

GIM – State Historical Museum

IA – Institute of Archaeology

IA AN RT – Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences

IA NANU – Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine

IA RAS – Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences

IAE SB (SO) – Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian

IEA – Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences

ИИ AN RT – Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

ИИ TAS (AN RT) – Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences

ИИ AN RT – Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

ИКНП – Institute for the History and Culture of the cis-Urals peoples

ИМК РАН – Institute for History of material culture of Russian Academy of Sciences

ИРИ РАН – Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

ИЯЛИ КФАН – Institute of Language, Literature and history named after G. Ibragimov of Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences

КФАН SSSR – Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences

КрымГУ – Krym University for Humanities

КСПИ – Kuybyshev State Pedagogical Institute

ЛОИА – Leningrad Branch of the Institute of Archaeology

- LSPU – Lipetsk State Pedagogical University
MAE – Museum of Anthropology and Ethnography
MarNII – Mari Research Institute of Language, Literature and History named after M.V. Vasilyev
MIA – the USSR Archaeology Proceedings and Researches
MSU – Moscow State University
PU – Perm University
RAS – Russian Academy of Sciences
RK – the Republic of Kazakhstan
RSFSR – Russian Soviet Federative Socialist Republic
SA – Soviet Archaeology
SAHE – Society of Archaeology, History and Ethnography attached to Kazan University
SAI – Code of Archaeological Sources
SGPU – Samara State Pedagogical University
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki
SOIKM – Samara regional historical Museum named after P.V. Alabin
SurGPI – Surgut State Pedagogical Institute
TsGRM – Central State Restoration Workshops
UK – United Kingdom

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Заметки», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS (Издательская компания Elsevier, Нидерланды) основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.). При выборе статей редакцией журнала предпочтение будет отдано проблемным статьям и публикациям новых данных. **Предлагаемые статьи нигде ранее не должны быть опубликованы.**

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Авторы гарантируют отсутствие автоплагиата и других форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Редакция журнала отдает предпочтение публикациям, имеющим ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающие материалы должен быть заверен подписью рецензента и печатью организации и его необходимо отправить по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят внутреннее рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Требования по оформлению статей

Статья принимается в электронном варианте. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить:

- УДК статьи;
- Название статьи на русском и английском языках;
- Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (<http://www.translit.ru> с вариантом BGN);
- Аннотация (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;
- Аннотация (Originality/value) (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- Текст статьи – общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более

8–10 иллюстраций); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;

– Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.);

– Список литературы на английском языке (**References**);

– Иллюстрации в виде отдельных файлов в формате TIF, JPG с разрешением не меньше 300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы;

– Сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания: Аннотация должна быть:

1) информативной (не содержать общих слов);

2) содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);

Аннотация и ключевые слова на английском языке должны:

1) быть написанными качественным английским языком;

2) максимально точно передавать смысл русскоязычных аннотации и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

В целом, аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины.

Для раздела «**Заметки**» допустимый объем присланной работы не должен превышать 15 тыс. знаков.

Некрологи, материалы о конференциях и юбилеях, публикующиеся в разделе «**Хроника**», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Библиографические ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

При оформлении **пристатейного списка литературы** сначала приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Список литературы на английском языке (References) – это комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок (для транслитерации использовать <http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

1. Petrenko A.G. *Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ya i Predural'ya* [Ancient and medieval cattle breeding in the Middle Volga region and the ForeUrals]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 174 p.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. – № 142. – М.: Наука, 1967. – 198 с.

2. Pletneva S.A. *Ot kocheviy k gorodam* [From nomadic migrations towards the towns] *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [The USSR Archaeology Proceedings and Researches]. Moscow: Nauka Publ., 1967, no 142, 198 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов):

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 1. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2003. – С.63–133.

1. Asylgaraeva G.Sh. *Morfologicheskie issledovaniya srednevekovykh arkheozoologicheskikh materialov iz arkheologicheskikh raskopok Kazanskogo kremlya* [Morphological researches of medieval archaeozoological materials from archaeological excavations of the Kazan kremlin]. In: A.G. Petrenko, ed. *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana* [Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan]. Kazan: Kazan University Publ., 2003, book 1, pp. 63–133.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования артефактов эпохи камня Волго-Камья // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 227. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 174–181.

2. Galimova M.Sh., Churbanov A.A. *Arkheomineralogicheskie issledovaniya artefaktov epokhi kamnya Volgo-Kamya* [Archaeomineralogical investigations of the Stone Age in the Volga-Kama region]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications by Institute of Archaeology]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2012, issue 227, pp. 171–181.

Описание материалов конференций:

1. *Динамика современных экосистем в голоцене:* Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием). – Казань: Отечество, 2013. – 364 с.

1. *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene.* Materialy Tret'ey Vserossiyskoj nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [The Dynamics of Modern Ecosystems in the Holocene: Proceedings Third Russian Scientific Conference (with International Participation) / I.V. Askeev, D.V. Ivanov, ed.]. Kazan: Otechestvo Publ., 2013, 364 p.

2. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале. – М.: Ин-т археологии РАН, 2008. – С.191–193.

2. Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V. O korrektyrovke absol'yutnoy khronologii neolita i eneolita Severnogo Prikaspiya [Concerning correction of absolute chronology of the Neolithic and Eneolithic Ages of the Northern Caspian Sea region]. In: *Trudy II (XVIII) VAS v Suzdale* [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress at Suzdal]. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2008, pp. 191–193.

Описание статьи из журнала:

1. Яворская Л.В. Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 216–237.

1. Yavorskaya L.V. Kostnye ostanki zhivotnykh iz raskopa CLXII goroda Bolgara: nekotorye novye metody obrabotki i otsenki arkheozoologicheskikh materialov [Animal bone remains from excavations CLXII trench of town Bolgar: some new methods of archaeologicalzoological materials processing and appraisal]. In: *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga river region Archaeology], 2012, no. 1, pp. 216–237.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание переводной книги:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

Описание полевых отчетов:

1. Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. – Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 966.

1. Gening V.F. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Fedotovskogo gorodishcha 1954 g. [Report on archaeological excavations of the Fedotovo hill-fort in 1954. Izhevsk, 1955]. Arkhiv IA RAN [Archives of Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences], f. R-1, d. 966.

2. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Нырғындынского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. – Т. II – Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. – Ф. II. – Д. 756.

2. Gening V.F., Odintsov V.V. Otchet o raskopkakh Nyrgyndinskogo II mogil'nika [Report on the excavations of the Nyrgynda II cemetery]. In: *Otchet ob issledovaniyakh Udmurtskogo otryada Nizhnekamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1969 g. T.II*. [Report on researches of the Udmurt group of the Lower Kama Archaeological

expedition in 1969, vol. II]. Sverdlovsk, 1969. / Arkhiv Arkheologicheskogo muzeya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Archives of Archaeological museum of the Ural State University], f. II, d. 75 b.

Образец оформления статьи

УДК 903.02

НОВЫЕ НАХОДКИ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЭПОХИ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА

© 2012 г. Е.А. Армарчук

Аннотация на русском языке.

Ключевые слова: на русском языке.

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

1. Армарчук Е.А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / Труды Государственного Эрмитажа (Тр. ГЭ). – Т. LIII. – СПб., 2010. – С. 180–195.

Информация об авторе:

Армарчук Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); earmarchuk@yandex.ru

Список сокращений

Список иллюстраций

NEW FINDINGS OF PAINTED GLAZED CERAMICS OF THE ABKHAZIAN KINGDOM EPOCH

E.A. Armarchuk

Summary (на английском языке).

Keywords: (на английском языке).

REFERENCES

1. Armarchuk E.A. Khristianskiy khram na gore Sakharnaya Golovka pod Adlerom: planirovka i stroitelnye osobennosti [Christian church on the mountain Sakharnaya Golovka near Adler: layout and construction features]. In: *Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX–XII vv. / Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Tr. GE) [Byzantine architecture and ancient Rus IX–XII centuries. Proceedings of the State Hermitage]*. St. Petersburg, 2010, vol. LIII, pp. 180–195.

About the Author:

Armarchuk Ekaterina A., Ph.D. (History), senior research scientist, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); earmarchuk@yandex.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, возвращаются авторам на доработку!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.09.2015 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 18 Тираж 1000
Отпечатано в ЗАО «ИД Казанская недвижимость»